

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Суязов Вячеслав Валерьевич

**ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СУДЫ
ИМПЕРАТОРСКИХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
(ПЕТРОГРАДСКОГО) И МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВ
(1902–1917):
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Научная специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук,
доцент
Ильин Андрей Витальевич

Санкт-Петербург
2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Юридическая природа профессорского дисциплинарного суда	
§ 1.1. Общие теоретико-правовые положения о суде, справедливости и правосудии	13
§ 1.2. Профессорский дисциплинарный суд в сопоставлении с системой судебных органов дореволюционной России и современными органами дисциплинарной власти в вузах.....	31
Глава 2. Создание профессорского дисциплинарного суда при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения	
§ 2.1. Подготовка реформы	50
§ 2.2. Нормативное регулирование деятельности профессорского дисциплинарного суда в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения	97
Глава 3. Деятельность профессорских дисциплинарных судов Императорских Санкт-Петербургского (Петроградского) и Московского университетов	
§ 3.1. Профессорский дисциплинарный суд Императорского Санкт-Петербургского (Петроградского) университета	107
§ 3.2. Профессорский дисциплинарный суд Императорского Московского университета	130
Заключение.....	146
Библиография	150
Приложения	166

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Роль вузов в обеспечении поступательного развития страны невозможно переоценить. Л.И. Петражицкий, подчеркивая их значимую роль для процветания общества, характеризовал университет следующим образом: «...коллегия мыслителей и ученых, ученое учреждение, очаг научного творчества и света»¹. На современном этапе развития сферы высшего образования в Российской Федерации особое внимание уделяется обучающимся в вузах. Наряду с вузовскими преподавателями, учеными, менеджерами, студенты являются неотъемлемой частью академического сообщества, причем наиболее многочисленной.

В любом устойчивом сообществе формируются нормы и правила поведения, которые оказывают существенное воздействие на его членов. В вузе обучающиеся не только получают новые знания, но и во многом подвергаются многогранному воспитательному воздействию. Оно призвано привить студентам навыки оптимального поведения в вузовской и профессиональной среде, гарантируя их становление в качестве специалиста высокого уровня. Однако организация образования и воспитания в больших молодежных коллективах неизбежно является нелегким делом. Оно требует учета многих противоречивых обстоятельств, среди которых неоднозначные процессы становления личности молодого человека, его индивидуальность и требования коллектива, наконец, разнообразные внешние факторы, включая вневузовскую социальную и политическую жизнь.

Поэтому естественно, что в высших учебных заведениях России в отдельные периоды существовали особые корпоративные органы, которые занимались разбором студенческих проступков. Их цель заключалась не только в том, чтобы подвергнуть учащегося наказанию за противоправное

¹ Петражицкий Л.И. Университет и наука (опыт теории и техники университетского дела и научного самообразования) // Университетский вопрос в России / сост. и авт. вступ. ст. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2017. С. 27.

или аморальное деяние, но и учесть при этом особенности, связанные с его статусом студента, а также особенности его личности. Ведь членами таких учреждений являлись преподаватели, непосредственно участвующие в становлении неокрепших молодых умов.

Ныне в университетах России не существует аналогичных органов, хотя эти академические сообщества продолжают усложнять свою структуру. Это затрудняет решение неизбежных конфликтных ситуаций – как между самими студентами, так и между студентами и преподавателями. Изучение истории отечественного законодательства об университетском образовании, представляется в высшей степени актуальным, так как создает возможность учета позитивного опыта прошлого в правовом регулировании деятельности современных высших учебных заведений. Не менее интересно выявление юридической природы подобных институционных образований, которые действовали внутри университетов, но зачастую именовались судами и действительно обладали чертами судебных органов в части разрешения ими споров.

Степень разработанности темы. Правовые основания профессорских дисциплинарных судов двух столичных университетов Российской империи, как и их деятельность, донныне практически не изучены. К настоящему времени удалось выявить всего три компактные научные публикации, которые в той или иной степени посвящены изучению профессорского дисциплинарного суда.

Признанные специалисты в области уголовного права преподаватели юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Л.В. Головки и Н.В. Ильютченко опубликовали в 2004 г. статью, в которой ограничились обобщенной характеристикой профессорского дисциплинарного суда Императорского Московского университета; эта публикация по понятным причинам не затрагивает деятельность аналогичного суда в Императорском

Санкт-Петербургском (Петроградском) университете².

В свою очередь в статье историка М.В. Фадеевой предпринята попытка обосновать надзорную функцию профессорского дисциплинарного суда в отношении студентов, хотя и не с позиции юриспруденции³.

Т.И. Еремина в своей научной работе затрагивает понятие университетской юрисдикции, но не рассматривает отдельно профессорский дисциплинарный суд на предмет его юридического статуса и места в судебной системе Российской империи начала XX века⁴.

Учреждение очередного органа с наименованием «суд» вполне вписывалось в судеустройственный «плюрализм» царской России. Однако именно такая правовая разноголосица, параллельное существование рудиментов прежних эпох и органов, воплотивших самые передовые для своего времени тенденции в области правосудия, остро ставят вопрос о юридической природе профессорских дисциплинарных судов.

Эта проблема не затронута в юридической доктрине⁵. Отчасти это связано с тем, что ни во время подготовки нормативных актов, касающихся профессорского дисциплинарного суда, ни в период их существования не подвергалось сомнению определение данного органа в качестве суда, а его членов – в качестве судей. Вместе с тем необходимо обратиться к анализу

² Головки Л.В., Ильютченко Н.В. Профессорский дисциплинарный суд при Императорском Московском университете // Вестник Московского университета. Серия «Право». 2004. № 2. С. 94.

³ Фадеева М.В. Студенты Московского Императорского университета в правовом поле Российской империи: под надзором трех инстанций // Вопросы образования. 2016. № 4. С. 251.

⁴ Еремина Т.В. Из истории самостоятельной юрисдикции Российской университетской корпорации в XIX веке // Традиции и инновации в праве: материалы междунар. науч.-практ. конф. Т. 2. Новополюцк: Полоцкий государственный университет, 2017. С. 40–43; Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: Коллективная монография / под ред. А.А. Дорской. СПб.: Астерион, 2019. С. 226–234 (§ 10 Главы II «Университетский суд как проявление самостоятельной юрисдикции университетской корпорации»; автор – Т.В. Еремина).

⁵ Например, в труде Лона Фуллера «Мораль права» описана ситуация, когда король Генрих VIII в дарственном акте, позднее утвержденном как акт Парламента Англии, предоставил Королевскому медицинскому колледжу широкие полномочия в сфере лицензирования и регулирования медицинской практики в Лондоне. В частности, колледжу было предоставлено право проводить расследования нарушений его регламентов и налагать наказания от штрафов до тюремного заключения. Томас Бонэм, доктор медицины Кембриджского университета, открыл медицинскую практику в Лондоне без сертификата Королевского колледжа. В Колледже рассмотрели его дело, доктор Бонэм был оштрафован и заключен в тюрьму. Доктор Бонэм подал иск против неправомерного лишения свободы, после чего суд отменил его приговор на основании положений общего права. К сожалению, знаменитый американский ученый никак не прокомментировал данный казус и юридическую природу подобных полномочий колледжа (Фуллер Л. Мораль права. М., 2007. С. 122).

положений законодательства о судебной системе действующего как на момент учреждения судов, так и в наше время.

Хронологические рамки исследования. Базовые хронологические рамки исследования охватывают период с 1902 по 1917 г., т. е. с момента учреждения профессорских дисциплинарных судов до их фактического упразднения. Кроме того, в сравнительно-правовом аспекте дискретно затрагивается также период с 1804 г., когда был принят первый Общий устав университетов, содержащий положения о внутреннем дисциплинарном производстве в отношении представителей университетской корпорации, а также современные процедуры привлечения обучающихся к дисциплинарной ответственности. Также в сравнительно-правовом аспекте затрагивается современный этап развития отношений в сфере образовательного права и прежде всего внутривузовский порядок привлечения обучающихся к дисциплинарной ответственности.

Целью исследования является выявление нормативно-правовых оснований и главных направлений деятельности профессорских дисциплинарных судов в императорских Санкт-Петербургском (Петроградском) и Московском университетах за все время их существования с 1902 по 1917 г. Соответственно, поставлены следующие исследовательские **задачи**:

- определить юридическую природу профессорского дисциплинарного суда;
- установить причины учреждения профессорских дисциплинарных судов в царствование императора Николая II;
- рассмотреть процесс подготовки и издания нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность профессорских дисциплинарных судов;
- определить место и роль профессорского дисциплинарного суда в системе органов столичных императорских университетов;
- проанализировать полномочия профессорских дисциплинарных судов и особенности их деятельности в столичных императорских университетах;

– охарактеризовать принципы формирования профессорского дисциплинарного суда и его персональный состав.

Методологическая основа диссертационного исследования.

В процессе проведения исследования использован комплекс общенаучных методов (системный, структурно-функциональный, логические – анализ и синтез, дедукция и индукция, и др.) и специальных методов познания, прежде всего историко-правовой, формально-юридический (догматический), социологический, структурно-функциональный, сравнительно-правовой, статистический. Выбор и использование конкретного метода или их совокупности определялся критериями научной объективности и особенностями решаемых исследовательских задач. Так, в процессе сбора, оценки и сортировки нормативных и документальных материалов, изучения специальной литературы преобладали историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а при изучении фактического материала – конкретно-социологический, догматический и сравнительно-правовой методы, методы статистической обработки; наконец, на стадии подготовки выводов – логический метод исследования.

Эмпирическую базу работы составили, прежде всего, архивные документы, характеризующие процесс учреждения, правовой статус и деятельность профессорских дисциплинарных судов на примере императорских столичных университетов. Документы по тематике исследования выявлены в фондах Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), Государственного исторического архива Ленинградской области (ГИАЛО), архива Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Отбор документов определялся требованиями полноты и комплексности исследования, поэтому были использованы все сохранившиеся и выявленные протоколы с решениями дисциплинарного

суда Императорского Санкт-Петербургского (Петроградского) университета в отношении 208 студентов и решения дисциплинарного суда Императорского Московского университета в отношении 158 студентов. Кроме того, в целях сравнительно-правового анализа изучены 30 решений судов общей юрисдикции за период с 2010 по 2019 г. по делам, связанным с обжалованием решений вузов о применении дисциплинарных взысканий по отношению к обучающимся.

В качестве источника фактических данных также использованы научные публикации, связанные с темой исследования, в частности, о понятии суда, правосудия и справедливости, о правовом положении студентов в начале XX в., о статусе высших учебных заведений в период до революции 1917 г., о теории судебной власти и правосудия, биографии членов профессорских дисциплинарных судов императорских университетов обеих столиц, а также современные исследования в сфере образовательного права.

Научная новизна представленной работы заключается в следующем:

- Настоящая диссертация является первым в отечественной науке комплексным историко-правовым исследованием, в котором раскрываются особенности юридической природы профессорского дисциплинарного суда, включая особенности его формирования, статус арбитров, компетенцию, роль и место в судебной системе Российской империи начала XX века.
- Автором на основании широкого круга источников комплексно исследована деятельность дисциплинарных судов двух столичных университетов, и в настоящее время имеющих особый статус в соответствии с Федеральным законом «О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете» от 10 ноября 2009 г. № 259-ФЗ.
- Подробно рассмотрен процесс формирования концепции профессорского дисциплинарного суда в качестве одного из элементов университетской автономии.

- Впервые проведено сравнение профессорского дисциплинарного суда с действующими в настоящее время институтами по разрешению дел, связанных с дисциплинарными проступками обучающихся в вузах, включая анализ правоприменительной практики в сфере образовательного права.
- В научный оборот введено 56 ранее не цитированных непосредственно связанных с темой настоящего исследования документов архивохранилищ Санкт-Петербурга и Москвы.

Теоретическое и практическое значение исследования. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при подготовке научных работ, учебных пособий и курсов лекций, посвященных истории отечественного права и государства, судебному праву, университетской автономии, образовательному праву России.

В результате проведенного исследования сделаны следующие **выводы, которые выносятся на защиту:**

1. Функцию разрешения в обществе правовых конфликтов выполняют как суды, так и квазисудебные органы. При расширительном толковании правосудия как деятельности по справедливому разрешению правовых конфликтов с целью восстановления нарушенных прав возможно распространить его и на деятельность квазисудебных органов. Справедливость при этом является конкретной, применимой к отдельным лицам, а не к правопорядку в целом. В таком случае деятельность квазисудебных органов олицетворяет не авторитет государства как системы органов управления обществом – государственного аппарата, а государственно организованного общества в целом.

2. Профессорский дисциплинарный суд обладал смешанным юридическим статусом. Он не входил в систему государственных судов, но осуществлял правосудие в его широком понимании. Члены профессорского дисциплинарного суда не наделялись набором судейских гарантий и привилегий, а лишь получали дополнительные функции наряду со статусом

профессора вуза. Он создавался в высшем учебном заведении Министерства народного просвещения как в закрытой корпорации, участники которой составляли академическое сообщество. Единственной задачей такого суда было разбирательство дисциплинарных проступков студентов, и применяемые в отношении них взыскания относились исключительно к статусу студента.

3. При разработке Временных правил о профессорских дисциплинарных судах от 24 августа 1902 г. инициаторы реформы преследовали следующие цели регулирования правовых отношений в сфере высшего образования:

3.1. *Организационно-правовая*: снять нагрузку с администрации вузов, которые не могли должным образом заниматься разбором дел по студенческим проступкам из-за наличия множества других функций;

3.2. *Юстиционно-легитимационная*: создание специализированного органа, единственной задачей которого служило разбирательство по студенческим проступкам, давало студентам определенный набор процессуальных гарантий и уверенность, что в отношении них решение суда будет справедливым; судьями избирались профессора, имевшие в академической среде значительный авторитет, что повышало доверие студентов к решениям Суда;

3.3. *Политико-пропедевтическая*: учреждение профессорских дисциплинарных судов явилось уступкой студенчеству и либерально настроенной части профессуры со стороны Министерства народного просвещения и стало важным элементом в переходе к методам косвенного воздействия на ситуацию в студенческой среде. Вместе с тем имперская бюрократия фактически возлагала на профессорско-преподавательский состав университетов функции контроля над студентами, используя при этом их статус педагогов, оказывающих значительное влияние на умы молодежи.

4. Профессорский дисциплинарный суд не является карательным институтом, созданным для пресечения политической активности

студенчества. Напротив, его учреждение стало шагом к восстановлению отдельных элементов университетской автономии, утраченной после принятия Университетского устава 1884 г.

5. В настоящее время в правовой системе России не предусмотрены учреждения (органы), аналогичные профессорскому дисциплинарному суду. Вместе с тем действуют иные учреждения, в полномочия которых входит решение вопроса о привлечении обучающихся вузов к дисциплинарной ответственности. В совокупности они предоставляют достаточный набор гарантий в отношении привлекаемых к дисциплинарной ответственности обучающихся.

Апробация результатов. Результаты исследования были опубликованы в следующих выпусках журналов, включенных в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук:

1. Суязов В.В. Возникновение и деятельность дисциплинарного суда Императорского Санкт-Петербургского университета (1902–1917) / В.В. Суязов // История государства и права. 2017. № 12. С. 25–30.

2. Суязов В.В. Гарантии прав обучающихся при применении к ним мер дисциплинарного взыскания: история и современность / В.В. Суязов, А.А. Трофимов // Образование и право. 2018. № 7. С. 203–216.

3. Суязов В.В. Правосудие, справедливость и профессорский дисциплинарный суд в Российской империи / В.В. Суязов // Образование и право. 2019. № 6. С. 224–234.

Результаты исследования легли в основу следующих докладов и выступлений на научных форумах:

- Доклад на тему «Профессорские дисциплинарные суды в Императорских университетах России» на межвузовской научной конференции «Эволюция государства: проблемы теории и практики» в СЗИУ

РАНХиГС (12 апреля 2018 г.);

- Участие в качестве спикера в круглом столе «Соотношение этических норм и норм права в деятельности образовательной организации», спикер в рамках Международного молодежного юридического форума (16 мая 2018 г.).

Исследование понятия справедливости применительно к деятельности профессорских дисциплинарных судов проводится диссертантом в рамках проекта «Концепт справедливости в современной российской правовой системе» (грант РФФИ 19-011-00528 А, 2019–2021 г., руководитель Д.И. Луковская).

Диссертация была рекомендована к защите на соискание ученой степени кандидата юридических наук по итогам обсуждения во время заседания кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета 5 ноября 2019 г.

ГЛАВА 1. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРОФЕССОРСКОГО ДИСЦИПЛИНАРНОГО СУДА

Профессорский дисциплинарный суд в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения (далее также – Суд, профессорский суд, ПДС) был создан 24 августа 1902 г. До настоящего времени в юридической науке не рассматривался вопрос о правовом статусе профессорского суда, о его месте не только в структуре дореволюционных университетов, но и в судебной системе Российской империи. Если взять за основу то, что во всех официальных документах он назывался не иначе, как «суд», а его члены – «судьями», то осуществлял ли профессорский суд правосудие? Входил ли он в действующую на тот момент систему органов судебной власти? Являлись ли члены профессорского суда «судьями»? Ответы на поставленные вопросы далеко не так однозначны, но без их рассмотрения невозможно определить юридическую природу профессорского суда.

§ 1.1. Общие теоретико-правовые положения о суде, справедливости и правосудии

А. Суд. Любое сообщество предполагает возможность возникновения конфликтов между его участниками. Способы их разрешения могут быть различными – как насильственными (например, поединки, вооруженные столкновения, войны), так и ненасильственными, включая двусторонние переговоры и различные формы посредничества, исторически развивающиеся в арбитраж и суд⁶.

⁶ Еще Т. Гоббс отмечал, что «в случаях спора стороны должны подчинить свое право решению арбитра. Если человек уполномочен быть судьей, то естественный закон предписывает, чтобы он беспристрастно их рассудил. Ибо в противном случае споры между людьми могут быть разрешены лишь войной» (Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001. С. 108).

Вместе с эволюцией общества изменялись и представления о том, как и кем должны быть урегулированы конфликты между его участниками. Если обратиться к истории отечественного права, то в древнейший период конфликты разрешались внутри отдельных общин старейшинами с применением обычаев на основе их представлений о справедливости, жизненного опыта, цель процесса заключалась в восстановлении справедливости для сторон конфликта⁷. Первоначально представления о справедливости выражались в назначении наказания по принципу талиона⁸. Постепенно, с усилением княжеской власти и распространением ее на новые территории, появилась необходимость унифицировать правила разрешения конфликтов⁹. Решения по спорам о праве выносил князь как носитель публичной власти, а также отдельные дружинники, которые действовали от его имени. Если ранее справедливость казуистично ограничивалась отношениями пострадавшего и его обидчика, то теперь она стала более абстрактной, выраженной в необходимости восстановления правопорядка¹⁰. Роль старейшин при этом отходила на второй план, они продолжали заниматься решением незначительных конфликтов на уровне отдельных общин, но только в той части, которая не затрагивалась государством¹¹.

Государство в лице специально уполномоченных органов приобретает монополию на разрешение конфликтов внутри общества, но не всех, а только тех, которые затрагивают установленный правопорядок. Для этих целей создается судебная система, включающая в себя суды как органы, в лице

⁷ Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М., 2013. С. 243.

⁸ Сморгунова В.Ю., Калинина Е.Ю. Эволюция идеи правосудия в России: от поиска справедливости к каре и обратно // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 1. С. 186.

⁹ Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 415.

¹⁰ Можно привести мнение И.Я. Фойницкого: «суд служит не частным интересам отдельных лиц, отдельных общественных кружков или отдельных ведомств, а общим государственным интересам правосудия, ... все судебные решения постановляются именем государства». (Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 8).

¹¹ И.А. Ильин писал, что «родоначальник или старейшина, разрешая спор, давал каждому известный императив, предписывавший ему его дальнейшее поведение в спорном вопросе. Решение судьи получало определенный вес и оказывало влияние на спорящих; это объяснялось, с одной стороны, их доверием к его авторитету, с другой стороны, справедливостью того, что он постановил» (Ильин И.А. Теория права и государства. М., 2003. С. 78–79).

которых суверен реализует свою власть по разрешению правовых конфликтов (судебную власть), а также судей – должностных лиц, наделенных особым публичным статусом.

К сожалению, понятия «суд», «судебная власть», «судья», «правосудие» трактуются в доктрине неодинаково и зачастую определяются одно через другое¹². Аналогичная ситуация наблюдается в легальных определениях в нормативных правовых актах. В связи с этим возникают сложности при разграничении судов и иных институтов, которые занимаются разрешением правовых споров¹³.

Безусловно, государственные структуры доминируют в разрешении правовых споров, оставляя в юрисдикции остальных учреждений лишь отдельные их виды. Тем не менее, подобные институты существовали на протяжении всей отечественной истории, правда, с разной долей участия в общественной жизни. Если с самого начала государство стремилось вытеснить их и закрепить за собой монополию на разрешение всех правовых споров, то в настоящее время наблюдается обратная тенденция. Связано это со многими факторами, в частности, с чрезмерной нагрузкой судов всех уровней, а также с все более ясным пониманием того, что в некоторых категориях споров иные институты могут разобраться намного эффективнее судов, владеющих искусством юриспруденции, но далеких от понимания фактических обстоятельств дел¹⁴. В рамках данного исследования такие общественные институты будут именоваться *квазисудебными органами*.

¹² Например, известный специалист по вопросам уголовного процесса и судебной власти И.Л. Петрухин трактовал суд как орган государства, охраняющий от всяких посягательств интересы общества и граждан путем осуществления правосудия, применения мер государственного принуждения к лицам, нарушающим установленный правопорядок (Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 2001. С. 1056 (автор раздела – И.Л. Петрухин)).

¹³ В отечественной истории к их числу можно отнести, в частности, братчинный суд, крестьянский суд, товарищеский суд, суд офицерской чести, арбитраж, институт земских участковых начальников, введенный в России законом от 12 июля 1889 г. и совместивший в себе административные и судебные полномочия.

¹⁴ Некоторые исследователи отмечают, что перегруженные судьи, скорее, являются бюрократами — наемными работниками, а не профессионалами-арбитрами, автономными и независимыми. Самими судьями подтверждается мысль о том, что загруженность является одним из самых важных препятствий на пути становления профессиональной судебной власти в Российской Федерации (см., например: Волков В.В., Дмитриева А.В., Поздняков М.Л., Титаев К.Д. Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование / под ред. В. Волкова. М., 2015. С. 52).

Как правило, в научной литературе рассматриваются отдельные квазисудебные органы в их соотношении с национальной судебной системой. При этом делается акцент на их «неполноценность» в сравнении с судами¹⁵. Не существует единого понятия квазисудебного органа как теоретической конструкции, обладающей набором признаков – акцент всегда делается на отсутствие у них тех или иных качеств, которые не позволяют отнести их к судам.

Какие признаки отличают суд от квазисудебного органа? Для сравнения выделим следующие критерии¹⁶:

1. Судебная власть. К соотношению суда и судебной власти можно подходить с разных сторон: суд как орган, включенный в систему судебной власти (институциональный аспект), либо суд как орган, осуществляющий судебную власть (функциональный аспект). Если определять судебную власть через судебную систему как совокупность судов и судей, то в этом случае разграничение судов и квазисудебных органов провести довольно просто: органы, официально включенные в судебную систему, разрешающие правовые споры от имени правительства (правителя) или государства в целом, относятся к судебным, а иные органы – к квазисудебным, так как они не включены в государственную судебную систему и разрешают правовые споры от своего собственного имени. Можно использовать функциональный подход, в соответствии с которым судебной является особая деятельность со стороны государства, целью которой служит разрешение правовых споров. В этом случае акцент делается не на органах, которые занимаются восстановлением правопорядка, а на особой публичной функции, которую реализует государство.

И.Я. Фойницкий также придерживался институционального подхода. По его мнению, судебная власть образует систему подчиненных закону

¹⁵ Так, по мнению Н.А. Колоколова, квазисудебные органы, занимающиеся разрешением социальных конфликтов, в отличие от судов, существенными качествами последних в достаточной совокупности не обладают (Колоколов Н.А. История российского правосудия. М., 2009. С. 88).

¹⁶ Суязов В.В. Правосудие, справедливость и профессорский дисциплинарный суд в Российской империи // Образование и право. 2019. № 6. С. 224.

органов, призванных к применению закона в порядке судебного производства¹⁷.

С.В. Познышев, современник И.Я. Фойницкого¹⁸, придерживался противоположного подхода, согласно которому судебная власть есть ветвь государственной власти, которая должна быть осуществляема отдельными органами, не несущими функций законодательных или административных, и которая призвана осуществлять закон, утверждать его господство в жизни и бороться с насилием¹⁹.

В советский период М.А. Чельцов-Бебутов писал о том, что хотя суд в то время и не был отделен от княжеской власти, но все же существовал. Это либо княжеский суд, либо суд специально поставленных князем судей – его тиунов²⁰. Это понимание основано на функциональной концепции, которая явно выигрывает по сравнению с «номинативным» подходом к определению судебных органов.

Авторы и составители вышедшего в 2003 г. шеститомника «Судебная власть в России: история, документы» датируют появление суда в российском государстве первым десятилетием XI в. и связывают его с моментом выхода Устава Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях церковных», где впервые – в дошедших до нас памятниках русского права – появляется слово «суд»; это позволило авторам посвятить свой труд 1000-летию судебной власти в России²¹. Однако данный вывод основан на понимании суда как органа публичной власти, в названии которого содержится слово «суд», что представляется неверным. В ином случае придется признать, что государство может существовать длительный период времени без правосудия, и вообще орган, не называемый официально судом,

¹⁷ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 158.

¹⁸ Стоит отметить, что И.Я. Фойницкий возглавлял Суд Санкт-Петербургского университета с момента его создания до 1905 г., а С.В. Познышев являлся председателем профессорского дисциплинарного суда Московского университета также в течение трех лет. См.: Приложения № 12 и № 15.

¹⁹ Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 87.

²⁰ Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 627.

²¹ Судебная власть в России: история, документы / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. М., 2003. Т. 1. С. 5.

не может реализовывать судебные функции.

Наиболее обоснованным представляется комплексное использование обоих указанных подходов. В этом случае судебная власть рассматривается как функция государственной власти, которая реализуется особыми государственными институтами, созданными для разрешения правовых споров в обществе.

Квасисудебные органы, как и суды²², реализуют функцию по разрешению юридических споров, но при этом не осуществляют государственную (судебную) власть и не входят в систему государственных судов. Они действуют параллельно, соприкасаясь с государственным правосудием в тех случаях, когда сами стороны спора этого захотят.

2. Обладание статусом судьи или арбитра. Государство реализует свою функцию по разрешению правовых споров через лиц, которые наделяются специальным статусом. Уже в Древнем Риме различали два проявления властных полномочий: *potestas*, т. е. власть легальную, происходящую в силу занятия лицом какой-либо должности, и *auctoritas* – особую власть, которая исходит от самого лица, от личного авторитета, т. е. легитимную²³. Если в догосударственном обществе для разрешения спора прибегали к *auctoritas* старейшин, то с появлением государства и дальнейшим усложнением общественной структуры дополнительно потребовалось наделение лиц, выполняющих публичные функции, «формальным авторитетом», который включал бы в себя не только полномочия по разрешению правовых споров, но и привилегии, призванные гарантировать невмешательство третьих лиц в процесс принятия решения. Таких принято называть судьями.

Судьи призваны разрешать правовые споры в обществе от лица суверена, для чего им предоставляются особые полномочия, гарантии,

²² Как отмечал И.Я. Фойницкий, «к функциям суда относятся не только разрешение уголовных и гражданских дел от имени государства, но и необходимость охраны прав и свобод граждан (Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 7).

²³ Суд и государство / под ред. Л.В. Головки, Б. Матвеева. М., 2018. С. 33.

устанавливаются особые требования к кандидатам – в совокупности это образует статус судьи. Как правило, к кандидатам на должность судьи со стороны суверена предъявляются требования к возрасту, квалификации и моральному облику. Последняя особенность указывает на двойственную природу статуса судей и их деятельности, где сочетаются право и этика. В наше время распространены особые кодексы этики для судей, в частности, он действует и в современной России.

Арбитры в оговоренном смысле этого понятия не являются, в отличие от судей, государственными служащими, хотя к ним также предъявляются определенные требования, которые, связаны, как правило, с наличием знаний в категориях рассматриваемых дел. Никакими привилегиями, образующими судейский статус, они не обладают.

Таким образом, судьи и арбитры реализуют единую функцию по разрешению правовых споров, но последние не обладают особым судейским статусом, образующим связь между государством и судьей.

Можно попытаться выявить отличия суда от квазисудебного органа (Таблица 1):

Таблица 1. Отличия суда от квазисудебного органа

Критерий	Суд	Квазисудебный орган
Судебная власть	Осуществляет судебную власть как один из видов власти государственной, от имени государства, включен в систему судебной власти	Не осуществляет судебную власть, действует от собственного имени в лице посредников, избранных сторонами правового спора
Статус судьи или арбитра	Лица, которые наделены особым статусом, отражающим их непосредственную связь с государственным аппаратом	Лица, которые не наделены особым статусом за пределами реализуемых полномочий

В. Правосудие. Рассуждая об отличиях квазисудебного органа от суда, нельзя обойти тему правосудия. В доктрине, как правило, под правосудием

понимается деятельность судов по разрешению правовых споров. Соответственно, аналогичная деятельность квазисудебных органов правосудием не считается. Это дает еще один критерий для различения судов и квазисудебных органов.

Существует множество подходов к определению правосудия.

В соответствии с толковым словарем В.И. Даля, правосудие означает судить по правде, по закону, по совести²⁴.

В «Юридической энциклопедии», изданной под редакцией М.Ю. Тихомирова, правосудие рассматривается как совершаемая в порядке, определяемом процессуальным правом, правоприменительная деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел, а также экономических споров в целях охраны прав и интересов граждан, организаций, общества и государства²⁵.

В другом фундаментальном научно-справочном издании И.Л. Петрухин писал, что под правосудием (от лат. *justicia* – юстиция) понимается особый вид государственной (публичной) деятельности, состоящий в том, что независимый, беспристрастный и справедливый суд (суды) на основе закона рассматривает и разрешает правовые споры между гражданами, юридическими лицами, жалобы на действия публичной власти. При этом отдельно отмечается, что функциями правосудия не могут наделяться иные государственные или общественные органы. Правосудие выступает важнейшей формой осуществления судебной власти²⁶.

В целом для настоящего времени характерно отсутствие формализованного подхода к определению правосудия – преобладает стремление к закреплению отдельных его параметров²⁷.

Как отмечает В.М. Лебедев, законодательство практически всех

²⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 3. С. 355.

²⁵ Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2001. С. 680.

²⁶ Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 2001. С. 821 (автор статьи – И.Л. Петрухин).

²⁷ Так, М.И. Клеандров выделяет три компонента правосудия: судоустройство, судопроизводство и статус судей (Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее и будущее. М., 2006. С. 16).

государств указывает, что правосудие может осуществляться только судом в соответствии с установленной подсудностью в сроки и с соблюдением законодательно закрепленных правил; что судебные дела должны рассматриваться независимыми и беспристрастными судьями; что суд должен стремиться к установлению истины и соблюдать общие принципы справедливости, защиты прав и свобод личности, равенства всех перед законом, гласности и состязательности судопроизводства; что судебные решения должны основываться на нормах конституции, законов и судебных прецедентов²⁸.

Следует отметить, что, как видно из приведенных примеров, в современных исследованиях зачастую акцентируется внимание на таких признаках правосудия, которые не отражают всю историю права. Они характерны для новейшего времени, главным образом для романо-германской правовой системы, где закон стал ведущим источником формального права, существуют конституции, выдвинута задача охраны прав и свобод личности и т. п. Это придает конкретно-исторический, а не универсальный правовой характер если не позициям ученых, то допускаемым ими формулировкам.

В любом случае, если говорить о том, что под правосудием понимается деятельность судов, то происходит его смешение с судопроизводством. Конечно, такой подход очень удобен, но очевидно, что не всегда деятельность судов является правосудием.

Ш. Монтескье в своем трактате «О духе законов» проводил сравнение между судопроизводством в Древнем мире, в средневековых и современных ему государствах. Он указывал, в частности, на недостаток справедливости при вынесении приговоров, необходимость смягчения суровости судов и вместе с тем на неотвратимость наказания²⁹.

²⁸ Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М., 2017. С. 11.

²⁹ Монтескье Ш. О духе законов. М., 1999. С. 80–81.

Ж.-Ж. Руссо в своих исследованиях вышел на факторы политической, социальной и правовой реальности, подрывающие авторитет судебной власти. В их перечне он назвал: отсутствие во Франции выборных органов правосудия, произвол судебных чиновников, выход из-под контроля центральной власти. «Никто не сочтет, сколько же в истории отдельных стран было несправедливых и жестоких судебных расправ»³⁰.

Английский философ и политик Э. Берк выступал с резкой критикой системы правосудия Англии XVIII в. Он писал, что «юристы, как и теологи, соорудили еще один разум помимо Разума Естественного, и в результате появилась какая-то особая справедливость помимо Справедливости Естественной. Они так запутали мир своими бессмысленными формальностями и церемониями, что людям, не посвященным в тайнства профессии, крайне опасно предпринимать даже малейшие шаги без их совета и помощи»³¹. Особенно Э. Берк критиковал правителей революционной Франции, которые, по его мнению, попирали все принципы правосудия³².

Глава исторической школы права Ф. Савиньи писал, что «накопленные наукой знания позволят судьям больше не служить в качестве простого инструмента...это станет делом либерального и почетного призвания...само правосудие будет полным и научно обоснованным»³³.

Что касается российского подхода к справедливому судопроизводству, то по свидетельству известного цивилиста Е.В. Васьковского, российский суд до судебной реформы последней трети XIX в. характеризовался сословностью, многочисленностью судебных учреждений, запутанностью, волокитой, коррупцией, непрофессионализмом должностных лиц судебных учреждений, непубличным, письменным процессом, т. е. всем тем, что не

³⁰ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 388.

³¹ Берк Э. Правление, политика, общество. М., 2001. С. 120–121.

³² «Их тирания находит свое завершение в их правосудии, а их виселица-фонарь и вполнину не столь ужасающа, как их суд. Без правосудия общество не может существовать» (Там же. С. 363).

³³ Savigny F.C. The Vocation of Our Age for Legislation and Jurisprudence. Birmingham, 1986. P. 186.

укладывается в представление о справедливом правосудии ни в ту эпоху, ни сейчас³⁴.

Во многих современных конституциях не упоминаются или не регламентируются вопросы правосудия, при этом отдельно закрепляются нормы о правах и обязанностях судей (ст. 87 Конституции Греции³⁵), об организации судебной системы (ст. 17 Конституции Мексики). Такая модель конституционной регламентации действует в Австрии, Бразилии, Китае, Норвегии, Турции, во Франции, в Чехии и ряде других государств³⁶.

В то же время многие основные законы допускают отправление правосудия за рамками существующих судебных систем. В частности, Конституция Нидерландов разрешает передачу отдельных правовых споров органам, не входящим в судебную систему страны (ч. 2 ст. 112). Санционирует формирование несудебных форм и механизмов урегулирования конфликтов Конституция Португалии (ч. 4 ст. 202). Конституция Эквадора указывает, что власти коренных народов отправляют правосудие, применяя собственные нормы и процедуры для разрешения конфликтов в сообществе по своим обычаям или по обычному праву (ст. 191). Из этого можно сделать вывод, что не везде правосудие определяется как деятельность органов государства, номинированных в качестве судебных.

Можно также утверждать, что по формальному критерию правосудием является не любая деятельность судов, а лишь та, которая происходит без нарушения установленной процедуры. Этот вывод особенно очевиден в случаях, когда в законодательстве прямо указано, что суды действуют в соответствии с принципами справедливости, законности, равенства сторон спора, при полном соблюдении прав граждан. Почему же тогда понятия

³⁴ Васильковский Е.В. Учебник русского гражданского процесса (воспр. по изд. 1917 г.). М., 2003. С. 45.

³⁵ Здесь и далее тексты конституций зарубежных стран приводятся по данным сайта <https://worldconstitutions.ru> (дата обращения — 31.03.2020).

³⁶ Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М., 2013. С. 33.

«судопроизводство» недостаточно?

Представляется, что ответ на вопрос кроется в двойственной природе правосудия. Деятельность судов, безусловно, должна происходить без процедурных нарушений, но и в таком случае остается поле, которое не регулируется правовой нормой непосредственно, а именно: усмотрение судьи или коллегии судей. Испокон веков судьи и арбитры при разрешении споров руководствовались как нормами права в виде правовых обычаев (а затем и более строго формализованными источниками права), так и своими представлениями о должном, о справедливости.

С. Справедливость в контексте правосудия. Как определить, что судебное решение справедливо? С одной стороны, оценку при вынесении решения дает сам судья или коллегия судей, в случае обжалования – судьи вышестоящей инстанции, что может привести к отмене решения. С другой стороны, признать решение несправедливым могут стороны дела путем его обжалования, а также общественность.

Если обратиться к известной «формуле Радбруха»³⁷, то можно ли утверждать, что судопроизводство может иметь отношение к правосудию, когда решение суда или квазисудебного органа является несправедливым? Безусловно, немецкий ученый полагал, что существует некий предел несправедливости, «крайняя несправедливость», когда действующие законы не просто являются несправедливыми, а не могут называться правом. А.В. Поляков трактует данный термин как такую несправедливость, которая угрожает существованию как всего общества, так и отдельных граждан³⁸.

Тем не менее, по мнению Г. Радбруха, несправедливые нормы являются правом, так как в случае неприменения любого несправедливого права, не пересекающего «дальнюю границу», не будет соблюдаться

³⁷ Радбрух Г. Законное неправое и надзаконное право // Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 233–234.

³⁸ Легитимность права: коллективная монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2019. С. 74 (автор главы – А.В. Поляков).

принцип юридической определенности³⁹.

Р. Алекси рассматривал в качестве примера применения формулы Радбруха два решения Федерального конституционного суда Германии, где суд выразил позицию, согласно которой нормы закона, являющиеся крайне несправедливыми, не могут применяться⁴⁰. Что касается отдельных решений по итогам рассмотрения правового спора, то представляется, что формула Радбруха к ним применяться не может. В ином случае решение суда или квазисудебного органа, являющееся несправедливым, но «не вопиюще несправедливым», можно было бы отнести к правосудию.

Если рассматривать позицию Р. Алекси, то можно дать ответ на поставленный вопрос. Ученый по-своему трактует формулу Радбруха и использует аргумент несправедливости применительно к не притязающим на правильность правовым нормам и правовым системам в целом. Что касается отдельно взятых судебных решений, то формула Радбруха может применяться в отношении правовых норм и правовой системы, в соответствии с которыми такие решения приняты, но не в отношении самих решений. Таким образом, правосудием не может считаться вынесение как несправедливого судебного решения, так и «вопиюще несправедливого».

На протяжении всего хода истории по критерию справедливости человек и общество дают оценку судебной системе государства и правосудию. Понятие справедливости, в том числе, в контексте правосудия, можно обнаружить исключительно в доктрине. Это явление находится в центре внимания не только практикующих юристов, но и философов на протяжении нескольких тысяч лет. Подсознательно каждый может дать оценку тому или иному действию, признать его справедливым или наоборот, но для судей эта оценка приобретает профессиональное значение.

³⁹ Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М., 2001. С. 34; Архипов С.И. Правовые теории Роберта Алекси и Лона Фуллера // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». № 6, 2015. С. 5; Применительно к возможности существования несправедливого права Алексис де Токвиль, в частности, писал, что в «демократическом обществе законы практически всегда несовершенны, так как они исходят от большинства граждан, которые могут ошибаться» (Токвиль А., де. Демократия в Америке. М., 1992. С. 185).

⁴⁰ Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М., 2001. С. 33.

Представление о справедливости начали формировать с древнейших времен.

В «Илиаде» Гомера появляется символ справедливости (*dike*) в виде золотых весов, с помощью которых Зевс решает судьбу данайцев и троянцев⁴¹. Уже в этом образе можно проследить связь между справедливостью и правосудием.

У досократиков справедливость рассматривалась в качестве связующего звена между всеобщим природным законом и волеустановленными полисными законами, которые должны были соответствовать справедливости, а тем самым и естественному порядку вещей. Если изначально справедливость выступала в качестве мифологизированного образа богине Дике, дочери Зевса, которая следила за природным и социальным порядком и карала людей за их преступления, то у досократиков она становится всеобщей мерой, свойственной естественному закону мироздания⁴². Парменид отмечал, что действующие в полисе правила поведения не просто являются одной из ипостасей универсальных естественных законов, но и имеют волеустановленный характер, а значит, нуждаются в некоем критерии оценки, в качестве которого выступает справедливость⁴³.

Аристотель писал о том, что истинное правосудие невозможно без последовательного, неуклонного соблюдения справедливости, а суд, который выносит несправедливые решения, разрушает веру людей в возможность защитить свои права. Философ указывал, что человеческие законы бывают общие (нормы морали) и частные (нормы права), и оба они должны основываться на справедливости, которая из всех человеческих добродетелей является высшей⁴⁴. Стагирит утверждал, что справедливости абстрактной не существует: «...все опираются на некую справедливость, но при этом

⁴¹ Луковская Д.И. У истоков правовой мысли в Древней Греции // Правоведение. 1977. № 1. С. 75.

⁴² Луковская Д.И., Разуваев Н.В. Учение досократиков о справедливости и законе // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 14. 2015. Вып. 3. С. 37.

⁴³ Там же. С. 38.

⁴⁴ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1983. С. 482.

доходят только до некоторой черты, и то, что они называют справедливостью, не есть собственно справедливость во всей ее совокупности»⁴⁵. Он подчеркивал, что понятие справедливости относительно и меняется в зависимости от времени, места и субъектов его применения.

Обратимся к мнению известных отечественных исследователей, которые являются не менее разноречивыми. Можно отметить, что в соотношении с правом справедливость, как правило, определяют следующим образом:

1. Справедливость относится к категории нравственности.

В частности, С.С. Алексеев определял справедливость следующим образом: «...это специально-юридический принцип права, выражающий некоторые стороны, свойства самой юридической формы. Оставаясь категорией нравственности, справедливость в данном случае оказывается этико-юридическим феноменом, констатация которого особо важна для понимания социальной ценности права. Она является именно принципом правовой системы, без наличия которого право не только теряет свое нравственное основание, но и оказывается дисгармоничным, несбалансированным»⁴⁶. Он считал, что справедливость является целью правосудия, что оно «специально “приспособлено” для того, чтобы во всех случаях торжествовало право, его ценность, чтобы достигалась справедливость и истина...»⁴⁷. Правосудие он определял как справедливое торжество права в практических делах и конфликтах⁴⁸.

2. Справедливость является неотъемлемой частью права.

В.С. Нерсесянц с позиций либертарно-юридического типа правопонимания определял справедливость в ее неразрывной связи с равенством и свободой как абстрактно-всеобщую, одинаково равную для всех меру и форму

⁴⁵ Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1983. С. 147.

⁴⁶ Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т.1. Основные вопросы общей теории социалистического права. Свердловск, 1972. С. 108–109.

⁴⁷ Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 50.

⁴⁸ Алексеев С.С. Восхождение к праву: поиски и решения. М., 2001. С. 208.

дозволений, запретов и т. д., исключаящую чьи-либо привилегии⁴⁹. Он утверждал, что право не только справедливо, но и есть сама справедливость⁵⁰. Таким образом, справедливость он понимал как неотъемлемое свойство и качество права⁵¹. Л. С. Мамут под справедливостью понимал формальное равенство свободных людей, соответствие (соразмерность) их правомочий и обязанностей, эквивалентность отдаваемого ими обществу и получаемого от него⁵².

3. Справедливость относится к сфере интуитивного права.

Л.И. Петражицкий относил справедливость к интуитивному праву, характеризуя его как явление духовной жизни, вызывающее у субъекта императивно-атрибутивные эмоции, относящиеся к категории не нравственности, а права⁵³. С точки зрения справедливости субъект дает свою этическую оценку тому или иному явлению, соотнося его с неким идеалом, представлением о справедливости. Соответствие позитивного права коллективной интуитивно-правовой психике ученый считает необходимым основанием правопорядка. Именно посредством этого происходит легитимация существующего правопорядка⁵⁴.

Взяв за основу учение Л.И. Петражицкого можно сделать вывод о необходимости соответствия деятельности по разрешению правовых споров интуитивному праву. Справедливость при этом является неотъемлемым условием и критерием оценки всего судопроизводства.

Существуют ли условия, при которых деятельность квазисудебных

⁴⁹ Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии, 2002. № 3. С. 3–15.

⁵⁰ «Справедливость входит в понятие права, право по определению справедливо, а справедливость – внутреннее свойство и качество права, категория и характеристика правовая, а не неправовая (не моральная, нравственная, религиозная и т. д.). ... более того, только право и справедливо» (Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М., 2005. С. 28).

⁵¹ Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 2001. С. 1036 (автор раздела – В.С. Нерсесянц).

⁵² Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 5–14.

⁵³ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. М., 2018. С. 182; Тимошина Е.В. Право как справедливость: концепция интуитивного права в школе Л.И. Петражицкого // Известия высших учебных заведений. Правоведение, 2010. № 6. С. 188.

⁵⁴ Тимошина Е.В. Право как справедливость: концепция интуитивного права в школе Л.И. Петражицкого // Известия высших учебных заведений. Правоведение, 2010. № 6. С. 189.

органов может относиться к правосудию? Представляется, что существуют.

Для начала необходимо определить цель правосудия. Очевидным кажется справедливое разрешение правового спора, но в качестве сути, прежде всего, могут выступать правопорядок или права человека. Представления о том, что правосудие необходимо для сохранения и восстановления правопорядка, характерно больше для «сильного» государства, при этом права человека, даже если закреплены в конституции, отходят на второй план. Главной ценностью и целью правосудия считается охрана существующего социального и политического строя, основанного на законах. Например, в Российской империи и СССР это повлияло на формирование понятия правосудия путем смешения его с судопроизводством. Немаловажным является и тот факт, что вопросами правосудия в основном занимались специалисты в области уголовного права и процесса, где роль государства как нигде велика⁵⁵. В данном контексте правосудие может осуществляться исключительно органами, которые составляют судебную систему государства и реализуют от его имени судебную власть. Суд воспринимается как «один из репрессивных органов, защищающий и активно проводящий политику государства, его глобальные и конкретные интересы»⁵⁶.

Обратимся к исследованиям советских правоведов.

М.А. Гурвич определял правосудие как деятельность только суда, органа государственной власти, органа государственного принуждения, которое является одной из форм государственного руководства обществом⁵⁷.

П.В. Логинов указывал, что «положение о том, что правосудие в СССР осуществляется только судом, построено на тавтологии... термин правосудие по своему содержанию равнозначен всей фразе. Итак, правосудие есть

⁵⁵ На это обращает внимание, в частности, О.В. Панкова (Панкова О.В. Понятие правосудия в юридической науке дореволюционной России (часть I) // Административное право и процесс. 2019. С. 47).

⁵⁶ Абросимова Е.Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы. М., 2002. С. 12.

⁵⁷ Гурвич М.А. Избранные труды. Краснодар, 2009. Т. 2. С. 376.

деятельность суда, разумеется, в предусмотренном законом порядке»⁵⁸.

Другие советские исследователи определяли правосудие в качестве функции государства⁵⁹, но также связывали ее исключительно с деятельностью судов как органов государственной власти. В частности, А.Ф. Клейнман утверждал, что правосудие – это разрешение специализированными органами государственной власти вопросов о применении права к конкретным случаям жизни, фактам, действиям, отношениям, является одной из важнейших государственных функций⁶⁰.

Уже в наши дни Н.Н. Ковтун отмечает, что признаки правосудия скрупулезно исследованы в нашей юридической литературе, поэтому представляется излишним повторяться в этом, практически не вызывающем споров вопросе⁶¹. Ссылаясь на научные труды М.С. Строговича, он пишет, что к признакам правосудия относят то, что:

- этот вид государственной деятельности осуществляется только судом;
- законом предусмотрен особый процессуальный порядок ее осуществления;
- способ осуществления правосудия определен законом;
- этот вид государственной деятельности завершается принятием особого судебного решения – акта правосудия⁶².

В случае, когда защита правопорядка как цель правосудия уступает место защите прав человека, можно наблюдать явление, обратное тем процессам развития судебной системы, которые происходили на ранних этапах формирования Древнерусского государства. Принцип справедливости, содержащийся, как правило, в законодательстве, возвращается к идее справедливости, которая является неотъемлемой частью

⁵⁸ Логинов П.В. Сущность государственного арбитража. М., 1968. С. 37.

⁵⁹ Мельников А.А. Правосудие в СССР: сущность, социальные функции, законодательное регулирование // Советское государство и право. 1981. № 11. С. 29.

⁶⁰ Клейнман А.Ф. Избранные труды. Краснодар, 2009. Т. 2. С. 425.

⁶¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 3.

⁶² Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: Понятие, сущность, формы: Дис.... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 321.

права⁶³. Государство при этом может себе позволить передать часть своих полномочий по разрешению правовых споров за пределы системы государственных судов.

При использовании такого подхода к правосудию оно не исчерпывается деятельностью исключительно органов судебной власти. Правовые споры могут разрешаться не только государственными судами, но и квазисудебными органами, при этом далеко не всегда подобные решения обжалуются. Таким образом, при расширительном толковании понятия правосудия как деятельности по справедливому разрешению правовых споров с целью восстановления нарушенных прав, возможно распространить его и на квазисудебные органы. Справедливость при этом является не абстрактной, а конкретной, применимой к отдельным лицам, а не к правопорядку в целом. Можно предположить, что деятельность квазисудебных органов, во всяком случае, олицетворяет не только и не столько авторитет государства как системы органов управления обществом – государственного аппарата, а главным образом гражданское общество. Подобные органы складываются в процессе формирования гражданского общества с его требованиями свободы, справедливости, в том числе и справедливого правосудия.

§ 1.2. Профессорский дисциплинарный суд в сопоставлении с системой судебных органов дореволюционной России и современными органами дисциплинарной власти в вузах

В момент учреждения профессорских дисциплинарных судов в Российской империи действовало законодательство о судебной системе, основы которого заложила судебная реформа Александра II 1864 г. Впервые

⁶³ П.Г. Виноградов писал: «имеется четвертый источник права, в котором созидаящая мощь судов еще более заметна, ибо здесь ею пользуются в значительной степени вопреки признанным юридическим нормам. Этот источник – Справедливость». (Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе. М., 2010. С. 97).

в истории России была сформирована судебная власть, построенная на началах независимости от других ветвей власти. основополагающими документами данной реформы были Судебные уставы 1864 г., содержавшие в совокупности более 3200 статей⁶⁴:

- Учреждение судебных установлений (далее также – УСУ);
- Устав уголовного судопроизводства;
- Устав гражданского судопроизводства;
- Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Первоначально Государственный Совет высказывался за введение положений новых судебных уставов в течение 4 лет, но в итоге весь процесс растянулся более чем на 25 лет. Первые суды нового типа были торжественно открыты в 1866 г. в Санкт-Петербургской, Новгородской, Псковской, Московской, Владимирской, Калужской, Рязанской, Тверской, Тульской и Ярославской губерниях, тогда как на Среднюю Азию и на север Вологодской губернии действие судебных уставов 1864 г. было распространено лишь к 1899 г.⁶⁵ Таким образом, к моменту создания профессорских дисциплинарных судов в 1902 г. судебная реформа 1864 г. была реализована с достаточной полнотой, но в основном в европейской части России.

Для ответа на вопрос о юридическом статусе профессорского суда и его соотношении с судебной системой России начала XX-го века необходимо выяснить следующее:

- Осуществлял ли профессорский суд судебную власть?
- Являлись ли члены профессорского суда судьями?
- Подходила ли деятельность профессорского суда под определение правосудия?

⁶⁴ Именной указ «Об Учреждении судебных установлений и о Судебных уставах», Высочайше утвержденное Учреждение судебных установлений, Высочайше утвержденный Устав уголовного судопроизводства, Высочайше утвержденный Устав гражданского судопроизводства, Высочайше утвержденный Устав о наказаниях налагаемых мировыми судьями (Полн. собр. законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. XXXIX. Отд. 2. 1864. СПб., 1867. Ст. 41473, 41475–41478; Отд. 3. Приложения. 1864. СПб., 1867. С. 442–447).

⁶⁵ Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 181.

А. Профессорский суд и судебная власть. В соответствии со ст. 1 УСУ судебная власть принадлежала:

- мировым судьям;
- съездам мировых судей;
- окружным судам;
- судебным палатам;
- Правительствующему Сенату (в качестве верховного кассационного суда).

Вплоть до падения монархии сохранялись и даже были инкорпорированы в реформированную систему дореформенные суды, включая военные, морские, сословные и религиозные, которые имели свои юридические основания деятельности. В частности, продолжали действовать национальные суды, в том числе созданная еще шведским правительством судебная система Великого княжества Финляндского⁶⁶.

В примечании к ст. 2 УСУ было указано, что судебная власть духовных, военных, коммерческих, крестьянских и инородческих судов определяется особыми постановлениями. Можно сделать вывод о том, что данные суды являлись в современном понимании специализированными судами, которые разрешали отдельные категории споров, обусловленные объектом спора и/или его сторонами. Государство при этом предусматривало создание подобных судов путем издания отдельных положений, тем самым передавая им функции по разрешению юридических споров.

Единственным нормативным правовым актом, который регулировал вопросы, связанные с учреждением профессорского суда, были Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г.⁶⁷ (далее также – Временные правила). В тексте Временных правил не

⁶⁶ Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 2001. С. 1060 (автор раздела – Н.Н. Ефремова).

⁶⁷ Временные правила о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г. // ГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1 Д. 9703. Л. 2–3.

содержалось положений о том, что профессорские суды осуществляют судебную власть или входят в судебную систему Российской империи того времени.

В. Члены профессорского дисциплинарного суда не обладали статусом судей. Членами Суда были представители академического сообщества. Органы государственной власти не участвовали непосредственно в избрании судей ПДС. В соответствии с § 1 Временных правил члены Суда избирались из числа профессоров, которые в полном составе входили в Совет высшего учебного заведения. Необходимо отметить, что в имперский период российского высшего образования профессора являлись государственными служащими. Так, в соответствии с п. 503 Университетского устава 1884 г. все профессора утверждались по решению министра народного просвещения из числа кандидатов, заявленных Советом высшего учебного заведения. При этом ординарные и экстраординарные профессора, как и приват-доценты, рассматривались как чиновники ведомства народного просвещения и получали чин определенного класса государственной гражданской службы в соответствии с Табелью о рангах (п. 50 Университетского устава 1884 г.)⁶⁸.

Нельзя обойти вниманием вопрос о соотношении статуса судей профессорского дисциплинарного суда и мировых судей. Они обладали рядом схожих черт, в частности:

– всегда подчеркивалась необходимость их приближенности к той же среде, к какой принадлежат и лица, дела которых они рассматривают;

– окончательно избранные судьи утверждались со стороны публичной власти – Сенатом в случае с мировыми судьями (ст. 10 УСУ) и попечителем учебного округа (§ 18 Временных правил от 24 августа 1902 г.);

⁶⁸ Должность ректора относилась к IV классу чинов по Табели о рангах, деканов и ординарных профессоров – к V классу, экстраординарных профессоров, советника правления и библиотекаря – к VI, астронома-наблюдателя и прозекторов – к VII, лаборантов, помощника библиотекаря, помощников прозектора, лекторов и ординаторов клиник, экзекутора, секретарей совета и правления – к VIII, хранителей кабинетов и помощников лаборантов – к IX, провизора и секретаря библиотеки – к X, помощников секретаря правления и экзекутора – к XII, механика и препаратора – к XIV классу.

– устанавливался небольшой срок полномочий – 3 года для мировых судей и 1 год для судей профессорского дисциплинарного суда.

Вместе с тем существовали и отличия. Так, к судьям профессорского дисциплинарного суда не применялись никакие цензы, кроме служебно-профессионального (должность профессора в соответствующем высшем учебном заведении), они не получали за работу в ПДС денежное вознаграждение, не имели ограничений на занятие иными видами деятельности. Кроме того, по чину и соответствующим ему правам и преимуществам мировые судьи приравнивались к членам окружных судов и судебных палат (V класс Табели о рангах), тогда как судьи профессорского дисциплинарного суда приравнивались к VIII классу, но только из-за своего академического положения – сам по себе статус судьи ПДС не давал дополнительных привилегий.

Тем не менее, они лишь наделялись отдельными арбитражными полномочиями в качестве членов профессорского дисциплинарного суда, но не обладали судейским статусом. К ним не применялись имущественные, территориальные и возрастные цензы, как, например, к мировым судьям⁶⁹. Их задачей было разрешение юридических споров внутри университета как закрытой корпорации.

Таким образом, члены профессорского суда не обладали формальным статусом судьи, хотя их связь с государством была, несомненно, значительной, поскольку они:

– утверждались в своей должности попечителем соответствующего учебного округа;

– являлись государственными служащими в качестве профессоров.

С. Профессорские дисциплинарные суды не осуществляли правосудие в формальном смысле. Временные правила не содержат положений, касающихся правосудия. Если исходить из понимания

⁶⁹ Лонская С.В. Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование. Дис. д-ра юрид. наук. СПб., 2016. С. 170.

правосудия как деятельности исключительно органов судебной власти, то, безусловно, профессорские суды не осуществляли правосудие. Однако Временные правила были утверждены императором Николаем II специально для того, чтобы конфликты внутри вузов погашались на локальном уровне, т. е. внутри академического сообщества. Это устраивало как студентов, получивших в качестве арбитров профессоров, которые непосредственно участвовали в академической жизни, так и публичную власть, по отношению к которой в студенческой среде с 1860-х годов были распространены фрондерские настроения.

В соответствии с § 4 Временных правил ведению Суда подлежали следующие категории дел:

– «о нарушении учащимися в зданиях или учреждениях высшего учебного заведения порядка, установленного внутренними правилами соответствующего вуза»;

– «о столкновениях между учащимися, с одной стороны, и преподавателями или должностными лицами высшего учебного заведения – с другой, даже если указанные столкновения произошли вне зданий и учреждений высшего учебного заведения»;

– «о таких проступках учащихся, которые хотя бы и не были предусмотрены общими законами, но имеют предосудительный, противный правилам чести и нравственности характер».

Перечень дисциплинарных взысканий, которые мог налагать Суд, был установлен Правилами о взысканиях, налагаемых на студентов высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г. (далее также – Правила о взысканиях).

Подведомственность ПДС была довольно узкой за счет того, что одной из сторон конфликта обязательно выступали обучающиеся. Вместе с тем, Суд разбирал дела не только о нарушении студентами общегосударственных или локальных нормативных актов, но и нарушении ими норм этики, а именно за совершение проступков, которые не совместимы со статусом

студента как участника академического сообщества. Таким образом, члены Суда выступали не только в качестве независимых арбитров при наличии юридического спора, но и в качестве авторитетных членов университетской корпорации, которые имели право налагать взыскания на студентов за нарушение ими корпоративных этических норм. Отдельный кодекс этики студентов при этом не принимался.

Если применить широкий подход к толкованию правосудия, то обнаруживается двойственность юридического статуса Суда. С одной стороны, профессорский суд разрешал правовые конфликты как между студентами, так и между студентами и университетом в лице его административного и профессорско-преподавательского состава. С другой стороны, также в его ведении находилось разбирательство по делам студентов, связанных с нарушением ими морально-правовых норм в соответствии с § 524 Общего университетского устава 1884 г., в соответствии с которым предосудительное поведение студентов за пределами высших учебных заведений также могли повлечь дисциплинарную ответственность. Таким образом, можно утверждать, что профессорский суд осуществлял правосудие в его широком понимании.

Относился ли профессорский суд к судам или квазисудебным органам? Обе категории представляются модельными конструкциями, содержащими определенные характеристики. Профессорский суд не может быть отнесен ни к одной из них, так как он имел смешанную правовую природу.

Следующие обстоятельства не позволяют сделать однозначный вывод о правовой природе профессорского суда:

– члены профессорского суда не обладали специальным судебским статусом, но при этом являлись государственными служащими и утверждались в своей должности члена ПДС уполномоченным должностным лицом, что говорит об их непосредственной связи с государственной публичной властью.

– судебная система России начала XX века отличалась разнородностью и сложностью и с начала судебной реформы 1864 г. находилась в переходном состоянии, что не позволяло перечислить все органы, относящиеся к судебной власти, в рамках одного комплексного нормативного правового акта.

– в отношении решений профессорского суда не существовало процедуры обжалования. В соответствии с § 18 Временных правил все решения Суда подлежали немедленному исполнению, за исключением тех, которые были связаны с отчислением студента. В этих случаях решения Суда утверждались Попечителем соответствующего учебного округа.

– несмотря на отсутствие в компетенции Суда уголовных дел, все его решения назывались приговорами, лица, в отношении которых велось дисциплинарное разбирательство – обвиняемыми.

– профессорские суды разрешали не только споры о праве, но и собственно этические споры, что сближает их с современными вузовскими советами и комиссиями по этике. С самого начала разработки концепции профессорских дисциплинарных судов данный орган рассматривался в качестве элемента единой университетской корпорации, хотя на этапе разработки Временных правил высказывалась идея о включении в состав Суда судей общих судебных установлений, реализацию она обоснованно не получила, так как иначе не выполнялась бы одна из главных целей создания Судов – учреждение особого органа для разбора дел по студенческим проступкам, состоящего из профессоров, которые выступали не в качестве представителей государства (как, например, ректоры университетов до введения Временных правил, представители университетской инспекции или судьи общих судебных установлений), а как представители академического сообщества. Характер таких взысканий, как замечание или выговор, не мог иметь равного по силе нравственного воздействия на студентов, если бы они исходили от чиновников, объективно чуждых университетскому сообществу.

Что касается налагаемых взысканий, установленных Правилами о взысканиях, то все они – даже указанное в § 8 исключение, предусматривающее лишение права на получение высшего образования, имели значение только применительно к лицу, обладавшему статусом обучающегося. В частности, замечание, выговор и нравственное порицание лишь заносились в дело обучающегося и оказывали нравственное воздействие; запрет выдвигать свою кандидатуру в курсовые старосты и участвовать в курсовых собраниях накладывал ограничения для участия в деятельности студенческих учреждений, а временный перевод в вольнослушатели, увольнение, удаление и исключение устанавливали запреты, связанные с процессом получения образования.

Правила о взысканиях ознаменовали собой значительный прогресс в эволюции дисциплинарной ответственности студентов: из первого проекта документа исключили такие виды взысканий, как денежный штраф и арест, по сути, не имеющих непосредственного отношения к статусу обучающегося. Это позволило сформировать профессорский дисциплинарный суд как орган, налагающий именно дисциплинарную ответственность в пределах университетской корпорации.

Таким образом, смешанная правовая природа профессорского дисциплинарного суда связана с тем, что он создавался в высшем учебном заведении как в отдельной закрытой корпорации, участники которой составляли академическое сообщество. ПДС имел власть только в отношении обучающихся как представителей академического сообщества и только за нарушение ими внутренних нормативных правовых актов. Если нарушение таких правил сопровождалось нарушением законов, то в соответствии с § 17 Временных правил дела передавались в общие судебные установления для дальнейшего разбирательства.

* * *

На современном этапе развития академического сообщества вопросы дисциплинарной ответственности его участников актуальны и требуют

пристального изучения. Традиционно университет представляет собой закрытую корпорацию, имеющую свои особенности.

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее также – Закон об образовании) служит правовой основой действующей системы образования России. Его положения распространяются и на высшее профессиональное образование.

Институт, подобный профессорскому дисциплинарному суду в дореволюционных вузах, в современной системе высшего образования Российской Федерации отсутствует. Но это не означает, что дела о дисциплинарной ответственности обучающихся в современных правовых реалиях не рассматриваются непосредственно в высших учебных заведениях⁷⁰. Более того, разбор дел о студенческих проступках обрел новые формы и разделился сразу на несколько организационно-правовых направлений⁷¹:

- Разрешение дел администрацией вуза;
- Комиссия по урегулированию споров между участниками образовательных отношений;
- Комиссия вуза по этике;
- Суды общей юрисдикции.

Рассмотрим их подробнее.

1) Разрешение дел администрацией вуза. В соответствии с ч. 4 ст. 43 Закона об образовании за неисполнение или нарушение устава организации, осуществляющей образовательную деятельность, правил внутреннего распорядка, правил проживания в общежитиях и интернатах и иных локальных нормативных актов по вопросам организации и осуществления образовательной деятельности к обучающимся могут быть применены меры

⁷⁰ Суязов В.В., Трофимов А.А. Гарантии прав обучающихся при применении к ним мер дисциплинарного взыскания: история и современность // Образование и право. 2018. № 7. С. 208.

⁷¹ В рамках настоящего исследования рассматриваются лишь наиболее часто встречающиеся формы, что не исключает других (например, Конституционный Суд РФ, Европейский суд по правам человека и т. д.).

дисциплинарного взыскания – замечание, выговор, отчисление из организации, осуществляющей образовательную деятельность.

Перечень дисциплинарных взысканий в отношении обучающихся является закрытым и включает в себя всего три меры ответственности, в отличие от Правил о взысканиях от 24 августа 1902 г., которые предусматривали восемь видов взысканий.

В соответствии с ч. 7 ст. 43 Закона об образовании при выборе меры дисциплинарного взыскания организация, осуществляющая образовательную деятельность, должна учитывать тяжесть дисциплинарного проступка, причины и обстоятельства, при которых он совершен, предыдущее поведение обучающегося, его психофизическое и эмоциональное состояние, а также мнение советов обучающихся. Порядок применения к обучающимся и снятия с обучающихся мер дисциплинарного взыскания установлен Приказом Минобрнауки России от 15 марта 2013 г. № 185.

В соответствии с п. 8 данного порядка до применения меры дисциплинарного взыскания организация, осуществляющая образовательную деятельность, должна затребовать от обучающегося письменное объяснение. Если по истечении трех учебных дней указанное объяснение обучающимся не представлено, то составляется соответствующий акт. Отказ или уклонение обучающегося от предоставления им письменного объяснения не является препятствием для применения меры дисциплинарного взыскания.

В п. 9 Порядка установлен срок давности для привлечения обучающихся к дисциплинарной ответственности – не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка и не позднее шести месяцев со дня его совершения. При этом не учитывается время отсутствия обучающегося по причине болезни, каникул, академического отпуска, отпуска по беременности и родам или отпуска по уходу за ребенком, а также времени, необходимого на учет мнения советов обучающихся, представительных органов обучающихся.

Применение к обучающемуся меры дисциплинарного взыскания оформляется приказом руководителя организации, осуществляющей

образовательную деятельность, который доводится до обучающегося под подпись в течение трех учебных дней со дня его издания, не считая времени отсутствия обучающегося в организации, осуществляющей образовательную деятельность. Отказ обучающегося ознакомиться с указанным приказом (распоряжением) под подпись оформляется соответствующим актом.

Обучающийся вправе обжаловать в комиссию по урегулированию споров между участниками образовательных отношений меры дисциплинарного взыскания и их применение к обучающемуся.

2) Комиссия по урегулированию споров между участниками образовательных отношений. Решение Комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений (далее также – Комиссия) является обязательным для всех участников образовательных отношений в организации, осуществляющей образовательную деятельность, и подлежит исполнению в сроки, предусмотренные указанным решением.

Решение комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений может быть обжаловано в установленном законодательством Российской Федерации порядке.

Порядок создания, организации работы, принятия решений комиссией по урегулированию споров между участниками образовательных отношений и их исполнения устанавливается локальным нормативным актом, который принимается с учетом мнения советов обучающихся, советов родителей, а также представительных органов работников этой организации и (или) обучающихся в ней (при их наличии).

В Санкт-Петербургском государственном университете Комиссия была создана на основании Приказа Ректора от 27 февраля 2017 г. № 1721/1 «Об утверждении Положения о комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений СПбГУ» (далее также – Положение)⁷².

⁷² URL:<https://spbu.ru/openuniversity/documents/polozhenie-o-komissii-po-uregulirovaniyu-sporov-mezhdu-uchastnikami> (дата обращения: 31.03.2020).

В соответствии с п. 1.2.3 Положения Комиссия вправе рассматривать дела об обжаловании решений о применении к обучающимся дисциплинарных взысканий. Но в отличие от профессорского дисциплинарного суда, Комиссия не рассматривает дела студентов в качестве первой инстанции, и разбор дел по студенческим проступкам не является единственной целью ее деятельности.

Что касается порядка формирования Комиссии, то здесь также наблюдаются значительные отличия. В соответствии с п. 2.1 Положения Комиссия создается в составе восьми человек:

- четверо должностных лиц СПбГУ (заместитель председателя ученого совета СПбГУ в качестве Председателя Комиссии, первый проректор по учебной, внеучебной и учебно-методической работе, начальник Юридического управления в качестве Секретаря Комиссии⁷³, начальник Главного управления по организации работы с персоналом);
- представители обучающихся СПбГУ (председатель Студенческого совета, председатель Профсоюзной организации студентов и аспирантов СПбГУ, председатель Спортивного клуба СПбГУ);
- председатель Совета родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся СПбГУ.

На основании п. 4.1 Положения жалобы принимает сама Комиссия, в отличие от профессорского дисциплинарного суда, куда дела направлялись от ректора. Заседания проводятся по мере необходимости и назначаются Председателем Комиссии. По существу обращение рассматривается в присутствии подавшего его лица (представителя лица), но его отсутствие не является основанием для рассмотрения обращения.

Решение Комиссия принимает посредством тайного голосования простым большинством голосов. Решение является обязательным для всех

⁷³ Можно провести параллель с текстом Временных правил, где также требовалось наличие в составе Суда как минимум одного профессора-юриста для соблюдения процессуальных гарантий.

участников образовательных отношений СПбГУ и подлежит исполнению в течение трех дней с момента его вынесения.

Важно, что решение Комиссии может быть обжаловано в суды общей юрисдикции. Решения профессорского дисциплинарного суда обжалованию не подлежали, Совет университета мог лишь предложить составу суда пересмотреть дело по вновь открывшимся обстоятельствам, но обязать не мог.

На основании вышеизложенного можно провести сравнение Комиссии и Суда по следующим критериям:

Таблица 2. Сравнение Комиссии и Суда

№	Критерий	Комиссия	ПДС
1	Полномочия	Разбор дел между участниками образовательных отношений. В частности, обжалование применения к обучающимся дисциплинарных взысканий	Исключительно разбор дел по студенческим проступкам
2	Состав	8 человек (4 представителя сотрудников СПбГУ, 3 представителя обучающихся, 1 представитель родителей (законных представителей) обучающихся)	5 профессоров в качестве судей, 5 профессоров в качестве кандидатов в судьи, избранных Советом вуза
3	Обжалование	Возможно обжалование решения Комиссии в судебном порядке	Обжалование не предусматривалось, пересмотр дела в исключительных случаях по решению самого Суда
4	Сила решения	Исполнение решения обязательно для всех участников образовательных отношений	Решение обязательно для исполнения

Комиссию можно назвать вариантом реализации идеи профессорского дисциплинарного суда в современном правовом регулировании, но между ними существуют значительные различия. Наиболее значимым является отсутствие у Комиссии полномочий по первичному разбору дисциплинарных проступков студентов.

Данные полномочия в настоящее время, как и до принятия Временных правил в 1902 г., осуществляет администрация вуза в соответствии с локальными нормативно-правовыми актами. Например, в СПбГУ согласно п. 74 Устава их реализует Ректор⁷⁴. Предусмотренная при этом процедура предусматривает учет мнения Совета обучающихся, а также предыдущее поведение обучающегося, состояние его здоровья, статус несовершеннолетнего и другие моменты, привносящие в процедуру элементы, сходные с порядком деятельности профессорского дисциплинарного суда, когда обвиняемый рассматривался, в первую очередь, как студент, а не лицо, совершившее правонарушение.

Другим важным отличием является состав Комиссии и Суда. В Комиссии, как в процессе медиации, в принятии решения участвуют все заинтересованные стороны, а не только судьи, как это предусматривалось в случае с ПДС.

Также следует сравнить цели их создания. В контексте разбора дисциплинарных проступков обучающихся задачей создания Комиссии является перепроверка обоснованности применения дисциплинарного взыскания в отношении обучающихся, а профессорский дисциплинарный суд был учрежден, в первую очередь, для того, чтобы погасить студенческие волнения в вузах путем привнесения элементов университетской автономии.

3) Комиссия по этике является еще одним вариантом разрешения конфликтов во внутренней жизни высших учебных заведений. Как правило, в современных вузах действуют специальные кодексы этики, которые

⁷⁴ URL:https://spbu.ru/sites/default/files/ustav_s_s_poslednimi_izmeneniyami.pdf (дата обращения: 31.03.2020).

призваны подчеркнуть обязанность представителей академического сообщества следовать высоким этическим нормам поведения. В частности, такие кодексы приняты в СПбГУ⁷⁵ и МГУ им. М.В. Ломоносова⁷⁶.

Соответственно, в вузах создаются Комиссии по этике, состоящие из представителей профессорско-преподавательского состава, имеющих высокий авторитет в университетской среде. В СПбГУ в соответствии с п. 71 его Устава Комиссия по этике рассматривает вопросы соблюдения работниками и обучающимися предусмотренных Уставом обязанностей следовать нравственным и культурным традициям Санкт-Петербургского университета и общепринятым моральным и этическим нормам, а также бережно относиться к духовным ценностям⁷⁷. Данная Комиссия состоит из почетных профессоров СПбГУ – преподавателей различных факультетов и институтов. Как и Комиссия по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, Комиссия по этике может разбирать дела не только с участием обучающихся, но и между любыми другими участниками образовательных отношений. Всего на момент подготовки настоящей работы Комиссия по этике СПбГУ провела заседания по 52 делам⁷⁸.

Необходимо отметить, что решения Комиссии по этике носят рекомендательный характер и призваны обратить внимание университетского сообщества на затронутые во время рассмотрения дел вопросы.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2017 г. № 1402 в Устав СПбГУ внесены изменения, благодаря которым Университет получил новые возможности. В частности, Комиссия по этике СПбГУ уполномочена давать оценку типичным ситуациям и принимать решения общего характера по вопросам соответствия отдельных фактов и

⁷⁵ URL:<https://spbu.ru/sites/default/files/kodeks-universanta.pdf> (дата обращения: 31.03.2020).

⁷⁶ URL:http://www.journ.msu.ru/downloads/2015/eticheskij_kodeks_mgu.pdf (дата обращения: 31.03.2020).

⁷⁷ URL:https://spbu.ru/sites/default/files/ustav_s_s_poslednimi_izmeneniyami.pdf (дата обращения: 31.03.2020).

⁷⁸ URL:<https://spbu.ru/topics/c63e1b85-cb9b-4a74-a71b-fff7cdd03816> (дата обращения: 31.03.2020).

событий в Санкт-Петербургском университете его нравственным и культурным традициям и общепринятым моральным и этическим нормам⁷⁹.

4) Суды общей юрисдикции. Судебный порядок разрешения конфликтов между участниками образовательных отношений в наше время стал довольно распространенным. В ходе проведенного автором мониторинга было проанализировано 30 судебных решений с 2010 по 2019 г. по делам, связанным с дисциплинарной ответственностью обучающихся из различных вузов Российской Федерации⁸⁰.

Причинами применения вузами дисциплинарной санкции в виде отчисления студента по рассмотренным делам в основном стали: нарушения правил внутреннего распорядка учебного заведения или принадлежащего ему общежития, например, вульгарное поведение и нарушение деонтологических морально-этических норм, а также наличие неликвидированной академической задолженности и отсутствие официально подтвержденных оснований, обосновывающих уважительность причин на такую задолженность. Кроме того, основанием для отчисления послужили случаи предоставления поддельного документа (медицинской справки) для обоснования права на ликвидацию академической задолженности в индивидуальном порядке, подделка подписи преподавателя в экзаменационном листе, а также плагиат использование в дипломной работе.

Все перечисленные случаи применения высшей меры дисциплинарного взыскания – отчисления – были полностью обоснованными и соответствовали Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», поэтому суды, безусловно, вынесли решения в пользу высших учебных заведений. Следует подчеркнуть, что ни выпускной курс бакалавриата, ни пребывание в магистратуре, ни форма или основа обучения (за счет средств государственного бюджета или договорная) не повлияли на

⁷⁹ URL:<https://spbu.ru/openuniversity/documents/materialy-rektorskogo-soveshchaniya-325#p2> (дата обращения: 31.03.2020).

⁸⁰ См.: Приложение № 16.

решения учебных заведений о наложении санкции в виде отчисления и на итоговые заключения судов, признавших такие взыскание правомерным.

Однако почти половина проанализированных решений судов была вынесена в пользу отчисленных студентов и их требования о восстановлении были удовлетворены. В этих случаях суды акцентировали свое внимание на совершении отчисленными лицами ранее дисциплинарных проступков, а также на их успеваемости за весь период обучения в вузе. Например, на отсутствие претензий к дисциплине истца и его успешное обучение в вузе сослался в мотивировочной части решения Ленинский районный суд г. Санкт-Петербурга № 2-790/2010 от 22 июня 2010 г. Также общим в судебных решениях об отмене приказов об отчислении являлось то, что суд требовал от вузов точного соблюдения порядка привлечения к дисциплинарной ответственности студентов, которым должна быть предварительно предоставлена возможность исправиться. Так, в деле № 33-3457/2015 от 4 февраля 2015 г. Московский городской суд признал незаконным отчисление студентки с обязательством восстановить ее на 1 курсе образовательного учреждения в связи с тем, что университет не предоставил ей графика отработки задолженности. Таким образом, судья пришел к выводу, что приказ об отчислении был издан с нарушением Федерального закона № 273-ФЗ и локального нормативного акта об организации контроля знаний студентов.

Несмотря на достаточно формализованный порядок применения к обучающимся дисциплинарной ответственности в виде отчисления, ряд споров был разрешен только в кассационной инстанции, причем как в пользу истца (отчисленного студента), так и ответчика (представителя вуза); также многие заявители доходили до апелляционной инстанции. Такая тенденция в рассмотрении жалоб может свидетельствовать о внимательном отношении судей к судьбе студентов, подвергнутых высшей мере дисциплинарного наказания.

С одной стороны, анализ судебной практики подтвердил, что в большинстве случаев приказы об отчислении студентов в качестве меры дисциплинарного взыскания издаются обоснованно. С другой стороны, суды, как и следовало ожидать, тщательно изучают конкретные обстоятельства дела, и в случае неправомерных действий вуза, выносят решения в пользу отчисленных.

Таким образом, на современном этапе развития правовой системы России создана разветвленная и достаточно эффективная система дисциплинарной юстиции в высших учебных заведениях. Однако изучение опыта профессорских дисциплинарных судов может показать направления ее дальнейшего развития и оптимизации.

ГЛАВА 2. СОЗДАНИЕ ПРОФЕССОРСКОГО ДИСЦИПЛИНАРНОГО СУДА ПРИ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

§ 2.1. Подготовка реформы

История создания и развития российских университетов непосредственно связана с возникновением первых университетов в Европе в начале XII в. Их предшественниками выступили монастырские и соборные школы, которые сумели сохранить античное наследие⁸¹.

Первые университеты возникли в крупных городах, которые притягивали ученых и желающих получать знания. Зачастую они были представителями разных феодальных территорий, сословий, народов со своими правами и происхождением, что привело к изначальному желанию создать университеты как отдельные корпорации со своими внутренними правилами и юрисдикцией. Обычные нормы судопроизводства в таких случаях переставали работать из-за столкновения сразу множества юрисдикций. Такому желанию отвечало создание собственной корпорации, *universitas magistrorum et scholarum* («объединение учителей и учеников»), по латинскому наименованию которой и получил свое имя университет. Тем самым, эта самоорганизация была вполне аналогична природе цеховых объединений, появляющихся практически в одно время с университетами – по сути последние и были «цехами ученых» со всеми свойственными им элементами корпоративного устройства⁸².

Можно согласиться с А.Ю. Андреевым, который обозначил необходимое условие возникновения университетов, а именно дарование им привилегии со стороны светской или церковной власти. Привилегия, как правило, означала определенную степень автономии университета, которая

⁸¹ Андреев А.Ю. Российские университеты XVII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 32.

⁸² Там же. С. 33.

гарантировала ему свободу в академических и/или финансовых вопросах. Стоит отметить, что первую известную привилегию утвердил Фридрих Барбаросса в 1155 г., она касалась наделения каждого члена корпорации Болонского университета правом самостоятельно выбирать себе судью из числа магистров собственной корпорации в случае, если ему пришел вызов в суд. Также данным приказом местным властям запрещалось заключать студентов под стражу за долги⁸³.

В немецкой традиции под академической свободой изначально понималось именно право осуществления собственного суда (*Selbstgerichtbarkeit*). Это являлось ключевым элементом ограничения юрисдикции местных властей в отношении «академических граждан», которые подчинялись своим внутренним корпоративным правилам. Так, право университета Парижа на издание собственных законов было официально утверждено папой римским Григорием IX в 1231 г. Более поздние уставы университетов, относящиеся к XIV–XV вв., подробным образом прописывали процедуру университетского суда, который наделялся даже полномочиями выносить смертные приговоры, а для осуществления приговора в его распоряжении находилась университетская полиция и собственная темница – карцер, сохранявшая (хотя бы частично) свои исторические функции вплоть до начала XX в⁸⁴.

Постепенно понятие академической свободы из судебного иммунитета трансформировалось в свободу академической и преподавательской деятельности. Это стало одним из главных этапов перехода от «доклассического» типа университета к «классическому», когда влияние публичной власти в лице государства на внутреннюю жизнь университета довольно велико. Последние попытки сохранить свою юрисдикцию можно проследить на примере Гёттингенского университета, в котором эти попытки во время наполеоновской оккупации не увенчались успехом.

⁸³ Андреев А.Ю. Российские университеты XVII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 34.

⁸⁴ См.: Там же. С. 32.

Идея о создании профессорских дисциплинарных судов возникла не на пустом месте. На необходимость судебной автономии университетов указывал М.В. Ломоносов при подготовке текста Проекта об учреждении Московского университета в 1755 г., в итоговом тексте которого содержались положения о том, что университет подчинен только Сенату, а все члены университетской корпорации подвластны исключительно Университетскому суду (п. 2, 3)⁸⁵.

В Университетском уставе 1804 г. содержалась глава XIV «О суде университетском»⁸⁶. В соответствии с положениями данной главы суд понимался не как отдельный орган в структуре университета, а как функция, которую осуществляли в зависимости от обстоятельств Ректор, Правление или Совет университета.

Есть основания полагать, что данные положения были взяты из опыта Геттингенского университета, где существовали на тот момент три судебных инстанции – Ректор, Совет деканов и университетский Сенат⁸⁷. Дела разбирались ими в качестве первой инстанции в зависимости от суммы иска⁸⁸.

Ректор выступал в качестве суда первой инстанции по делам в отношении студентов. Его решения не подлежали пересмотру в следующих случаях⁸⁹:

- 1) по жалобам в денежной сумме, не превышающей 15 рублей;
- 2) по проступкам, за которые локальными нормативными актами университета предусмотрена ответственность в виде выговора или заключения под стражу на срок не более трех дней.

⁸⁵ ПСЗРИ. Т. XIV. Ст. 10346.

⁸⁶ Общий устав императорских Российских университетов от 5 ноября 1804 г. // ПСЗРИ. Т. XXVIII. Ст. 21428.

⁸⁷ Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М., 2012. С. 199.

⁸⁸ Как отмечает А.Ю. Андреев, связь с Гёттингенским университетом особенно прослеживалась при подготовке Университетского устава 1804 г., откуда были взяты многие положения (См.: Андреев А.Ю. Российские университеты XVII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 293).

⁸⁹ Там же. § 149.

Более серьезные дела могли быть пересмотрены в Правлении университета в порядке апелляции. Также в сложных ситуациях Ректор мог привлекать для консультации университетского Синдика⁹⁰, который обеспечивал соблюдение процессуальных норм в ходе разбирательства.

В отношении профессорско-преподавательского состава и чиновников университета дела в качестве суда первой инстанции рассматривались Правлением университета. Решения Правления не подлежали пересмотру в следующих случаях⁹¹:

- 1) по жалобам, размер требований по которым не превышает 50 рублей;
- 2) по проступкам студентов, за которые локальными нормативно-правовыми актами университета наказание не превышает четырнадцатидневного заключения под стражу;
- 3) по делам в отношении преподавателей или университетских чиновников, за которые предусматривалась ответственность в виде выговора или наложения штрафа не свыше 24 рублей.

В случае необходимости Правление могло привлекать к участию в деле одного или двух профессоров-юристов с правом голоса.

В иных случаях дело, рассмотренное Правлением в качестве суда первой инстанции, могло быть обжаловано в Совет университета, при этом исполнение по делу откладывалось до решения Совета⁹².

Последним содержал в себе положения об особом университетском суде Университетский устав 1863 г.⁹³, где ему было посвящено отделение 3 главы 5⁹⁴. Стоит отметить, что в отличие от Университетского устава 1804 г. в данном Уставе предусматривалось учреждение университетского суда как

⁹⁰ Административная должность в Российских университетах с 1804 по 1863 г., в чьи обязанности входило ведение судебных дел соответствующего университета, а также участие в деятельности университетского суда. Входил в состав Правления с правом совещательного голоса.

⁹¹ Общий устав императорских Российских университетов от 5 ноября 1804 г. § 154.

⁹² Там же. § 156.

⁹³ Устав 1863 г. был либеральным, но Совет, по мнению Р.Г. Эймонтовой, «не только не занял руководящей роли в системе управления университетом, но не получил самостоятельности даже в решении вопросов, связанных исключительно с наукой и преподаванием» (Эймонтова Р.Г. Университетская реформа 1863 г. // Исторические записки, № 70. М., 1961. С. 174).

⁹⁴ Общий устав императорских Российских университетов от 18 июня 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIX, ч. 1. Ст. 39752.

отдельного органа. Советом университета ежегодно избирались из своего числа трое судей и аналогичное число кандидатов в судьи, которые в дальнейшем утверждались в должности попечителем учебного округа. Необходимо отметить, что председателем данного суда обязательно должен был быть представитель юридического факультета⁹⁵. Университетский суд рассматривал дела студентов, нарушивших установленные университетами внутренние правила, а также вступивших в конфликт с должностными лицами университета. Деятельность данных учреждений регулировалась инструкциями и правилами о взысканиях, которые устанавливались самими учебными заведениями. Университетский устав 1863 г., по мнению, В.А. Томсинова, не позволял усилить контроль за антиправительственной деятельностью студентов, в связи с чем к 1872 г. началась разработка нового устава⁹⁶.

В новом Университетском уставе 1884 г., который распространялся на все университеты, кроме Варшавского и Юрьевского положения, предусматривающие деятельность университетских судов, отсутствовали, что привело к их фактическому упразднению⁹⁷. Разбор дел по студенческим проступкам перешел в ведение университетских Правлений, что в дальнейшем стало одной из причин учреждения профессорских дисциплинарных судов.

На рубеже XIX–XX вв. вопрос университетской автономии и академической свободы в частности стоял особенно остро.

На каждого преподавателя велось досье в Департаменте полиции, сведениями из которых снабжалась университетская администрация. Так, в 1899 г. только что вступивший на пост министра народного просвещения Н.П. Боголепов запросил сведения о преподавателях у министра внутренних

⁹⁵ Там же. § 57.

⁹⁶ В.А. Томсинов. Развитие университетского образования в России в период с 1884 до 1917 года. М., 2013. С. 3.

⁹⁷ Ростовцев Е.А. Петербургский университет в фокусе правительственной политики (1860-е – начало 1880-х гг.) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 4. С. 129.

дел И.Л. Горемыкина, который их передал вместе с сопроводительным письмом, в котором просил пользоваться ими исключительно в личных целях, так как они содержали информацию не только официальную, но и «совершенно доверительного характера»⁹⁸. То же касалось и студентов – абитуриенты обязательно предоставляли свидетельство о политической благонадежности из местного полицейского участка, его отсутствие не позволяло поступить в высшее учебное заведение⁹⁹. Наблюдение за студентами велось как внутри университетских зданий, так и за их пределами. Студенческое платье облегчало слежку за студентами вне университетов. В одной из студенческих листовок можно прочитать, что администрация крайне подозрительно относилась ко всякой «непьяной студенческой компании»; подозрения не вызывали лишь собрания «в заведениях низшего сорта» (рестораны, пивные и т. д.)¹⁰⁰.

Особое недовольство среди профессуры и руководителей вузов вызывала деятельность попечителей учебных округов. Главным их предназначением Министерство народного просвещения видело в обеспечении спокойствия и порядка в подконтрольных им учебных заведениях. Как правило, эта должность занималась государственными служащими, чьи политические взгляды не вызывали опасений. Бывший министр народного просвещения И.И. Толстой в своих воспоминаниях отзывался о них как о людях, не способных к плодотворной деятельности, «ибо министерство останавливало свой выбор на том ином лице не по соображениям практического свойства, т. е. не выбирая хороших администраторов, а только потому, что тот или другой профессор имел репутацию человека консервативных убеждений»¹⁰¹. Та же логика действовала и в отношении профессорско-преподавательского состава. В 1887 г. министр народного просвещения И.Д. Делянов сформулировал

⁹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 117. Л. 1.

⁹⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰⁰ Там же. Л. 3.

¹⁰¹ Цит. по: Иванов А.Е.

мысль: «Лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, однако, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающим образом»¹⁰². В итоге во имя превращения преподавателей в «особый полицейский корпус с желтыми пуговицами», как выразился В.О. Ключевский¹⁰³, царское правительство фактически признало их корпорацией, предназначенной не только для учебной, но и для воспитательной работы.

Начало правления Николая II стало временем ожесточенных дискуссий по вопросу университетской автономии. Внутреннее недовольство положениями университетского устава 1884 г. стало постепенно выходить за рамки высших учебных заведений и распространяться в обществе. Нарастающая социальная напряженность вынуждала имперскую бюрократию всерьез относиться к мнению представителей академического сообщества и идти на определенные уступки ради снижения общего уровня напряженности. Тем не менее, стала проявляться и тенденция к бюрократизации образовательного процесса с целью поставить внутреннюю жизнь университетов под непосредственный контроль министерской бюрократии. Своеобразным смещением обоих векторов стало решение назначать на должность министра народного просвещения представителей академического сообщества – ректоров вузов, имеющих значительный опыт административной работы. Первым из них в декабре 1898 г. стал уже упоминавшийся Николай Павлович Боголепов, профессор римского права, бывший ректор Московского университета и попечитель Московского учебного округа¹⁰⁴.

К началу XX в. в России было 1130 преподавателей университетов (13 студентов на преподавателя). К 1914 г. их стало 1510, но в связи с опережающим ростом количества студентов доля преподавателей по

¹⁰² Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С. 177.

¹⁰³ Ключевский В.О. Письма, дневники, афоризмы и мысли по истории. М., 1968. С. 306.

¹⁰⁴ Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университеты России на рубеже XIX-XX вв.: эксперимент с чиновниками от просвещения (Н.П. Боголепов, Г.Э. Зенгер) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2. С. 151.

отношению к ним уменьшилась с 46 % до 33,7 % (27 студентов на преподавателя)¹⁰⁵. И эта тенденция только усиливалась.

К началу XX в. в вузах России насчитывалось 31 427 студентов, в 1914 г. – 123 552 студента, в 1917 г. – 135 000. Если проводить сравнение с европейскими странами, то в 1895 г. в России было 16 студентов на 100 000 населения, в Германии и Италии – 50, во Франции – 46. В 1908 г. – 36 в России против 114 в Германии, и в 1917 г. в России было 88 студентов на 100 000 населения¹⁰⁶. Среди них лидировали юристы – в 1898–1916 гг. было подготовлено 34 529 специалистов в области юриспруденции. К 1917 г. в России действовало 120 государственных высших учебных заведений и порядка 59 общественных и частных¹⁰⁷.

Полицейско-охранительный режим, насаждавшийся в высших учебных заведениях, ограничительные меры сословного, национального, половозрастного регулирования состава студентов, постоянные угнетения университетской автономии превращали высшую школу в один из очагов общественного возмущения господствовавшими в стране политическими порядками¹⁰⁸. Государственные вузы готовили дипломированных чиновников для правительственных служб всех уровней, связанных с государственным управлением, оборонными и идеологическими функциями, народным образованием¹⁰⁹. Студенты подчинялись строгому ведомственному регламенту, в обязательном порядке носили форменное платье, могли получать казенную стипендию и, самое главное, после завершения обучения и сдачи государственных экзаменов приобретали право на чин XII–IX класса и место на государственной службе.

Профессорских стипендиатов (аспирантов) в соответствии с принятыми 21 мая 1884 г. «Правилах о профессорских стипендиатах» указывалось, что лица, участвовавшие в студенческие годы в беспорядках, а также чем-либо

¹⁰⁵ Там же. С. 207.

¹⁰⁶ Там же. С. 257.

¹⁰⁷ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 3.

¹⁰⁸ Там же. С. 5.

¹⁰⁹ Там же. С. 20.

иным заявившие свою политическую неблагонадежность», не могут быть рекомендованы на «профессорские стипендии или в заграничные командировки»¹¹⁰.

В феврале–марте 1899 г. Россию сотрясла первая всероссийская студенческая забастовка, охватившая 30 высших учебных заведений. В ней приняли участие более 25 000 студентов¹¹¹. Масштаб, хорошая организованность и поддержка требований студентов общественностью вынудили Н.П. Боголепова собрать совещание с участием ректоров вузов и попечителей учебных округов. Участникам совещания предложили на основании действующего законодательства обсудить меры, «способствующие водворению спокойствия в высших школах, установлению правильного хода учебных занятий и улучшению быта студентов»¹¹².

В 1899 г. П.С. Ванновский, в будущем министр народного просвещения после Н.П. Боголепова, по поручению Николая II руководил расследованием студенческих волнений в Санкт-Петербургском университете и других высших учебных заведениях¹¹³. Официально считается, что поводом к ним послужило обращение ректора университета В.И. Сергеевича к студентам с резкими замечаниями. К тому времени общая атмосфера среди студенчества была напряженной, что привело к их сходке в ответ на действия ректора. Когда студенты 8 февраля 1899 г. вышли на улицу, то конная полиция без предупредительных мер начала избивать их нагайками. С.Ю. Витте критиковал действия властей в этой ситуации, в частности, излишнюю жестокость со стороны полиции¹¹⁴.

После широкой огласки произошедших событий к студентам Санкт-Петербургского университета присоединились обучающиеся Военно-

¹¹⁰ РГИА. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

¹¹¹ Аврус А.И. История российских университетов: Очерки. М., 2001. С. 84.

¹¹² Краткий обзор деятельности Министерства народного просвещения за время управления покойного министра Н.П. Боголепова // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1901. Июль. С. 53.

¹¹³ Господарик Ю. Министры предреволюционной эпохи. Петр Семенович Ванновский // Высшее образование в России. № 4, 2002. С. 143.

¹¹⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. 2. М., 1960. С. 198.

медицинской академии, Технологического, Горного, Лесного, Электротехнического институтов. Также начались волнения в университетах Киева и Харькова. Что касается Московского университета, то по решению его руководства были исключены около 170 студентов. П.С. Ванновский справедливо посчитал действия полиции в данной ситуации одной из причин роста числа студенческих волнений, вследствие чего многие полицейские чиновники, в основном занимающие второстепенные должности, были подвергнуты различным взысканиям. Николаю II был представлен доклад по итогам проведенного П.С. Ванновским расследования, в котором, в числе прочего, содержались предложения дать возможность студентам избирать из своего числа старост курса и проводить курсовые собрания. Однако идеи дарования большей академической свободы для студенчества в то время не получили дальнейшего развития.

Министр Н.П. Боголепов, будучи, по воспоминаниям современников, монархистом и консерватором, выступал за постепенное внедрение новых положений законодательства без радикальных изменений университетского устава 1884 г. В этом ему удалось убедить участников совещания, которые по итогам своей работы подготовили три циркуляра¹¹⁵.

Первый вступил в силу 27 июня 1899 г. и касался деятельности университетской инспекции. Н.П. Боголепов в нем указал на желательность изменения порядка деятельности инспекции с контроля над студентами на помощь им в околоучебной деятельности, в частности, помогать им с поиском источников дохода, места для проживания и иных смежных вопросах. Изначально благая в отношении студентов мысль в итоге обернулась резким падением авторитета министра в академическом сообществе – новые полномочия инспекции привели к увеличению численного состава инспекторов и их помощников¹¹⁶, что привело к перераспределению расходов Министерства со стипендий студентам и

¹¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 298. Л. 45, 48, 51.

¹¹⁶ Приблизительно 1 помощник инспектора на 150 студентов.

жалования профессорско-преподавательскому составу на содержание новых инспекторов.

Второй циркуляр лишь ухудшил общую ситуацию. В преддверии нового учебного года, 5 июля 1899 г., появился циркуляр, в котором министр поднял вопрос о неравномерном распределении студентов между отдельными университетами. По его мнению, в провинциальных вузах было мало обучающихся, в то время как столичные вузы и Киевский университет были переполнены. Это привело к фактическому запрещению с нового учебного года абитуриентам выбирать себе высшее учебное заведение за пределами своего учебного округа. Ограничения не касались историко-филологических факультетов, которые традиционно не пользовались популярностью студентов после введения устава 1884 г. Данные изменения привели к тому, что талантливые абитуриенты с периферии потеряли возможность поступать в наиболее крупные вузы, которые являлись на тот момент центрами науки. Также это повлияло на обострение национального вопроса¹¹⁷.

Третий циркуляр появился 21 июля 1899 г. и предусматривал меры, направленные на более плотное взаимодействие профессорско-преподавательского состава со студентами. В связи с этим преподавателям вменялись дополнительные обязанности – руководить научными и литературными кружками, создавать хоры и оркестры для студентов, увлеченных музыкой, тем самым «занимая их время и направляя с помощью своего нравственного авторитета мысли молодых людей в правильное русло»¹¹⁸. Также был пересмотрен подход к преподаванию с увеличения количества практических занятий в виде семинаров за счет лекционных часов, что привело к существенному увеличению учебной нагрузки и необходимости привлечения новых преподавателей. Проблема заключалась в том, что Н.П. Боголепов находился в конфликте с влиятельным министром

¹¹⁷ Краткий обзор деятельности Министерства народного просвещения за время управления покойного министра Н.П. Боголепова // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1901. Июль. С. 56.

¹¹⁸ Там же. С. 57.

финансов С.Ю. Витте, который сделал все, чтобы дискредитировать своего оппонента перед лицом общественности и высшей имперской бюрократии. Денег для реформы было выделено недостаточно, в результате чего преподаватели получили дополнительную аудиторную и внеаудиторную нагрузку без дополнительной оплаты¹¹⁹.

Главной ошибкой Н.П. Боголепова на посту министра народного просвещения современники называют принятие «Временных правил об отбывании воинской повинности в виде наказания воспитанниками высших учебных заведений, исключаемыми за коллективные беспорядки» от 29 июля 1899 г. (далее также – Временные правила от 29 июля 1899 г.)¹²⁰. Их применение в дальнейшем стало одной из причин резкого роста политической активности студентов.

В соответствии с данными правилами в качестве высшей меры в отношении зачинщиков и участников студенческих волнений стало зачисление в войска, при этом не учитывались ни возраст, ни состояние здоровья¹²¹, ни любые другие условия, освобождающие студента от военной службы. Для рассмотрения дел, относящихся к этой категории, собиралось особое совещание под председательством попечителя учебного округа, куда входили делегаты от трех министерств – Военного, Внутренних дел и Юстиции – и представители профессорско-преподавательского состава вуза. Рассмотрев доказательства и определив степень вины студента, комиссия могла отправить его для несения службы сроком от одного до трех лет. По истечении назначенного срока студент мог вернуться в свое высшее учебное заведение. Сам Н.П. Боголепов оправдывал принятие Временных правил от 29 июля 1899 г. давлением со стороны правительственных кругов во главе с

¹¹⁹ Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университеты России на рубеже XIX-XX вв.: эксперимент с чиновниками от просвещения (Н.П. Боголепов, Г.Э. Зенгер) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2. С. 156.

¹²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 298. Л. 45.

¹²¹ Неспособные к службе по медицинским основаниям в соответствии со ст. 8 Временных правил от 29 июля 1899 г. определялись на «нестроевые должности».

С.Ю. Витте, которые считали его политику в отношении бунтующих студентов недостаточно действенной¹²².

Временные правила от 29 июля 1899 г. спровоцировали волну студенческих выступлений в 1900 г., которые начались в Киевском университете и затем распространились по другим вузам. Студенты требовали отмены Временных правил, внесения изменений в Университетский устав 1884 г. в части ослабления государственного вмешательства в дела вузов. По личному распоряжению Н.П. Боголепова 183 бастующих студента Киевского университета были отданы в солдаты за обструкцию, учиненную ими в отношении одного из преподавателей, обвиненных ими в дилетантизме. Это решение стало для министра роковым: 14 февраля 1901 г. он был смертельно ранен бывшим студентом Московского университета Петром Карповичем, состоявшим в партии эсеров. Как установило следствие, причиной убийства стала месть за отчисленных студентов Киевского университета. Время нахождения Н.П. Боголепова в должности министра народного просвещения характеризовали как «одну из самых печальных эпох в истории университетов»¹²³. Его консервативная политика в отношении академического сообщества была признана неэффективной на самом высоком уровне, что побудило Николая II задуматься о применении иного подхода, направленного на уступки студентам и либерально настроенным преподавателям.

24 марта 1901 г. П.С. Ванновский был назначен новым министром народного просвещения. По оценкам современников это назначение должно было сказаться на положении студенчества самым благотворным образом. С.Ю. Витте отмечал, что, несмотря на его известность в качестве человека самых консервативных взглядов, Петр Семенович был не понаслышке

¹²² Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университеты России на рубеже XIX–XX вв.: эксперимент с чиновниками от просвещения (Н.П. Боголепов, Г.Э. Зенгер) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2. С. 158.

¹²³ РГИА. Ф.733. Оп. 151. Д. 298. Л. 48.

знаком с внутренней жизнью высших учебных заведений и искренне верил, что со студентами можно поладить мирным путем¹²⁴. В частности, одним из первых своих решений в качестве министра народного просвещения он отменил действие Временных правил от 29 июля 1899 г.

Главным содержанием деятельности П.С. Ванновского стала разработка плана преобразования средних учебных заведений и университетов. В апреле 1901 г. советам университетов и соответствующим коллегиям в других высших учебных заведениях через попечителей учебных округов было предложено высказать свои соображения о желательных изменениях в уставах. Поступившие отзывы, при всем своем разнообразии, сходились на необходимости узаконить студенческие организации и привнести новые элементы университетской автономии¹²⁵.

В статье, написанной в 1904 г., профессор В.И. Вернадский отмечал следующее: «В течение года в эпоху Ванновского в советы всех университетов, профессора диаметрально противоположных политических мнений подвергли критике университетские порядки. Подавляющее большинство их высказалось против положений действующего университетского устава 1884 г., ограничивающих университетскую автономию»¹²⁶.

Поступившие предложения были объединены в систематический свод, и в августе 1901 г. было созвано совещание с участием обер-прокурора Синода, министров: военного, финансов, юстиции, путей и сообщений, внутренних дел и земледелия. Совещание сочло необходимым установить в высших учебных заведениях одинаковый распорядок в том смысле, что разрешение в одном не наказывалось бы в другом, также обсуждались вопросы об организации студенческих учреждений, а также об экстренных совместных мерах администраций университетов, полиции и армии для

¹²⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. 2. М., 1960. С. 200.

¹²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 24.

¹²⁶ Вернадский В.И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 28.

прекращения студенческих беспорядков¹²⁷. После данного совещания было созвано еще несколько, посвященных различным вопросам об упорядочении внутренней жизни академического сообщества.

Совещание Совета высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 6 ноября 1901 г. стало первым шагом к возрождению особого судебного органа при высших учебных заведениях, в компетенцию которого входило разбирательство по дисциплинарным проступкам студентов¹²⁸. Председательствовал на совещании товарищ министра народного просвещения Григорий Эдуардович Зенгер.

Он окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета в 1874 г., после чего посвятил свою жизнь преподавательской и научной деятельности. В 1897 г. он стал ректором Варшавского университета, с 1900 г. привлекался министром народного просвещения Н.В. Боголеповым к работе в Комиссии по реформе средней школы. Положительно зарекомендовав себя на этом поприще, 17 ноября 1901 г. Григорий Эдуардович занял должность товарища министра народного просвещения и одновременно с этим возглавил Комиссию по созданию профессорских дисциплинарных судов. Однако С.Ю. Витте оценивал Г.Э. Зенгера как человека «кристальной чистоты, увлекающегося, но никудышного администратора»¹²⁹. Схожего мнения придерживались и другие современники¹³⁰, отмечая его нежелание следовать реакционной политике государственной власти, что в итоге и привело к его отставке 23 января 1904 г. и назначению на должность министра народного просвещения генерала Глазова, руководителя Военной академии¹³¹.

В новой должности Григорий Эдуардович занялся проведением в жизнь проектов, направленных на либерализацию академической жизни, в

¹²⁷ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802–1902 гг. СПб., 1902. С. 701.

¹²⁸ Протокол совещания Совета высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 6 ноября 1901 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 2–4, 6–8, 10–13.

¹²⁹ Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. 2. М., 1960. С. 205.

¹³⁰ Афанасьев Н.И. Современники. Альбом биографий. Т. 1. СПб., 1909. С. 77.

¹³¹ Григорий Эдуардович Зенгер // Высшее образование в России, №4. 2002. С. 149.

частности, именно под его руководством в высших учебных заведениях появилась должность куратора курса, который избирался Советом университета, и в чьи обязанности входило представление интересов студентов соответствующего курса перед администрацией, также студенты получили возможность избирать курсовых старост. Он добился принятия решения о возможности отчисленным при участии Н.П. Боголепова студентам Киевского университета восстановиться с нового, 1903/1904 учебного года, частично отменил комплектные нормы столичных вузов, вернув возможность абитуриентам с периферии поступать в вузы Санкт-Петербурга и Москвы. Отдельным его начинанием в конце 1902 г. стала подготовка нового университетского устава, но император Николай II оставил проект устава без внимания; намного больше его интересовали студенческие волнения и способы их разрешения, итогом чего и стало создание профессорского дисциплинарного суда, где либеральная направленность Григория Эдуардовича оказалась очень кстати¹³².

Итак, поставленный на обсуждение Г.Э. Зенгером на Совещании Совета высших учебных заведений вопрос о том, желательно ли восстановить университетский суд, встретил единодушную поддержку присутствующих: восстановление данного органа было признано весьма желательным.

Ректор Казанского университета Д.И. Дубяго признал необходимым изъять суд над студентами из ведения правлений университетов и соответствующих им органов администрации в иных высших учебных заведениях и передать его специальному дисциплинарному суду, избираемому советом высших учебных заведений из своих членов. Указанный суд, по мнению Д.И. Дубяго, разбирая дела студентов и налагая на них соответствующие взыскания, в более важных случаях превращается в

¹³² Там же. С. 150.

«следственную камеру», которая разбирает дело и передает собранные материалы на усмотрение и разрешение Совета¹³³.

Ректор Харьковского университета Н.О. Куплеваский и ректор Новороссийского университета Ф.Н. Шведов предложили ввести университетский суд на началах, изложенных в Университетском уставе 1863 г. В частности, в состав суда надлежит избирать 3 членов, один из которых должен представлять юридический факультет¹³⁴.

Ректор Университета святого Владимира в Киеве Ф.Я. Фортинский указал на то, что компетенция вновь образуемого органа должна быть расширена по сравнению с Университетским уставом 1863 г., согласно которому к ведению суда относились следующие дела: (1) о нарушении студентами порядка в зданиях и учреждениях университета, установленного особыми правилами каждого из них; (2) о столкновениях между студентами с одной стороны и преподавателями и должностными лицами университета с другой¹³⁵.

По мнению Ф.Я. Фортинского, было необходимо включить в компетенцию учреждаемого суда и разбирательство по таким студенческим проступкам, которые хотя и не вызывают преследования со стороны государства, но, тем не менее, виновный в таком проступке представляется «неудобным и нежелательным членом студенческого общества»¹³⁶.

В ходе заседания были рассмотрены и иные вопросы, касавшиеся деятельности и компетенции дисциплинарного суда. В частности, предлагалось предусмотреть порядок, при котором правом на внесение дел на рассмотрение дисциплинарным судом обладает лишь правление в университетах и соответствующие ему органы в иных вузах. В дальнейшем

¹³³ Протокол совещания Совета высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 6 ноября 1901 г. // РГИА. Ф.733. Оп. 151. Д. 297. Л. 4.

¹³⁴ Общий устав Императорских Российских университетов от 18 июня 1863 г. § 58.

¹³⁵ Протокол совещания Совета высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 6 ноября 1901 г. Л. 6.

¹³⁶ Там же. Л. 8.

эта инициатива не была реализована, и право вносить дела на рассмотрение дисциплинарным судом имелось лишь у ректора (директора) вуза.

Что касается мер взыскания, то высшей мерой предлагалось сделать удаление виновного студента из университета. За менее важные проступки предусматривался бы арест, а в случае нежелания виновного подчиняться такому приговору следовало бы его удаление. Заседания дисциплинарного суда предлагалось вести при закрытых для посторонних лиц дверях.

Одним из наиболее обсуждаемых являлся вопрос о составе учреждаемого органа. Предлагалось увеличить количество членов дисциплинарного суда по сравнению с § 58 Университетского устава 1863 г. с трех до пяти. При этом четверо судей представляли бы разные факультеты, а председатель суда в качестве пятого избирался бы Советом университета без привязки к определенному факультету. Один из членов судей по предложению председателя исполнял бы обязанности секретаря.

Что касается срока избрания, то решено было его установить в один год с возможностью повторного избрания одного и того же лица неограниченное число раз. Важным являлось условие о том, что судей и председателя суда предлагалось избирать только из профессоров, не занимающих административных должностей в соответствующем высшем учебном заведении. Как показало время, данное условие нарушалось, поэтому избранный председателем первого состава дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета Ф.Ф. Мартенс написал прошение на имя ректора о том, чтобы его освободили от должности председателя дисциплинарного суда по причине его занятости на административных должностях в Университете и нахождения во время голосования в зарубежной командировке¹³⁷.

Кроме непосредственно судей дисциплинарного суда предполагалось также избирать кандидатов в судьи, которые могли бы заменить

¹³⁷ Простение Ф.Ф. Мартенса на имя ректора Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстена от 21 октября 1902 года // ГИА СПб. Ф. 14 Оп. 1 Д. 9703. Л. 15.

отсутствующих членов суда. В случае отсутствия на заседании председателя суда его обязанности исполнялись бы старшим по чину государственной службы членом суда, а место последнего занимает кандидат в судьи по принадлежности к соответствующему факультету.

Ректор Московского университета А.А. Тихомиров высказал мнение о том, что в состав дисциплинарного суда помимо профессоров должны входить представителя местных судебных коллегий (судебной палаты, окружного суда или съезда мировых судей). По его мнению, участие представителей судейского сообщества в деятельности дисциплинарного суда «внесло бы надлежащий опыт и большее знание судебных порядков судебных порядков, что дало бы больше гарантий соблюдения процессуальных форм»¹³⁸.

Необходимость ввести в состав суда членов судебных коллегий объяснялась также характером дел, подсудных дисциплинарному суду. По мнению участников совета, ведению дисциплинарного суда должны были подлежать серьезные проступки, влекущие за собой увольнение из университета и продолжительный арест. Между тем проступки эти не всегда совершаются против академического сообщества. В частности, к данным проступкам можно отнести участие в неразрешенных в высшем учебном заведении сообществах, запрещенных сходках и так далее, т. е. проступки, опирающиеся на общегосударственное запрещение.

Стоит отметить, что по инициативе А.А. Тихомирова предлагалось отдать большинство мест в дисциплинарном суде (3 из 5) представителям судебной коллегии, которые из своего числа выбирали бы председателя дисциплинарного суда.

Решение о включении в состав профессорского дисциплинарного суда членов судебных коллегий было поддержано всеми участниками совета.

¹³⁸ Протокол совещания Совета высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 6 ноября 1901 года. Л. 10.

Что же касается возбуждения дел в дисциплинарном суде, то это право предлагалось предоставить проректору, инспектору университета, ректору и правлению с тем условием, что остальные лица могли бы подавать заявления в дисциплинарный суд через указанные органы.

Приговор дисциплинарного суда предлагалось считать окончательным, но в случае нарушения предусмотренных законодательством форм производства дело, присужденное к высшему в системе дисциплинарных взысканий наказанию – увольнению из университета – имело бы право обратиться в тот же суд для выяснения ошибки с просьбой о пересмотре дела. В случае отказа суда лицо имело бы право обратиться с ходатайством к попечителю учебного округа или самому министру народного просвещения, которые могли бы приказать тому же или иному составу дисциплинарного суда вновь пересмотреть дело.

Последним обсуждался вопрос о создании специального «дисциплинарного кодекса» по примеру Правил Московского университета 1868 г., где были бы перечислены студенческие проступки, подсудные дисциплинарному суду. При этом предполагалось установить, что дисциплинарный суд может разбирать указанные проступки не только в том случае, когда они совершены в стенах высшего учебного заведения и принадлежащих к нему учреждений, но и вне их. Взыскания за мелкие дисциплинарные проступки, не предусмотренные дисциплинарным кодексом, мог бы назначать ректор (директор) или проректор.

Следующим шагом по учреждению профессорского дисциплинарного суда стало создание специальной комиссии из выборных представителей высших учебных заведений с целью подготовки документа, в котором будут обозначены основные принципы деятельности данного органа.

В письме от 19 декабря 1901 г. пребывающий на тот момент в должности министра народного просвещения П.С. Ванновский просил Г.Э. Зенгера «поручить разбор студенческих проступков специальному суду, образуемому из выборных преподавателей соответствующих высших

учебных заведений»¹³⁹. Это предполагалось в качестве временной меры, так как в будущем планировалось внести положения относительно дисциплинарного суда в проект нового общеуниверситетского устава¹⁴⁰. Г.Э. Зенгеру было предложено образовать по своему усмотрению комиссию по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения. При этом предлагалось в качестве образца использовать Правила о профессорском дисциплинарном суде Варшавского университета 1869 г.¹⁴¹

Кроме этого, министр в своем письме указал, что при разработке документа необходимо ясно очертить власть ректора в наложении дисциплинарных взысканий на студентов, а также составить лестницу наказаний¹⁴².

Уже 21 декабря 1901 г. Г.Э. Зенгер направил письмо ректору Императорского Санкт-Петербургского университета Адольфу Христиановичу Гольмстену с приглашением стать членом комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения. В указанном письме товарищ министра сообщил, что первое заседание комиссии назначено на следующий день, 22 декабря, на 2 часа дня в здании Министерства. По просьбе Адольфа Христиановича в состав комиссии был включен занимающий должность экстраординарного профессора Санкт-Петербургского университета Александр Иванович Введенский¹⁴³.

¹³⁹ Письмо министра народного просвещения П.С. Ванновского товарищу министра народного просвещения Г.Э. Зенгеру от 19 декабря 1901 года. № 604 // ГИА СПб. Ф. 14 Оп. 1 Д. 9703. Л. 8.

¹⁴⁰ Ольховский Е.Р. Студенческое движение на рубеже XIX-XX в. Зарождение большевистской организации в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 6. Л., 1989. С. 111.

¹⁴¹ Правила о профессорском дисциплинарном суде Варшавского университета 1869 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 10.

¹⁴² Письмо министра народного просвещения П.С. Ванновского товарищу министра народного просвещения Г.Э. Зенгеру от 19 декабря 1901 года № 604. Л. 9.

¹⁴³ Письмо товарища министра народного просвещения Г.Э. Зенгера ректору Императорского Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстену от 21 декабря 1901 года № 610 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 15.

Стоит отметить, что только Санкт-Петербургский университет имел в составе комиссии двух своих представителей. Кроме того, только А.И. Введенский был единственным представителем от университетов, не занимающим должность ректора (директора).

К тому времени в стенах Санкт-Петербургского университета специально созданная Советом университета по поручению министра народного просвещения комиссия во главе с ректором А.Х. Гольмстеном подготовила заключение по вопросу о взысканиях, налагаемых на студентов дисциплинарным судом. В состав комиссии кроме самого А.Х. Гольмстена вошли также декан юридического факультета Д.Д. Гримм и А.И. Введенский. Само заключение было передано попечителю Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепу вместе с сопроводительным письмом от 21 декабря 1901 г. для дальнейшего представления его министру¹⁴⁴.

В обозначенном заключении приводилась следующая лестница дисциплинарных взысканий: (1) выговор; (2) выговор, доводимый через письменное объяснение до сведения всех студентов; (3) денежный штраф в размере от 1 рубля до 10 рублей; (4) арест от 1 дня до 14 дней¹⁴⁵; (5) увольнение из высшего учебного заведения до начала ближайшего или следующего за ним учебного года с правом немедленного поступления в другие высшие учебные заведения; (6) увольнение из высшего учебного заведения на те же сроки, но с ограничением права поступать в другие высшие учебные заведения на те же или меньшие сроки; (7) бессрочное увольнение из высшего учебного заведения с правом поступать в другие вузы при начале следующего учебного года¹⁴⁶.

Само заключение начиналось с критики действовавшей на тот момент системы дисциплинарных взысканий. Отмечалось, в частности, что данная

¹⁴⁴ Донесение ректора Санкт-Петербургского университета попечителю Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепу от 21 декабря 1901 г. № 15966 // РГИА. Ф.733. Оп. 151. Д. 297. Л. 23.

¹⁴⁵ Штрафные деньги могли быть употреблены на содержание студентов, подвергшихся аресту, а остаток от них по окончании учебного года передавался в Общество взаимопомощи недостаточным студентам.

¹⁴⁶ Налагая взыскания начиная с п. 2 дисциплинарный суд мог лишить провинившегося права быть избранным в старосты в течение определенного срока или бессрочно.

система рассчитана на те случаи, когда взысканию подвергаются отдельные студенты, и почти неприменима к массовым проступкам. При этом в качестве мер взыскания в распоряжении дисциплинарного органа высшего учебного заведения имелись лишь выговор и арест, так как массовое увольнение студентов могло вызвать серьезные последствия (например, крупные студенческие сходки). По мнению членов Комиссии, выговор оказывает значительное исправительное воздействие на отдельных студентов, но на группы студентов не оказывает достаточного воздействия. Что касается ареста, то он также не может быть применим при массовых проступках¹⁴⁷. Все указанное выше привело, по мнению членов комиссии, к таким негативным следствиям, как развитие системы фиктивных увольнений, когда уволенные студенты спустя короткий промежуток времени возвращаются вновь с угрозой окончательного исключения после повторного проступка, и банальное игнорирование массовых проступков студентов. Именно по этой причине комиссией, которая руководствовалась опытом западных университетов, был предложен денежный штраф в качестве одной из мер взыскания.

В сопроводительном письме А.Х. Гольмстен отмечал, что следует также ограничить максимальный срок ареста с 28 дней до 14 дней, так как на практике арест более 14 дней ни разу не назначался по причине его вреда для здоровья и учебной деятельности студентов¹⁴⁸.

Наиболее важным члены комиссии сочли вопрос о необходимости изменения такого взыскания, как увольнение студента из высшего учебного заведения. Отмечалось, в частности, что согласно действовавшим на тот момент правилам, увольнять студентов можно только бессрочно,

¹⁴⁷ Донесение ректора Санкт-Петербургского университета попечителю Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепу от 21 декабря 1901 г. № 15966. Л. 24.

¹⁴⁸ Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Русский студент дореформенной эпохи: нормы и повседневная жизнь корпорации / Т.Н. Жуковская, К.С. Казакова. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 45.

присоединяя при этом запрещение поступать в другие учебные заведения на определенный срок или бессрочно¹⁴⁹.

Между тем, вполне возможны случаи, когда студент может быть удален из высшего учебного заведения временно, не теряя при этом права поступить в другое высшее учебное заведение. Например, при личностном конфликте с преподавателем, который читает лекции только в определенном полугодии, или в случае попадания в дурную компанию. При этом не отрицалось, что студент может быть опасным элементом любого академического сообщества, а не только своего высшего учебного заведения, но дисциплинарный суд в любом случае не вправе лишать осужденного права на получение высшего образования. Данное взыскание может быть наложено только общеуголовным судом. Поэтому наиболее тяжким взысканием предлагалось сделать бессрочное увольнение из высшего учебного заведения с правом поступать в другие высшие учебные заведения при начале следующего учебного года¹⁵⁰.

Что касается порядка утверждения приговоров дисциплинарного суда, то комиссия предложила предусмотреть правило, по которому все приговоры данного суда утверждались бы Советом высшего учебного заведения. Как писал А.Х. Гольмстен, это необходимо сделать по двум причинам: (1) утверждая приговоры дисциплинарного суда, Совет высшего учебного заведения придавал бы им больший авторитет; (2) только при таком условии члены дисциплинарного суда могут постановлять приговоры «с надлежащей строгостью без всяких опасений вызывать этим какие-либо нарекания лично против себя»¹⁵¹.

¹⁴⁹ Правила для учащихся в университетах от 18 мая 1885 г. § 31. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 24.

¹⁵⁰ Донесение ректора Санкт-Петербургского университета попечителю Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепу от 21 декабря 1901 г. № 15966 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 25.

¹⁵¹ Там же. Л. 27.

Пересмотр дел в дисциплинарном суде предлагалось осуществлять только в случае основательного сомнения в судебной ошибке, в ином случае «дисциплинарный суд не имел бы никакого уважения среди студенчества»¹⁵².

В заключительной части письма А.Х. Гольмстен указывал, что, по мнению комиссии, правила о порядке возбуждения, расследования дела и порядок делопроизводства в дисциплинарном суде должны быть составлены Советом высшего учебного заведения, чтобы учесть все местные особенности.

Как уже отмечалось выше, первоначально заключение комиссии было направлено попечителю Санкт-Петербургского учебного округа для дальнейшего препровождения его министру народного просвещения. В.К. фон Анреп 22 декабря 1901 г. направил текст заключения в Министерство народного просвещения с сопроводительным письмом, в котором подверг данное заключение критике.

Он отмечал, в частности, что порядок, при котором все приговоры дисциплинарного суда утверждаются Советом высшего учебного заведения, обладает рядом недостатков: (1) во-первых, для наложения выговора на студента не требуется постановления органа, который состоит в среднем из 70–100 членов. Кроме того, в этом случае нельзя будет ожидать оперативного решения по делу, так как для каждого случая придется собирать экстренное заседание Совета. Авторитета судей дисциплинарного суда, по мнению В.К. фон Анрепа, в этом случае будет вполне достаточно. В ином случае утверждение приговора суда Советом превратится либо в простую формальность, либо приведет к существенным и излишним осложнениям¹⁵³. (2) во-вторых, критике подверглось предложение включить в число дисциплинарных взысканий денежный штраф, так как возможность откупиться от наказания будет принижать авторитет дисциплинарного суда.

¹⁵² Там же. Л. 28.

¹⁵³ Донесение попечителя Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепа министру народного просвещения П.С. Ванновскому от 22 декабря 1901 г. № 17270 // РГИА. Ф.733. Оп. 151. Д. 297. Л. 21.

Применение их представлялось возможным исключительно за порчу имущества высшего учебного заведения¹⁵⁴.

Важно отметить, что В.К. фон Анреп участвовал в работе комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения, и его предложения были в итоге учтены при подготовке указанного документа¹⁵⁵.

Первое заседание комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения состоялось 22 декабря 1901 г. Началось оно с того, что Г.Э. Зенгер, председатель комиссии, предложил ознакомиться с материалом работы университетских судов до их упразднения на основании положений Университетского устава 1884 г.

Члены комиссии пришли к выводу, что после 1884 г. единственным высшим учебным заведением, в стенах которого продолжал действовать университетский суд, является Варшавский университет. Правила, на основании которых он действовал, соответствовали положениям Университетского устава 1863 г.¹⁵⁶

Согласно Правилам об университетском суде Варшавского университета¹⁵⁷ Совет избирал из числа профессоров трех судей и трех кандидатов в судьи, которые привлекались к разбирательству по делу в случае болезни или отсутствия одного из судей.

Необходимо отметить, что в соответствии с правилами председателем суда обязательно становился профессор-юрист, даже если он не получил наибольшее число голосов, также юристами должны были быть как минимум один судья и один кандидат в судьи. Таким образом, составители добивались

¹⁵⁴ Там же. Л. 22.

¹⁵⁵ Состав комиссии обозначен в Приложении № 1.

¹⁵⁶ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 22 декабря 1901 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 27.

¹⁵⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 543. Л. 4–7.

гарантий правильного с формальной стороны порядка судопроизводства за счет привлечения опыта и знаний профессоров-юристов в составе Суда.

Ведению университетского суда Варшавского университета подлежали следующие категории дел в отношении студентов:

1. О нарушении ими в зданиях и учреждениях университета порядка, установленного внутренними правилами университета.

2. О столкновениях между студентами с одной стороны и преподавателями и должностными лицами университета с другой, даже если они произошли вне зданий и учреждений университета.

В университетский суд дела поступали из Правления университета, при этом суду сообщались все сведения, касающиеся соответствующего дела. В случае, если суд считал сведения недостаточными, то он мог поручить университетскому инспектору восполнить недостающие сведения. После получения дела из Правления председатель суда назначал дату и время судебного заседания, вызов свидетелей и сторон по делу осуществлялся путем направления им повесток через инспектора университета. Заседания суда назначались председателем по мере необходимости. Отдельно регулировался вопрос о неявке обвиняемого. В случае, если обвиняемый не являлся к месту проведения заседания, то ему делался повторный вызов. Если обвиняемый и второй раз не являлся без уважительной причины, то дело рассматривалось в его отсутствие. Кроме того, в этом случае он подлежал ответственности за неявку без уважительной причины даже в том случае, если в отношении него был вынесен оправдательный приговор.

Что касается порядка производства по делам, то само разбирательство проходило при закрытых дверях, но с участием обвиняемого и свидетелей¹⁵⁸. Свидетели при этом допрашивались порознь в присутствии обвиняемого. Процесс был устным при наличии письменных приговоров, которые доводились до сведения Совета университета, а также заносились в

¹⁵⁸ В правилах не было указание на необходимость присутствия во время заседания потерпевшего, но на практике в большинстве случаев он участвовал в заседаниях суда.

специальную книгу решений суда с подписями всех судей и/или кандидатов в судьи, принимавших участие в процессе. Факт того, что обвиняемый после получения повестки, но до начала судебного заседания, подавал прошение об исключении его из университета, не освобождал его от ответственности перед университетским судом.

В Правилах регулировался вопрос о двойной подведомственности. В случае, когда нарушение внутренних университетских правил сопровождалось нарушением уголовного законодательства, университетский суд был обязан исключить студента из университета и передать протокол и все необходимые сведения в общие судебные установления.

Как мы увидим дальше, эти положения повлияли на регулирование деятельности профессорских дисциплинарных судов, пускай и не в полном объеме.

На момент заседания комиссии разбором студенческих дисциплинарных проступков в разных высших учебных заведениях занимались различные органы¹⁵⁹.

Комиссия определила, что на тот момент все высшие учебные заведения, кроме Томского технологического института и Санкт-Петербургских женских медицинских курсов, имеют свои особые правила о взысканиях, налагаемых на студентов, при этом Варшавский университет и Демидовский юридический лицей имели достаточно подробные правила о порядке предварительного дознания и порядке делопроизводства в дисциплинарном суде и Правлении соответственно. Данные правила в период с 1863 по 1884 г. имелись в каждом университете, где их составлял Совет и утверждал попечитель учебного округа.

На основании данных материалов комиссия пришла к выводу о том, что необходимо создать общие для всех высших учебных заведений правила

¹⁵⁹ См.: Приложение № 2.

организации дисциплинарного суда, после чего председателем был поставлен вопрос о составе суда.

При обсуждении данного вопроса комиссия единогласно решила, что число судей в дисциплинарном суде должно быть больше трех, иначе могут возникнуть серьезные затруднения. Ректор Московского университета А.А. Тихомиров рассказал про случай, когда во время студенческих волнений 1899 г. Правление Московского университета в составе 7 лиц (4 декана, инспектор, ректор и его помощник) не могло справиться с 480 подсудимыми, и некоторые функции (в частности, предварительное дознание) было поручено осуществлять секретарям факультета¹⁶⁰.

Острая дискуссия возникла вокруг вопроса о том, по какому принципу должны избираться члены дисциплинарного суда. А.Х. Гольмстеном было высказано предложение избирать по одному судье от каждого факультета, тогда как председатель суда избирался бы Советом независимо от факультета. Также, по мнению членов комиссии, необходимо иметь профессора-юриста не только как судью, но и как председателя суда. Это объяснялось знанием юристом порядка делопроизводства и «тем впечатлением, которое производит на подсудимых присутствие юриста, особенно при допросе»¹⁶¹.

Ректор Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстен указывал на тот факт, что незнакомый с юридической техникой председатель суда «при всем стремлении действовать правильно может допустить ту или иную нежелательную неловкость»¹⁶². По личному опыту ректора Санкт-Петербургского университета, когда в 1900 г. Правление университета во время разбирательств по студенческим беспорядкам часто встречало затруднение в процессуальных вопросах, то присутствие юриста помогало Правлению разрешать спорные ситуации.

¹⁶⁰ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 22 декабря 1901 года. Л. 30.

¹⁶¹ Там же. Л. 31.

¹⁶² Там же. Л. 32.

Против последнего предложения высказались представители технических высших учебных заведений, ветеринарных институтов и высших женских учебных заведений, где не было юристов, но где, тем не менее, при разбирательстве студенческих проступков не встречалось никаких затруднений, и едва ли при тактичности председателя могут встретиться такие затруднение.

Со своей стороны, председатель комиссии Г.Э. Зенгер привел пример из практики дисциплинарного суда Варшавского университета, когда председатель указанного суда, будучи профессором юридического факультета, вследствие своей нервозности и возбужденного состояния, при всем знании процессуальной стороны судопроизводства, задавал подсудимым целый ряд излишних вопросов об их отношении к взглядам на честование памяти одного политического деятеля, а также об их солидарности с фактическими участниками одной манифестации, после чего подсудимые даже обращались с жалобой на действия председателя дисциплинарного суда к ректору Варшавского университета¹⁶³.

Не отрицая пользы от присутствия в составе дисциплинарного суда профессора-юриста, председатель комиссии указал, что не видит оснований требовать того, чтобы председателем дисциплинарного суда непременно был профессор-юрист. Аналогичное мнение им было высказано и в отношении правила о представительстве судей от факультетов, так как Совет высшего учебного заведения нельзя ограничивать обязательным избранием представителей разных факультетов. Совет, по мнению Г.Э. Зенгера, это не механическое сочетание факультетов, а нечто целостное, и члены его рассматриваются не как представители факультетов, а как лица, представляющие общие интересы соответствующего высшего учебного заведения¹⁶⁴. Также в случае использования принципа факультетского представительства в дисциплинарном суде у студентов могут возникнуть

¹⁶³ Там же. Л. 31.

¹⁶⁴ Там же. Л. 33.

идеи о том, что в данном случае число судей от факультетов должно быть прямо пропорционально числу его студентов и слушателей.

Во время обсуждения о сроке, на который должны избираться члены дисциплинарного суда и кандидаты, Н.И. Тавилдаровым было высказано предложение установить более продолжительный по сравнению с положениями Университетского устава 1863 г. срок действия полномочий членов Суда, чтобы дать возможность судьям приобрести достаточный практический опыт. С этой целью, по мнению Н.И. Тавилдарова, было бы желательно обновлять состав дисциплинарного суда не сразу, а постепенно, заменяя по истечении двух или трех лет одного или двух судей с тем, чтобы остальные трое судей могли быть сменены через год после этого¹⁶⁵.

Большая часть членов комиссии с этим мнением не согласилась по той причине, что на профессоров высших учебных заведений и без того возложено большое количество обязанностей в качестве членов Правления, Совета, преподавателей факультета, а также руководителей и председателей целого ряда студенческих организаций. Поэтому следовало бы ограничить срок исполнения обязанностей судьи и кандидата в судьи годичным сроком. Кроме того, при избрании судьи могут быть допущены ошибки. Например, в качестве члена дисциплинарного суда может быть избрано лицо, которое в течение года окажется не вполне соответствующим по характеру обязанностям судьи, вследствие чего нежелательно оставлять его на срок, превышающий один год. Большинство членов комиссии с этим согласилось.

Выслушав приведенные мнения, председатель комиссии Г.Э. Зенгер поставил на голосование вопросы, поставленные в ходе заседания¹⁶⁶.

Второе заседание комиссии состоялось на следующий день, 23 декабря 1901 г. ректор Московского университета А.А. Тихомиров и директор Санкт-

¹⁶⁵ Там же. Л. 34.

¹⁶⁶ См.: Приложение № 3.

Петербургского женского медицинского института Д.О. Отт на заседание не явились, что было отмечено в протоколе¹⁶⁷.

Для начала Г.Э. Зенгер предложил обсудить вопрос о том, утверждаются ли избранные Советом вуза судьи и кандидаты в судьи, и если да, то кем?

По поводу данного вопроса директор Санкт-Петербургского технологического института Х.С. Головин заявил, что в технологических институтах разбор дел по студенческим проступкам поручается Учебному комитету, который состоит из 15 лиц. Таким образом, состав указанного комитета очень незначительный, и не может быть сравним с советами университетов, где число их членов доходит до 100 и более человек. Если советам университетов вполне возможно выбрать из своей среды требуемое количество судей и кандидатов в судьи, то учебным комитетам технологических институтов сделать это довольно затруднительно, так как все они в силу малого количества в той или иной степени заняты административной работой¹⁶⁸.

Х.С. Головин предложил сохранить для подведомственного ему высшего учебного заведения и всех иных технологических институтов действующий порядок, при котором для разбирательств по студенческим дисциплинарным проступкам либо создавалась комиссия из двух профессоров, либо дела решались всем составом учебного комитета при массовых проступках. При таком порядке необходимость в утверждении судей отсутствует.

Против утверждения выбранных членов дисциплинарного суда попечителем учебного округа высказался директор Харьковского ветеринарного института А.А. Раевский. По его мнению, учащиеся, видя перед собой судей, утвержденных властью попечителя, будут считать их

¹⁶⁷ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 23 декабря 1901 года // РГИА. Ф.733. Оп. 151. Д. 297. Л. 35.

¹⁶⁸ Там же. Л. 36.

избранными под давлением административной власти, а такие судьи не будут иметь никакого авторитета в глазах студентов¹⁶⁹.

Данное утверждение было подвергнуто критике со стороны председателя комиссии и попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Василия Константиновича фон Анрепа. Согласно их общему мнению, реформы нельзя проводить с оглядкой на студентов. Совет, избирая из своего состава членов дисциплинарного суда, не знает, будет ли утверждено попечителем учебного округа то или иное лицо. В ином случае, зная, что попечитель желает избрания определенных лиц в качестве судей, совет, скорее всего, их не изберет.

Г.Э. Зенгер отдельно отметил, что может случиться так, что попечитель учебного округа или министр народного просвещения, располагая полным объемом информации о конкретном избранном судье или кандидате в судьи, будет иметь такие сведения, на основании которых данное лицо не может быть допущено в судьи дисциплинарного суда или в кандидаты в судьи. Для соблюдения интересов вуза это вполне целесообразно¹⁷⁰.

Что касается студентов, то со слов В.К. фон Анрепа, «вся их психология применительно к данной ситуации сводится к тому, что все составляющее администрацию должно быть устранено, а избирать членов дисциплинарного суда должны сами студенты»¹⁷¹.

Переходя к вопросу о пределах власти дисциплинарного суда, комиссия признала необходимым выяснить, требуется ли особое уложение о наказаниях, налагаемых на студентов за их дисциплинарные проступки.

Ректор Харьковского университета Н.О. Куплеваский во время обсуждения отметил, что ведению суда по Университетскому уставу 1863 г. подлежали: 1) проступки за нарушение правил, установленных для студентов высшим учебным заведением; 2) различного рода действия студентов,

¹⁶⁹ Там же. Л. 36.

¹⁷⁰ Там же. Л. 37.

¹⁷¹ Там же. Л. 38.

совершенные ими как в стенах вуза, так и вне их, несогласные с достоинством студента, если эти действия получили огласку.

Что касается классификации дисциплинарных проступков, то здесь она не требуется, как и перечень всех видов наказуемых деяний. В рамках высшего учебного заведения такой орган, как дисциплинарный суд, должен обладать достаточной дискрецией при вынесении своих решений.

С этим мнением согласились все присутствующие, после чего комиссия приступила к рассмотрению следующего вопроса: решения дисциплинарного суда сообщаются совету высшего учебного заведения для сведения или для утверждения?

В Варшавском университете в соответствии с Правилами 1869 г.¹⁷² и Университетским уставом 1863 г.¹⁷³ студенты подвергались по приговору суда удалению на 1 или 2 года после утверждения совета университета, а также исключению после постановления дисциплинарного суда, утвержденного советом университета и попечителем учебного округа.

Такой порядок, по заявлению председателя комиссии Г.Э. Зенгера, может вызывать большие затруднения, так как перед утверждением приговора советом приходится рассмотреть доклад суда, что может вызвать прения, при которых очень сложно очертить тот круг, за которым начинается пересмотр приговора советом высшего учебного заведения¹⁷⁴.

Во время голосования по вопросу необходимости утверждения решений дисциплинарного суда члены комиссии основывались на следующих доводах¹⁷⁵: 1) суд состоит из лиц, избранных советом высшего учебного заведения, и пользуется их доверием; 2) если совету высшего учебного заведения предоставить право утверждать решения дисциплинарного суда, как того желают представители Санкт-Петербургского университета, то

¹⁷² Правила о суде Варшавского университета 1869 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 10.

¹⁷³ Общий устав императорских Российских университетов от 18 июня 1863 года // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIX, ч. 1. Ст. 39752.

¹⁷⁴ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 23 декабря 1901 года. Л. 38.

¹⁷⁵ Там же. Л. 40.

каждое дело будет разбираться органом, состоящим из 100 или более лиц, что объективно не позволит разрешать дела оперативно и тщательно изучать материалы дела; 3) Пересмотр решений дисциплинарного суда советом высшего учебного заведения будет умалять авторитет новообразованного органа¹⁷⁶.

Третье заседание комиссии состоялось 26 декабря 1901 г. Оно началось с того, что председатель комиссии, Г.Э. Зенгер, предложил приступить к вопросу о лестнице наказаний¹⁷⁷.

При подготовке к обсуждению комиссией были изучены положения Университетского устава 1884 г., Правила о взысканиях, которые применялись в Варшавском университете¹⁷⁸, а также проект Правил о взысканиях, налагаемых на студентов, подготовленный представителями юридического факультета Санкт-Петербургского университета¹⁷⁹.

Проект правил о взысканиях, предоставленный представителями Санкт-Петербургского университета, вызвал целый ряд замечаний со стороны других членов комиссии. В частности, В.К. фон Анреп указал на то, что проектируемые в качестве дисциплинарных взысканий денежный штраф и арест, по его мнению, не должны быть включены в перечень наказаний. Что касается увольнения студента из высшего учебного заведения на определенный срок, то данное взыскание возможно лишь при том условии, что по истечении срока уволенный должен быть обязательно принят именно в то высшее учебное заведение, откуда он был уволен.

Касательно денежного штрафа членами комиссии было обращено внимание на тот факт, что штраф в лестнице наказаний был поставлен после выговора, так что студент, получивший за дисциплинарный проступок строгий выговор, за вторично совершенный проступок будет подвергнут

¹⁷⁶ Там же. Приложение № 4.

¹⁷⁷ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 26 декабря 1901 г. // РГИА. Ф.733. Оп. 151. Д. 297. Л. 42.

¹⁷⁸ Правила о профессорском дисциплинарном суде Варшавского университета 1869 г. Л. 10.

¹⁷⁹ Донесение ректора Санкт-Петербургского университета попечителю Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепу от 21 декабря 1901 г. № 15966 // РГИА. Ф.733. Оп. 151. Д. 297. Л. 23.

штрафу в один или два рубля. В этом случае выговор потеряет всю свою силу. Независимо от этого, на момент заседания комиссии денежное взыскание с учащихся производилось лишь за испорченные ими казенные вещи. Устанавливать же взыскание за проступки означало бы вселять в студентов убеждение в том, что свой дисциплинарный проступок можно откупиться штрафом. Кроме того, штраф, по мнению большинства членов комиссии, «представляется неравномерным наказанием для состоятельных и бедных студентов»¹⁸⁰.

Также отмечалось, что в случае установления денежного штрафа на условиях, предполагаемых Санкт-Петербургским университетом, т. е. с обращением части штрафных сумм на содержание арестованных по приговору дисциплинарного суда студентов, и части в Общество взаимопомощи недостаточным студентам, такое действие объективно невозможно. Всякий вновь устанавливаемый сбор должен идти в доход казны, если особым указанием императора не установлено, что данный сбор может идти на иные цели. Потому и проектируемый штраф может установить только после согласования с министром финансов¹⁸¹.

Что касается ареста, то почти все члены комиссии отметили, что данное наказание можно применять далеко не во всех высших учебных заведениях за неимением в них помещений, в которых можно содержать арестованных, а также в силу состава обучающихся (например, Высшие женские курсы).

А.А. Тихомиров указал, что в Московском университете всего лишь 8 камер для содержания арестованных на 5 000 студентов. Кроме того, по его мнению, это наказание не педагогично, так как во время ареста студент лишается права посещать лекции, если подвергнуть этому наказанию на дневной период. Если же студента подвергнуть наказанию на вечерний период, то это наказание превратится в очень значительный по размеру

¹⁸⁰ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 26 декабря 1901 г. Л. 43.

¹⁸¹ Там же. Л. 43.

штраф, так как студент лишается вечернего заработка, иногда являющегося единственным средством к его существованию. Со стороны же учебного заведения эта мера взыскания вызывает излишний расход по содержанию арестованных. На основании изложенных выше доводов большинство членов комиссии отвергли возможность включения денежного штрафа и дисциплинарного ареста в перечень дисциплинарных взысканий¹⁸².

После этого комиссия приступила к рассмотрению вопроса о том, следует ли разделять существующие на тот момент в перечне взысканий замечание и выговор?

По поводу этих двух видов взыскания было выражено мнение ректора Новороссийского университета Ф.Н. Шведова, что между ними нет никакого существенного различия, а потому в качестве дисциплинарного взыскания должен быть оставлен только выговор.

Большинство же членов комиссии пришли к мнению, что следует удержать это различие, так как легкое замечание производит совсем другое впечатление на провинившегося, чем формальный выговор, хотя бы и то и другое наказание исходило от одного и того же лица. На этом заседании комиссии окончилось¹⁸³.

Четвертое заседание комиссии состоялось 27 декабря 1901 г. Председателем комиссии в ходе данного заседания выступал попечитель Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анреп, так как Г.Э. Зенгер вынужденно отсутствовал¹⁸⁴.

Первым обсуждался вопрос о том, стоит ли сохранить в качестве дисциплинарного взыскания выговор с занесением в штрафную книгу. Большинство членов комиссии высказалось против такого порядка, так как само название «штрафная книга» дает выговору характер взыскания, свойственного среднему учебному заведению. Все члены комиссии

¹⁸² Там же. Л. 45.

¹⁸³ Приложение № 5.

¹⁸⁴ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 27 декабря 1901 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 47.

согласились с тем, что необходимо сохранить два рода выговоров, но в иной форме: 1) выговор, налагаемый единоличной властью начальника высшего учебного заведения; 2) выговор, налагаемый по приговору дисциплинарного суда. Таким образом, комиссия установила третье дисциплинарное взыскание – выговор по приговору дисциплинарного суда.

Профессором Санкт-Петербургского университета А.И. Введенским и ректором Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстеном вновь был поставлен вопрос о необходимости включения в перечень дисциплинарных взысканий денежного штрафа и дисциплинарного ареста. Остальные члены комиссии отрицали доводы представителей Санкт-Петербургского университета, поэтому комиссия постановила большинством в 10 голосов не включать денежный штраф и дисциплинарный арест в перечень дисциплинарных взысканий¹⁸⁵.

Длительную дискуссию вызвал вопрос о возможности введения в перечень дисциплинарных взысканий такой меры, как временный запрет посещать высшее учебное заведение. С одной стороны, это могло помочь при массовых беспорядках, когда среди студенческой сходки есть несколько агитаторов, которых вполне разумно отстранить от посещения высшего учебного заведения. Представители технологических институтов и женских высших учебных заведений предлагали включить временное запрещение посещать учебное заведение в перечень дисциплинарных взысканий, налагаемых дисциплинарным судом, по той причине, что данная мера равносильна домашнему аресту или даже временному удалению из высшего учебного заведения. Директор Санкт-Петербургского технологического института Харлампий Сергеевич Головин указал на тот факт, что по согласованию с учебным заведением им однажды была с успехом применена эта мера в качестве наказания студента, «обнаружившего в известной степени злую волю»¹⁸⁶.

¹⁸⁵ Там же. Л. 49.

¹⁸⁶ Там же. Л. 50.

На этот довод попечитель Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анреп заметил, что только начальник высшего учебного заведения на основании показаний инспекции и других имеющихся у него сведений в состоянии определить, может ли данный студент быть допущен к учебным занятиям без вреда для академической среды. На основании этого большинством в 8 голосов против 3 члены комиссии постановили оставить данную меру в качестве предупредительной во власти начальника высшего учебного заведения¹⁸⁷.

Следующим обсуждался вопрос о таком дисциплинарном взыскании, как увольнение из высшего учебного заведения на определенный срок. Х.С. Головин указал, что возможны различные ситуации, на основании которых разумно применить данную меру. В частности, вполне возможны случаи, когда учащийся может находиться в межличностном конфликте с одним из преподавателей соответствующего высшего учебного заведения, который ведет занятия только в течение определенного периода. Кроме того, студент может просто попасть под влияние своих товарищей по учебному заведению, будучи сам по себе дисциплинированным и послушным.

По мнению Х.С. Головина, обе эти ситуации можно успешно решить, если дисциплинарным судом будет наложено взыскание, которое на время выключит студента из соответствующей академической среды. При этом нет никаких препятствий для того, чтобы уволенный на таком основании студент мог поступить в другое высшее учебное заведение на время действия данного дисциплинарного взыскания¹⁸⁸.

Ввиду этого комиссия установила следующие виды взысканий, налагаемых дисциплинарным судом¹⁸⁹: 1) увольнение из высшего учебного заведения до начала ближайшего или следующего за ним учебного года без запрета немедленного поступления в другие высшие учебные заведения на общем основании или же с ограничением такого права. Против немедленного

¹⁸⁷ Там же. Л. 51.

¹⁸⁸ Там же. Л. 52.

¹⁸⁹ См. Приложение № 6.

поступления удаленного в другое высшее учебное заведение возражал попечитель Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анреп; 2) удаление из высшего учебного заведения бессрочно с запретом поступать в другие высшие учебные заведения на общем основании до начала второго учебного года. Решение было принято комиссией единогласно; 3) увольнение из высшего учебного заведения бессрочно без права поступления в другие высшие учебные заведения (исключение). Профессор Санкт-Петербургского университета А.И. Введенский и ректор Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстен высказались против данной меры как невыполнимой на практике, но остальные члены комиссии постановили сохранить ее.

Пятое заседание комиссии состоялось 29 декабря 1901 г. Первый вопрос на обсуждение вынес председатель комиссии Г.Э. Зенгер: не следует ли передать вопрос об исключении студента особому учреждению из представителей административной власти высшего учебного заведения? Комиссия большинством голосов постановила отложить этот вопрос для более тщательного рассмотрения¹⁹⁰.

Далее комиссией обсуждался вопрос о порядке внесения дел на рассмотрение дисциплинарного суда. Ректор Харьковского университета Н.О. Куплеваский отметил, что наиболее приемлемым ему видится следующий порядок: дисциплинарный суд, получив от начальника высшего учебного заведения материалы дела, на распорядительном заседании решает вопрос о том, подлежит ли дело рассмотрению суда или нет. Начальник высшего учебного заведения лишь представляет дело в дисциплинарный суд, но не оказывает влияния на его дальнейшее движение. Все члены комиссии с этим согласились, хотя профессор Санкт-Петербургского университета А.И. Введенский указал, что правление университета или аналогичное ему учреждение в других высших учебных заведениях также должно иметь право

¹⁹⁰ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 29 декабря 1901 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 52.

вносить дела на рассмотрение дисциплинарного суда¹⁹¹. Другие члены комиссии нашли данное заявление необоснованным, так как правление в целом или в лице отдельных своих членов вправе вносить дела на рассмотрение дисциплинарного суда через начальника высшего учебного заведения¹⁹².

Шестое заседание комиссии состоялось 30 декабря 1901 г.¹⁹³ Продолжалось обсуждение порядка делопроизводства в дисциплинарном суде. Рассмотрев § 35 и 36 Правил для студентов высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 15 мая 1885 г., комиссия единогласно признала § 36 излишним. Что же касается § 35, то было признано необходимым отредактировать его следующим образом: «в случае получения начальником высшего учебного заведения сведений о студентах, подвергшихся взысканию по приговору общего суда, ректор (директор) по своему усмотрению вносит в дисциплинарный суд вопрос о том, должен ли быть виновный подвергнут взысканию и в дисциплинарном порядке»¹⁹⁴.

Далее комиссией рассматривался вопрос о том, может ли дисциплинарный суд вести заседание не в полном составе. Единогласно было принято, что это недопустимо, т. е. в тех высших учебных заведениях, где предусмотрено 5 членов суда, рассматривать дело допускается только при явке всех пятерых членов, и, соответственно, только при явке 3 членов там, где предусмотрено 3 члена суда. После этого комиссия положила в основу своего обсуждения Правила о профессорском дисциплинарном суде Варшавского университета 1869 г.

Исходя из того, что правление университета и аналогичные ему органы в других высших учебных заведениях не могли, по мнению членов комиссии, иметь каких бы то ни было судебных функций, а также с целью создания

¹⁹¹ Там же. Л. 53.

¹⁹² См. Приложение № 7.

¹⁹³ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 30 декабря 1901 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 54.

¹⁹⁴ Там же. Л. 55.

наиболее быстрого порядка порядок судопроизводства, комиссия признала необходимым вместо § 4 принять следующее правило: «После получения судебного материала от начальника высшего учебного заведения дисциплинарный суд решает вопрос о привлечении данного студента к дисциплинарной ответственности. В случае недостатка материала, переданного в суд, последний принимает меры к пополнению такового. Немедленно после решения вопроса о привлечении к дисциплинарному суду председатель суда сообщает начальнику высшего учебного заведения список привлеченных к суду и освобождаемых от него¹⁹⁵».

Параграфы 5–8, 10, 11–15 Правил о профессорском дисциплинарном суде Варшавского университета 1869 г. были приняты комиссией без изменений¹⁹⁶.

Редакция § 9 указанных Правил комиссией была изменена для согласования ее с изменениями по § 4: «Председатель суда после назначения даты заседания для судебного разбирательства делает распоряжение о вызове посредством повесток как обвиняемого, так и свидетелей»¹⁹⁷.

Седьмое заседание комиссии состоялось 31 декабря 1901 г. Оно началось с того, что профессор Санкт-Петербургского университета А.И. Введенский заявил, что ни в одном из предыдущих заседаний комиссии не поднимался вопрос о положении секретаря судебного заседания. После непродолжительной дискуссии было принято решение о том, что секретаря судебного заседания назначает председатель суда из членов дисциплинарного суда, участвующих в заседании¹⁹⁸.

Следующим был поставлен вопрос о необходимости принятия особых мер в случае совершения студентами массовых дисциплинарных нарушений. В ходе обсуждения все возможные массовые дисциплинарные

¹⁹⁵ Там же. Л. 56.

¹⁹⁶ Там же. Л. 57.

¹⁹⁷ См. Приложение № 8.

¹⁹⁸ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 31 декабря 1901 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 58.

правонарушения были разделены на три категории: 1) недозволенные сходки и обсуждения в собраниях учащихся недозволенных вопросов; 2) студенческие забастовки; 3) обструкции. По мнению членов комиссии, все виды этих проступков должны быть наказуемы дисциплинарным судом, причем по отношению к первому виду проступков начальник высшего учебного заведения обязан немедленно запретить нарушителям порядка вход в высшее учебное заведение и передать дело о них на рассмотрение дисциплинарного суда¹⁹⁹.

Что касается забастовки и обструкции, то забастовка происходит, с одной стороны, вследствие обструкции, а с другой стороны, от того, что значительная часть учащихся остается равнодушной к столь грубому нарушению академического порядка, как обструкция.

По мнению членов комиссии, необходимо было объявить учащимся о том, что потерянное академическое время будет восполнено за счет каникул. При этом комиссия признала, что срок этот не должен превышать месяца. Более продолжительный срок должен иметь последствием незачет учащимся учебного года и оставление их на второй год, а для учащихся на первом курсе – увольнение, чтобы не лишать их возможности немедленно поступить в другой вуз. Считая эти две последние меры (временное запрещение посещения учебного заведения и временное приостановление занятий в учебных заведениях) весьма важными, комиссия постановила ходатайствовать перед министром народного просвещения о необходимости объявить эти две меры учащимся перед началом наступающего учебного полугодия²⁰⁰.

Заканчивая свои труды, комиссия не могла не отметить, что при применении выработанных правил может встретиться необходимость дополнения или даже изменения их, а потому выразила желание, чтобы советам университетов или аналогичным им органам в других высших

¹⁹⁹ Там же. Л. 60.

²⁰⁰ Там же. Л. 61.

учебных заведениях было предоставлено право ходатайствовать о таких дополнениях и изменениях²⁰¹.

После подготовки проекта Временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения в конце 1901 г. данный проект был направлен председателем комиссии Г.Э. Зенгером министру народного просвещения П.С. Ванновскому²⁰².

В своем рапорте Г.Э. Зенгер подверг критике несколько параграфов проекта Временных правил, добавив в них свои замечания. Отдельно отметим, что все указанные замечания были в итоге учтены при утверждении самих Временных правил. Таким образом, Г.Э. Зенгера можно считать лицом, оказавшим наибольшее влияние на учреждение дисциплинарного суда в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения.

Первое замечание Г.Э. Зенгера касалось порядка утверждения избранных судей дисциплинарного суда и кандидатов в судьи. На заседании от 23 декабря 1901 г. комиссия с небольшим перевесом голосов (7 против 5²⁰³) постановила, чтобы выбранные члены дисциплинарного суда утверждались непосредственно министром народного просвещения. Г.Э. Зенгер предложил изменить данное положение и предусмотреть порядок, при котором выбранные члены дисциплинарного суда утверждались бы попечителем соответствующего учебного округа, как предусмотрено в Правилах о профессорском дисциплинарном суде Варшавского университета 1869 г.

Кроме того, в число взысканий, налагаемых начальником высшего учебного заведения, Г.Э. Зенгер предложил добавить пятый пункт – предложение подать прошение об увольнении из высшего учебного заведения. В рапорте указывалось, что данная мера практикуется в

²⁰¹ См. Приложение № 9.

²⁰² Рапорт от Г.Э. Зенгера к министру народного просвещения П.С. Ванновскому от 7 января 1902 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 63.

²⁰³ Там же. Л. 63.

иностранных университетах и упомянута, например, в числе наказаний, применяемых в Варшавском политехническом институте Императора Николая II. По мнению Г.Э. Зенгера, «если данное взыскание будет отсутствовать в готовящихся правилах, а начальник учебного заведения будет обращаться к тому или иному студенту с соответствующим предложением, грозя в случае неисполнения последнего передать дело в дисциплинарный суд, то это будет вызывать серьезные нарекания и со стороны учащихся, и со стороны профессоров»²⁰⁴.

В завершении Г.Э. Зенгер указал, что следует изменить меры по борьбе с массовыми студенческими проступками, принятые комиссией на заседании 31 декабря 1901 г. В частности, по его мнению, в случае приостановки занятий в высшем учебном заведении на срок более одного месяца нельзя наказывать невиновных студентов за то, что «администрация не в силах обеспечить им пользование правом слушать лекции, за которое они заплатили учебному заведению. Нельзя, с другой стороны, требовать доведенного до геройства гражданского мужества от юношей, которые потому не ходят на лекции, что их оттуда вытесняют удушливыми газами или побоями те, которых обязана укротить администрация»²⁰⁵.

Для представления проекта Временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения на подписание Императору к нему была составлена краткая объяснительная записка, в которой отражались цели принятия данных правил и комментариев к вводимым изменениям²⁰⁶.

В частности, говорилось о том, что одной из целей учреждения дисциплинарных судов является уменьшение нагрузки на правления университетов и аналогичные им органы в иных высших учебных заведениях, так как во время разбирательств по судебным делам студентов

²⁰⁴ Там же. Л. 64.

²⁰⁵ Там же. Л. 65.

²⁰⁶ Краткая объяснительная записка к проекту Временных правил о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства Народного Просвещения и к вновь составленным правилам о взысканиях от 11 февраля 1902 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 89–93, 95.

правление не может всесторонне и глубоко ознакомиться с материалами по делу, опросить свидетелей, что становится серьезной проблемой при массовых студенческих дисциплинарных проступках. Кроме того, указывалось, что сосредоточение административной, исполнительной и судебной власти в рамках одного органа сопряжено с различного рода неудобствами.

Проблемы обнаруживались и во время разбирательств по дисциплинарным проступкам студентов в советах ветеринарных институтов или в учебных комитетах технологических институтов. Данные органы, по мнению составителей пояснительной записки, состоят из небольшого числа лиц, поэтому объективно лишены возможности быстро и тщательно рассмотреть дело²⁰⁷. Также критике подверглось участие в разбирательствах по судебным делам начальника высшего учебного заведения в качестве члена правления или аналогичного ему административного органа.

Отдельно отмечалось, что единственным высшим учебным заведением Министерства народного просвещения, где сохранился особый профессорский дисциплинарный суд, являлся на тот момент Варшавский университет, в котором суд имел «неслабый авторитет в глазах учащихся, хотя за 30 лет его деятельности было выявлено множество недостатков организации²⁰⁸».

На основании изложенных выше доводов в качестве временной меры до пересмотра уставов высших учебных заведений Министерства народного просвещения предлагалось ввести особый профессорский дисциплинарный суд, взяв за основу правила о дисциплинарном суде Варшавского университета.

Что касается различий, то они заключались в следующем: 1) в проектируемом дисциплинарном суде предложено увеличить число членов суда и кандидатов к ним в университетах до 5 человек, так как опыт

²⁰⁷ Там же. Л. 90.

²⁰⁸ Там же. Л. 91.

показал, что при массовых беспорядках трем членам суда в этих заведениях очень трудно справиться с делом; 2) требование о том, чтобы председатель дисциплинарного суда обязательно являлся профессор-юрист, было исключено, так как многие высшие учебные заведения не имели в своем составе юридического факультета, а также потому, что в тех вузов, где имелся юридический факультет, включение в состав суда профессора-юриста было обязательным; 3) по ст. 712 ч. 2 т. XI Свода законов Российской империи изд. 1893 г. дела по студенческим дисциплинарным проступкам передавались дисциплинарному суду из правления, которое действовало в данном случае в качестве обвинительной камеры, предавая суду определенных студентов. Взамен этого было предложено предоставить право самому суду решать, кто будет привлекаться к дисциплинарной ответственности. На этом основании было предложено, чтобы начальник высшего учебного заведения, не рассматривая дела по существу, передавал весь материал по делу дисциплинарному суду; 4) решение дисциплинарного суда сообщается совету высшего учебного заведения лишь для сведения, а не для утверждения или одобрения. Действовавший на тот момент в Варшавском университете порядок рассмотрения дисциплинарных проступков, при котором совет являлся своеобразной второй инстанцией по делам, был признан нежелательным, ввиду умаления авторитета дисциплинарного суда, каждый приговор которого мог быть отменен.

Далее говорилось, что перечисление того, каким видам проступков учащихся соответствуют те или другие взыскания, было признано недопустимым ввиду того, что: (1) нет возможности определить заранее все виды проступков или деяний, несогласных с достоинством студента; (2) с учреждением дисциплинарного суда одни и те же проступки будут оцениваться судом по собственному усмотрению по обстоятельствам дела, а потому постоянной классификации проступков по степени наказуемости быть не может.

В заключение пояснительной записки указывалось, что опыт Варшавского университета показал необходимость наличия у начальника высшего учебного заведения полномочий для принятия мер к предотвращению студенческих беспорядков²⁰⁹. В связи с этим в проектируемых правилах было предложено предоставить возможность начальникам учебных заведений налагать на студентов некоторые дисциплинарные взыскания без обращения в дисциплинарный суд, как это было предусмотрено в Варшавском университете.

Временные правила о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения император утвердил 24 августа 1902 г., о чем попечители учебных округов были извещены в циркуляре Министерства от 27 августа 1902 г.²¹⁰

§ 2.2. Нормативное регулирование деятельности профессорского дисциплинарного суда в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения

*Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г.*²¹¹ изначально были единственным документом, за исключением Правил о взысканиях, налагаемых на студентов высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г., которым регулировалась деятельность профессорских дисциплинарных судов в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения.

Изначально предполагалось, что будет существовать также локальное регулирование деятельности дисциплинарных судов на уровне высших учебных заведений в виде специальных инструкций для Суда, принимаемых

²⁰⁹ Там же. Л. 93.

²¹⁰ Циркуляр от Министерства народного просвещения к попечителям учебных округов от 27 августа 1902 г. № 23119. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 95.

²¹¹ Временные правила о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14 Оп. 1 Д. 9703. Л. 2-3.

советах университетов и аналогичными учреждениями в других учебных заведениях. Например, в Варшавском университете, где суд действовал с 1863 г., существовала подобная инструкция, которая и послужила образцом при создании Временных правил, действовавших сразу во всех вузах Министерства народного просвещения. Принимались также попытки создать на локальном уровне особые дисциплинарные кодексы, где содержался бы перечень студенческих проступков и соответствующих им дисциплинарных взысканий, но дальше намерений процесс не двинулся из-за того, что дискреция Судов при выборе того или иного взыскания была установлена во Временных правилах предельно широко.

Временные правила включали в себя 19 параграфов и примечания к некоторым из них, без формального разделения на нормы, устанавливающие порядок судопроизводства, и нормы, посвященные непосредственно судостроюству. Тем не менее, первые 4 параграфа Временных правил *de facto* касались судостроюства и полномочий дисциплинарного суда.

Так, в § 1 Временных правил говорилось о том, что члены Суда и кандидаты в члены суда избираются советом университета или аналогичным ему органом в других высших учебных заведениях ежегодно из числа профессоров, входящих в соответствующий орган. Отдельно отмечалось, что в Демидовском юридическом лицее, в ветеринарных институтах, в высших технических учебных заведениях, в Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства, на Высших женских курсах и в женском Медицинском институте, исходя из местных условий данных учебных заведений, в состав Суда могут избираться от 3 до 5 членов Суда и аналогичное число кандидатов в них. Для остальных высших учебных заведений было предусмотрено избрание 5 членов дисциплинарного суда и 5 кандидатов.

Из числа избранных судей совет университета или аналогичный ему орган в других высших учебных заведениях выбирал председателя

дисциплинарного суда, который, в свою очередь, назначал секретаря из числа избранных.

В примечании к § 1 Временных правил указывалось, что в высших учебных заведениях, где есть юридический факультет, по крайней мере, один из судей должен принадлежать к данному факультету. Таким образом, предложение профессора Санкт-Петербургского университета А.И. Введенского и ректора Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстена о том, чтобы председатель дисциплинарного суда обязательно был профессором-юристом, не нашло своего отражения в тексте Временных правил.

Стоит отметить, что в дисциплинарном суде Санкт-Петербургского все профессора, избираемые советом университета на должность председателя Суда, принадлежали к юридическому факультету.

В § 2 Временных правил отмечалось, что избранные в судьи дисциплинарного суда и кандидаты в судьи утверждаются попечителем соответствующего учебного округа, а не министром народного просвещения, как было решено комиссией по разработке Временных правил на заседании от 23 декабря 1901 г. Здесь следует упомянуть, что в своем рапорте министру народного просвещения от 7 января 1902 г. Г.Э. Зенгер предлагал изменить порядок, утвержденный комиссией, и предоставить полномочия утверждать избранных членов дисциплинарного суда и кандидатов в члены попечителям соответствующих учебных округов. По всей видимости, замечания Г.Э. Зенгера были в итоге услышаны при составлении финальной редакции проекта Временных правил.

Параграф 4 Временных правил был посвящен вопросам подведомственности Суда. Было определено, что ведению дисциплинарного суда подлежат следующие дела: (1) о нарушении учащимися в зданиях или учреждениях высшего учебного заведения порядка, установленного внутренними правилами соответствующего высшего учебного заведения; (2) о столкновениях между учащимися с одной стороны и преподавателями

или должностными лицами высшего учебного заведения с другой, даже если указанные столкновения произошли вне зданий и учреждений высшего учебного заведения; (3) о таких проступках учащихся, которые «хотя бы и не были предусмотрены общими законами, но имеют предосудительный, противный правилам чести и нравственности характер».

Отдельно отмечалось, что в случае получения сведений о том, что учащийся подвергся взысканию по приговору общих судебных установлений, начальник высшего учебного заведения по своему усмотрению выносит на рассмотрение дисциплинарного суда вопрос о том, должен ли Суд подвергнуть виновного за совершенный проступок нравственному порицанию или даже увольнению из высшего учебного заведения.

С § 5 Временных правил начиналось регулирование моментов деятельности дисциплинарного суда, связанных с порядком судопроизводства. Устанавливалось, что только начальник высшего учебного заведения мог предлагать дела на рассмотрение дисциплинарного суда, Правление в университетах и аналогичные ему органы в других высших учебных заведениях были лишены такого права. В этом заключалось одно из главных отличий Временных правил от правил, по которым действовал дисциплинарный суд Варшавского университета.

Далее говорилось о том, что дисциплинарный суд после поступления материалов дела от начальника высшего учебного заведения сам решает, подлежит данное дело рассмотрению Суда или нет. В случае, если материалов дела окажется, по мнению членов Суда, недостаточно, то Суд принимает меры к пополнению материалов. Таким образом, дисциплинарный суд выступал не только судебным органом по студенческим проступкам, но и воплощал в себе сторону обвинения.

В § 6 Временных правил было указано, что заседания дисциплинарного суда назначаются председателем Суда по мере надобности.

Что касается самих заседаний, то в § 7 Временных правил устанавливалось, что рассмотрение дела возможно только при полном составе дисциплинарного суда (3 или 5 членов Суда соответственно).

Производство по делам было устным, с занесением всех решений дисциплинарного суда, как оправдывающих, так и налагающих взыскание, в специальную книгу за подписью всех членов суда, участвовавших в рассмотрении дела. Само разбирательство по делу проходило при закрытых дверях.

В соответствии с § 10 Временных правил свидетели допрашивались по одному и в присутствии обвиняемого. В дальнейшем это положение вызвало обоснованную критику со стороны представителей не только Санкт-Петербургского университета, но и других высших учебных заведений.

За дачу ложных показаний была предусмотрена ответственность не только обвиняемого, которого могли подвергнуть в этом случае взысканию даже при оправдательном приговоре, но и свидетелей. В случае неявки обвиняемого после соответствующего вызова со стороны инспекции высшего учебного заведения дело могло решаться в отсутствие самого обвиняемого.

Одним из наиболее спорных являлся § 17 Временных правил. В нем было указано, что в случае, если нарушение учащимся установленных в высшем учебном заведении правил сопровождалось каким-либо преступлением, то после исключения виновного из учебного заведения дисциплинарным судом копия приговора препровождалась начальником учебного заведения в общий суд для дальнейшего разбирательства по делу. По сути, в таком случае учащийся подлежал за одно нарушение двум видам ответственности – дисциплинарной (по приговору дисциплинарного суда) и общеуголовной (в случае вынесения приговора общеуголовным судом).

В § 18 Временных правил устанавливалось, что все решения дисциплинарного суда вместе с подробными мотивами передаются начальнику соответствующего высшего учебного заведения, который, в свою

очередь, сообщает их для сведения совету или аналогичному органу в зависимости от учебного заведения. При этом по приговорам Суда, налагающим взыскания ниже увольнения виновного из высшего учебного заведения, решения исполняются немедленно, а приговоры, которыми были наложены увольнение, удаление или исключение представляются попечителю учебного округа на утверждение.

С введением в действие Временных правил было временно приостановлено действие некоторых статей ч. 2 т. XI Свода законов Российской империи в редакции 1893 г., включая ст. 441 (разд. 1, п. 7), 525, 594 (разд. 7), 710–713, 822 (п. 5), 1155, 1335 (разд. 4, п. «б»), 1362 (разд. 1, п. 8) и 1426 (разд. 1, п. 8)²¹².

Правила о взысканиях, налагаемых на студентов высших учебных заведений Министерства народного просвещения, от 24 августа 1902 г. Комиссия по разработке Временных правил также подготовила проект предполагаемой лестницы наказаний, чему было посвящены заседания от 26, 27 и 29 декабря 1901 г.²¹³ Итогом работы комиссии стали Правила о взысканиях, налагаемых на студентов высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г.²¹⁴

Содержавшиеся в нем положения в целом соответствовали результату работ комиссии, но также содержали некоторые дополнительные нормы. В частности, проект правил о взысканиях изначально не предусматривал такого взыскания, как перевод из студента в вольнослушатели на срок не более одного учебного полугодия, с возможностью восстановить утраченный статус «за безукоризненное поведение». Всего Правила о взысканиях

²¹² Там же. Л. 3.

²¹³ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 26 декабря 1901 г. Л. 52; Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 27 декабря 1901 г. Л. 55; Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 31 декабря 1901 г. Л. 57.

²¹⁴ Правила о взысканиях, налагаемых на студентов высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 4–5.

предусматривали 8 взысканий, налагаемых дисциплинарным судом, и 4 вида, налагать которые мог начальник высшего учебного заведения. При этом одно дисциплинарное взыскание (нравственное порицание) могло налагаться дисциплинарным судом только дополнительно к взысканиям, предусмотренным § 3 (лишение права участвовать в курсовых собраниях и избираться в качестве старосты курса) и § 4 (перевод в вольнослушатели) Правил о взысканиях.

Все дисциплинарные взыскания были перечислены от наиболее мягкого (замечание) до самого тяжкого (исключение из учебного заведения без права поступать в другие высшие учебные заведения)²¹⁵. При этом последние 3 взыскания (увольнение, удаление, исключение) составляли группу «высших взысканий», каждое из которых должно было быть утверждено попечителем учебного округа, а то время, как остальные взыскания вступали в силу немедленно после вынесения приговора дисциплинарным судом.

Итоговая «лестница взысканий» выглядела следующим образом: (1) замечание; (2) выговор; (3) лишение права участвовать в курсовых собраниях и быть избранным в старосты курса; (4) перевод в вольнослушатели на срок не более одного учебного полугодия с возможностью восстановить статус при безукоризненном поведении; (5) нравственное порицание, налагаемое только в качестве дополнения к взысканиям, предусмотренных § 3 и 4 Правил о взысканиях; (6) увольнение из высшего учебного заведения до начала ближайшего или следующего за ним учебного года без запрета немедленного поступления в другие высшие учебные заведения на общем основании или же с ограничением такого права; (7) удаление из высшего учебного заведения бессрочно с запретом поступать в другие высшие учебные заведения на общем основании до начала второго учебного года; (8) увольнение из высшего учебного заведения бессрочно без права поступления в другие высшие учебные заведения (исключение).

²¹⁵ Такое расположение взысканий было названо членами комиссии по разработке Правил о взысканиях «лестницей наказаний».

В отдельную главу были выделены дисциплинарные взыскания, налагаемые начальником высшего учебного заведения. Для их применения не требовалось разбирательства в дисциплинарном суде, ректор (директор) мог их наложить самостоятельно. В перечень, состоящий из четырех взысканий, кроме замечания и выговора, вошли также временное запрещение посещать учебное заведение и предложение подать прошение об увольнении из заведения.

Инструкция профессорскому дисциплинарному суду при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 24 января 1908 г. После принятия Временных правил деятельность дисциплинарных судов не регулировалась больше ни одним актом. Правила о студенческих собраниях от 11 июня 1907 г. не содержали в себе новых норм, касающихся Суда, а на уровне самих учебных заведений локального регулирования не существовало. Еще в момент принятия Временных правил составители предполагали, что в них будут вноситься изменения по мере развития практической деятельности. Так или иначе, на практике Суды руководствовались разъяснениями Министерства народного просвещения, при этом изменения во Временные правила не вносились, как и не принимался другой подобный акт. Так обстояло дело до 1908 г., пока на должность министра народного просвещения не был назначен А.Н. Шварц. В первый месяц его пребывания в должности была издана Инструкция профессорскому дисциплинарному суду при университетах от 24 января 1908 г.²¹⁶ (далее также – Инструкция).

Создание особой инструкции дисциплинарному суду было предусмотрено и Правилами о студенческих собраниях, но в отношении порядка разбирательства за нарушения данных правил. Тем не менее, дисциплинарными судами учебных заведений были подготовлены проекты инструкций, которые касались деятельности Судов в целом. На основании

²¹⁶ Инструкция профессорскому дисциплинарному суду при университетах от 24 января 1908 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXVII. Отд. 1. СПб., 1908. № 29274.

указанных проектов был подготовлен проект самой Инструкции, которая в итоге распространялась на все высшие учебные заведения, тогда как Правилами о студенческих собраниях предполагалось принятия инструкций Суду на уровне самих учебных заведений.

Проект Инструкции был подробно рассмотрен юрисконсультами Министерства народного просвещения. Ими было подготовлено специальное заключение²¹⁷, в котором были отражены основные положения, которые вносили изменения во Временные правила.

В частности, в качестве положительных изменений было отмечено следующее: (1) в случае накопления дел председатель Суда имеет право вызывать кандидатов и делить членов суда на комиссии, которые могут разрешать дела от имени всего Суда; (2) в случае отсутствия председателя на заседании Суда его обязанности исполняет член суда, набравший при голосовании наибольшее число голосов; (3) председатель Суда имеет право назначать члена Суда, который занимается сбором материалов по делу в случае их недостаточности; (4) в конце года Суд представляет отчет о своей деятельности в совет.

Данные положения были рекомендованы для внесения в текст Инструкции. Но кроме этого, некоторые положения предлагалось исключить: (1) Суд рассматривает лишь такие проступки, которые он признает серьезными, случаи менее значительные рассматриваются Судом только тогда, если они навлекли на виновного взыскания, налагаемые ректором; (2) студент, в отношении которого рассматривается дело, до решения Суда не может выезжать за пределы университетского города без особого дозволения председателя Суда; (3) в протоколе и приговоре Суда не обозначается, каким числом голосов состоялось решение. Подача особого мнения членов, не согласных с решением большинства, не допускается.

²¹⁷ Заключение юрисконсультской части Министерства народного просвещения по вопросу об издании инструкции для дисциплинарного суда // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 190. Л. 23-30.

Эти положения не были рекомендованы к включению в текст Инструкции, и ни одно из них не вошло в итоговый текст Инструкции.

ГЛАВА 3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРСКИХ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ СУДОВ ИМПЕРАТОРСКИХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО (ПЕТРОГРАДСКОГО) И МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВ

§ 3.1. Профессорский дисциплинарный суд Императорского Санкт-Петербургского (Петроградского) университета

Первое заседание совета Санкт-Петербургского университета, в котором обсуждался вопрос о деятельности дисциплинарного суда, состоялось 16 сентября 1902 г.²¹⁸ В ходе него обсуждались циркулярные предложения министра народного просвещения от 27 августа 1902 г. № 23119 и № 23120, касающиеся введения Временных правил и Правил о взысканиях соответственно.

Во время обсуждения ординарный профессор Андрей Андреевич Марков указал на ст. 67 и 69 Университетского устава 1884 г., в которых определялись обязанности профессоров, и заявил, что он не может принять участие в предстоящих выборах членов дисциплинарного суда, так как считает «нежелательным возложение на профессоров новых занятий, которые могут мешать исполнению их прямых обязанностей». На это заслуженный профессор Иван Яковлевич Фойницкий заметил, что едва ли можно указанные статьи понимать так, как их понимает профессор Марков, поскольку Университетский устав 1884 г. возлагает на профессоров исполнение обязанностей деканов и секретарей факультетов.

Во исполнение указанных выше циркулярных предложений были проведены выборы членов дисциплинарного суда. Единогласно (А.А. Марков не участвовал в голосовании) судьями были выбраны Ф.Ф. Мартенс, А.И. Введенский, А.А. Иностранцев, Ю.В. Сохоцкий и

²¹⁸ Журналы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1902 г. СПб., 1903. № 58. С. 78.

Н.И. Веселовский. В кандидаты были избраны Г.В. Форстен, Ф.Ф. Петрушевский, А.Н. Коркин, Л.И. Петражицкий, В.Д. Смирнов. Спустя два дня, 18 сентября 1902 г., все избранные были утверждены попечителем Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепом²¹⁹.

Первый состав дисциплинарного суда оставался неизменным совсем недолго. В период с 22 сентября по 21 октября 1902 г. на имя ректора университета поступило сразу 5 писем от лиц, избранных в члены дисциплинарного суда, с просьбой о том, чтобы их освободили от должности судьи или кандидата в судьи соответственно. В частности, 21 октября 1902 г. А.Х. Гольмстену поступило упомянутое выше письмо от избранного в качестве председателя дисциплинарного суда Ф.Ф. Мартенса, в котором он просил освободить его от указанной должности по причине «занятости на административных должностях университета и нахождения во время голосования в зарубежной командировке»²²⁰.

Профессор А.Н. Коркин просил освободить его от должности кандидата в судьи по состоянию здоровья²²¹. С аналогичными просьбами к А.Х. Гольмстену обратились также члены дисциплинарного суда А.И. Введенский²²², Ф.Ф. Петрушевский²²³ и Г.В. Форстен²²⁴.

На заседании ученого совета Санкт-Петербургского университета от 28 октября 1902 г. была проведена новая процедура избрания членов дисциплинарного суда. Председателем Суда вместо Ф.Ф. Мартенса был избран заслуженный профессор И.Я. Фойницкий, место А.И. Введенского занял избранный первоначально кандидатом в судьи Г.В. Форстен, вместо

²¹⁹ Циркуляр от попечителя Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепа к ректору Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстену от 18 сентября 1902 г. № 12887 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 7.

²²⁰ Прошение Ф.Ф. Мартенса на имя ректора Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстена от 21 октября 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 15.

²²¹ Прошение А.Н. Коркина на имя ректора Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстена от 22 сентября 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 14.

²²² Прошение А.И. Введенского на имя ректора Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстена от 26 сентября 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 13.

²²³ Прошение Ф.Ф. Петрушевского на имя ректора Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстена от 28 сентября 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 14.

²²⁴ Прошение Г.В. Форстена на имя ректора Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстена от 18 октября 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 15.

кандидатов в судьи А.Н. Коркина и Ф.Ф. Петрушевского были избраны заслуженный профессор Д.К. Бобылев и ординарный профессор В.И. Палладин. Освободившееся место Г.В. Форстена занял экстраординарный профессор И.А. Шляпкин²²⁵. Вновь избранные члены дисциплинарного суда были утверждены попечителем Санкт-Петербургского учебного округа 31 октября 1902 г.²²⁶

На этом же заседании ученым советом Санкт-Петербургского университета было рассмотрено Представление исполнявшего на тот момент обязанности председателя дисциплинарного суда заслуженного профессора А.А. Иностранцева от 22 октября 1902 г.²²⁷ В нем говорилось о том, что 21 октября комиссия в составе членов дисциплинарного суда Ю.В. Сохоцкого, Н.И. Веселовского, Л.И. Петражицкого и А.А. Иностранцева провела совещание по общим вопросам деятельности дисциплинарного суда. По итогам совещания было решено, что составление инструкции дисциплинарному суду следует отложить до тех времен, когда начнется практическая деятельность. Также был рассмотрен вопрос о создании дисциплинарного кодекса, применительно к которому члены дисциплинарного суда предложили, чтобы совет университета избрал из своей среды комиссию, помимо членов суда и кандидатов, для составления данного кодекса.

На заседании от 28 октября 1902 г. ученым советом Санкт-Петербургского университета было постановлено предоставить самому Суду возможность составить список проступков и соответствующих им взысканий, налагаемых Судом (дисциплинарный кодекс), пригласив для

²²⁵ Журналы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1902 г. СПб., 1903. № 58. С. 119.

²²⁶ Циркуляр от попечителя Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепа к ректору Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстену от 31 октября 1902 г. № 15652 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 13.

²²⁷ Журналы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1902 г. СПб., 1903. № 58. С. 120.

участия в этой работе членов совета, по усмотрению Суда, в особенности из профессоров юридического факультета²²⁸.

*Заключение предварительного собрания Профессорского дисциплинарного суда от 13 ноября 1902 г.*²²⁹ Фактическим началом деятельности дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета можно считать подготовку им на предварительном собрании от 13 ноября 1902 г. заключения, в котором были представлены замечания и предложения касательно положений Временных правил и Правил о взысканиях для дальнейшего сопровождения заключения в Министерство народного просвещения. Данные замечания в основном отражали отсутствие детального регулирования процесса судопроизводства, что могло привести на практике к серьезным последствиям.

Собрание под председательством председателя дисциплинарного суда И.Я. Фойницкого открылось в 8 часов вечера в составе членов суда А.А. Иностранцева, Ю.В. Сохоцкого, кандидатов в судьи Д.К. Бобылева и И.А. Шляпнина. Член дисциплинарного суда Н.И. Веселовский известил о невозможности своего присутствия, Г.К. Форстен и кандидаты в судьи В.И. Палладин, Л.И. Петражицкий и В.Д. Смирнов, которым были посланы извещения, на собрание, согласно данным из протокола, не явились и не известили о своем отсутствии.

Ввиду выяснения оснований и порядка деятельности Профессорского дисциплинарного суда собрание остановилось, прежде всего, на подробном ознакомлении с Временными правилами и Правилами о взысканиях от 24 августа 1902 г. Участники предварительного собрания выделили 4 круга вопросов, подлежащих обсуждению: (1) организация Суда и отношение к нему других университетских органов; (2) полномочия Суда; (3) порядок производства по судебным делам; (4) составление дисциплинарного кодекса.

²²⁸ Там же. С. 121.

²²⁹ Заключение предварительного собрания Профессорского дисциплинарного суда от 13 ноября 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 31–50.

Организация Профессорского дисциплинарного суда и отношение к нему других университетских органов. Первым критике членов собрания подвергся § 7 Временных правил, а конкретно положение, в соответствии с которым Суд должен вести дела в полном составе. Отмечалось, в частности, что кроме разрешения дела Суду следует разрешать и другие вопросы: пополнение материала, направленного ректором, взаимодействие с посторонними университету лицами, от которых можно получить сведения по рассматриваемому делу. Указывалось, что выполнение этих действий всем составом дисциплинарного суда было бы нецелесообразно, и поэтому за Судом следует признать право поручать это отдельным своим членам или их совокупности. В последнем случае образуется особое отделение суда в качестве подготовительной инстанции, но на правах полного состава.

Далее отмечалось, что Временные правила устанавливают только две должности: председатель суда и ответственный секретарь. Все взаимодействие с начальством университета должно осуществляться через председателя суда, который назначает заседания по мере необходимости, делает распоряжения о вызове обвиняемого и свидетелей путем повесток через университетскую инспекцию и председательствует на самих заседаниях профессорского дисциплинарного суда. Ему принадлежит управление ходом заседаний, забота о соблюдении судом гарантий правильности разбирательства в соответствии с Временными правилами, а также «наблюдение за охранением спокойствия и благочиния», но какова его власть в отношении этого?

И.Я. Фойницкий отмечал, что Временными правилами данный момент не урегулирован, поэтому на практике может возникнуть следующая проблема: так как судебное разбирательство происходит в присутствии обвиняемого (за исключением случаев неявки), свидетели также допрашиваются в присутствии обвиняемого. Но что делать в том случае, если обвиняемый оказывает давление на свидетелей? Отмечалось, что в таких случаях нужно разрешить как председателю Суда, так и любому другому

члену Суда, удалять обвиняемого из зала заседания на время допроса свидетелей²³⁰.

Отмечалось, что секретарь «заведует всеми письменными сношениями, приготовлением и рассылкой повесток, удостоверяется в своевременном получении повесток путем обратных экземпляров». Для этих целей было предложено предоставить ему ректором университета помощника из числа служащих университетской канцелярии²³¹.

Далее критике был подвергнут § 5 Временных правил. В соответствии с ним при недостаточности материала по делу Судом принимаются меры к его пополнению. Было предложено дать это право отдельным членам Суда на одно или несколько дел.

Был поставлен вопрос: в соответствии с примечанием к § 4 Временных правил в случае, если в общих судах на студента было наложено взыскание, то ректор передает в дисциплинарный суд вопрос о нравственном порицании данного студента или увольнении из университета. Как поступать Суду, если в таких случаях нет места производству в соответствии с § 8–11 Временных правил и соответственно нет возможности получать доказательства, допрашивать посторонних университету лиц, ознакомиться с материалами дела. Для этих целей было предложено избирать судью – докладчика, который мог бы заниматься этой деятельностью от имени всего Суда.

Полномочия дисциплинарного суда. Полномочия Суда были предусмотрены § 4 и 5 Временных правил.

Один из вопросов касался дел о столкновениях между студентами или студентами и должностными лицами университета в том случае, если обвиняемыми являются учащиеся. Здесь, по мнению участников предварительного заседания, нужно было сделать уточнение. Необходимо ли, чтобы оба учащих были студентами одного университета? Из Временных правил следовало, что только обвиняемый, потерпевший же

²³⁰ Заключение предварительного собрания Профессорского дисциплинарного суда от 13 ноября 1902 г. Л. 35.

²³¹ Там же. Л. 37.

может быть и из другого высшего учебного заведения. Отмечалось, что «внутренняя солидарность между учебными заведениями такая, что резко противопоставлять учащихся одних из них другим представляется невозможным»²³².

Далее было рассмотрено положение, в соответствии с которым ведению дисциплинарного суда подлежали дела «о таких проступках, которые хотя и не предусмотрены общими уголовными законами, но имеют предосудительный характер, противный правилам чести и нравственности»²³³. Указывалось, что от данной категории проступков также не требуется, чтобы они происходили в стенах университета или его учреждениях.

Членами дисциплинарного суда был поставлен следующий вопрос: могут ли быть переданы дисциплинарному суду дела о таких проступках, которые кроме нарушения правил чести и нравственности заключают в себе признаки общеуголовного проступка, подлежащего ведению общих судов, или же в таких случаях необходимо поступать в соответствии с примечанием к § 4 Временных правил, направляя дела о них в общие судебные установления и лишь после постановления приговора последними вносить вопрос на рассмотрение Суда, если ректор сочтет это нужным? И.Я. Фойницкий отмечал, что с первого взгляда верным может казаться второй вариант, но создание самостоятельного университетского суда, кроме пополнения органов, рассматривающих дела о студенческих проступках, имеется иной еще смысл, более глубокий. Он признавал, что значение учиненного в большой степени зависит от положения самого университета, от той обстановки и условий, которые его окружают. Известно, какое огромное влияние имеет на участь обвиняемых их несовершеннолетний возраст, даже по уголовным делам. И.Я. Фойницкий утверждал, что создавая для молодежи данной категории особый дисциплинарный суд, государство

²³² Там же. Л. 39.

²³³ Там же. Л. 41.

тем самым создает орган, который должен взять на себя часть работы уголовного суда, преимущественно во всех тех случаях, когда учиненное, не нарушая общего государственного порядка, ограничивается нарушением внутреннего строя данного учебного заведения и объясняется его особыми условиями. Таким образом, созданием дисциплинарного суда обеспечивается не только поддержание порядка, учащиеся в известной мере освобождаются от юрисдикции общих судов, потому что меры последних признаются для них чрезмерно суровыми²³⁴.

С этой точки зрения глубокий смысл получает ст. 524 Устава учебных учреждений и учебных заведений: «о всяком преступлении или проступке, совершенном студентом вне университета, полиция немедленно уведомляет университетское начальство». В случае незначительности это право дает университетскому начальству власть и обязанность возбудить вопрос, не следует ли ограничиться мерами дисциплинарными и заботиться об изъятии дела из общих судов. Главным здесь было, по мнению И.Я. Фойницкого, соблюсти разумные пределы принятия этого положения. Например, зачем подвергать студента отдельному наказанию арестом, если он уже был подвергнут наказанию в дисциплинарном суде за такое нарушение, которое произошло хотя бы и на улице, но на почве внутренних университетских распрей и не сопровождается нарушением чьих-либо прав²³⁵?

Также было отмечено, что привлечение учащегося к ответственности перед общими судами антипедагогично, и его по возможности следует избегать. В частности, приводился пример Императорского Александровского лицея, «заботливо ограждающего своих питомцев от привлечения их общими судами не только в качестве обвиняемых, но и в качестве свидетелей»²³⁶.

Что касается взысканий, которые налагает ректор, то учащиеся, как решили участники заседания, должны быть разделены на студентов и

²³⁴ Там же. Л. 44.

²³⁵ Там же. Л. 45.

²³⁶ Там же. Л. 46

вольнослушателей, так как «только первые составляют нормальный контингент университетского сообщества, состоящего во внутренней духовной связи с университетом»²³⁷. Таким образом, было предложено, чтобы дисциплинарный суд рассматривал дела только студентов, а делами вольнослушателей мог заниматься ректор.

Порядок производства по судебным делам. Предусматривалось, что вызов в Суд обвиняемого и свидетелей будет осуществляться через университетскую инспекцию. Повестка должна быть составлена в двух экземплярах, один из которых возвращался бы в секретариат университета за подписью обвиняемого или его домашних. Отмечалось, что такой вызов должен предусматриваться только в отношении студентов и лиц, состоящих при университете. Получение показаний лиц, не имеющих отношения к университету, должно осуществляться только по согласию данного лица. В этом случае предлагалось начинать взаимодействие со свидетелем от имени председателя или уполномоченного лица частным письмом или даже личным визитом.

Отдельного внимания заслужил § 18 Временных правил, в соответствии с которым решение дисциплинарного суда подлежит передаче начальнику вуза, который в свою очередь передает его в совет или аналогичный орган учебного заведения. При этом отмечалось следующее: (1) совету ректором сообщается о решениях дисциплинарного суда независимо от того, подлежат они передачи попечителю учебного округа или нет; (2) Временными правилами не предусмотрено, чтобы ректор давал свою оценку делу, но это и не запрещено; (3) решения сообщаются совету университета для сведения.

Был поставлен вопрос: значит ли это, что совет только заслушивает такое решение, и оно получает дальнейшее движение независимо от мнения совета? И зачем тогда перед Советом ректор обязан изложить мотивы решения? По мнению авторов заключения, сообщение совету сведений о

²³⁷ Там же. Л. 48.

решениях Суда не является простой формальностью. Было отмечено, что на основании Университетского устава 1863 г. Совет университета имел полномочия изменять решения университетского суда. Кроме этого, Временными правилами не устанавливается, можно ли пересмотреть решение Суда в том случае, если им допущены процессуальные ошибки. Было предложено позволить обвиняемому делать заявления о нарушениях порядка судопроизводства на имя ректора в письменном виде или устно, для того, чтобы ректор мог доложить о них совету. Если Совет найдет нарушения на основании протоколов заседания, то он должен иметь право отменить решение и отправить дело в Суд на новое рассмотрение²³⁸.

Составление дисциплинарного кодекса. Идея с созданием дисциплинарного кодекса, где каждому студенческому проступку соответствовало бы дисциплинарное взыскание, возникла еще на стадии разработки Временных правил, но в итоге было решено предоставить Суду широкую дискрецию в выборе взысканий за каждый конкретный студенческий проступок.

Члены дисциплинарного суда предложили ученому совету Санкт-Петербургского университета дать им наставления по поводу того, за какие проступки следует налагать «высшие взыскания» – увольнение, удаление и исключение из университета. Было отмечено, что без подобных наставлений Суду будет чрезвычайно сложно определить тяжесть того или иного проступка, за которым должно следовать наложение одного из «высших взысканий»²³⁹. Применение иных взысканий было решено оставить на усмотрение самого дисциплинарного суда.

На заседании ученого совета университета от 21 декабря 1902 г. ректор предложил создать специальную комиссию из членов ученого совета для рассмотрения Заключения предварительного собрания дисциплинарного суда от 13 ноября того же года. В состав комиссии вошли ординарные профессора

²³⁸ Там же. Л. 49.

²³⁹ Там же. Л. 50.

П.И. Цитович, И.И. Боргман, И.А. Бодуэн-де-Куртенэ, экстраординарный профессор А.А. Жижиленко и барон В.Р. Розен в качестве председателя комиссии²⁴⁰. Заседания комиссии состоялись 22 и 25 января 1903 г.²⁴¹

После ознакомления с Заключением предварительного собрания дисциплинарного суда от 17 ноября 1902 г. комиссией было решено выработать наиболее общие критерии оценки проступков для наложения за их совершение высших взысканий, не указывая при этом конкретный перечень проступков.

По поводу *исключения*, предусмотренного § 8 Правил о взысканиях, было отмечено следующее: по своему существу это взыскание предполагает лишение исключаемого права на высшее образование, что дает возможность приравнять его к общеуголовным наказаниям. Между тем, дисциплинарный суд по своей природе не должен назначать наказания, лишаящие студентов их общегражданских прав. Он может назначать лишь дисциплинарные взыскания, касающиеся причастности студента к соответствующему вузу. На основании этого комиссией было предложено не применять исключение в качестве дисциплинарного взыскания.

Удаление из университета, предусмотренное § 7 Правил о взысканиях, было признано весьма близким по своей тяжести к исключению, так как оно лишает удаленного студента права получать высшее образование не определенное время. Кроме того, отмечалось, что в связи с невозможностью поступления в то же учебное заведение, откуда студент был удален, поступление в иное учебное заведение, где удаленного никто не знает, может сопровождаться определенными трудностями. В силу вышеуказанного комиссия предложила применять удаление из университета в качестве исключительной меры в случаях, когда такое применение будет признано Судом безусловно необходимым для обеспечения спокойствия в

²⁴⁰ Журналы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1902 г. СПб., 1903. № 58. С. 123.

²⁴¹ Доклад комиссии, избранной советом университета 21 декабря 1902 г. для выработки дисциплинарному суду твердых руководящих указаний относительно применения, по крайней мере, важнейших дисциплинарных взысканий // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 19–30.

университете, и когда подсудимый оказывается «лицом уже неоднократно проявившим упорное неповиновение общим университетским правилам».

Что касается увольнения из университета, предусмотренного § 6 Правил о взысканиях, то вследствие того, что оно не препятствует студенту быть принятым обратно в этот же университет, из которого он был уволен, применение этой меры комиссией было оценено целесообразным во многих случаях, например, в случае упорного отказа в подчинении университетским правилам.

На заседании ученого совета от 27 января 1903 г. комиссия представила свой доклад на обсуждение²⁴². После обмена мнениями было выявлено, что члены ученого совета затрудняются указать случаи, когда возможно было бы применить в качестве дисциплинарного взыскания исключение студента из университета. В связи с докладом ученым советом обсуждались также отдельные пункты Заключения предварительного заседания дисциплинарного суда от 13 ноября 1902 г., при этом было постановлено, что какой-либо контроль над действиями и приговорами Суда со стороны совета едва ли на практике выполним, и сомнительной представляется даже чисто кассационная деятельность совета по отношению к дисциплинарному суду в полном согласии с Временными правилами²⁴³.

В письме от 22 марта 1903 г. Заключение предварительного заседания Суда от 13 ноября 1902 г. вместе с резолюцией ученого были направлены ректором университета попечителю учебного округа²⁴⁴. В ответе от 20 июня того же года²⁴⁵ министра народного просвещения Г.Э. Зенгера данное заключение было в целом одобрено, кроме положений, которые

²⁴² Журналы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1903 г. СПб., 1903. № 59. С. 13.

²⁴³ Журналы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1902 г. СПб., 1903. № 58. С. 125.

²⁴⁴ Письмо ректора Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстена к попечителю Санкт-петербургского учебного округа В.К. фон Анрепу от 22 марта 1903 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 44–47.

²⁴⁵ Циркуляр попечителю Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепу из Министерства народного просвещения от 20 июня 1903 г. № 19187 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 48.

предоставляли бы ректору вуза право выступать в ученом совете со своим мнением касательно вынесенного Судом решения.

Что касается работы комиссии под председательством В.Р. Розена, то Г.Э. Зенгер счел недозволительным выносить подобного рода решения на уровень вуза, так как в этом случае каждый университет может выработать свой, отличный от других подход к применению высших взысканий. Кроме того, было отмечено, что исключение из высшего учебного заведения не влечет лишения студента права на получение высшего образования. Данное взыскание, как указал министр, может налагаться только в случае выявления Судом в действиях студента преступления, предусмотренного законодательством. В этом случае после передачи дела исключенного в общий суд студент может быть оправдан, далее он имеет право обратиться в свое высшее учебное заведение для восстановления²⁴⁶.

*Первое дело дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета касалось участников студенческой забастовки от 18 марта 1903 г.*²⁴⁷.

На предварительном заседании от 20 марта присутствовали все члены дисциплинарного суда, кроме Ю.В. Сохоцкого. Секретарем заседания был выбран И.А. Шляпкин.

Для начала председатель Суда И.Я. Фойницкий представил материалы по делу, которые включали в себя: (1) отношение ректора А.Х. Гольмстена к председателю Суда И.Я. Фойницкому № 1 от 19 марта 1903 г.; (2) отношение инспектора студентов М.П. Лыцова к ректору А.Х. Гольмстену № 18 от 18 марта 1903 г.; (3) список 68 студентов, замеченных инспекцией и слушателями на студенческой сходке от 18 марта 1903 г.; (4) найденные после сходки документы, включавшие в себя две пригласительные повестки на студенческую сходку от 18 марта 1903 г. и литографированную прокламацию за подписью «партизаны борьбы»²⁴⁸.

²⁴⁶ Там же. Л. 49.

²⁴⁷ Протокол предварительного заседания дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета от 20 марта 1903 г. // РГИА. Ф.733. Оп. 151. Д. 297. Л. 204.

²⁴⁸ Там же. Л. 207.

Дисциплинарный суд в первую очередь выслушал показания инспектора студентов М.П. Лыцова и его помощников, после чего их показания сравнивались и проверялись. Судом были истребованы фотографические карточки участников сходки, после чего было постановлено пригласить на следующие заседания Суда студентов, участвовавших в сходке, для дачи показаний. Стоит отметить, что из 68 студентов, которым были направлены повестки, 38 не явились, другие же давали показания «крайне неохотно»²⁴⁹. Кроме них, были допрошены комендант студенческого общежития, наблюдавшие за сходкой студенты, служащие университетской канцелярии, иные свидетели.

Дело осложнялось и тем, что один из пунктов резолюции сходки призывал студентов «не участвовать в предстоящей комедии с дисциплинарным судом»²⁵⁰. Таким образом, уже при разборе первого дела Суд столкнулся с неодобрением своей деятельности со стороны студенческого сообщества.

Всего состоялось 6 заседаний дисциплинарного суда, посвященных студенческой сходке от 18 марта 1903 г.²⁵¹. Из 68 студентов, которые были замечены инспекцией на сходке, 60 были подвергнуты различным дисциплинарным взысканиям, с четверых были сняты обвинения, а в отношении оставшихся четверых было принято решение рассмотреть дело позднее в связи с нахождением данных студентов на лечении. На основании § 18 Временных правил решение дисциплинарного суда было представлено в ученый совет ректором на экстренном заседании ученого совета от 31 марта 1903 г.²⁵²

На следующем заседании дисциплинарного суда, которое состоялось 21 апреля 1903 г., оставшихся четырех обвиняемых подвергли взысканиям

²⁴⁹ Там же. Л. 210.

²⁵⁰ Протокол заседания дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета от 24 марта 1903 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 220.

²⁵¹ См. Приложение № 11.

²⁵² Журналы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1903 г. СПб., 1904. № 59. С. 76.

разной степени тяжести, о чем было сообщено ученому совету 28 апреля того же года²⁵³.

В сентябре 1903 г. пришло время выборов нового состава дисциплинарного суда. На заседании ученого совета от 29 сентября 1903 г. было решено просить согласия И.Я. Фойницкого возглавлять дисциплинарный суд на следующий учебный год, до этого момента не назначая выборы²⁵⁴.

И.Я. Фойницкий дал свое согласие, и на заседании ученого совета от 20 октября 1903 г. в члены дисциплинарного суда на 1903/1904 учебный год были избраны А.И. Соболевский, А.А. Иностранцев, Ю.В. Сохоцкий, Н.И. Веселовский в качестве судей и П.А. Лавров, Д.П. Коновалов, И.Л. Пташицкий, Л.И. Петражицкий и В.Р. Розен в качестве кандидатов в судьи²⁵⁵. Следует отметить, что при выборе судей каждый факультет представил свою кандидатуру. Принцип представительства факультетов в Суде был предложен представителями Санкт-Петербургского университета еще во время разработки Временных правил²⁵⁶, но тогда их мнение не было учтено.

По предложению И.Я. Фойницкого ученый совет постановил обратиться к попечителю учебного округа с просьбой ходатайствовать о разрешении председателю дисциплинарного суда назначать распорядительные заседания Суда для обсуждения вопросов, относящихся к его деятельности. Стоит отметить, что первое распорядительное заседание Суда Санкт-петербургского университета было проведено еще 20 марта 1903 г. Далее, 6 октября 1903 г. состоялось распорядительное заседание, где были рассмотрены прошения лиц, подвергнутых удалению из университета по

²⁵³ Там же. С. 82.

²⁵⁴ Там же. С. 98.

²⁵⁵ Там же. С. 101.

²⁵⁶ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 22 декабря 1901 г. Л. 31.

делу о студенческой сходке от 18 марта 1903 г., о смягчении приговора, все прошения в итоге были отклонены²⁵⁷.

В итоге возможность председателя Суда назначать распорядительные заседания была признана министром народного просвещения Г.Э. Зенгером целесообразной²⁵⁸, так как в случае разбирательств по делам, касающихся массовых студенческих проступков, без распорядительных заседаний очень сложно подробно ознакомиться со всеми материалами по делу.

В 1904 г. дисциплинарный суд не рассмотрел ни одного дела, что не помешало членам ученого совета на своем заседании от 11 октября просить действовавший на тот момент состав Суда не отказать продолжать ревностную и в высокой степени полезную службу в новом учебном году²⁵⁹. На заседании ученого совета от 1 ноября 1904 г. был утвержден прежний состав дисциплинарного суда на 1904/1905 учебный год²⁶⁰.

Одной из причин временного прекращения фактической деятельности Суда с 1904 по 1907 г. включительно можно назвать установление на уровне Министерства народного просвещения особого порядка рассмотрения сходов студентов, имеющих политический характер²⁶¹. В своем докладе Императору от 25 сентября 1904 г. министр народного просвещения В.Г. Глазов обосновывал, что такому академическому органу, как дисциплинарный суд, сложно разрешать дела о крупных студенческих сходках, имеющих политический характер. Министр предлагал передать полномочия по ведению подобных дел начальникам учебного заведения, которые своей властью могли бы налагать на участников студенческих сходов взыскания, предусмотренные Правилами о взысканиях. Члены Суда при этом могли

²⁵⁷ Протокол предварительного заседания дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета от 20 марта 1903 г. Л. 204.

²⁵⁸ Журналы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1903 г. СПб., 1904. № 59. С. 76.

²⁵⁹ Журналы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1904 г. СПб., 1905. № 60. С. 134.

²⁶⁰ Журналы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1905 г. СПб., 1906. № 61. С. 271.

²⁶¹ Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1 / под общ. ред. В.А. Ежова, Ю.Д. Марголиса, Г.Г. Прошина. Л., 1963. С. 156.

привлекаться начальником учебного заведения к «совещательному содействию»²⁶². Также предлагалось предоставить начальнику учебного заведения право подвергнуть увольнению любого студента, нарушившего запрет появляться в учебном заведении.

Указанные выше полномочия начальников учебных заведений были утверждены Императором, о чем было доведено до сведения попечителей учебных округов письмом от 3 октября 1904 г.²⁶³

Проблема роста студенческих волнений остро встала перед руководством учебных заведений, о чем можно судить по перечню вопросов, которые были поставлены на обсуждение в совещании министра народного просвещения с начальниками высших учебных заведений в августе 1904 г.²⁶⁴

27 августа 1905 г. Император подписывает Указ о введении Временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения²⁶⁵, на основании которых разбирательство по студенческим делам отводилось дисциплинарному суду высшего учебного заведения в точном соответствии с Временными правилами от 24 августа 1902 г.²⁶⁶ Предполагалось, что данные правила будут действовать вплоть до принятия нового Университетского устава, поэтому упоминание в них дисциплинарного суда может свидетельствовать о намерении законодателя предусмотреть данный институт в новом Уставе.

Примечательно, что в Санкт-Петербургском университете отношение к такому органу, как дисциплинарный суд, было негативным. В частности, в подготовленном проекте главных положений Устава императорских российских университетов прямо говорилось о необходимости упразднить дисциплинарный суд и передать все дела по разбору студенческих

²⁶² Доклад министра народного просвещения В.Г. Глазова Императору Николаю II от 25 сентября 1904 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 177.

²⁶³ Циркуляр из Министерства народного просвещения попечителям учебных округов от 3 октября 1904 г. № 38 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 187.

²⁶⁴ См. Приложение № 10.

²⁶⁵ Ростовцев А.Р., Андреева В.В. Петербургский университет 1905 года в зеркале периодической печати // Клио. Журнал для ученых. СПб., 2014. № 10 (94). С. 34.

²⁶⁶ Временные правила об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения от 27 августа 1905 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXV. Отд. 1. Ст. 26692.

проступков Сенату – органу, состоящему из ректора, проректора, четырех деканов и восьми профессоров, избранных из числа членов ученого совета университета²⁶⁷.

Возможно, это стало одной из причин того, что на 1905/1906 учебный год состав дисциплинарного суда не выбирался. В протоколах заседаний ученого совета Санкт-Петербургского университета за 1906 г. также не упоминается о деятельности Суда в прежнем составе²⁶⁸.

По итогам событий 1905 г. вышло Распоряжение Правительства от 5 июня 1907 г., согласно которому советам профессоров предстояло избрать новый состав суда²⁶⁹.

Издание Правил о студенческих организациях и устройстве в стенах учебных заведений собраний от 11 июня 1907 г. (далее также – Правила о студенческих организациях) дало дальнейшее развитие деятельности дисциплинарных судов²⁷⁰. На основании § 12 дисциплинарный суд рассматривает дела о проступках студентов, нарушивших данные правила. Кроме того, этим же параграфом предусматривалось создание учеными советами учебных заведений специальных инструкций, на основании которых регулировалась бы деятельность Суда. Правила о студенческих организациях устанавливали порядок, при котором все студенческие собрания подвергались контролю как со стороны администрации факультета, так и полиции, представители которой имели право появляться на всех подобных мероприятиях.

В департаменте народного просвещения всем попечителям учебных округов было дано поручение оповестить начальников вузов о введении

²⁶⁷ Журналы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1905 г. СПб., 1906. № 61. С. 265–270.

²⁶⁸ Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1906 г. СПб., 1907. № 62. С. 56.

²⁶⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 533. Л. 16.

²⁷⁰ Правила о студенческих организациях и устройстве в стенах учебных заведений собраний от 11 июня 1907 г. // ПЗСРИ. Собр. 3. Т. XXVII. Отд. 1. № 29274.

Правил о студенческих организациях, после чего проверить работу дисциплинарных судов²⁷¹.

На этом основании одной из тем заседания ученого совета Санкт-Петербургского университета от 23 августа 1907 г. стало избрание комиссии для разработки проекта инструкции дисциплинарному суду, который подлежал передаче министру народного просвещения П.М. фон Кауфману. Ученый совет обратился к юридическому факультету, из числа профессоров которого Д.Д. Grimm, М.М. Ковалевский и В.Ф. Дерюжинский образовали соответствующую комиссию²⁷².

Нельзя не отметить, что против существования дисциплинарного суда высказались профессора В.А. Стеклов, С.А. Жебелев, Д.К. Бобылев, И.Л. Стащицкий, Д.Ф. Селиванов и В.Е. Тищенко, мотивировав это невозможностью ведения дел учащихся преподавателями²⁷³.

Проект инструкции был подготовлен к заседанию ученого совета от 17 декабря 1907 г.²⁷⁴. Комиссия изначально задалась целью рассмотреть только те параграфы Временных правил, которые касались порядка судопроизводства (с 5 по 18 включительно). По большому счету, в проекте нашли отражение практически все идеи, содержащиеся в Заключении предварительного собрания Суда от 13 ноября 1902 г. с учетом последовавших к нему замечаний. В частности, предлагалось разрешить председателю дисциплинарного суда назначать из числа членов Суда ответственного за сбор материалов по делу, назначать распорядительные заседания, удалять обвиняемого из зала суда в случае нарушения им спокойствия. В связи с упразднением инспекции в 1905 г. вместо нее предлагалось привлекать для помощи в доставке судебных повесток служащих университетской канцелярии. Кроме того, обвиняемому было

²⁷¹ Циркуляр из Министерства народного просвещения попечителям учебных округов от 3 июля 1907 г. № 13929 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 260.

²⁷² Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907 г. СПб., 1908. № 63. С. 245.

²⁷³ Там же. С. 246.

²⁷⁴ Там же. С. 330.

разрешено в течение двух недель со дня вынесения приговора обращаться в суд о его пересмотре, если разбирательство производилось заочно. В завершении члены комиссии предлагали исключить § 17 Временных правил по причине коллизии с § 11 Правил о студенческих организациях.

На этом же заседании в качестве судей дисциплинарного суда были избраны профессора М.М. Ковалевский (председатель), М.Я. Пергамент, П.А. Лавров, И.А. Бодуэн-де-Куртенэ и Н.И. Кареев. В качестве кандидатов в судьи были избраны профессора В.В. Бартольд, Э.Д. Гримм, М.И. Ростовцев, И.А. Покровский и А.Е. Фаворский²⁷⁵.

Профессор А.А. Жижиленко сделал заявление о том, что, с его точки зрения, до выработки инструкции дисциплинарному суду представляется крайне желательным возбудить вопрос о коренном изменении концепции дисциплинарного суда, «являющегося в своем нынешнем виде институтом совершенно неудовлетворительным и не могущим надлежащим образом осуществлять те задачи, которые в нормальных условиях могут быть вообще возлагаемы на учреждение подобного рода»²⁷⁶.

Совет после этого просил избранных членов суда и кандидатов образовать комиссию для пересмотра вопроса о дисциплинарном суде по существу, на что профессор В.А. Стеклов ответил, что, с его точки зрения, «обязанности члена несовместимы со званием профессора, и что по его глубокому убеждению, этот институт ничего, кроме вреда принести не может, как бы он видоизменяем не был»²⁷⁷.

В начале следующего года была введена в действие Инструкция от 24 января 1908 г. Только на заседании ученого совета от 5 мая 1908 г. состоялось обсуждение данного акта²⁷⁸. Большинством голосов (19 против 17) было решено принять утвержденную министром народного просвещения Инструкцию в качестве правил, регулирующих деятельность

²⁷⁵ Там же. С. 331.

²⁷⁶ Там же. С. 333.

²⁷⁷ Там же. С. 334.

²⁷⁸ Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1908 г. СПб., 1908. № 64. С. 81.

дисциплинарного суда. Профессор В.А. Стеклов на это заметил, что в соответствии с § 12 Правил о студенческих собраниях инструкции дисциплинарному суду должны разрабатываться и утверждаться на локальном уровне, а не министром народного просвещения. На основании этого ученым советом было решено обратиться к министру народного просвещения за соответствующим разъяснением.

В 1908 г. произошло только одно разбирательство студенческого проступка в дисциплинарном суде. Оно касалось столкновения между двумя студентами на собрании от 2 октября, в ходе которого было установлено, что студент Джанаридзе не наносил студенту Бремеру побоев, что подтвердилось показаниями свидетелей. В итоге никто из студентов не был привлечен к ответственности, о чем ректор доложил ученому совету на заседании от 26 января 1909 г.²⁷⁹

На заседании ученого совета от 13 апреля 1909 г. членами дисциплинарного суда были выбраны профессора М.Я. Пергамент, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, П.А. Лавров и В.В. Бартольд. Кандидатами в судьи были выбраны профессора И.А. Покровский, А.Е. Фаворский, Н.Я. Марр, И.Д. Андреев и Л.А. Чугаев²⁸⁰.

Деятельность дисциплинарного суда не вызывала поддержки со стороны студенчества. Об этом может судить произошедшая 7 ноября в актовом зале Санкт-Петербургского университета студенческая сходка, на которой, по сведениям частных лиц, предлагалось выразить протест действиям Суда, заседания которого прошли 18 и 28 октября 1909 г.²⁸¹ В ходе указанных заседаний рассматривалось дело двух студентов, являвшихся организаторами неразрешенного студенческого собрания, на котором решались «вопросы, далекие от академических»²⁸². В ходе сходки от 7 ноября во время лекции Л.И. Петражицкого в зал вошла группа студентов, которые сорвали занятия и

²⁷⁹ Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1909 г. СПб., 1910. № 65. С. 22.

²⁸⁰ Там же. С. 69.

²⁸¹ Там же. С. 136.

²⁸² Там же. С. 138.

разошлись только после прибытия отряда полиции, численность которого составляло более 100 человек.

На заседании ученого совета от 17 мая 1910 г. членами дисциплинарного суда были выбраны профессора М.Я. Пергамент, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, П.А. Лавров и В.В. Бартольд. Кандидатами в судьи были выбраны профессора С.К. Булич, А.Е. Фаворский, Н.Я. Марр, Э.Д. Гримм и Л.А. Чугаев²⁸³.

Всего за 1911 г. Суд рассмотрел два дела. Первое из них касалось жалобы частного лица на одного из студентов, дисциплинарным судом был вынесено оправдательный приговор. Второе дело касалось подделки студентом юридического факультета Павлом Мосулишвили ведомости о результатах сдачи экзамена по римскому праву, который проводил профессор И.Х. Озеров. На основании показаний свидетелей и заключения специалиста-каллиграфа студент Мосулишвили был удален из университета на основании § 7 Временных правил²⁸⁴.

На учебный 1911/1912 г. в качестве судей дисциплинарного суда были выбраны профессора А.Е. Фаворский (председатель Суда), В.В. Бартольд, Л.А. Чугаев, Л.И. Петражицкий и В.Н. Бенешевич. Кандидатами в судьи были выбраны П.А. Лавров, И.И. Кауфман, С.К. Булич, И.Д. Андреев и И.Л. Пташицкий²⁸⁵.

Очередное заседание дисциплинарного суда состоялось 3 марта 1912 г. На нем решалось дело в отношении 25 студентов, участвовавших в сходке от 20 февраля 1912 г., но все они были Судом оправданы²⁸⁶. В 1912 г. Суд рассмотрел еще два дела. По одному из них студент физико-математического факультета Вараксин был подвергнут увольнению из университета за сдачу экзамена за другого лица, по второму студент того же факультета

²⁸³ Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1910 г. СПб., 1911. № 66. С. 130.

²⁸⁴ Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1911 г. СПб., 1912. № 67. С. 139.

²⁸⁵ Там же. С. 219.

²⁸⁶ Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1912 г. СПб., 1913. № 68. С. 54.

Сильвестрович был подвергнут нравственному порицанию за «безобразное поведение в ресторане»²⁸⁷.

В 1913 г. первое разбирательство дисциплинарного суда было инициировано после жалобы студента Сушкова на действия студентов Калисского, Тихвинского и Шимановского, которые систематически подвергали его издевательствам по время совместного проживания в общежитии²⁸⁸. Что интересно, в итоговом протоколе Судом было указано на «ненормальные условия проживания» в общежитии Коллегии императора Александра II, ввиду «невозможной атмосферы для проведения систематических научных занятий и возможности систематической травли отдельных студентов, как в случае с Сушковым»²⁸⁹. За отсутствием доказательств обвинения со студентов Тихвинского и Шимановского были сняты, студент Калисский был подвергнут временному переводу в вольнослушатели в совокупности с нравственным порицанием.

Следующее дело также касалось оскорбления студента Стаховского студентами Нестеровым и Ганелиным. В соответствии с приговором от 23 марта 1913 г. Ганелин был оправдан, а Тихвинский подвергся временному увольнению из университета²⁹⁰.

Последнее в 1913 г. разбирательство дисциплинарного суда было посвящено действиям студента Тарасова, который в соответствии с показаниями свидетелей нарушал тишину 22 февраля в 4 часа ночи в коридоре общежития «хлопанием бича». Студенту в итоге было сделано замечание²⁹¹.

На новый 1913/1914 учебный год судьями дисциплинарного суда были выбраны профессора Д.К. Петров, И.И. Кауфман, И.И. Боргман,

²⁸⁷ Там же. С. 57.

²⁸⁸ Протоколы заседаний совета Санкт-Петербургского университета за 1913 г. СПб., 1914. № 69. С. 117.

²⁸⁹ Там же. С. 118.

²⁹⁰ Там же. С. 120.

²⁹¹ Там же. С. 123.

С.П. Кравков и Б.А. Тураев. Кандидатами были выбраны А.А. Иванов, М.М. Ковалевский, Ф.И. Щербатский, В.А. Догель и Н.Н. Розин²⁹².

В 1914 г. дисциплинарный суд рассматривал два дела. Предметом разбирательства первого из них было нанесение студентом Мистуловым оскорбления студенту Стефановскому. Студенту Мистулову был объявлен выговор²⁹³. Во втором деле студент был подвергнут увольнению из университета за продажу книги, взятой из библиотеки университета²⁹⁴.

Деятельность дисциплинарного суда в последующее время фактически прекратилась, хотя выборы его членов проводились ежегодно до 1916/1917 учебного года. С мая 1914 г. до упразднения Суда в июне 1916 г. им не было рассмотрено ни одного дела. Об этом свидетельствует письмо из Министерства народного просвещения ректору Императорского Петроградского университета, датированное 17 июня 1916 г.²⁹⁵

§ 3.2. Профессорский дисциплинарный суд Императорского Московского университета

К началу 1902 г. профессорско-преподавательский состав Московского университета включал в себя 68 ординарных профессоров, 22 экстраординарных профессора, 1 профессора богословия, 171 приват-доцента и 4 докторантов²⁹⁶.

Что касается студентов, то всего к началу 1902 г. их насчитывалось 4344, из которых 1673 учились на юридическом факультете, 1208 – на физико-математическом, 1100 – на медицинском и 363 на историко-

²⁹² Там же. С. 173.

²⁹³ Протоколы заседаний совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. СПб., 1915. № 70. С. 45.

²⁹⁴ Там же. С. 47.

²⁹⁵ Письмо из Министерства народного просвещения ректору Э.Д. Гримму от 17 июня 1916 г. № 6089 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11163. Л. 15.

²⁹⁶ Отчет о состояниях и действиях Императорского Московского университета за 1901 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 204. Д. 34. Л. 2.

филологическом. Также занятия на тот момент посещали 171 сторонний слушатель²⁹⁷.

В конце XIX – начале XX в. в Москве, как и во многих других регионах, наблюдался значительный рост студенческих волнений и беспорядков²⁹⁸. Студенты Московского университета также активно выражали свою политическую позицию, что приводило в некоторых случаях к трагическим последствиям²⁹⁹. В качестве примера можно привести убийство министра народного просвещения, бывшего ректора Московского университета Н.П. Боголепова, который был смертельно ранен бывшим студентом Московского университета П.В. Карповичем 14 февраля 1901 г.³⁰⁰. Как выяснилось во время следствия, убийство было совершено Карповичем из мести за исключение по распоряжению министра из университета Святого Владимира в Киеве 183 студентов за их участие в беспорядках, после чего они были отправлены в соответствии с действующими на тот момент «Временными правилами об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков» от 29 июля 1901 г. на службу в действующую армию³⁰¹.

С целью разобраться в причинах роста студенческих волнений Совет Императорского Московского университета избрал 28 февраля 1901 г. Комиссию по студенческим учреждениям. В ходе своей работы данная комиссия подготовила доклад в Совет университета от 16 мая 1901 г., где был назван список причин студенческих волнений, в числе которых были «народно-психологические» свойства молодежи, недовольство Уставом 1884 г., результатами введения которого стали разрушение корпоративности

²⁹⁷ Там же. Л. 4.

²⁹⁸ Сушко В.Т. Репрессии против студентов в 1901 году // Москва: Русский Либмонстр URL: <http://libmonster.ru/m/articles/view/РЕПРЕССИИ-ПРОТИВ-СТУДЕНТОВ-В-1901-ГОДУ> (дата обращения: 31.03.2020).

²⁹⁹ Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь / сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 10.

³⁰⁰ Томсинов В.А. Николай Павлович Боголепов (1846–1901): профессор, ректор, министр. Статья первая // Законодательство. 2004. № 9. С. 81–82.

³⁰¹ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XIX, ч. 1. № 17484. С. 935–936.

и излишняя бюрократизация, необходимость реформирования университетской жизни.

Отмечалось, что частые случаи увольнения и исключения из университета со всеми тягостными последствиями этих кар (высылкой из университетского города, потерей семестра или года, лишением стипендии и, наконец, лишением права на продолжение образования) ставят на очередь вопрос о правильной организации университетского суда. И, прежде всего, возникла потребность обеспечить этот суд от возможностей случайных ошибок и неосновательных решений. Для этого составителям доклада представлялось необходимым, чтобы университетский суд усвоил основные гарантии каждого правильного суда, поскольку они применимы в пределах дисциплинарного производства³⁰². Председателем данной комиссии был Дмитрий Николаевич Зернов, который в дальнейшем был избран председателем первого состава Суда.

После введения в действие Временных правил от 24 августа 1902 г. Совет Московского университета с энтузиазмом приступил к созданию профессорского дисциплинарного суда.

Первый состав профессорского дисциплинарного суда Московского университета был утвержден попечителем Московского учебного округа 10 октября 1902 г.³⁰³. Первым председателем Суда был избран заслуженный ординарный профессор Императорского Московского университета, Действительный статский советник Дмитрий Николаевич Зернов. Кроме него в первый состав Суда вошли заслуженный ординарный профессор Н.А. Умов, заслуженный ординарный профессор Л.А. Комаровский, ординарный профессор Д.П. Анучин, экстраординарный профессор П.И. Новгородцев. Кандидатами в судьи были избраны ординарные профессора А.П. Павлов, М.М. Покровский, И.Т. Тарасов, Б.К. Млодзевский и И.К. Спижарный. Из первого состава судей юристами были

³⁰² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 36. Л. 391.

³⁰³ Там же. Л. 4.

Л.А. Комаровский и П.И. Новгородцев, из числа кандидатов в судьи – И.Т. Тарасов. Состав профессорского суда за весь период его деятельности можно увидеть в Приложении № 15³⁰⁴.

Необходимо обратить внимание на соотношение полномочий профессорского дисциплинарного суда и общих судебных установлений. В Общем уставе императорских Российских университетов 1863 г. в п. 103 содержалась норма о том, что «вне зданий и учреждений университета студенты подлежат полицейским установлениям на общих основаниях». В тех случаях, когда нарушение студентом внутренних университетских правил сопровождалось каким-либо уголовным преступлением, виновный после его исключения профессорским дисциплинарным судом из числа студентов должен был отсылаться с препровождением копии приговора к обыкновенному уголовному суду. В тех случаях, когда студент задерживался полицией вне стен университета за преступления и проступки, подлежащие уголовному суду, полиция в обязательном порядке обязана была уведомить об этом администрацию соответствующего высшего учебного заведения. Университетский суд действовал в таких случаях не вместо общих судебных установлений, а вместе с ними. Таким образом, студент мог быть привлечен за один проступок к двум видам ответственности – уголовной со стороны государства и дисциплинарной со стороны высшего учебного заведения. Аналогичная практика существовала и в период существования профессорских дисциплинарных судов.

В Суде Московского университета практика в подобных случаях была чрезвычайно разнообразной. В одних случаях судьи признавали наличие приговора по делу мирового судьи как достаточное наказание, как это было, например, во время разбирательства по делу студента I курса юридического факультета Николая Шелховского от 25 ноября 1904 г.³⁰⁵

³⁰⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 87. Д. 457. Л. 2, 10, 24.

³⁰⁵ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 36. Л. 107.

В других случаях Суд применял дисциплинарное взыскание к студенту дополнительно к приговору мирового судьи, но последнее во всех случаях учитывалось как обстоятельство для смягчения ответственности. В качестве примера можно привести дело студента юридического факультета Владимира Васильева, где по итогам заседания от 2 октября 1908 г. Суд постановил вынести в отношении студента Васильева замечание³⁰⁶.

Разбирательство в Суде могло завершиться также примирением сторон, как это было в деле студента 3 курса медицинского факультета Ивана Кастратовича об оскорблении им профессора С.И. Стопницкого. После рассмотрения представленных материалов по делу Суд предложил Кастратовичу извиниться перед профессором, что тот и исполнил в присутствии Суда и самого С.И. Стопницкого. После этого дело было прекращено ввиду примирения сторон³⁰⁷.

Профессорский дисциплинарный суд при Московском университете также имел возможность обращаться к ректору с предложениями об усовершенствовании порядка деятельности в университете. Например, в декабре 1907 г. Суд направил ректору предложение о том, чтобы при переходе студента с одного факультета на другой его место замещалось не по соглашению между студентами, а по распоряжению декана соответствующего факультета³⁰⁸.

В развитие предложений составителей Временных правил о необходимости дальнейшего регулирования деятельности Судов на локальном уровне 10 ноября 1903 г. Совет Московского университета принял «Инструкцию Совета дисциплинарному суду при Московском университете»³⁰⁹. В дальнейшем этот документ стал одним из основных при

³⁰⁶ Там же. Л. 225.

³⁰⁷ Там же. Л. 195.

³⁰⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 46. Л. 6–7.

³⁰⁹ Там же. Л. 9.

разработке Инструкции профессорским дисциплинарным судам от 24 января 1908 г., большая часть их положений совпадали³¹⁰.

Из положений данной инструкции следует выделить следующие:

- При значительном накоплении дел Председатель Суда мог создавать отдельные комиссии, состоящие из судей и кандидатов в судьи, которые могли бы заниматься раздельным допросом свидетелей и подготовкой дела к основному разбирательству, которое проводилось в полном составе (п. 1 Инструкции);
- Если один из судей не сможет принять участия на заседании, то на его место назначается кандидат, набравший наибольшее число голосов, который и остается в составе Суда на все время разбирательства по делу (п. 3 Инструкции);
- В помощь Секретарю Суда мог быть назначен делопроизводитель из числа служащих при университете (п. 5 Инструкции);
- Суду Московского университета подсудны дела лишь в отношении студентов Московского университета (п. 6 Инструкции);
- Более подробно обозначена компетенция Суда: разъяснялось, что незначительные дела он разрешает только в том случае, если студент уже неоднократно ранее привлекался к дисциплинарной ответственности ректором на основании п. «Б» Правил о взысканиях от 24 августа 1902 г. Также отдельно было выделено новое основание для привлечения к дисциплинарной ответственности – такие проступки студентов, по которым уже состоялись приговоры или определения общих судебных установлений. В этих случаях Суд не пересматривал дело по существу, а лишь решал вопрос о том, не должен ли виновный студент быть подвергнут нравственному порицанию или увольнению из университета (п. 7 Инструкции);

³¹⁰ Там же. Л. 10.

- предварительное рассмотрение предоставленного ректором материала по делу отдельным членам Суда по взаимному распределению (п. 11 Инструкции);
- споры между ректором и Судом о подсудности конкретных дел решаются Советом университета (п. 14 Инструкции);
- студент, привлеченный в качестве обвиняемого, не мог уехать из Москвы без особого разрешения Председателя Суда (п. 15 Инструкции);
- для допроса студентов других высших учебных заведений Председатель Суда делает соответствующие запросы в Суды других вузов (п. 16 Инструкции);
- решение Суда постановляется простым большинством голосов, при этом в протоколе и приговоре не указывается, каким количеством голосов состоялось решение. Особые мнения судей не допускаются (п. 20 Инструкции);
- если к моменту поступления в Совет университета доклада ректора о состоявшемся решении Суда по делу возникнут новые обстоятельства, имеющие существенные значения, то Совет вправе предложить Суду пересмотреть свое решение по данному делу (п. 24 Инструкции).

Всего за 1902/1903 учебный год Суд Московского университета рассмотрел 15 дел со следующей статистикой:

Таблица 3. Статистические показатели ПДС Московского университета за 1902/1903 учебный год

Количество дел	Количество обвиняемых	Взыскания
15	27	Освобождены – 6, Передали ректору – 2, Нравственное порицание – 1, Замечание – 9,

Количество дел	Количество обвиняемых	Взыскания
		Выговор – 5, Перевод в вольнослушатели – 1

Стоит отметить, что большая часть дел касалась применения к студентам дисциплинарных взысканий после того, как в их отношении состоялось разбирательство у мирового судьи. Как правило, дела касались неподобающего поведения студентов за пределами университета, предусмотренное ст. 38 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями от 20 ноября 1864 г. Данная статья предусматривала ответственность за «ссоры, драки, кулачный бой или другого рода буйство в публичных местах, и вообще за нарушение общественной тишины».

После того, как в 1903 г. по решению министерства народного просвещения из ведения профессорских дисциплинарных судов были изъяты дела политической направленности, касающиеся, в частности, студенческих сходок, и переданы администрации высших учебных заведений, Суд Московского университета выступил против данного решения. Судьи собрались на распорядительное заседание 28 декабря 1903 г., в ходе которого подготовили доклад в Совет университета.

28 декабря 1903 г. состоялось распорядительное заседание профессорского дисциплинарного суда Московского университета, на основании которого был подготовлен доклад³¹¹, переданный для рассмотрения ректору и в Совет университета.

В начале указанного доклада члены Суда обращались к докладу комиссии, избранной Советом университета 28 февраля 1902 г. для выяснения причин студенческих волнений, где характеризовалась потребность в организации профессорского дисциплинарного суда. В частности, там отмечалось, что дисциплинарный характер профессорского

³¹¹ ГИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 36. Л. 123.

суда и его ограниченная компетенция обыкновенно допускают упрощение в нем обычных форм судоустройства, но это упрощение тем менее возможно, чем чаще решения этого суда отражаются коренным образом на участи подлежащих его ведению лиц. Мелкие нарушения университетской дисциплины не требуют особых забот о правильном судоустройстве. Было указано, что частые случаи увольнения и исключения из университета со всеми тягостными последствиями этих кар (высылкой из университетского города, потерей семестра или года, лишением стипендии и, наконец, лишением права на продолжение образования), должны были поставить на очередь вопрос о правильной организации профессорского суда. Соответственно, должна была возникнуть потребность обеспечить этот суд в делах столь важных от возможности случайных ошибок и неосновательных решений, для чего представляется необходимым, чтобы «суд усвоил основные гарантии каждого правильного суда, поскольку они применимы в пределах дисциплинарного судопроизводства»³¹².

Далее составители доклада отмечают, что Министерство народного просвещения организовало в 1902 г. профессорский дисциплинарный суд, который давал гарантии правильного судопроизводства. Совет Московского университета положительно воспринял это решение и утвердил для действия Суда подробную инструкцию, составленную в развитие Временных правил от 24 августа 1902 г.

Главной целью данной инструкции было поставить отправление профессорами судебных функций «на должную высоту», что могло бы быть достигнуто лишь в том случае, если все наиболее важные дела сосредотачиваются в руках Суда, и разрешается тем правильным судебным порядком, который обеспечивает их внимательное рассмотрение. С этой точки зрения члены Суда Московского университета находили особенно нежелательной двойственность университетской юрисдикции, при которой

³¹² Там же. Л. 124.

одни дела направляются в Суд, а другие разрешаются помимо него иными органами, лишенными возможности столь же тщательного расследования дел, как это было до введения Временных правил от 24 августа 1902 г.

В п. 9 Инструкции³¹³ подчеркивалось, что *все* дела по нарушению университетской дисциплины передаются ректором Суду. Этим пунктом Совет Московского университета утвердил принцип единства университетской юрисдикции, которая сосредоточилась в Суде.

Судьи указывали, что данное положение Суда может существенно измениться при точном выполнении нового распоряжения Министра народного просвещения, которое на практике вернет университет до известной степени к старому порядку вещей.

Главная мысль этого распоряжения состоит в том, чтобы изъять политические демонстрации в стенах университета из ведения Суда и подвергать участников подобных демонстраций взысканиям на основании решений учебной администрации.

Все это вызвало у составителей доклада целый ряд серьезных сомнений:

1) Прежде всего, возник вопрос, как провести границу между более серьезными нарушениями академических правил и политическими демонстрациями. В то время были нередки случаи, когда университетские демонстрации сопровождались обсуждением политических вопросов и приобретали политический оттенок. Все подобные случаи могут рассматриваться по-разному и, соответственно, или передаваться в Суд, или разрешаться помимо него.

По самому существу дела здесь совершенно неизбежна случайность решений и неопределенность юрисдикции, а это могло породить среди студентов мысль, что они зависят от произвола. По мнению членов Суда, все это неблагоприятно могло отразиться не только на положении Суда, но и на всем ходе университетской жизни.

³¹³ Там же. Л. 126.

2) Если политические демонстрации действительно выходят из ведения университета, то это могло бы только означать, что они подлежат в таком случае исключительно компетенции органов Министерства юстиции и Министерства внутренних дел. Между тем, независимо от возможной кары со стороны этих органов, предполагается, что участники подобных демонстраций могут подлежать исключению из университета по приговору высших органов учебного начальства, что представляет собой не что иное, как дисциплинарное взыскание. Наложение такого взыскания на слушателей университета свидетельствовало бы о том, что само высшее учебное начальство рассматривает в политических демонстрациях, помимо элемента, подлежащего ведению других учреждений, еще и дисциплинарный проступок, влекущий за собой дисциплинарное взыскание.

3) Если стать на точку зрения, что политическая демонстрация включает в себя дисциплинарный проступок, то следовало признать, что именно в таких случаях должна иметь место дисциплинарная юрисдикция Суда. Случаи этого рода относятся к числу тех наиболее серьезных нарушений университетской дисциплины, о которых говорится в докладе комиссии от 28 февраля 1901 г. и которые при прежнем порядке нередко влекли за собой массовые исключения студентов. Тягостные последствия такого взыскания требовали особой осторожности при его применении и особенно внимательного разбора относящихся сюда дел. Между тем, при изъятии этих дел из компетенции Суда, по мнению Судей, неизбежно пришлось бы восстановить суд административных органов университета, которые лишены возможности уделять достаточно времени и внимания разбору судебных дел. Но перенесение судебных функций от Правления университета к Суду, последовавшее на основании Временных правил от 24 августа 1902 г., было вызвано осознанной потребностью в организации специального судебного органа, который мог бы отправлять судебные функции с надлежащей правильностью и внимательностью.

Составители доклада считали, что для всякого административного органа, обремененного целым рядом других дел, это является невозможным уже по одному недостатку времени, не говоря о других причинах, на которые Совет Московского университета подробно указывал в своих прежних докладах и постановлениях.

4) Возвращение к прежнему порядку вещей члены Суда Московского университета считали еще более нежелательным, если бы при этом предполагалось восстановить и прежнюю систему массовых исключений. Неоднократные опыты предшествующей практики с полной наглядностью показали, что такие меры отражаются в высшей степени неблагоприятно на всем ходе университетской жизни. В частности, почти каждый случай применения таких мер поднимал новые ряды молодежи, желающей заявить сочувствие пострадавшим товарищам, что создает затяжной кризис в жизни университета.

Неправильно утверждать, что достаточно удалить из университета главных руководителей сходов, чтобы восстановить порядок, что все дело в небольшой группе более энергичных организаторов, от которых и происходят всякие волнения. По мнению составителей доклада, этот взгляд никогда еще не оправдывался результатами таких мер, которые принимались на его основании. На самом деле, причины университетских беспорядков лежат в более глубоких условиях жизни, и искоренить эти беспорядки массовыми исключениями студентов из университета невозможно. Независимо от этого соображения, отношение университета к своим питомцам принципиально исключает возможность огульных осуждений и всяких подобных мер суровой репрессии. Призванные судить студентов, преподаватели университета «не могут не принимать во внимание настроения и всего духовного мира своих учеников, с которыми их связывает, прежде всего, высокая обязанность учительства»³¹⁴.

³¹⁴ Там же. Л. 127.

Все изложенные в докладе соображения указывали, сколь серьезные затруднения могли возникнуть в случае изъятия из компетенции Суда дел по студенческим сходкам. Судьи признавали, что по всем передаваемым делам профессорский дисциплинарный суд может судить лишь с точки зрения нарушения университетской дисциплины, но в интересах правосудия и для сохранения авторитета Суда необходимо, чтобы все дела, которые могут повлечь за собой взыскания со стороны учебного начальства, подлежали рассмотрению Суда и чтобы его положение в университете не колебалось установлением юрисдикции каких-либо других органов, принадлежащих к составу учебного управления и постановляющих свои решения независимо от Суда или в отмену его приговоров.

Уже 17 января 1904 г. ректор Московского университета Александр Андреевич Тихомиров на заседании Совета университета предложил присутствующим высказаться по поводу положений доклада Суда³¹⁵.

Председатель Комиссии по студенческим учреждениям, заслуженный ординарный профессор А.Б. Фохт изъяснил, что комиссия полностью согласна с положениями доклада, так как правильно организованный и независимый профессорский суд чрезвычайно важен для успешного развития студенческих учреждений, и готовит доклад со своим видением проблемы для передачи его попечителю учебного округа³¹⁶. Ординарный профессор А.А. Мануйлов посчитал необходимым сделать представление Министерству народного просвещения по вопросу о гарантиях для студентов свободно высказывать свое мнение на курсовых собраниях и не бояться преследования со стороны администрации вуза³¹⁷. Заслуженный ординарный профессор О.И. Сеницын высказал мнение, что студентам нельзя предоставлять свободу речи на курсовых собраниях, напротив, собрания эти должны приучать

³¹⁵ Выписка из журнала заседания Совета Императорского Московского университета 17 января 1904 г. С. 24.

³¹⁶ Там же. С. 25.

³¹⁷ Там же. С. 26.

молодежь к дисциплине³¹⁸. По итогам обсуждения присутствующие определили доклад комиссии принять, сделав в нем редакционные поправки согласно высказанным замечаниям, и в исправленном виде представить в Министерство народного просвещения³¹⁹.

В подготовленном после проведения заседания Совета университета 17 января докладе Комиссии по студенческим учреждениям А.Б. Фохт поддержал автономию Судов и также указал, что одной из главных причин их создания, отраженных в докладе Комиссии от 28 февраля 1901 г., было избавление от прежней практики массовых исключений студентов без должного разбирательства и только на основании показаний университетской инспекции. В случае изъятия важнейшей категории дел из ведения Судов студенты могли воспринять это как возвращение к старым порядкам, когда они были лишены процессуальных судебных гарантий. Что касается ответственности студентов за произнесенное ими на курсовых собраниях и научных кружках, то А.Б. Фохт утверждал, что ничто из этого не должно становиться основанием для взысканий, так как иначе смысл таких собраний будет выхолощен, а сами студенты полностью лишатся доверия к курсовым кураторам, которые назначались из числа преподавателей. Таким образом, студенческие волнения только усилятся, а преподаватели потеряют для них всякое уважение³²⁰.

А.А. Тихомиров 22 января 1904 г. отправил письмо попечителю Московского учебного округа, в котором сообщил о проведенном 17 января заседании Совета университета и изложил свои мысли касательно доклада Суда и Комиссии по студенческим учреждениям³²¹.

Стоит отметить, что ректор занял менее резкую позицию в отношении положений доклада, подготовленного членами Суда Московского университета. Он полагал, что в случае студенческих забастовок

³¹⁸ Там же. С. 27.

³¹⁹ Там же. С. 28.

³²⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 21. Л. 15.

³²¹ Письмо Попечителю Московского учебного округа от ректора Московского университета от 22 января 1904 г. // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 22. Л. 149.

администрация вуза не должна применять более строгие взыскания, чем временное запрещение входа в учебное заведение с сообщением об этом попечителю учебного округа.

Компетенция профессорского дисциплинарного суда при этом заключалась бы в разборе дел в отношении тех лиц, кому администрация в лице ректора не запретила доступ в учебное заведение. По мнению Александра Андреевича Тихомирова, таким образом сохранится работа Суда, а сами судьи будут освобождены от унижительной обязанности судить своих учеников за политические действия в стенах вуза. Позицию Комиссии по студенческим учреждениям он в целом поддержал.

А.А. Тихомиров особенно отметил, что профессора взяли на себя «тяготу умиротворения студенческих брожений»³²², и просил передать оба доклада вместе с замечаниями самого ректора в Министерство народного просвещения.

В 1903/1904 учебном году Суд Московского университета впервые столкнулся с разрешением дел, связанных с массовыми студенческими беспорядками. Например, 28 февраля 1904 г. состоялось разбирательство по делу студентов, участвовавших в сходке 11 февраля 1904 г. На примере данного дела можно увидеть позицию судей в отношении студентов – из 33 обвиняемых только студент кн. Херхеулидзе был временно переведен в вольнослушатели и только за публичное выражение им своего нежелания признавать полномочия Суда в его отношении, в отношении других 32 студентов дело было прекращено³²³.

Всего за 1903/1904 учебный год Суд имел следующую статистику:

³²² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 44. Л. 54.

³²³ Там же. Л. 76.

Таблица 4. Статистические показатели ПДС Московского университета за 1903/1904 учебный год

Количество дел	Количество обвиняемых	Взыскания
16	62	Дело прекращено – 36, Оправданы – 6, Нравственное порицание – 1, Замечание – 11, Выговор – 3, Перевод в вольнослушатели – 5

В последующем Суд Московского университета занимался, по большей части, незначительными дисциплинарными проступками студентов, что отмечено в общем списке всех дел за весь период существования (см. Приложение № 14).

В 1916 г. деятельность Суда Московского университета фактически прекратилась, хотя формально он действовал и в начале 1917 г. Так же, как и в случае с Санкт-Петербургским университетом, Министерство народного просвещения направило письмо ректору Московского университета от 17 июня 1916 г. с просьбой отчитаться за всю предшествующую деятельность Суда.³²⁴

³²⁴ Там же. Л. 289.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Профессорский дисциплинарный суд как орган высшего учебного заведения занимал особое место в системе учреждений столичных императорских университетов России. Вручая профессорской коллегии судебные функции, правительство расширяло корпоративные права университетов, поскольку дисциплинарный суд искони являлся неременным элементом университетской автономии.

С одной стороны, при подготовке Временных правил как нормативного акта, учреждающего Суд, составители видели перед собой задачу снять лишнюю нагрузку с правлений университетов и аналогичных административных органов³²⁵ в других вузах³²⁶. Прежде правления университетов располагали как административными, так и судебными полномочиями, что не позволяло им уделять достаточно времени тщательному разбору студенческих проступков, особенно массовых³²⁷; в частности, на это прямо указывал ректор Московского университета А.А. Тихомиров³²⁸. Поэтому первой причиной создания дисциплинарного суда была организационно-правовая.

Вместе с тем конец XIX в. отмечен студенческими волнениями, особенно массовыми в феврале 1899 г.³²⁹. Бюрократия все более воспринимала студенческую среду как котел, в котором закипали революционные идеи. Создание дисциплинарных судов позволяло решить сразу несколько задач в этом направлении.

³²⁵ См. Приложение № 2.

³²⁶ Протокол совещания Совета высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 6 ноября 1901 г. Л. 10.

³²⁷ Краткая объяснительная записка к проекту Временных правил о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства Народного Просвещения и к вновь составленным правилам о взысканиях от 11 февраля 1902 г. Л. 90.

³²⁸ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 22 декабря 1901 г. Л. 28.

³²⁹ Ванновский П.С. Доклад Ванновского П.С. по поводу студенческих беспорядков 1899 г. СПб., 1907. С. 3.

Во-первых, вузы получали особый орган, который может сосредоточить все свое внимание на разрешении дел о студенческих проступках, в частности, массовых. Это выгодно отличало дисциплинарный суд от Правления, где приговоры студентам, участвовавшим в сходках, выносились, по большому счету, только на основании показаний инспекции.

Во-вторых, разрешением дел занимались представители преподавательского состава, что приносило в деятельность дисциплинарного суда еще и воспитательную функцию. Состав Суда формировался из профессоров, которые имели в студенческой среде весомый авторитет (например, в состав Суда Санкт-Петербургского университета в разное время входили Л.И. Петражицкий³³⁰, М.М. Ковалевский³³¹, И.Я. Фойницкий³³² и другие, в состав Суда Московского университета входили П.И. Новгородцев, А.Н. Филиппов, С.В. Познышев³³³). Данный фактор был призван повысить доверие обучающихся к решениям Суда. Косвенно подтверждает этот факт и принадлежность многих членов дисциплинарного суда к Партии Народной Свободы, которая выступала за поддержку студентов в их движении к академической свободе (С.К. Булич, Э.Д. Grimm, Л.И. Петражицкий и другие)³³⁴.

Это позволяет выделить такую причину создания дисциплинарного суда, как общая превенция.

Правда, деятельность дисциплинарного суда не раз сталкивалась с противодействием со стороны радикально настроенной части студентов. Достаточно упомянуть, что первое дело, рассмотренное Судом Санкт-Петербургского университета во главе с И.Я. Фойницким, касалось сходки студентов от 18 марта 1903 г., в резолюции которой содержался призыв к студентам не участвовать в «предстоящей комедии с дисциплинарным

³³⁰ Гуревич П.В. Лев Иосифович Петражицкий // Правоведение. 1971. № 5. С. 130.

³³¹ Гуревич П.В. Максим Максимович Ковалевский // Правоведение. 1971. № 5. С. 127.

³³² Смирнов А.В. Фойницкий Иван Яковлевич // Российский юридический журнал. 2007. № 4. С. 23.

³³³ См.: Приложение № 15.

³³⁴ Ростовцев Е.А., Кривоноженко А.Ф., Сосницкий Д.А. Противостояние Министерства народного просвещения и либеральной профессуры Санкт-Петербургского университета в 1911–1914 гг. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 3. С. 170.

судом»³³⁵. Некоторые профессора в свою очередь также полагали недопустимым совмещения обязанностей преподавателя и судьи³³⁶.

Что касается полномочий дисциплинарного суда, то по сравнению с университетскими судами в редакции Университетского устава 1863 г.³³⁷ они были расширены, что свидетельствует об упрочении в этом отношении элементов университетской автономии³³⁸. В частности, правления университетов не могли отменить решение дисциплинарного суда или внести на его рассмотрение какое-либо дело, что было возможно при университетских судах.

С другой стороны, нельзя говорить и о полной независимости Суда³³⁹, поскольку:

1) всех избранных советом университета членов Суда утверждал попечитель учебного округа³⁴⁰;

2) приговоры Суда, по которым виновные студенты подлежали увольнению, удалению или исключению из университета, вступали силу только после утверждения их попечителем учебного округа.

3) профессора, из которых состоял Суд, являлись служащими государственной гражданской службы в соответствии с Табелью о рангах.

Деятельность Суда регулировалась тремя общероссийскими нормативными правовыми актами:

- Временными правилами от 24 августа 1902 г.;
- Правилами о взысканиях от 24 августа 1902 г.;
- Инструкцией дисциплинарному суду от 24 января 1908 г.,

³³⁵ Протокол заседания дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета от 24 марта 1903 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 220.

³³⁶ Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907 г. СПб., 1908. № 63. С. 331.

³³⁷ Общий устав императорских Российских университетов от 18 июня 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIX, ч. 1. Ст. 39752.

³³⁸ Суязов В.В. Возникновение и деятельность дисциплинарного суда Императорского Санкт-Петербургского университета (1902-1917) // История государства и права. 2017. № 12. С. 30.

³³⁹ Временные правила о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г. Л. 2–3.

³⁴⁰ Стоит отметить, что попечителями Санкт-Петербургского и Московского учебных округов были утверждены все предложенные кандидатуры членов профессорского дисциплинарного суда.

а также локальными нормативными правовыми актами в виде особых инструкций.

Значение деятельности профессорского дисциплинарного суда в самом концентрированном виде выражается в следующем: за период с 1902 по 1917 г. Судом Санкт-Петербургского (Петроградского) университета был осуществлен разбор дел в отношении 208 студентов, 157 из которых подверглись различным взысканиям, а 57 были оправданы, суд Московского университета рассмотрел дела в отношении 158 студентов, 70 из которых не подвергнуты взысканиям³⁴¹.

В современных университетах не существует института, аналогичного профессорскому дисциплинарному суду. Между тем, действующая система привлечения обучающихся к дисциплинарной ответственности, включающая в себя администрацию вузов, комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, комиссии по этике и суды общей юрисдикции, может рассматриваться как результат эволюции концепции профессорского дисциплинарного суда. Исследование его деятельности позволяет учесть опыт прошлого для дальнейшего совершенствования системы высшего образования в качестве одной из форм организации научной работы и главного пути проникновения ее в общечеловеческую культуру³⁴².

³⁴¹ См. Приложение № 13.

³⁴² Вернадский В.И. Письма о высшем образовании. М., 1913. С. 7.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативно-правовые акты и иные официальные документы Российской империи

1. «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков» от 29 июля 1901 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XIX. Отд. 1. Ст. 925.

2. «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения» от 27 августа 1905 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXV. Отд. I. Ст. 26692.

3. Именной указ «Об Учреждении судебных установлений и о Судебных уставах», Высочайше утвержденное Учреждение судебных установлений, Высочайше утвержденный Устав уголовного судопроизводства, Высочайше утвержденный Устав гражданского судопроизводства, Высочайше утвержденный Устав о наказаниях налагаемых мировыми судьями // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIX. Отд. 2. 1864. СПб., 1867. Ст. 41 473, 41 475–41 478.

4. Инструкция профессорскому дисциплинарному суду при университетах от 24 января 1908 года // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXVII. Отд. 1. СПб., 1908. № 29274.

5. Общий устав Императорских Российских университетов от 5 ноября 1804 г. // ПСЗРИ. Т. XXVIII. Собр. 1. Ст. 21428.

6. Общий устав Императорских Российских университетов от 18 июня 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIX, ч. 1. Ст. 39752.

7. Правила о студенческих организациях и устройстве в стенах учебных заведений собраний от 11 июня 1907 г. // ПЗСРИ. Собр. 3. Т. XXVII. Отд. 1. № 29274.

Российский государственный исторический архив (РГИА)**Фонд Министерства народного просвещения**

1. Доклад министра народного просвещения В.Г. Глазова Императору Николаю II от 25 сентября 1904 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 177.
2. Донесение ректора Санкт-Петербургского университета попечителю Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепу от 21 декабря 1901 г. № 15966 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 23.
3. Заключение юрисконсультской части Министерства народного просвещения по вопросу об издании инструкции для дисциплинарного суда // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 190. Л. 23–30.
4. Отчет о состояниях и действиях Московского Императорского университета за 1901 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 204. Д. 34. Л. 2.
5. Письмо товарища Министра народного просвещения Г.Э. Зенгера ректору Императорского Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстену от 21 декабря 1901 г. № 610 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 15.
6. Правила о профессорском дисциплинарном суде Варшавского университета 1869 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 10.
7. Правила для учащихся в университетах от 18 мая 1885 г. Пар. 31 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 24.
8. Протокол совещания Совета высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 6 ноября 1901 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 2–4, 6–8, 10–13.
9. Протокол предварительного заседания дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета от 20 марта 1903 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 204.
10. Протокол заседания дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета от 24 марта 1903 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 220.
11. Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о

профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 29 декабря 1901 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 52.

12. Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 27 декабря 1901 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 47.

13. Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 31 декабря 1901 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 58.

14. Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 30 декабря 1901 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 54.

15. Рапорт Г.Э. Зенгера министру народного просвещения П.С. Ванновскому от 7 января 1902 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 63.

16. Письмо ректора Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстена к попечителю Санкт-петербургского учебного округа В.К. фон Анрепу от 22 марта 1903 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 44–47.

17. Циркуляр попечителю Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепу из Министерства народного просвещения от 20 июня 1903 г. № 19187 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 48.

18. Циркуляр из Министерства народного просвещения попечителям учебных округов от 3 октября 1904 г. № 38 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 187.

19. Циркуляр из Министерства народного просвещения попечителям учебных округов от 3 июля 1907 г. № 13929 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 260.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

Фонд 14 – Санкт-Петербургский университет

1. Временные правила о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1 Д. 9703. Л. 2–3.

2. Доклад комиссии, избранной советом университета 21 декабря 1902 г. для выработки дисциплинарному суду твердых руководящих указаний относительно применения, по крайней мере, важнейших дисциплинарных взысканий // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1 Д. 9703. Л. 19–30.

3. Заключение предварительного собрания Профессорского дисциплинарного суда от 13 ноября 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1 Д. 9703. Л. 31–50.

4. Письмо Министра народного просвещения П.С. Ванновского товарищу министра народного просвещения Г.Э. Зенгеру от 19 декабря 1901 г. № 604 // ЦГИА СПб. Ф. 14 Оп. 1 Д. 9703. Л. 8.

5. Письмо из Министерства народного просвещения ректору Э.Д. Гримму от 17 июня 1916 г. № 6089 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11163. Л. 15.

6. Правила о взысканиях, налагаемых на студентов высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 24 августа 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 4–5

7. Прошение Ф.Ф. Мартенса на имя ректора Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстена от 21 октября 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 15.

8. Прошение А.Н. Коркина на имя ректора Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстена от 22 сентября 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 14.

9. Прошение А.И. Введенского на имя ректора Санкт-

Петербургского университета А.Х. Гольмстена от 26 сентября 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 13.

10. Прошение Ф. Ф. Петрушевского на имя ректора Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстена от 28 сентября 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 14.

11. Прошение Г.В. Форстена на имя ректора Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстена от 18 октября 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 15.

12. Циркуляр от попечителя Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепа к ректору Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстену от 18 сентября 1902 г. № 12887 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9703. Л. 7.

13. Циркуляр от попечителя Санкт-Петербургского учебного округа В.К. фон Анрепа к ректору Санкт-Петербургского университета А.Х. Гольмстену от 31 октября 1902 г. № 15652 // ЦГИА СПб. Ф. 14 Оп. 1 Д. 9703. Л. 13.

Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ)

Фонд 418 – Московский университет

1. Выписка из журнала заседания Совета Императорского Московского университета от 17 января 1904 года // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 46. Л. 24.

2. Доклад Комиссии по студенческим учреждениям Императорского Московского университета в Совет университета от 16 мая 1901 года // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 36. Л. 391.

3. Доклад Комиссии по студенческим учреждениям Императорского Московского университета в Совет университета от 18 января 1904 года // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 46. Л. 25.

4. Доклад Дисциплинарного суда Императорского Московского университета в Совет университета от 28 декабря 1903 года // ЦИАМ. Ф. 418.

Оп. 500. Д. 36. Л. 123.

5. Журналы заседаний Совета Московского университета // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 249. Д. 1. Л. 1-177.

6. Инструкция Дисциплинарному суду Императорского Московского университета от 10 ноября 1903 года // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 46. Л. 9.

7. Книга решений Дисциплинарного суда Императорского Московского университета // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 116. Л. 1-95.

8. Письмо Попечителю Московского учебного округа от ректора Московского университета от 22 января 1904 года // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 22. Л. 149.

9. Письмо членов Дисциплинарного суда Императорского Московского университета на имя Ректора от 17 декабря 1907 года // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 46. Л. 6-7.

10. Протокол заседания Дисциплинарного суда Императорского Московского университета от 28 февраля 1904 года // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 45. Л. 76.

11. Протокол заседания Дисциплинарного суда Императорского Московского университета по делу студента юридического факультета Владимира Васильева от 2 октября 1908 года // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 36. Л. 225.

12. Протокол заседания Дисциплинарного суда Императорского Московского университета по делу студента 3 курса медицинского факультета Ивана Кастратовича // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 36. Л. 195.

13. Протокол заседания Дисциплинарного суда Императорского Московского университета по делу студента 1 курса юридического факультета Николая Шелховского от 25 ноября 1904 года // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 36. Л. 107.

Архив Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ

1. Журналы заседаний совета Императорского Санкт-

- Петербургского университета за 1902 г. СПб., 1903. № 58. – 120 с.
2. Журналы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1903 г. СПб., 1903. № 59. – 137 с.
3. Журналы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1904 г. СПб., 1905. № 60. – 140 с.
4. Журналы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1905 г. СПб., 1906. № 61. – 371 с.
5. Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1906 г. СПб., 1907. № 62. – 234 с.
6. Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907 г. СПб., 1908. № 63. – 354 с.
7. Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1908 г. СПб., 1908. № 64. – 319 с.
8. Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1909 г. СПб., 1910. № 65. – 180 с.
9. Протоколы заседаний совет Протоколы заседаний совета Петроградского университета за 1914 г Императорского Санкт-Петербургского университета за 1910 г. СПб., 1911. № 66. – 181 с.
10. Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1911 г. СПб., 1912. № 67. – 233 с.
11. Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1912 г. СПб., 1913. № 68. – 183 с.
12. Протоколы заседаний совета Санкт-Петербургского университета за 1913 г. СПб., 1914. № 69. – 241 с.
13. Протоколы заседаний совета Петроградского университета за 1914 г. СПб., 1915. № 70. – 145 с.

Монографии

1. Абросимова, Е.Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы / Е.Б. Абросимова. – М.: Институт права и публичной

политики, 2002. – 160 с.

2. Аврус, А.И. История российских университетов: Очерки / А.И. Аврус. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 85 с.

3. Алексеев, С.С. Восхождение к праву: поиски и решения / С.С. Алексеев. – М.: Издательство «Норма», 2001. – 752 с.

4. Алексеев, С.С. Проблемы теории права. Т. 1. Основные вопросы общей теории социалистического права. / С.С. Алексеев. – Свердловск: Издание Свердловского юридического института, 1972. – 396 с.

5. Алексеев, С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712 с.

6. Алекси, Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Р. Алекси. – М.: Инфотропик Медиа, 2001. – 192 с.

7. Амирова, М.А. Международные судебные учреждения и внутреннее право Российской Федерации / М.А. Амирова. – М.: Юнити, 2012. – 212 с.

8. Андреев, А.Ю. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. – 671 с.

9. Андреев, А.Ю. Российские университеты XVII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы / А.Ю. Андреев. – М.: Знак, 2009. – 640 с.

10. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.

11. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.

12. Берк, Э. Правление, политика, общество / Э. Берк. – М.: Канон-пресс, 2001. – 480 с.

13. Бибило, В.Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве / В.Н. Бибило. – Минск: Право и экономика, 2001. – 210 с.

14. Васьковский, Е.В. Учебник русского гражданского процесса (воспр. по изд. 1917 г.) / Е.В. Васьковский. – М.: Статут, 2003. – 624 с.
15. Вернадский, В.И. Письма о высшем образовании / В.И. Вернадский. – М.: И.Н. Кушнерев и Ко, 1913. – 13 с.
16. Виноградов, П.Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / П.Г. Виноградов. – М.: Зерцало, 2010. – 279 с.
17. Волков, В.В., Дмитриева А.В., Поздняков М.Л., Титаев К.Д. Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование / под ред. В. Волкова. – М.: Норма, 2015. – 272 с.
18. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 480 с.
19. Гурвич, М.А. Избранные труды. Т. 2 / М.А. Гурвич. – Краснодар: Совет. Кубань, 2009. – 544 с.
20. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3 / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1994. – 556 с.
21. Дювернуа, Н.Л. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права / Н.Л. Дювернуа. – М.: Университетская типография, 1869. – 413 с.
22. Ефремова, Н.Н. Судебная реформа 1864 года / Юридическая энциклопедия под ред. Б.Н. Топорнина. – М.: Юрист, 2001. – 1267 с.
23. Иванов, А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А.Е. Иванов. – М.: Академия наук СССР, Институт истории СССР, 1991. – 392 с.
24. Ильин, И.А. Теория права и государства / И.А. Ильин. – М.: Зерцало, 2003. – 400 с.
25. Императорский Московский университет: 1755 – 1917: энциклопедический словарь / сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 894 с.
26. Клеандров, М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее и будущее / М.И. Клеандров. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 600 с.

27. Клейнман, А.Ф. Избранные труды. Т. 2 / А.Ф. Клейнман. – Краснодар: Совет. Кубань, 2009. – 816 с.
28. Колоколов, Н.А. История российского правосудия / Н.А. Колоколов. – М.: Юнити, 2009. – 447 с.
29. Легитимность права: коллективная монография / под. общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2019. – 496 с.
30. Логинов, П.В. Сущность государственного арбитража / П.В. Логинов. – М.: Издательство Московского университета, 1968. – 144 с.
31. Мальцев, Г.В. Культурные традиции права / Г.В. Мальцев. – М.: Норма, 2013. – 608 с.
32. Михайлов, А.М. Судебная власть в правовой системе Англии / А.М. Михайлов. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 342 с.
33. Монтескье, Ш. О духе законов / Ш. Монтескье. – М.: Мысль, 1999. – 644 с.
34. Нерсисянц, В.С. Философия права: Учебник для вузов / В.С. Нерсисянц. – М.: Норма, 2005. – 656 с.
35. Организация судебной деятельности / под ред. Г.П. Батурова. – М.: Юрид. лит., 1977. – 176 с.
36. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. – М.: Юрайт, 2018. – 237 с.
37. Познышев, С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С.В. Познышев. – М.: Г.А. Леман, 1913. – 337 с.
38. Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. – М.: Норма, 2017. – 720 с.
39. Радбрух, Г. Законное неправо и надзаконное право / Г. Радбрух. – М.: Международные отношения, 2004. – 240 с.
40. Рождественский, С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802–1902 гг. / С.В. Рождественский. – СПб.: Государственная типография, 1902. – 840 с.
41. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Наука, 1969. – 704 с.

42. Статус судьи: Учебное пособие / под ред. М.И. Клеандрова. – Новосибирск: Наука, 2000. – 444 с.
43. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1958. – 470 с.
44. Суд и государство / под ред. Л.В. Головки, Б. Матьё. – М.: Статут, 2018. – 272 с.
45. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. – М.: ООО «ТК Велби», 2003. – 720 с.
46. Судебная власть в России: история, документы / под ред. О.Е. Кутафина, В.М. Лебедева, Г.Ю. Семигина. Т. 1. – М.: Мысль, 2003. – 562 с.
47. Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: Коллективная монография / под ред. А.А. Дорской. – СПб.: Астерион, 2019. – 608 с.
48. Теоретические основы эффективности правосудия / под ред. И.Л. Петрухина. – М.: Наука, 1979. – 392 с.
49. Токвиль, А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
50. Университетский вопрос в России / сост. и авт. вступ. ст. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2017. – 704 с.
51. Университетская реформа 1863 года в России / Составитель и автор вступительных статей В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2012. – 51 с.
52. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 / И.Я. Фойницкий. – СПб.: Альфа, 1996. – 552 с.
53. Фуллер, Л. Мораль права / Л. Фуллер. – М.: Ирисэн, 2007. – 308 с.
54. Чельцов-Бебутов, М.А. Курс уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бебутов. – СПб.: Альфа, 1995. – 846 с.
55. Щетинина, Г.И. Университеты в России и устав 1884 года /

Г.И. Щетинина. – М.: Наука, 1976. – 232 с.

56. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: Юринформцентр, 2001. – 525 с.

Научные статьи

1. Архипов, С.И. Правовые теории Роберта Алекси и Лона Фуллера / С.И. Архипов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2015. – № 6. – С. 5–15.

2. Головкин, Л.В., Ильютченко, Н.В. Профессорский дисциплинарный суд при Императорском Московском университете / Л.В. Головкин, Н.В. Ильютченко // Вестник Московского университета. Серия «Право». – 2004. – № 2. – С. 94–110.

3. Господарик, Ю. Министры предреволюционной эпохи. Петр Семенович Ванновский / Ю. Господарик // Высшее образование в России. – 2002. – № 4. – С. 142–155.

4. Грибовский, М.В. Материальный достаток профессоров и преподавателей университетов России в конце XIX – начале XX в. / М.В. Грибовский // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 423. – С. 76–80.

5. Грибовский, М.В. Не дело студентов назначать себе преподавателей: конфликты между профессорами и студентами Российских университетов на рубеже XIX – XX вв. / М.В. Грибовский // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 424. – С. 67–73.

6. Гуревич, П.В. Лев Иосифович Петражицкий / П.В. Гуревич // Правоведение. – 1971. – № 5. – С. 130–132.

7. Гуревич, П.В. Максим Максимович Ковалевский / П.В. Гуревич // Правоведение. – 1971. – № 5. – С. 133–135.

8. Еремина, Т.В. Из истории самостоятельной юрисдикции Российской университетской корпорации в XIX веке / Т.В. Еремина // Традиции и инновации в праве : материалы междунар. науч.-практ. конф.,

посвящ. 20-летию юрид. фак. и 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 6–7 окт. 2017 г.: в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр; редкол.: И.В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2017. – Т. 2. – С. 40–43.

9. Жуковская, Т.Н., Казакова К.С. Русский студент дореформенной эпохи: нормы и повседневная жизнь корпорации / Т.Н. Жуковская, К.С. Казакова // Отечественная история. – 2007. – № 6. – С. 63–76.

10. Захаров, В.В. Основные этапы эволюции правового статуса университета в России (историко-юридический очерк) / В.В. Захаров // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2013. – № 1 (25). – С. 122–130.

11. Ключников, А.Ю. Квazисудебные органы государств-членов ЕС как субъекты преюдициального запроса в Суд ЕС: понятие, критерии квалификации / А.Ю. Ключников // Правовая парадигма. – 2017. – № 1. – С. 165–170.

12. Кочетова, А.В. О понятии судебная власть / А.В. Кочетова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2015. – № 4. – С. 27–32.

13. Луковская, Д.И. У истоков правовой мысли в Древней Греции / Д.И. Луковская // Правоведение. – 1977. – № 1. – С. 75–84.

14. Луковская, Д.И., Разуваев, Н.В. Учение досократиков и справедливости и законе / Д.И. Луковская, Н.В. Разуваев // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – 2015. – Вып. 3. – С. 35–43.

15. Мамут, Л.С. Социальное государство с точки зрения права / Л.С. Мамут // Государство и право. – 2001. – № 7. – с. 5–14.

16. Мельников, А.А. Правосудие в СССР: сущность, социальные функции, законодательное регулирование / А.А. Мельников // Советское государство и право. – 1981. – № 11. – с. 29–36.

17. Нерсесянц, В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция / В.С. Нерсесянц // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3–15.

18. Новиков, М.В., Перфилова, Т.Б. Университеты России на рубеже

XIX-XX вв.: эксперимент с чиновниками от просвещения (Н.П. Боголепов, Г.Э. Зенгер) / М.В. Новиков, Т.Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2. – С. 151–165.

19. Панкова, О.В. Понятие правосудия в юридической науке дореволюционной России (часть I) / О.В. Панкова // Административное право и процесс. – 2019. – № 5. – С. 44–49.

20. Романовский, Г.Б., Шишкин, А.Д. Понятие, значение, особенности судебной власти в Российской Федерации / Г.Б. Романовский, А.Д. Шишкин // Электронный научный журнал «Наука, общество, государство». – 2014. – № 4 (8). – С. 38–51.

21. Ростовцев, А.Р., Андреева, В.В. Петербургский университет 1905 г. в зеркале периодической печати / А.Р. Ростовцев, В.В. Андреева // Журнал «Клио». – 2014. – № 10 (94). – С. 3–14.

22. Ростовцев, Е.А. Петербургский университет в фокусе правительственной политики (1860-е – начало 1880-х г.) / Е.А. Ростовцев. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 4. – С. 81–88.

23. Ростовцев, Е.А., Кривоноженко, А.Ф., Сосницкий, Д.А. Противостояние Министерства народного просвещения и либеральной профессуры Санкт-Петербургского университета в 1911–1914 гг. / Е.А. Ростовцев, А.Ф. Кривоноженко, Д.А. Сосницкий // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 3. – С. 170–175.

24. Сморгунова, В.Ю., Калинина, Е.Ю. Эволюция идеи правосудия в России: от поиска справедливости к каре и обратно / В.Ю. Сморгунова, Е.Ю. Калинина // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 1. – С. 186–192.

25. Смирнов, А.В. Фойницкий Иван Яковлевич / А.В. Смирнов // Российский юридический журнал. – 2007. – № 4. – С. 179–182.

26. Суязов, В.В. Возникновение и деятельность дисциплинарного суда

Императорского Санкт-Петербургского университета (1902–1917) / В.В. Суязов // История государства и права. – 2017. – № 12. – С. 25–30.

27. Суязов, В.В. Гарантии прав обучающихся при применении к ним мер дисциплинарного взыскания: история и современность / В.В. Суязов, А.А. Трофимов // Образование и право. – 2018. – № 7. – С. 203–216.

28. Суязов, В.В. Правосудие, справедливость и профессорский дисциплинарный суд в Российской империи / В.В. Суязов // Образование и право. – 2019. – № 6. – С. 224–234.

29. Тимошина, Е.В. Право как справедливость: концепция интуитивного права в школе Л.И. Петражицкого / Е.В. Тимошина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 6. – С. 179–185.

30. Томсинов, В.А. Николай Павлович Боголепов (1846–1901): профессор, ректор, министр. Статья первая / В.А. Томсинов // Законодательство. – 2004. – № 9. – С. 76–82.

31. Томсинов, В.А. Развитие университетского образования в России в период с 1884 до 1917 года / В.А. Томсинов // Законодательство. – 2013. – № 3. – С. 88–94.

32. Фадеева, М.В. Студенты Московского Императорского университета в правовом поле Российской империи: под надзором трех инстанций / М.В. Фадеева // Вопросы образования. – 2016. – № 4. – С. 251–274.

33. Четвериков, А.О. Гарантии независимости органов правосудия интеграционных объединений современных государств: сравнительно-правовой аспект / А.О. Четвериков // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 5. – С. 161–165.

Мемуары и дневники

1. Афанасьев, Н.И. Современники. Альбом биографий. Т. 1 / Н.И. Суворин. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1909. – 352 с.

2. Вернадский, В.И. Публицистические статьи / составитель и ответственный редактор В.П. Волков. – М.: Наука, 1995. – 320 с.

3. Витте, С.Ю. Воспоминания. Т. 2. / С.Ю. Витте. – М.: Скиф, 1960. – 750 с.
4. Ключевский, В.О. Письма, дневники, афоризмы и мысли по истории / ответственный редактор Н.В. Нечкина. – М.: Наука, 1968. – 524 с.
5. Краткий обзор деятельности Министерства народного просвещения за время управления покойного министра Н.П. Боголепова // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1901. – 82 с.
6. Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. / под общей редакцией В.А. Ежова, Ю.Д. Марголиса, Г.Г. Прошина. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1963. – 319 с.
7. Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб.: Сенат тип., 1902. – 400 с.
8. Ольховский, Е.Р. Студенческое движение на рубеже XIX–XX в. Зарождение большевистской организации в Петербургском университете. / Е.Р. Ольховский // Очерки по истории Ленинградского университета. – 1989. – С. 75–111.

Диссертации и авторефераты

1. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России (понятие, сущность, формы). Дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Ковтун Н.Н. – Нижний Новгород, 2002. – 520 с.
2. Лонская, С.В. Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование: диссертация... доктора юридических наук: 12.00.01 / С.В. Лонская. – Санкт-Петербург, 2016. – 366 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1. Состав комиссии по разработки временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения³⁴³

№	ФИО	Гражданский чин	Должность
1	Григорий Эдуардович Зенгер	Действительный статский советник	Товарищ министра народного просвещения, председатель комиссии
2	Николай Иванович Тавилдаров	Действительный статский советник	Член Совета министра народного просвещения
3	Василий Константинович фон Анреп	Тайный советник	Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа
4	Адольф Христианович Гольмстен	Действительный статский советник	Санкт-Петербургский университет, ректор
5	Александр Иванович Введенский	Статский советник	Санкт-Петербургский университет, профессор
6	Харлампий Сергеевич Головин	Действительный статский советник	Санкт-Петербургский технологический институт, директор
7	Николай Павлович Раев	Действительный статский советник	Санкт-Петербургские Высшие женские курсы, директор
8	Александр Андреевич Тихомиров	Действительный статский советник	Московский университет, ректор
9	Николай Осипович Куплеваский	Действительный статский советник	Харьковский университет, ректор
10	Дмитрий Степанович Зернов	Статский советник	Харьковский технологический институт, директор
11	Аркадий Александрович Раевский	Действительный статский советник	Харьковский ветеринарный институт, директор
12	Федор Никифорович Шведов	Тайный советник	Новороссийский университет, ректор
13	Владимир Иванович Беляев	Действительный статский советник	Новоалександрийский институт сельского хозяйства, директор
14	Дмитрий Оскарович Отт	Действительный статский советник	Санкт-Петербургский женский медицинский институт, директор

³⁴³ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 22 декабря 1901 г. // РГИА. Ф.733. Оп. 151. Д. 297. Л. 27.

**Приложение № 2. Органы высших учебных заведений, в ведении которых находилось
разбирательство по студенческим проступкам
до 24 августа 1902 г.³⁴⁴**

№	Высшее учебное заведение	Орган по разбору студенческих проступков
1	Все университеты, Санкт-Петербургские женские медицинские курсы, Демидовский юридический лицей, Новоалександровский институт сельского хозяйства	Правление
2	Все ветеринарные институты	Совет
3	Санкт-Петербургский технологический институт, Харьковский технологический институт	Учебный комитет
4	Рижский политехнический институт, Высшие женские курсы	Особая дисциплинарная комиссия
5	Томский технологический институт	Особый комитет по студенческим делам

**Приложение № 3. Вопросы, разрешенные комиссией по разработке
Временных правил о дисциплинарном суде на заседании
от 22 декабря 1902 г.³⁴⁵**

№	Поставленный вопрос	Решение
1	Кем избираются члены дисциплинарного суда и кандидаты?	Советом университета или соответствующим ему органом в других высших учебных заведениях
2	Какое число членов дисциплинарного суда и кандидатов необходимо установить?	Для университетов – 5 судей и 5 кандидатов в судьи, для иных высших учебных заведений – от 3 до 5 судей (в зависимости от местных условий) и аналогичное число кандидатов в судьи
3	На какой срок избираются члены дисциплинарного суда и кандидаты?	На один учебный год. Ректор Харьковского университета Н.И. Куплеваский остался при особом мнении
4	Должен ли быть в числе членов дисциплинарного суда как минимум один профессор-юрист?	Да, при наличии в высшем учебном заведении юридического факультета

³⁴⁴ Там же. Л. 29.

³⁴⁵ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 22 декабря 1901 г. Л. 31.

**Приложение № 4. Вопросы, разрешенные комиссией по разработке
Временных правил о дисциплинарном суде на заседании
23 декабря 1902 г.³⁴⁶**

№	Поставленный вопрос	Решение
1	Подлежат ли решения дисциплинарного суда утверждению других органов?	Все решения дисциплинарного суда с подробными мотивами предоставляются ректору (директору) высшего учебного заведения, который доводит их до сведения совета или соответствующего ему учреждения, причем приговоры суда, налагающие взыскание ниже увольнения виновных из учебного заведения, начальник учебного заведения приводит немедленно в исполнение. Решения суда, связанные с увольнением или исключением виновных, предоставляются со своим заключением попечителю учебного округа, который, в свою очередь, утверждает приговоры суда собственной властью, а приговор суда об исключении виновных представляет со своим мнением на утверждение министра народного просвещения. А.И. Введенский и А.Х. Гольмстен остались при своем мнении.
2	Необходимо ли составить особый дисциплинарный кодекс, где будут указаны все дисциплинарные проступки студентов и соответствующие им взыскания?	Нет, в рамках высшего учебного заведения такой орган, как дисциплинарный суд, должен обладать достаточной дискрецией при вынесении своих решений.
3	Кем должны утверждаться выбранные советом высшего учебного заведения судьи и кандидаты в судьи?	7 членов комиссии проголосовали за утверждение судей и кандидатов судьи непосредственно министром народного просвещения, 5 членов комиссии – за утверждение судей и кандидатов судьи попечителем учебного округа.

³⁴⁶ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 23 декабря 1901 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 297. Л. 40.

**Приложение № 5. Вопросы, разрешенные комиссией по разработке
Временных правил о дисциплинарном суде на заседании 23 декабря 1902 г.³⁴⁷**

№	Вопрос	Решение
1	Следует ли включить в перечень взысканий, налагаемых дисциплинарным судом, денежный штраф и арест?	Нет, данные виды наказаний не подлежат включению в перечень взысканий.
2	Следует ли разделять в перечне взысканий замечание и выговор?	Да, это оправданно.

*

**Приложение № 6. Вопросы, разрешенные комиссией по разработке
Временных правил о дисциплинарном суде на заседании
от 27 декабря 1902 г.³⁴⁸**

№	Вопрос	Решение
1	Необходимо ли включить в перечень взысканий, налагаемых дисциплинарным судом, выговор с занесением в штрафную книгу?	Нет, данное взыскание не подлежит включению в перечень взысканий, налагаемых дисциплинарным судом.
2	Необходимо ли включить в перечень взысканий, налагаемых дисциплинарным судом, денежный штраф и дисциплинарный арест?	Такой необходимости нет. Вместо этого было решено установить два вида выговора: налагаемый дисциплинарным судом и налагаемый начальником высшего учебного заведения.
3	Необходимо ли включить в перечень взысканий, налагаемых дисциплинарным судом, временный запрет студенту посещать высшее учебное заведение?	Нет, было решено оставить данное взыскание во власти начальника высшего учебного заведения в качестве предупредительной меры.
4	Необходимо ли включить в перечень взысканий, налагаемых дисциплинарным судом, увольнение студента из высшего учебного заведения на определенный срок?	Да, по решению комиссии данное взыскание в нескольких вариациях было включено в проект правил о дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения.

**Приложение № 7. Вопросы, разрешенные комиссией по разработке Временных правил
о дисциплинарном суде на заседании
27 декабря 1902 г.³⁴⁹**

№	Вопрос	Решение
1	Следует ли передать вопрос об	Решено отложить данный вопрос для

³⁴⁷ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 26 декабря 1901 г. Л. 42.

³⁴⁸ Там же. Л. 47.

³⁴⁹ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 27 декабря 1901 г. Л. 50.

№	Вопрос	Решение
	исключении студента особому учреждению из представителей административной власти высшего учебного заведения?	более тщательного рассмотрения.
2	Какой порядок внесения дел на рассмотрение дисциплинарного суда следует предусмотреть?	Дисциплинарный суд, получив от начальника высшего учебного заведения материалы дела, на распорядительном заседании решает вопрос о том, подлежит ли дело рассмотрению суда или нет.

Приложение № 8. Вопросы, разрешенные комиссией по разработке Временных правил о дисциплинарном суде на заседании 29 декабря 1902 г.³⁵⁰

№	Вопрос	Решение
1	В каком составе может проводить заседания дисциплинарный суд?	Только в полном составе (трое или пятеро судей соответственно).
2	Следует ли учесть при подготовке Временных правил о дисциплинарном суде содержание параграфов 35 и 36 Правил для студентов высших учебных заведений Министерства народного просвещения от 15 мая 1885 г.?	Параграф 35 не включать, параграф 36 принять в новой редакции.
3	Следует ли учесть при подготовке Временных правил о дисциплинарном суде содержание Правил о профессорском дисциплинарном суде Варшавского университета 1869 г. ?	Параграфы 5–8, 10, 11–15 были приняты без изменений. Параграфы 4, 9 были приняты с изменениями. Положения первых трех параграфов комиссия уже рассмотрела в ходе предыдущих своих заседаний.

Приложение № 9. Вопросы, разрешенные комиссией по разработке Временных правил о дисциплинарном суде на заседании 30 декабря 1902 г.³⁵¹

№	Вопрос	Решение
1	Какой должен быть порядок назначения секретаря судебного заседания?	Секретарь судебного заседания назначается председателем дисциплинарного суда из присутствующих на заседании членов суда.
2	Какие меры необходимо принимать при	Временное запрещение посещения

³⁵⁰ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 29 декабря 1901 г. Л. 53.

³⁵¹ Протокол заседания комиссии по разработке временных правил о профессорском дисциплинарном суде при высших учебных заведениях Министерства народного просвещения от 30 декабря 1901 г. Л. 59.

	массовых дисциплинарных проступках?	высшего учебного заведения и временное приостановление занятий в учебных заведениях.
3	Необходимо ли предоставить возможность руководству высших учебных заведений ходатайствовать об изменениях правил о дисциплинарном суде?	Данная возможность должна быть предоставлена руководству высших учебных заведений.

Приложение № 10. Вопросы, предложенные к обсуждению на совещании министра народного просвещения с начальниками высших учебных заведений в августе 1904 г.³⁵²

№	Вопрос для обсуждения	Заявитель
1	Изъятие из ведения дисциплинарного суда некоторых категорий дел и передача их администрации учебного заведения	Попечитель московского учебного округа
2	Передача функций дисциплинарного суда правлению университета	Ректор Новороссийского университета
3	Рассмотрение дел с политической окраской правлением университета или особым судом с участием ректора	Попечитель Киевского учебного округа
4	Ограничение компетенции дисциплинарного суда	Попечитель Варшавского учебного округа
5	Непригодность дисциплинарного суда в случаях массовых беспорядков	Попечитель Рижского учебного округа
6	Усиление власти ректора в случае массовых беспорядков	Попечитель Московского учебного округа
7	Предоставление права попечителю учебного округа увеличивать наказание, налагаемое дисциплинарным судом	Попечитель западно-Сибирского учебного округа

Приложение № 11. Решение Профессорского дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета в отношении участников студенческой сходки от 18 марта 1903 г.³⁵³

№	Характер проступка	Количество наказанных, чел.	Примененное взыскание
1	Студенты не только участвовали в сходке и оставались на ней от начала до конца, но и принимали в ней активную роль физически или интеллектуально, занимая на площадке для руководства места на ступенях верхней лестницы, вытесняли инспекцию, кричали «вон» и прочее. Их	15	Удаление из университета

³⁵² Циркуляр из Министерства народного просвещения попечителям учебных округов от 3 октября 1904 г. № 38. Л. 187.

³⁵³ Протокол заседания дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета от 24 марта 1903 г. Л. 220.

№	Характер проступка	Количество наказанных, чел.	Примененное взыскание
	виновность частично подтверждается, частично усугубляется неявкой в суд.		
2	Студенты, не явившиеся в Суд, в отношении которых установлено продолжительное пребывание на сходке, но не выполнявшие активной роли, а также студенты, явившиеся в Суд, которые сознательно участвовали в сходке и не очистились от подозрения в активной деятельности.	22	Увольнение из университета
3	Студенты, которые принимали участие в сходке, явились в Суд, но прямо отказались давать показания и обнаружили упорное сочувствие сходке.	4	Нравственное порицание и перевод в вольнослушатели
4	Студенты, которые были на сходке, отказывались давать показания в Суде, но проявили правдивость в отношении своего отказа участия в сходках в будущем.	4	Перевод в вольнослушатели
5	Студенты, которые были на сходке, но не выразили сочувствия резкому характеру принятой резолюции и дали прямое обещание не участвовать в дальнейших беспорядках.	14	Выговор
6	Студенты, которые не были замечены в беспорядках ранее, на сходку пришли случайно, остались из любопытства.	6	Замечание

**Приложение № 12. Члены Профессорского дисциплинарного суда
Санкт-Петербургского университета**

№	ФИО	Факультет	Должность в Суде	Срок полномочий, гг.
1	Андреев Иван Дмитриевич	Историко-филологический	Кандидат в судьи	1909–1910
2	Бартольд Василий Владимирович	Восточный	Кандидат в судьи, с 1909 г. судья	1907–1912
3	Бобылев Дмитрий Константинович	Физико-математический	Кандидат в судьи	1902–1903
4	Бодуэн-де-Куртенэ Иван Александрович	Историко-филологический	Судья	1907–1909
5	Боргман Иван Иванович	Физико-математический	Судья	1913–1916
6	Булич Сергей Константинович	Историко-филологический	Кандидат в судьи	1910–1913
7	Введенский	Историко-	Судья	1902

№	ФИО	Факультет	Должность в Суде	Срок полномочий, гг.
	Александр Иванович	филологический		
8	Веселовский Николай Иванович	Восточный	Судья	1902–1905
9	Гримм Эрвин Давидович	Историко-филологический	Кандидат в судьи	1907–1909
10	Догель Валентин Александрович	Физико-математический	Кандидат в судьи	1913–1916
11	Иванов Александр Александрович	Физико-математический	Кандидат в судьи	1913–1916
12	Иностранцев Александр Александрович	Физико-математический	Судья	1902–1905
13	Кареев Николай Иванович	Историко-филологический	Судья	1907–1909
14	Кауфман Илларион Игнатьевич	Юридический	Председатель	1914–1916
15	Коновалов Дмитрий Петрович	Физико-математический	Кандидат в судьи	1903–1905
16	Ковалевский Максим Максимович	Юридический	Председатель, с 1913 г. кандидат в судьи	1907–1910, 1913–1914
17	Кравков Сергей Павлович	Физико-математический	Судья	1913–1916
18	Коркин Александр Николаевич	Физико-математический	Кандидат в судьи	1902
19	Лавров Петр Алексеевич	Историко-филологический	Кандидат в судьи, с 1907 г. судья	1903–1905, 1907–1912
20	Марр Николай Яковлевич	Восточный	Кандидат в судьи	1909–1910
21	Мартенс Федор Федорович	Юридический	Председатель	1902
22	Палладин Владимир Иванович	Физико-математический	Кандидат в судьи	1902–1903
23	Пергамент Михаил Яковлевич	Юридический	Судья	1907–1911
24	Петражицкий Лев Иосифович	Юридический	Кандидат в судьи	1902–1905
25	Петров Дмитрий Константинович	Историко-филологический	Судья	1913–1916
26	Петрушевский Федор Фомич	Физико-математический	Кандидат в судьи	1902
27	Покровский Иосиф Алексеевич	Юридический	Кандидат в судьи	1907–1910
28	Пташицкий Иван Львович	Физико-математический	Кандидат в судьи	1903–1905, 1911–1912
29	Розен Виктор Романович	Восточный	Кандидат в судьи	1903–1905

№	ФИО	Факультет	Должность в Суде	Срок полномочий, гг.
30	Розин Николай Николаевич	Юридический	Кандидат в судьи	1913–1916
31	Ростовцев Михаил Иванович	Историко-филологический	Кандидат в судьи	1907–1909
32	Смирнов Василий Дмитриевич	Восточный	Кандидат в судьи	1902–1903
33	Соболевский Алексей Иванович	Историко-филологический	Судья	1903–1905
34	Сохоцкий Юлиан Васильевич	Физико-математический	Судья	1902–1905
35	Тураев Борис Александрович	Историко-филологический	Судья	1913–1916
36	Фаворский Александр Ефграфович	Физико-математический	Кандидат в судьи, с 1913 г. Председатель	1907–1914
37	Фойницкий Иван Яковлевич	Юридический	Председатель	1902–1905
38	Форстен Георгий Васильевич	Историко-филологический	Кандидат в судьи, с 1903 г. судья	1902–1904
39	Чугаев Лев Александрович	Физико-математический	Кандидат в судьи	1909–1910
40	Шляпкин Илья Александрович	Историко-филологический	Кандидат в судьи	1902–1903
41	Щербатовский Федор Ипполитович	Восточный	Кандидат в судьи	1913–1916

Приложение № 13. Сводный перечень дел, рассмотренных Профессорским дисциплинарным судом Московского университета³⁵⁴

№	Дата рассмотрения дела	Обвинение
	Студенты, факультет/отделение	Решение
1	18.02.1903 Владимир Николаевич Попов – студент 5 курса медицинского факультета.	Обвинялся у мирового судьи по ст. 38 и 42 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, но признанного виновным по ст. 42. Ввиду деятельного раскаяния обвиняемый был освобожден от ответственности.
2	18.02.1903 Николай Александрович Костомаров – студент 1 курса юридического	Обвинялись у мирового судьи по ст. 38 Устава о наказаниях, и признанные виновными.

³⁵⁴ Книга решений Дисциплинарного суда Императорского Московского университета // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 116. Л. 1-95.

№	Дата рассмотрения дела <u>Студенты, факультет/отделение</u>	Обвинение <u>Решение</u>
	факультета, Александр Иванович Винник, Григорий Константинович Скуратов – студенты 1 курса историко-филологического факультета.	Ввиду того, что студенты Винник и Скуратов привлечены мировым судьей к наказаниям за нарушение общественной тишины и порядка, и было признано, что совершение этого проступка представляется совершенно недопустимым, Суд постановил сделать им замечания. Костомаров не явился в суд, приговор ему был отложен до явки.
3	04.03.1903 <u>Студенты 1 курса медицинского факультета Александр Михайлович Сундукянц и Левон Оганесович Кепитянц.</u>	Обвинялись у мирового судьи по 39 ст. Устава о наказаниях и признанные виновными. <u>Были сделаны замечания.</u>
4	04.03.1903 <u>Студенты 1 курса медицинского факультета Леонид Николаевич Скалозубов и Эдуард Фридрихович Брюккер.</u>	Обвинялись у мирового судьи по ст. 31 и 38 Устава о наказаниях и признанные виновными. <u>Студент Сколозубов признал себя виновным в том, что явился в нетрезвом виде в публичный дом и вступил там в драку. Суд признал такой поступок несовместимым со статусом студента. Ввиду раскаяния обвиняемого сделать ему нравственное внушение. Студент Брюккер от ответственности был освобожден.</u>
5	04.03.1903, 18.03.1903 <u>Студент 3 курса медицинского факультета Николай Павлович Благовещенский и студент 2 курса юридического факультета Николай Федорович Баканин</u>	Обвинялись у мирового судьи по ст. 31 и 38 Устава о наказаниях и признанные виновными. <u>Баканину сделали выговор, дело Благовещенского передали ректору в соответствии с п. 19 Временных правил, так как это дело не подлежит рассмотрению в Суде.</u>
6	04.03.1903 <u>Студент 3 курса юридического факультета Николай Федорович Фаворов</u>	Обвинялся у мирового судьи по ст. 38 и 42 Устава о наказаниях и был признан виновным. <u>Переведен в вольнослушатели на один семестр.</u>
7	18.03.1903 <u>Студент 3 курса юридического</u>	Обвинялись у мирового судьи по ст. 38 Устава о наказаниях и признанные виновными.

№	Дата рассмотрения дела Студенты, факультет/отделение	Обвинение Решение
	факультета Юлиан Иванович и студент 5 курса медицинского факультета Василий Рапотижинич	Был сделан выговор.
8	18.03.1903 Студент 3 курса физико-математического факультета Леонид Васильевич Дрызлов	Обвинялся у мирового судьи по ст. 38 Устава о наказаниях, признан виновным. Сделано замечание.
9	18.03.1903 Студент 2 курса медицинского факультета Петр Иванович Хлопов	Обвинялся у мирового судьи по ст. 38 и 42 Устава о наказаниях, но признанный виновным только по ст. 42. Был сделан выговор.
10	18.03.1903 Студент 4 курса историко-филологического факультета Михаил Владимирович Бердонос	Жалоба купеческой вдовы Александры Федоровны Бердоносовой, на действия Бердоносова, заключающуюся в шантаже и распространении ложных слухов, порочащих купчиху с целью воспользоваться материальными ценностями последней. Дело было передано на рассмотрение ректору.
11	01.05.1903 Студент 2 курса юридического факультета Андрей Смолдавский и студент 2 курса медицинского факультета Александр Губерт	Обвинялся у мирового судьи по ст. 31 и 38 Устава о наказаниях, признан виновным. Сделано замечание.
12	01.05.1903 Студенты 5 курса медицинского факультета Иван Романин, Николай Глинин, Николай Вешняков, Евгений Курганский	Обвинялись у мирового судьи по ст. 38 Устава о наказаниях и признанные виновными. Освобождены от ответственности перед Судом.
13	01.05.1903 Студент 5 курса медицинского факультета Михаил Ливанский	Обвинялся у мирового судьи по ст. 38 и ст. 43 Устава о наказаниях, признан виновным по ст. 38. Ввиду чистосердечного признания было вынесено замечание.
14	01.05.1903 Студент 1 курса юридического факультета Иван Дамбекалов	Обвинялся у мирового судьи по ст. 31 и 38 Устава о наказаниях, признан виновным. Ввиду чистосердечного раскаяния

№	Дата рассмотрения дела	Обвинение
	Студенты, факультет/отделение	Решение
		признан невиновным.
15	01.05.1903 Студент 2 курса юридического факультета Даниил Петров	Обвинялся у мирового судьи по ст. 38 Устава о наказаниях, признан виновным. Ввиду чистосердечного раскаяния был сделан выговор.
16	22.11.1903 Студент 1 курса юридического факультета Пастылов Василий	Обвинялся в растрате 210 рублей, предназначенных для внесения общей платы. Дело было прекращено вследствие исключения Пастылова из университета.
17	27.11.1903 Студент 1 курса медицинского факультета Панев Вальдемар и 5 курса Градинаров Николай.	Обвинялись у мирового судьи по ст. 38 Устава о наказаниях и признанные виновными. Дело было прекращено вследствие исключения обвиняемых из университета.
18	27.11.1903 Студент 1 курса физико-математического факультета Павлов Александр и 2 курса Грацианов Яков.	Обвинялись у мирового судьи по ст. 38 Устава о наказаниях и признанные виновными. Сделаны выговоры.
19	27.11.1903 Студент 5 курса медицинского факультета Ливанский Михаил	Обвинялся у мирового судьи по ст. 38 Устава о наказаниях, признан виновным. Дело было прекращено вследствие исключения Ливанского из университета.
20	27.11.1903 Студент 1 курса юридического факультета Костин Аркадий.	Обвинялся у мирового судьи по ст. 31 и 38 Устава о наказаниях, признан виновным. Ввиду достаточности приговора мирового судьи дело было прекращено.
21	15.12.1903 Студент 5 курса медицинского факультета Мончин Ромуальд.	Был признан виновным мировым судьей в причинении насилия на станции Пятигорск доктору Краевскому. Оказалось, что студент на тот момент находился на лечении в психиатрической клинике и

№	Дата рассмотрения дела Студенты, факультет/отделение	Обвинение Решение
		находился в невменяемом состоянии. Производство по делу было прекращено.
22	12.02.1904 Студент Гинзбург	Обвинялся в распространении позорящих слухов в отношении студента Абрамовича. Суд постановил сделать выговор.
23	12.02.1904 Василий Белавин – студент 1 курса физико-математического отделения, Иосиф Блюменфельд, Иван Кулаков, Николай Самойлов, Иван Морозов – студенты 1 курса юридического факультета, Андрей Краснов – студент 1 курса медицинского отделения, Николай Богоявленский, Николай Лазаревич – студенты 2 курса медицинского отделения, Давид Мелихов, Михаил Шкурин – студенты 2 курса историко-филологического отделения, Дмитрий Кропотков – студент 3 курса историко-филологического отделения	Обвинялись косвенном соучастии в нарушении порядка на лекции профессора Озерова 15.11.1903 Ввиду того, что означенные студенты по их показаниям лишь присутствовали в аудитории, не принадлежа к обычному составу слушателей профессора, и оставались в ней во время произошедшего беспорядка, но не принимали участия в беспорядках, всем им были сделаны замечания.
24	17.02.1904 Виктор Громов – студент 1 курса физико-математического отделения	Обвинялся в оскорблении действием в нетрезвом состоянии барона Энгельгардта. На основании протокола, подписанного пятью старшинами тверского благородного собрания и собственного показания студента Громова, Суд установил, что он действительно явился в собрание в нетрезвом виде и совершил означенный проступок. Находя, что подобный поступок не соответствует достоинству образованного человека и совершаемый студентом бросает тень на всю университетскую молодежь, Суд постановил: выразить Громову нравственное порицание с переводом в разряд вольнослушателей на одно полугодие.
25	17.02.1904	Обвинялись косвенном соучастии в нарушении порядка на лекции

№	Дата рассмотрения дела <u>Студенты, факультет/отделение</u>	Обвинение <u>Решение</u>
	Валериан Пелько – студент 1 курса историко-филологического отделения, Иван Соколов – студент 1 курса историко-филологического факультета	профессора Озерова 15.11.1903. Не явились на заседание 12.02.1904. С учетом двукратной неявки на судебное разбирательство без объяснения причин Суд постановил перевести обоих к переводу в вольнослушатели на одно полугодие.
26	28.02.1904 Владимир Вишневецкий, Михаил Иванов, Сергей Некрасов, Николай Лукин – студенты 1 курса историко-филологического отделения, Моисей Раскин, Глеб Буренин, Николай Севостьянов, Михаил Орловский – студенты 1 курса физико-математического отделения, Герман Суслин, Арон Островский, Евгений Седлак – студенты 2 курса физико-математического отделения, Аарон Трайнин, Сергей Белодородов, Иосиф Блюменфельд, Иван Морозов, Николай Шелховерский, Петр Чайковский – студенты 1 курса юридического отделения, Николай Карышев, Виктор Любимов, князь Леонид Херхеулидзе – студенты 2 курса юридического отделения, Иван Ананьин, Борис Ермолов, Николай Лукашин, Исаак Наркирьерт, Николай Ратов, Павел Розов, Николай Сакович, Дмитрий Успенский, Владимир Фридберг – студенты 1 курса медицинского отделения, Николай Лазаревич, Николай Богоявленский, Владимир Гурьянов, Александр Розов – студенты 2 курса медицинского отделения.	Обвинялись в присутствии на сходке в Анатомическом театре 11.02.1904. Рассмотрев дело, Суд принял к заключению, что по предмету предъявленного обвинения означенные студенты как понесшие уже наказание на основании решения ректора вторичной ответственности по смыслу временных правил не подлежат. При этом выяснилось, что студенты Гурьянов, Ананьин, Ратов, Ермолов, по их показаниям, не участвовали в сходке и явились в Анатомический театр для занятия по анатомии. Студент Лукин на сходке не был. Относительно студента князя Херхеулидзе, заявившего на суде, что он отрицает право Суда рассматривать его дело, Суд, усматривая в этом нежелание этом подчиняться обязанностям каждого из студентов правилам университета, постановил его перевести в разряд вольнослушателей.
27	13.03.1904 Александр Розов – студент 2 курса медицинского отделения	Обвинялся в нежелании подчиняться распоряжению университетского начальства о временном непосещении университета. Переведен в разряд вольнослушателей.
28	13.03.1904 Михаил Шкурин – студент 1 курса	Обвинялся в присутствии на сходке в Анатомическом театре 11.02.1904.

№	Дата рассмотрения дела <u>Студенты, факультет/отделение</u>	Обвинение <u>Решение</u>
	историко-филологического отделения	В силу того, что Шкурин уже понес наказание на основании решения ректора, освободить от ответственности перед Судом.
29	08.04.1904 <u>Иван Пелюшенко – студент 4 курса медицинского отделения</u>	Обвинялся в приставании с угрозами в нетрезвом состоянии к офицеру Куприянову. <u>Нравственное порицание.</u>
30	12.04.1904 <u>Студенты Высотский, Кругликов, Стырикович</u>	Обвинялись в присутствии на сходке в Анатомическом театре 11.02.1904. <u>Суд установил следующее: 1) студенты Высотский и Кругликов пришли в аудиторию на лекцию и участия в беспорядках не принимали. 2) студент Стырикович – пришел на сходку целенаправленно, но не принимал участия в беспорядках. Суд постановил: Выготского и Кругликова освободить от ответственности, Стыриковичу объявить выговор.</u>
31	28.10.1904 <u>Николай Шелховский – студент 1 курса юридического отделения</u>	Обвинялся в нарушении общественной тишины и нанесении городскому оскорблению словами и действиями. <u>Ввиду того, что студент Шелховский уже понес наказание по приговору мирового судьи, он был освобожден от ответственности.</u>
32	28.10.1904 <u>Николай Чигогидзе – студент 3 курса физико-математического отделения</u>	Обвинялся в подлоге записки за подписью профессора Карузина. <u>Ввиду того, что проступок Чигогидзе был доказан, и оснований для смягчения вины не имелось, Суд постановил подвергнуть его удалению из университета с воспрещением поступления в другое высшее учебное заведение до начала следующего учебного года.</u>
33	18.11.1904 <u>Рихард Фронштейн – студент 5 курса медицинского факультета</u>	Обвинялся в вымогательстве. <u>Ввиду ходатайства потерпевшей Смирновой о применении более мягкого наказания Суд постановил</u>

№	Дата рассмотрения дела Студенты, факультет/отделение	Обвинение Решение
		уволить его из университета до начала следующего учебного года с воспрещением поступления в другие учебные заведения до истечения указанного срока. 09.12.1904 Суд заслушал предложение Попечителя Московского учебного округа о смягчении наказания, но не нашел каких-либо новых данных, которые оправдывали бы смягчение наказания.
34	25.11.1904 Иван Гачечиладзе – студент 2 курса физико-математического отделения	Обвинялся в непринятии мер по хранению общественных сумм. Суд, выслушав объяснения зав. общежитием приват-доцента Числова пришел к мнению, что Гачечиладзе не подлежит дисциплинарной ответственности.
35	25.11.1904 Иван Деев – студент 3 курса медицинского отделения	Обвинялся в нарушении общественной тишины и спокойствия. Вследствие назначения наказания по приговору мирового судьи Суд решил не привлекать к ответственности.
36	25.11.1904 Василий, Владимир и Александр Калашниковы, Иван Нечаев	Обвинялся в нарушении общественной тишины и спокойствия. Вследствие назначения наказания по приговору мирового судьи Суд решил не привлекать к ответственности.
37	16.12.1904 Николай Синягин – студент 3 курса юридического отделения	Обвинялся в нарушение п. 8 Правил для студентов. Суд сделал замечание
38	16.12.1904 Георгий Лазарев, Сергей Щербаков – студенты 3 курса историко-филологического отделения, Сергей Карпачев, Иван Фадеев – студенты 3 курса медицинского отделения, Михаил Ветров, Лев Субботин – студенты 3 курса юридического отделения	Обвинялись в неисполнении данного ими обещания. Принимая во внимание, что студенты Лазарев и Субботин самовольно ушли из зала во время судебного заседания, проявив тем самым неуважение к Суду и лишив его возможности путем личного вопроса

№	Дата рассмотрения дела Студенты, факультет/отделение	Обвинение Решение
		выяснить обстоятельства дела, Суд постановил уволить их из университета до конца учебного года без запрета поступать в другие высшие учебные заведения в этот период. Щербакову Суд постановил сделать выговор. Остальным замечания.
39	31.10.1907 Хачатур Хрчиян – студент 2 курса медицинского отделения	Обвинялся в нарушении порядка в Анатомическом театре 09.10.1907. С учетом искреннего раскаяния студента Суд постановил перевести его в вольнослушатели до начала следующего учебного полугодия с условием, что при безукоризненном поведении он может зачислен ректором в студенты в текущем полугодии. Сверх того, суд постановил выразить ему нравственное порицание.
40	17.12.1907 Натан Глезеров – студент 2 курса медицинского факультета	Обвинялся в подделке фамилии на заявлении о взносе платы за посещение лекций. Принимая искреннее раскаяние обвиняемого Суд постановил объявить ему выговор.
41	17.12.1907 Владимир Сеппи – студент 1 курса физико-математического отделения, князь Василий Хидирбегов – студент 1 курса медицинского отделения	Студент Сеппи обвинялся в продаже им места на медицинском отделении, студент Хидирбегов – в обмане студента Сеппи при покупке этого места. Суд постановил: студенту Сеппи объявить выговор и ходатайствовать перед ректором о приеме его обратно на медицинское отделение, студента Хидирбегова уволить из университета до начала следующего учебного года без воспрещения поступать в другое высшее учебное заведение.
42	29.01.1908 Иван Кастратович – студент 3 курса медицинского отделения	Обвинялся в оскорблении проректора Стопницкого. Во время рассмотрения дела Суд предложил Кастратовичу извиниться

№	Дата рассмотрения дела Студенты, факультет/отделение	Обвинение Решение
		перед проректором, что он и сделал в присутствии Суда со словами: «Я не имел намерения оскорбить Вас, и если Вы считаете себя оскорбленным, то я извиняюсь». Ввиду примирения дело было прекращено.
43	31.01.1908 Николай Хрисанов и Иосиф Темурянц – студенты 4 курса медицинского отделения	Привлечены к суду за драку на территории университета. Принимая во внимания показания свидетелей, а также состоявшееся примирение сторон, Суд постановил сделать им выговоры за предосудительное поведение в стенах университета.
44	01.03.1908 Александр Усагин – студент 3 курса физико-математического отделения, Николай Попов – студент 2 курса медицинского отделения	Обвинялись в передаче своих входных билетов посторонним лицам. Студенту Попову Суд определили сделать замечания, студента Усагину перевести в вольнослушатели до следующего семестра в связи с тем, что тот не признал свой поступок предосудительным, а также объявить ему нравственное порицание.
45	15.03.1908 Евгений Михайловский, Михаил Брынский – студенты 1 курса историко-филологического отделения	Привлечены к суду за их предосудительное поведение в трактире села Высокичи, Тарусского уезда, Калужской губернии. Суд сделал им замечания.
46	15.03.1908 Вениамин Каялов – студент 1 курса юридического отделения	Обвинялся в передаче входного билета постороннему лицу. Во время судебного разбирательства студент заявил, что билет был им потерян 4 или 5 марта, а обнаружил он пропажу 6 марта. В связи с этим Суд признал его невиновным.
47	24.03.1908 Юлиан Барац – студент 1 курса юридического отделения	Обвинялся в передаче им входного билета постороннему лицу. Суд постановил сделать выговор.
48	24.03.1908 Владимир Лавринович – студент 1 курса	Обвинялись в передаче ими входных билетов посторонним лицам.

№	Дата рассмотрения дела	Обвинение
	Студенты, факультет/отделение	Решение
	юридического отделения, Николай Бобров – студент 1 курса медицинского отделения	Суд постановил перевести Лавриновича в вольнослушатели до конца семестра, Боброву сделать замечание.
49	20.05.1908 Борис Авдыкович – студент 1 курса юридического отделения	Обвинялся в передаче им входного билета постороннему лицу. Суд оправдал в связи с сообщением проректора о выдаче дубликата входного билета.
50	20.05.1908 Сергей Кузьмин – студент 1 курса физико-математического отделения	Обвинялся в передаче им входного билета постороннему лицу. Суд оправдал в связи с тем, что билет был взят посторонним лицом без спроса.
51	13.08.1908 Хаим Стронгин – студент 5 курса медицинского факультета	Обвинялся в подчистке отметки по Физиологической химии с 3 на 5 в удостоверении о выдержании полукурсового испытания, выданном деканом медицинского отделения Харьковского университета. Суд постановил уволить обвиняемого до начала ближайшего учебного года без воспреещения ему немедленно поступать на общем основании в другое высшее учебное заведение.
52	02.10.1908 Владимир Васильев – студент 1 курса юридического отделения	Обвинялся в оскорблении на улице бранными словами городовых. Суд постановил сделать замечание в связи с достаточностью приговора мирового судьи.
53	22.11.1908 Михаил Гейнцельман – студент 1 курса юридического отделения	Обвинялся в буйстве на улице и нанесении оскорбления словами чинам полиции. Суд тремя голосами против двух постановил препроводить ректору копию показаний студента с тем, чтобы, если ректор найдет это возможным, направить эту информацию градоначальнику.
54	30.05.1909 Анатолий Куликов – студент 1 курса физико-математического отделения	Обвинялся в подделке талона, выданного университетом, на скидку на железной дороге.

№	Дата рассмотрения дела	Обвинение
	Студенты, факультет/отделение	Решение
		За недостаточностью доказательств Суд прекратил дело.
55	30.05.1909 Студенты не поименованы	Студент Силован Габулия жаловался на своих товарищей земляков-грузин. Суд признал дело не подлежащим рассмотрению.
56	14.07.1909 Иван Молл – студент 2 курса физико-математического отделения	Обвинялся в обольщении и изнасиловании дочери врача Т.Н. Назаровой. Суд постановил отложить рассмотрение дела до вынесения приговора общих судебных установлений. Получив от ректора сообщение о том, что следствие по делу окончено и препровождено товарищу Прокурора на предмет прекращения по недостаточности улик, Суд, ввиду означенного сообщения и принимая во внимание, что он не пересматривает дела по существу, постановил производство прекратить.
57	24.10.1909 Иван Сирандино – студент 1 курса медицинского отделения	Обвинялся в нарушении общественной тишины. Суд постановил прекратить дело в связи с достаточностью приговора мирового судьи.
58	07.11.1909 Василий Кутырин – студент 2 курса юридического отделения	Обвинялся в оскорблении словами служащей в канцелярии проректора О.О. Малининой. Суд постановил сделать замечание.
59	07.11.1909 Всеволод Семенович – студент 5 курса медицинского отделения	Обвинялся в оскорблении проректора Василия Ивановича Кедровского. Ввиду того, что студент Семенович был удостоен выпускного свидетельства весной 1909 г., Суд постановил прекратить дело, выразив от имени Суда через председателя сожаление В.И. Кедровскому, что Суд по независящим от него обстоятельствам не смог своевременно рассмотреть дело.
60	06.02.1910	Обвинялся в оскорблении письмом

№	Дата рассмотрения дела Студенты, факультет/отделение	Обвинение Решение
	Студент Иван Овсянников – студент 1 курса физико-математического отделения	студента Олега Шпикитера. Суд постановил сделать замечание.
61	18.03.1910 Михаил Кузовлев – студент медицинского отделения	Обвинялся в неблагоприятном поступке. Суд установил, что факт мочеиспускания на лестнице Зоологического музея имел место быть, но в связи с показаниями свидетелей достаточных оснований для обвинения нет. Однако, с учетом того, что факт появления Кузовлева и свидетеля Озерова в нетрезвом виде на территории университета был доказан, объявить им выговор.
62	18.03.1910 Иван Каллиотов – студент медицинского отделения	Обвинялся в нарушении Правил о студенческих собраниях. Суд постановил сделать замечание и довести до сведения необходимость соблюдения впредь данных Правил.
63	18.03.1910 Николай Минский – студент юридического отделения	Обвинялся в нарушении правил о записи студентов. Суд постановил сделать выговор.
64	14.05.1910 Александр Алибарцумянц, Владимир Гзовский, Владимир Юрасовский, Виктор Погосский – студенты юридического отделения	Обвиняются в несоблюдении Правил о студенческих собраниях. Суд постановил сделать им выговор.
65	14.05.1910 Александр Василевич – студент медицинского отделения	Обвинялся в публичном бесстыдстве. Суд постановил выразить студенту нравственное порицание.
66	27.11.1910 Александр Квиташвили – студент историко-филологического отделения	Обвинялся в насильственных действиях по отношению к студенту Николаю Чейшвили. Суд постановил сделать выговор.
67	16.12.1910 Вячеслав Гучков, Рафаил Металлов – студенты юридического отделения	Обвинялись в нарушении общественной тишины и спокойствия. Суд постановил Металлова оправдать, а Гучкову сделать замечание.

№	Дата рассмотрения дела	Обвинение
	Студенты, факультет/отделение	Решение
68	16.12.1910 Христофор Амилахвари, студент физико-математического отделения	Обвинялся в насильственных действиях. Суд постановил перевести обвиняемого в вольнослушатели до следующего семестра.
69	16.12.1910 Альберт Бергман – студент юридического отделения	Обвинялся в нарушении порядка в здании университета. Суд постановил сделать замечание.
70	10.02.1912 Михаил Сизов – студент медицинского отделения	Обвинялся в нарушении порядка в здании университета. В связи с искренним раскаянием Суд постановил сделать студенту замечание.
71	10.02.1912 Василий Налимов – студент физико-математического отделения	Обвинялся в столкновении с профессором П.И. Карузиным во время экзамена. В связи с непризнанием студентом неправомерности своих действий Суд постановил сделать ему выговор.
72	20.02.1912 Петр Кулабухов – студент физико-математического отделения	Обвинялся в нарушении установленных правил получения удостоверения на льготный пропуск. Перевести в вольнослушатели до следующего семестра и вынести нравственное порицание.
73	10.03.1912 Сигизмунд Бугайский – студент юридического отделения	Обвинялся в нарушении порядка очереди при входе в канцелярию. Принимая во внимание крайнюю взволнованность студента и его искреннее раскаяние, Суд нашел возможным сделать ему замечание и указать ему на необходимость впредь быть сдержаннее.
74	10.03.1912 Михаил Тухарели – студент физико-математического отделения	Обвинялся в нарушении правил пользования университетским имуществом. Суд постановил сделать выговор.
75	08.11.1912 Файвель Меерович, Вячеслав Соловьев – студенты медицинского отделения	Обвинялись в драке между собой на территории университета. Суд выразил сожаление, что между

№	Дата рассмотрения дела Студенты, факультет/отделение	Обвинение Решение
		студентами сложились настолько неприязненные отношения, повлекшие столкновение. Ввиду большей виновности Соловьеву, проявившейся в оскорблении действием, Суд постановил сделать выговор. Мееровичу – замечание.
76	02.04.1913 Петр Юркевич – студент медицинского отделения	Обвинялся в нарушении внутренних правил университета. Суд постановил сделать выговор.
77	02.04.1913 Николай Преображенский – студент историко-филологического отделения	Обвинялся по жалобе студента Виталия Васильева в составлении порочащего письма в редакцию журнала «Студенческое дело». После изучения представленных доказательств Суд не нашел оснований для признания Васильева виновным.
78	22.11.1913 Арменак Довлатов – студент юридического отделения	Обвинялся в предосудительном поведении образе жизни и в неблагоприятных поступках его по отношению к двум девушкам – Марии Ольшанской и Лидии Дудлер. Рассмотрев обстоятельства данного дела и признав, что Довлатов вел противный правилам чести образ жизни, постоянно кутя по ресторанам с женщинами, и для этой цели много раз занимал у разных лиц деньги, в том числе, у двух заведомо небогатых девушек, женихом которых он считался и которых эти займы ставили в заведомо затруднительное материальное положение, Суд постановил применить к нему удаление из университета бессрочно с воспрещением поступления в другое высшее учебное заведение раньше начала следующего учебного года.
79	22.11.1913 Леонид Островский – студент медицинского отделения	Обвинялся в некорректном отношении к больному. Суд постановил выговор, с учетом материального положения и

№	Дата рассмотрения дела	Обвинение
	Студенты, факультет/отделение	Решение
		раскаяния обвиняемого.
80	13.09.1914 Георгий Гомелаури – студент медицинского отделения	Обвинялся по жалобе студента Григора Крестостурьянца в оскорблении его действием вне помещений университета. Суд постановил сделать Гомелаури выговор, хоть и признал это дело неподсудным.

Приложение № 14. Статистика решений Суда Московского университета³⁵⁵

№	Учебный год	Количество		Взыскания
		дел	обвиняемых	
1	1902/1903	15	27	Освобождены – 6, Передали ректору – 2, Нравственное порицание – 1, Замечание – 9, Выговор – 5, Перевод в вольнослушатели – 1
2	1903/1904	16	62	Дело прекращено – 36, Оправданы – 6, Нравственное порицание – 1, Замечание – 11, Выговор – 3, Перевод в вольнослушатели – 5
3	1904/1905	8	16	Дело прекращено – 5, Замечание – 4, Выговор – 1, Увольнение – 3, Удаление – 1
4	1905/1906	0	0	–
5	1906/1907	0	0	–
6	1907/1908	13	18	Оправданы – 3, Дело прекращено – 1, Замечание – 4, Выговор – 5, Перевод в вольнослушатели – 3, Увольнение – 2
7	1908/1909	5	5	Дело прекращено – 3, Передали ректору – 1, Замечание – 1
8	1909/1910	9	13	Дело прекращено – 2, Нравственное порицание – 1,

³⁵⁵ Книга решений Дисциплинарного суда Императорского Московского университета // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 116. Л. 1-95.

№	Учебный	Количество		Взыскания
				Замечание – 3, Выговор – 7
9	1910/1911	4	5	Дело прекращено – 1, Замечание – 2, Выговор – 1, Перевод в вольнослушатели – 1
10	1911/1912	5	5	Замечание – 2, Выговор – 2, Перевод в вольнослушатели – 1
11	1912/1913	3	4	Оправданы – 1, Замечание – 1, Выговор – 2
12	1913/1914	2	2	Выговор – 1, Удаление – 1
13	1914/1915	1	1	Выговор – 1
	Всего	81	158	Дело прекращено – 54, Оправданы – 16, Передано ректору – 4, Нравственное порицание – 3, Замечание – 37, Выговор – 26, Перевод в вольнослушатели – 11, Увольнение – 5, Удаление – 2

Приложение № 15. Составы профессорского дисциплинарного суда Московского университета³⁵⁶

№	Учебный год	Судьи	Кандидаты в судьи
1	1903/1904	Д.Н. Зернов ³⁵⁷ Н.А. Умов Л.А. Комаровский Д.Н. Анучин П.И. Новгородцев	А.П. Павлов М.М. Покровский И.Т. Тарасов Б.К. Млодзеевский И.К. Спижарный
2	1904/1905	Д.Н. Зернов Н.А. Умов И.Т. Тарасов Н.С. Суворов Б.К. Млодзеевский	Л.А. Комаровский Л.М. Лопатин А.П. Павлов Н.Д. Зелинский П.И. Новгородцев
3	1907/1908	Л.А. Комаровский В.К. Цераский В.К. Рот П.А. Минаков	А.Н. Филиппов В.Д. Шервинский М.М. Покровский В.К. Поржезинский

³⁵⁶ Журналы заседаний Совета Московского университета // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 249. Д. 1. Л. 1-177.

³⁵⁷ Жирным шрифтом выделены Председатели каждого из составов.

№	Учебный год	Судьи	Кандидаты в судьи
		Д.Ф. Егоров	Н.С. Суворов
4	1908/1909	Л.А. Комаровский М.М. Покровский В.К. Цераский А.Н. Филиппов П.А. Минаков	Д.Ф. Егоров В.К. Поржезинский В.Д. Шервинский Н.С. Суворов И.А. Каблуков
5	1909/1910	А.Н. Филиппов М.М. Покровский В.К. Цераский Д.Ф. Егоров И.А. Каблуков	В.С. Гулевич В.Д. Шервинский В.К. Поржезинский С.В. Познышев В.К. Мальмберг
6	1910/1911	М.М. Покровский И.А. Каблуков А.И. Елистратов С.В. Познышев В.Д. Шервинский	В.К. Поржезинский В.К. Мальмберг А.А. Эйхенвальд С.И. Чирвинский М.И. Голенкин
7	1912/1913	С.В. Познышев С.И. Чирвинский В.К. Мальмберг М.И. Голенкин А.Н. Филиппов	А.Н. Филиппов Г.А. Кожевников В.К. Поржезинский А.П. Губарев П.П. Гензель
8	1913/1914	С.В. Познышев С.И. Чирвинский В.К. Мальмберг М.И. Голенкин А.Н. Филиппов	С.И. Соболевский П.П. Гензель Г.А. Кожевников А.П. Губарев В.К. Поржезинский
9	1914/1915	С.В. Познышев А.Н. Филиппов С.И. Чирвинский М.И. Голенкин В.К. Мальмберг	С.И. Соболевский В.К. Поржезинский А.И. Елистратов Г.А. Кожевников А.П. Губарев
10	1915/1916	А.Н. Филиппов С.И. Чирвинский М.И. Голенкин А.И. Елистратов С.И. Соболевский	В.К. Мальмберг Г.А. Кожевников А.Л. Байков В.К. Поржезинский Г.С. Фельдштейн
11	1916/1917	А.Н. Филиппов М.И. Голенкин А.И. Елистратов С.И. Чирвинский С.И. Соболевский	А.Л. Байков Г.А. Кожевников В.К. Поржезинский Г.С. Фельдштейн С.А. Котляровский

**Приложение № 16. Решения по вопросам применения к обучающимся вузов
Российской Федерации дисциплинарных взысканий**

№	Суд, принявший решение	Требования лица, обратившегося в суд	Позиция суда по заявленным требованиям
1.	<p>Алтайский краевой суд (Алтайский край)</p> <p>Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 2 июня 2015 г. по делу № 33-5044/2015</p>	<p>Прокурор обратился в суд в интересах С.Н.В. с иском о признании незаконным приказа Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Алтайский государственный педагогический университет» в части отчисления С.Н.В. из образовательного учреждения; о восстановлении С.Н.В. в числе студентов.</p>	<p>Истец была отчислена из числа студентов незаконно. Ответчиком был нарушен порядок сдачи ею академической разницы и академической задолженности, на учебное заведение возложена обязанность предоставить С.Н.В. возможность ликвидации академической задолженности путем определения порядка сдачи академической задолженности. Доводы жалобы о несогласии с приведенными выводами суда, судебная коллегия во внимание не принимает, поскольку основаны на ошибочном толковании материального закона, направлены на переоценку правильно установленных обстоятельств по делу. Доводов, влекущих отмену судебного решения, жалоба не содержит, в связи с этим оснований для ее удовлетворения не имеется.</p>
2.	<p>Алтайский краевой суд (Алтайский край)</p> <p>Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 1 июля 2015 г. № 33-5923-2015</p>	<p>П. обратился в суд с иском к Федеральному государственному казенному образовательному учреждению высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» о признании приказа незаконным, восстановлении в числе</p>	<p>Апелляционную жалобу ответчика оставить без удовлетворения в обосновании того, что в результате анализа содержания приказа от ДД.ММ.ГГ *** суд обоснованно пришел к выводу, что отчисление истца было применено в качестве самостоятельного основания для досрочного прекращения образовательных отношений, а не как мера дисциплинарного взыскания.</p>

№	Суд, принявший решение	Требования лица, обратившегося в суд	Позиция суда по заявленным требованиям
		слушателей.	
3.	Решение Ленинского районного суда Санкт-Петербурга № 2-790/2010 от 22.06.2010	Обучающийся отчислен за нарушение правил пожарной безопасности, а также за, нарушение правил проживания в общежитии.	Требование удовлетворено, т.к. отсутствует состав проступка.
4.	Верховный суд Республики Татарстан (Республика Татарстан) Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 25 июня 2015 г. № 33-9331/2015	М.Ю. обратилась в суд с иском к Набережночелнинскому институту (филиалу) Казанского (Приволжского) федерального университета об отмене приказа директора института № 10/642 от 12 декабря 2014 года об отчислении ее из института и восстановлении в учебном заведении.	Решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 17 марта 2015 года по данному делу оставить без изменения, апелляционную жалобу директора Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» - без удовлетворения руководствуясь тем, что согласно пункту 8.17 Правил внутреннего распорядка университета дисциплинарное взыскание в виде отчисления из КФУ (его обособленного учебного структурного подразделения) налагается исключительно ректором КФУ по представлению полномочных руководителей соответствующих подразделений, но в отношении М.Ю., в нарушение указанных требований, произошло отчисление из КФУ не в результате приказа ректора по представлению руководителя филиала, а на основании приказа директора Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета.
5.	Волгоградский областной суд (Волгоградская область)	Гражданин М.А.Г обратился в суд с апелляционной жалобой на решение	Решение Центрального районного суда г. Волгограда от 5 декабря 2013 года оставить без изменения, апелляционную жалобу М.А.Г. -

№	Суд, принявший решение	Требования лица, обратившегося в суд	Позиция суда по заявленным требованиям
	Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 26 февраля 2014 г. № 33-2213/14	Центрального районного суда г. Волгограда от 5 декабря 2013 года, которым отказано в удовлетворении исковых требований М.А.Г. к Федеральному государственному бюджетному образовательному учреждению высшего профессионального образования «РАНХиГС» о признании приказа об отчислении незаконным, восстановлении в учебном заведении.	без удовлетворения, обосновывая это тем, что ссылка М.А.Г на нарушение судом требований действующего законодательства и его прав не обоснована, а доводы о том, что в отношении М.А.П. руководством учебного заведения допущены действия дискриминационного характера носят голословный характер
6.	Воронежский областной суд (Воронежская область) Апелляционное определение Воронежского областного суда от 9 октября 2014 г. № 33-5431	Гражданин Р.Е.А. обратился в суд с иском к государственному бюджетному образовательному учреждению высшего профессионального образования "Воронежская государственная медицинская академия имени Н.Н. Бурденко" Министерства здравоохранения Российской Федерации о признании незаконным и отмене приказа ректора № 244-С от 19 марта 2014 года, возложении обязанности восстановить в контингент студентов.	Суд решил, что аргументы ответчика не содержат достаточно бесспорных доказательств в подтверждение указанных обстоятельств, поэтому его действия нельзя признать законными. Суд удовлетворил исковое требование Р.Е.А. Признал приказ ректора 244-С незаконным. Суд обязал государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Воронежская государственная медицинская академия имени Н.Н. Бурденко» восстановить Р.Е.А. в контингент студентов академии.
7.	Иркутский областной суд (Иркутская область)	Гражданин С.Г.В. обратился в апелляционном порядке	Суд первой инстанции правомерно указал, с учетом положений п. 27 ч. 1 ст. 34 ФЗ

№	Суд, принявший решение	Требования лица, обратившегося в суд	Позиция суда по заявленным требованиям
	<p>Апелляционное определение Иркутского областного суда от 11 февраля 2016 г. по делу № 33-1502/2016</p>	<p>судебную инстанцию с иском к Федеральному государственному бюджетному образовательному учреждению высшего профессионального образования «Московский государственный лингвистический университет» о признании приказа об отчислении недействительным, приостановлении действий обжалуемых приказов и распоряжений, восстановлении для дальнейшего обучения, взыскании денежных средств, компенсации морального вреда.</p>	<p>"Об образовании в Российской Федерации", предоставляющей для дальнейшего обучения, взыскании денежных средств, компенсации морального вреда, обучающимся право на совмещение получения образования с работой без ущерба для освоения образовательной программы, выполнения индивидуального учебного плана, законодательно закреплен приоритет учебного процесса перед работой. В связи с этим занятость истца на работе уважительной причиной наличия академической задолженности признана быть не может. Доводы истца об отсутствии у директора филиала права расторгать от имени ФГБОУ ВПО МГЛУ договоры не могут служить основанием к отмене решения суда. К возражениям на жалобу ответчиком представлена копия доверенности, подтверждающей наличие соответствующих полномочий в спорный период. Суд определил: решение Кировского районного суда г. Иркутска от 8 октября 2015 года по настоящему делу оставить без изменения, апелляционную жалобу С.Г.В. - без удовлетворения.</p>
8.	<p>Костромской областной суд (Костромская область)</p> <p>Апелляционное определение Костромского областного суда от 9 июля 2014 г. № 33-1078</p>	<p>Обжалован приказ ФГБОУ ВПО «Костромской государственной технологической университет» от в части отчисления А.Э. А.Э. восстановлен в числе студентов 4 курса юридического института ФГБОУ ВПО</p>	<p>Суд пришел к законному и обоснованному выводу о том, что А.Э. подлежит восстановлению в числе студентов 4 курса юридического института ФГБОУ ВПО «Костромской государственной технологической университет». Довод апелляционной жалобы о том, что судом при рассмотрении дела допущены процессуальные</p>

№	Суд, принявший решение	Требования лица, обратившегося в суд	Позиция суда по заявленным требованиям
		«Костромской государственной технологической университет».	нарушения. С ФГБОУ ВПО «Костромской государственной технологической университет» в доход бюджета городского округа город Кострома взыскана государственная пошлина в размере <данные изъяты>. нарушения, не может повлечь отмену законного и обоснованного решения по следующим основаниям. На основании изложенного решение суда является законным и обоснованным и отмене по доводам апелляционной жалобы не подлежит.
9.	<p>Московский городской суд (город федерального значения Москва)</p> <p>Апелляционное определение Московского городского суда от 12 февраля 2015 г. № 33-4539/2015</p>	<p>Истец К. обратился в суд с иском к ответчику Государственному бюджетному образовательному учреждению высшего профессионального образования «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации и просит суд отменить приказ № 743-СТ от 30.06.2014 г. об отчислении с третьего курса лечебного факультета очной формы обучения, восстановить его в числе студентов третьего курса лечебного факультета.</p>	<p>Судебная коллегия определила, что решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 13 ноября 2014 года оставить без изменения, апелляционную жалобу истца К. - без удовлетворения в обосновании того, что проведенная судебной коллегией проверка законности решения суда по доводам жалобы свидетельствует о том, что судом при рассмотрении дела правильно установлены юридически значимые обстоятельства, доказательствам дана надлежащая оценка, закон применен правильно, а все доказательства по делу судом оценены в соответствии с правилами ст. ст. 55, 67 ГПК РФ. Повода для их иной оценки судебная коллегия не усматривает. Доказательств, опровергающих выводы суда, автором жалобы в суд апелляционной инстанции не представлено.</p>
10.	Московский городской суд	Обжалован приказ от 29 сентября 2014 года №	Руководствуясь ст. 328, 330 ГПК РФ судебная коллегия

№	Суд, принявший решение	Требования лица, обратившегося в суд	Позиция суда по заявленным требованиям
	<p>(город федерального значения Москва)</p> <p>Апелляционное определение Московского городского суда от 24 июля 2015 г. № 33-22693/2015 г.</p>	<p>***** проректора по учебной и методической работе ФГАОУ ВПО «Московский физико-технический институт (государственный университет)» об отчислении студента 2 курса бакалавриата 342 группы очной формы обучения факультета молекулярной и химической физики В.Н.</p>	<p>определила: Решение Зюзинского районного суда г. Москвы от 07 апреля 2015 года - отменить. Постановить по делу новое решение: в удовлетворении исковых требований ***** В.Н. к ФГАОУ ВПО "Московский физико-технический институт (государственный университет)" об отмене приказа « ***** от 29 сентября 2014 года об отчислении и восстановлении в число студентов - отказать.</p>
11.	<p>Московский городской суд (город федерального значения Москва)</p> <p>Апелляционное определение Московского городского суда от 4 февраля 2015 г. № 33-3458/2015</p>	<p>Представителем ответчика - ГБОУ ВПО "Российским национальным исследовательским медицинским университетом имени Н.И. Пирогова" Волковой Е.Д была подана апелляционная жалоба на решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 20 октября 2014 года, которым постановлено, что отчисление студента лечебного факультета 1-го курса является незаконным и Учебное заведение обязано восстановить студента и ликвидировать академическую задолженность. Кроме того, суд обязал Учебное заведение выплатить ущемленному в правах студенту компенсацию морального вреда.</p>	<p>Судебная коллегия определила: решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 20 октября 2014 оставить без изменения, а апелляционную жалобу представителя ответчика Волковой Е.Д – без удовлетворения, высказав свое согласие на решение суда первой инстанции, согласно которому приказ об отчислении В.А. Трусова был издан с нарушением положения действующего законодательства и п.2.17 Положения об организации контроля знаний студентов Университета, поскольку на момент начала промежуточной сессии Трусов имел только один «незачет», возможности для ликвидации академической задолженности по дисциплине «анатомия» Трусову не было предоставлено, в связи с чем суд удовлетворил исковые заявления истца.</p>

№	Суд, принявший решение	Требования лица, обратившегося в суд	Позиция суда по заявленным требованиям
12.	<p>Московский городской суд (город федерального значения Москва)</p> <p>Апелляционное определение Московского городского суда от 4 февраля 2015 г. № 33-3457/2015 г.</p>	<p>Представителем ответчика ГБОУ ВПО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России была подана апелляционная жалоба на решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 20 октября 2014 года, которым установлено, что отчисление студента первого курса лечебного факультета является незаконным.</p>	<p>Решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 20 октября 2014 года - оставить без изменения, апелляционную жалобу - без удовлетворения. Суд первой инстанции, рассмотрев фактическую составляющую дела пришел к выводу о том, что студента отчислили незаконно, руководствуясь ч. ч. 1 - 6 ст. 58 Федерального закона № 273-ФЗ от 29.12.2012 года «Об образовании в Российской Федерации», поскольку на момент начала промежуточной аттестации студент имел два неачета, а возможности для ликвидации задолженности не были предоставлены.</p>
13.	<p>Московский городской суд (город федерального значения Москва)</p> <p>Апелляционное определение Московского городского суда от 22 декабря 2014 г. № 33-37960</p>	<p>Об обжаловании приказа от 07.11.2013 г. № 1146ст об отчислении П.Г. в качестве студента ГБОУ ВПО «Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова».</p>	<p>Судебная коллегия определила: Решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 18 июня 2014 г. отменить. Принять по делу новое решение. Обязать ГБОУ ВПО "Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова" в течение двух дней после вступления решения в законную силу отменить приказ от 07.11.2013 г. № 1146ст об отчислении П.Г..... Восстановить П.Г. в качестве студента ГБОУ ВПО "Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова" с 07.11.2013 г.</p>
14.	<p>Московский городской суд (город федерального значения Москва)</p> <p>Апелляционное определение Московского</p>	<p>ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» подала апелляцию на судебное решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 10 июня 2014 г. в котором</p>	<p>Судебная коллегия Московского городского суда по гражданским делам определила: Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 10 июня 2014 г., отменить. Вынести по делу новое решение, которым в удовлетворении иска</p>

№	Суд, принявший решение	Требования лица, обратившегося в суд	Позиция суда по заявленным требованиям
	городского суда от 20 ноября 2014 г. № 33-43376	Суд обязал учебное заведение восстановить студента и признал приказ об отчислении незаконным.	Жаркова Виталия Игоревича к ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» о признании приказов об отчислении незаконными, восстановлении в качестве студента, компенсации морального вреда, отказать. Основаниями для нового решения являются: 43 ФЗ Об образовании в РФ, где сказано, что учащийся должен добросовестно осваивать учебную программу; также учебная организация имеет право издавать свои локальные нормативные акты. Анализируя то, что Жаркову был ошибочно выдан академический отпуск, и он не изучал образовательную программу без уважительных на то причин, можно прийти к выводу о том, что приказ об отчислении полностью соответствует закону.
15.	Решение Псковского городского суда Псковской области №2-2591/2019 от 9.07.2019	Обучающийся отчислен за наличие академической задолженности.	В удовлетворении требования отказано.
16.	Омский областной суд (Омская область) Апелляционное определение Омского областного суда от 17 декабря 2014 г. № 33-8206/2014	Ш.Л. обратился в суд с иском к ГБОУ ВПО «Омская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения РФ о восстановлении в учебном учреждении.	Суд определил: решение Центрального районного суда города Омска от 14 октября 2014 года оставить без изменения, апелляционную жалобу истца Ш.Л. и его представителя Ш.А. - без удовлетворения, в связи с теми фактами, что истец трижды отчислялся из учебного учреждения, поскольку систематически отсутствовал на занятиях, интереса к обучению не проявлял, нарушал график промежуточной аттестации. Опираясь на локальные нормативные акты медицинской академии, трижды отчисленный не может быть восстановлен по

№	Суд, принявший решение	Требования лица, обратившегося в суд	Позиция суда по заявленным требованиям
17.	<p>Ростовский областной суд (Ростовская область)</p> <p>Апелляционное определение Ростовского областного суда от 2 декабря 2014 г. по делу № 33-16089/2014</p>	<p>К.М. обратился в суд с иском к ГБОУ МЗРФ "Ростовский государственный медицинский университет" о признании незаконным и отмене приказа об отчислении из университета, обязанности восстановить в числе студентов.</p>	<p>образовательной программе.</p> <p>Суд определил, что решение Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону от 28 августа 2014 года - оставить без изменения, а апелляционную жалобу К.М. - без удовлетворения, так как в соответствии со ст. 30 Федерального закона № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" образовательная организация принимает локальные нормативные акты, содержащие нормы, регулирующие образовательные отношения в пределах своей компетенции, в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном ее Уставом. Как раз-таки, медицинский университет в своем локальном нормативном акте установил следующее: п. 3.1. Положения студент обязан добросовестно осваивать образовательную программу. Указанные обязанности должны выполнять все обучающиеся студенты Университета вне зависимости от наличия у них инвалидности. Однако К.М. имел академические задолженности, что не допустимо в данном образовательном учреждении и противоречит локальному нормативному акту.</p>
18.	<p>Санкт-Петербургский городской суд (город федерального значения Санкт-Петербург)</p> <p>Апелляционное определение Санкт-</p>	<p>К. обратился в суд с требованием о признании незаконным бездействие ректора, которое выразалось в непредоставлении заявителю приказа об отчислении и в неознакомлении и</p>	<p>Судебная коллегия по административным делам Санкт-Петербургского городского суда определила Решение Петроградского районного суда Санкт-Петербурга от 28 октября 2014 года по настоящему делу оставить без изменения, апелляционную жалобу - без</p>

№	Суд, принявший решение	Требования лица, обратившегося в суд	Позиция суда по заявленным требованиям
	<p>Петербургского городского суда от 2 февраля 2015 г. № 33-382/2015</p>	<p>непредставлении копий документов, послуживших основанием для отчисления из Университета, кроме того К. хотел обязать ректора Университета разместить в СМИ официальные извинения.</p>	<p>удовлетворения. вопреки доводам заявителя, на его обращение, поступившее 13.03.2014, ректором <...> Б. был дан ответ 01.04.2014 г., содержащий в полном объеме запрашиваемую К. информацию. Довод заявителя о том, что ответ на его обращение был необоснованно направлен по адресу общежития, в котором он, как отчисленный студент не имел права проживания, не принимается судебной коллегией во внимание, поскольку данный адрес был указан заявителем в его обращении. Судебная коллегия, соглашаясь с судом первой инстанции, не усматривает правовых оснований для удовлетворения требований К., о признании незаконным бездействия ректора Университета, выразившихся в неознакомлении и непредставлении копий документов, послуживших основанием для отчисления заявителя.</p>
19.	<p>Апелляционное определение Калининградского областного суда №33-663/2018 от 25.01.2018</p>	<p>Обучающийся отчислен за нарушение Правил внутреннего трудового и учебного распорядка, выразившееся в проявлении неуважения к закону и суду в публичном пространстве.</p>	<p>В удовлетворении требования отказано.</p>
20.	<p>Хабаровский краевой суд (Хабаровский край) Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 4</p>	<p>Ф. обратилась в суд иском об отмене приказа № от 23.10.2014 г. об отчислении из учебного заведения за академическую неуспеваемость и</p>	<p>Судебная коллегия по гражданским делам Хабаровского краевого суда определила решение Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 08.06.2015 г. по делу по иску Ф. Об отчислении из учебного заведения за академическую</p>

№	Суд, принявший решение	Требования лица, обратившегося в суд	Позиция суда по заявленным требованиям
	сентября 2015 г. № 33-5718/2015	восстановлении в качестве студента учебного заведения.	неуспеваемость и восстановлении в качестве студента учебного заведения, оставить без изменения, апелляционную жалобу представителя истца, без удовлетворения. Отчисление признано правомерным, поскольку истицей не представлено доказательств наличия уважительных причин, объективно препятствовавших исполнению установленных уставом учреждения и законом обязанностей добросовестно осваивать образовательную программу, выполнять учебный план, осуществлять самостоятельную подготовку к занятиям, выполнять задания.
21.	Решение Кировского районного суда Санкт-Петербурга №2-3676/2018 от 17.10.2018	Обучающийся отчислен за нарушение правил внутреннего распорядка (в т.ч. за избиение).	В удовлетворении требования отказано.
22.	Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда №33-23512/2016 от 08.11.2016 по делу №2-2694/2016.	Студент, отчисленный из университета за академическую неуспеваемость, утверждает, что учебным заведением неправомерно не была предоставлена возможность прохождения повторной промежуточной аттестации в целях ликвидации академической задолженности. Требование: О признании незаконным приказа об отчислении, взыскании убытков, компенсации	В удовлетворении требования отказано.

№	Суд, принявший решение	Требования лица, обратившегося в суд	Позиция суда по заявленным требованиям
		морального вреда.	
23.	Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда №33-3639/2016 от 03.03.2016 по делу №2-6540/2015	Обстоятельства: обучающийся отчислен за академическую неуспеваемость. Требование: О признании незаконным приказа об отчислении, восстановлении в числе студентов, обязанности допустить к учебному процессу, обязанности издать приказ об отчислении в связи с переводом в другое высшее учебное заведение, взыскании компенсации морального вреда.	В удовлетворении требования отказано, поскольку представленная студентом справка о переводе в иное образовательное учреждение не соответствовала установленным требованиям, студент отчислен за академическую неуспеваемость.
24.	Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда №33-17105/2016 от 29.08.2016 по делу №2-92/2016	Обстоятельства: Сторонами был заключен ученический договор на переподготовку на новый тип воздушного судна. Истец указывает, что выполнял все предъявляемые требования, дисциплинарных взысканий не имел. Требование: О признании приказа об отчислении незаконным и восстановлении в учебном заведении.	В удовлетворении требования отказано.
25.	Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда №33-26360/2016 от 20.12.2016	Обстоятельства: Истец считает неправомерным отчисление из образовательного учреждения высшего профессионального образования за академическую	В удовлетворении требования отказано.

№	Суд, принявший решение	Требования лица, обратившегося в суд	Позиция суда по заявленным требованиям
		<p>неуспеваемость, поскольку в течение учебного года ему не была предоставлена возможность прохождения повторной промежуточной аттестации в целях ликвидации академической задолженности. Требование: О признании незаконным приказа об отчислении, обязанности восстановления в списках студентов.</p>	
26.	<p>Апелляционное определение Вологодского областного суда №33-1081/2014 от 05.03.2014</p>	<p>Обучающаяся была отчислена из Университета за получение неудовлетворительной оценки на государственной итоговой аттестации, что подтверждается приказом ректора Требование: продлить действие договора на обучение, отменить приказ об отчислении.</p>	<p>В иске о продлении действия договора на обучение, отмене приказа об отчислении отказано правомерно, так как несогласие истца с отзывом на выпускную квалификационную работу не является основанием для удовлетворения заявленных требований.</p>
27.	<p>Апелляционное определение Вологодского областного суда №33-6371/2016 от 18.11.2016</p>	<p>Обстоятельства: Оспариваемым приказом истец был отчислен из числа студентов за нарушение правил поведения и проживания студентов в общежитии и использование нецензурных выражений в присутствии работников ответчика. Требование: О</p>	<p>В удовлетворении требования отказано.</p>

№	Суд, принявший решение	Требования лица, обратившегося в суд	Позиция суда по заявленным требованиям
		признании незаконным и отмене приказа об отчислении, восстановлении на обучении.	
28.	Апелляционное определение Верховного Суда Республики Коми №33-6919/2018 от 06.12.2018	На обучающегося наложено дисциплинарное взыскание в виде отчисления за просрочку оплаты стоимости образовательных услуг.	В удовлетворении требования отказано.
29.	Определение Санкт-Петербургского городского суда №33-12421/2014 от 21.08.2014	Обучающийся отчислен за нарушение правил внутреннего распорядка.	В удовлетворении требования отказано.
30.	Решение Киришского городского суда Ленинградской области №2-1109/2016 от 27.12.2016	На обучающегося наложено дисциплинарное взыскание в виде отчисления за просрочку оплаты стоимости образовательных услуг.	В удовлетворении требования отказано.

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Manuscript copyright

Suyazov Vyacheslav Valerievich

**DISCIPLINARY COURTS
OF IMPERIAL ST. PETERSBURG (PETROGRAD)
AND MOSCOW UNIVERSITIES (1902-1917):
HISTORICAL AND LEGAL ASPECT**

Scientific specialization 12.00.01 – Theory and history of law and state;
history of law and state theories

Candidate of legal sciences thesis

Translation from Russian

Academic supervisor:

Candidate of legal sciences, docent,

Ilyin Andrey Vitalievich

St. Petersburg

2020

Table of Contents

Introduction	208
 Chapter 1. Legal nature of the professorial disciplinary court	
§ 1.1. General theoretical and legal provisions on the court, fairness and justice.	216
§ 1.2. Professorial disciplinary court in comparison with the system of judicial bodies of pre-revolutionary Russia and modern bodies of disciplinary power in universities.....	231
 Chapter 2. Creation of a professorial disciplinary court at higher education institutions of the Ministry of public education	
§ 2.1. The preparation of the reform	248
§ 2.2. Normative regulation of the activity of the professorial disciplinary court in higher educational institutions of the Ministry of public education	289
 Chapter 3. Activity of professorial disciplinary courts of the Imperial Saint Petersburg (Petrograd) and Moscow universities	
§ 3.1. Professorial disciplinary court of the Imperial Saint Petersburg (Petrograd) University	297
§ 3.2. Professorial disciplinary court of the Imperial Moscow University	318
 Conclusion	 331
Bibliography	335
Appendices	350

INTRODUCTION

Relevance of the research topic. The role of universities in ensuring the progressive development of the country cannot be overestimated. L.I. Petrazhitsky, emphasizing their significant role for the prosperity of society, characterized the university as follows: "union of thinkers and scientists, scientific institution, center of scientific creativity and light"³⁵⁸. At the present stage of development of higher education in the Russian Federation special attention is paid to students in higher education institutions. Along with university teachers, scientists, and managers, students are an integral part of the academic community, and the largest.

In any sustainable community norms and rules of behavior have a significant impact on its members. At the university students not only get new knowledge, but also in many ways are exposed to a multi-faceted educational impact. It is designed to instill students with the skills of optimal behavior in the university and professional environment, ensuring their development as a high-level specialist. However, the organization of education and upbringing in large youth groups is inevitably not an easy task. It requires taking into account many contradictory circumstances, including the ambiguous processes of formation of a young person's personality, his personality and the requirements of the team, and finally, a variety of external factors, including non-university social and political life.

Therefore, it is natural that in higher education institutions in Russia in certain periods there were special corporate bodies that were engaged in the analysis of student misconduct. Their purpose was not only to punish the student for an illegal or immoral act, but also to take into account the characteristics associated with his status as a student, as well as the characteristics of his personality. After all, the members of such institutions were teachers who were directly involved in the formation of young minds.

³⁵⁸ Petrazhitsky L.I. University and science (experience of theory and technology of university business and scientific self-education) // University question in Russia / comp. and author of intr. art. E.A. Sukhanov. Moscow: Statute. 2017. P. 28.

Currently, there are no similar bodies in Russian universities, although these academic communities continue to complicate their structure. This makes it difficult to resolve the inevitable conflict situations – both between students themselves and between students and teachers. The study of the history of national legislation on university education is highly relevant, as it creates the possibility of taking into account the positive experience of the past in the legal regulation of modern higher education institutions. No less interesting is the identification of the legal nature of such institutional entities, which operated within universities, but were often referred to as courts and actually had the characteristics of judicial bodies in terms of resolving disputes.

Previous research on the subject. The legal basis of the professorial disciplinary courts of the two metropolitan universities of the Russian Empire, as well as their activities, is still practically not studied. To date it has been possible to identify only three compact scientific publications that are more or less devoted to the study of the professorial disciplinary court. Recognized experts in the field of criminal law, teachers of the faculty of law of Moscow state university named after M.V. Lomonosov L.V. Golovko and N.V. Ilyutchenko published in 2004 an article that limited itself to a generalized description of the professorial disciplinary court of the Imperial Moscow University; this publication, for obvious reasons, does not affect the activities of a similar court at the Imperial Saint Petersburg (Petrograd) University³⁵⁹. In turn, the article by the historian M.V. Fadeeva attempts to justify the supervisory function of the professorial disciplinary court in relation to students, although not from the position of jurisprudence³⁶⁰. T.I. Eremina in her scientific work touches on the concept of university jurisdiction, but does not consider separately the professorial disciplinary court for its legal status and place in the judicial system of the Russian Empire at the beginning of the XX century³⁶¹.

³⁵⁹ Golovko L.V., Ilyutchenko N.V. The professorial disciplinary court at the Imperial Moscow University // Bulletin of the Moscow University. Series "Law". 2004. № 2. P. 94.

³⁶⁰ Fadeeva M.V. Students of the Moscow Imperial University in the legal field of the Russian Empire: under the supervision of three instances // The issue of education. 2016. № 4. P. 251.

³⁶¹ Eremina T.I. From the history of independent jurisdiction of the Russian university corporation in the XIX century. Novopolotsk: Novopolotsk state university. 2017. P. 40; Judicial legal policy in Russia and foreign

The establishment of the next body with the name "court" fit perfectly into the judicial system "pluralism" of tsarist Russia. However, it is precisely this legal discord, the parallel existence of rudiments of previous eras and bodies that embodied the most advanced trends in the field of justice for their time, that acutely raise the question of the legal nature of professorial disciplinary courts.

This problem is not addressed in the legal doctrine³⁶². This is partly due to the fact that neither during the preparation of regulations concerning the professorial disciplinary court, nor during their existence, the definition of this body as a court and its members as judges wasn't discussed. At the same time, it is necessary to turn to the analysis of the provisions of legislation on the judicial system in force both at the time of the establishment of courts and in our time.

Chronological framework of the research. The basic chronological framework of the study covers the period from 1902 to 1917, i.e. from the establishment of professorial disciplinary courts to their actual abolition. In addition, in the comparative legal aspect is also discretely touched upon the period since 1804, when the first General charter of universities was adopted, containing provisions on internal disciplinary proceedings against representatives of the University Corporation, and modern procedures for bringing students to disciplinary responsibility. Also, in the comparative legal aspect, the current stage of development of relations in the field of educational law and, above all, the intra-university procedure for bringing students to disciplinary responsibility is also touched upon.

The purpose of the research is to identify the legal bases and main

countries: a Collective monograph / ed. by A.A. Dorskaya. St.Petersburg: Asterion, 2019. P. 226-234 (§ 10 of Chapter II "University court as a manifestation of independent jurisdiction of the University Corporation"; author T.I. Eremina).

³⁶² For example, Lon Fuller's study "The Moral of law" describes a situation where king Henry VIII in an act of gift later approved as an act of the Parliament of England, granted the Royal College of medicine broad powers to license and regulate the practice of medicine in London. In particular, the College was given the right to investigate violations of its regulations and impose penalties ranging from fines to imprisonment. Thomas Bonham, doctor of medicine of the University of Cambridge, opened a medical practice in London without a certificate from King's College. The College reviewed his case, and Dr. Bonham was fined and jailed. Dr. Bonham filed a lawsuit against wrongful imprisonment, after which the court overturned his sentence on the basis of common law provisions. Unfortunately, the famous American scientist did not comment on this incident and the legal nature of such powers of the College (Fuller L. "The Morale of law", 2007. P. 122).

directions of activity of professorial disciplinary courts in the Imperial St. Petersburg (Petrograd) and Moscow universities for the entire period of their existence from 1902 to 1917. Accordingly, the following **research tasks** are set:

- to determine the legal nature of the professorial disciplinary court;
- to determine the reasons for the establishment of professorial disciplinary courts in the reign of Emperor Nicholas II;
- to consider the preparation and publication of the normative legal acts regulating the activities of the professorial disciplinary courts;
- determine the place and role of the professorial disciplinary court in the system of bodies of the metropolitan Imperial universities;
- analyze the powers of professorial disciplinary courts and the specifics of their activities in the metropolitan Imperial universities;
- describe the principles of formation of the professorial disciplinary court and its personnel.

Methodological basis of the research. In the course of the research was used a complex of general scientific methods (system, structural and functional, logical-analysis and synthesis, deduction and induction, etc.) and special methods of cognition, primarily historical – legal, formal-legal (dogmatic), sociological, structural-functional, comparative-legal, statistical. The choice and use of a particular method or their combination was determined by the criteria of scientific objectivity and the features of the research tasks to be solved. Thus, in the process of collecting, evaluating and sorting normative and documentary materials, studying special literature, historical-legal and comparative-legal methods prevailed, and in the study of actual material-specific sociological, dogmatic and comparative-legal methods, methods of statistical processing; finally, at the stage of drawing conclusions – the logical method of research prevailed.

The empirical basis of the research was primarily archival documents describing the process of establishment, legal status and activities of professorial disciplinary courts on the example of the metropolitan Imperial universities. Documents on the subject of the research identified in the funds of Russian state

historical archive in St. Petersburg (RSHA), the Central state historical archive of St. Petersburg (CSHA of SPb), the Central historical archive of Moscow (CHA of Moscow), the State historical archive of Leningrad region (SHA of LR), the archive of Scientific library named after M. Gorky of St. Petersburg State University. The selection of documents was determined by the requirements of completeness and complexity of the study, so all the preserved and identified protocols were used with the decisions of the disciplinary court of the Imperial Saint Petersburg (Petrograd) University in respect of 208 students and the decisions of the disciplinary court of the Imperial Moscow University in respect of 158 students. In addition, for the purpose of comparative legal analysis, 30 decisions of courts of General jurisdiction for the period from 2010 to 2019 were studied in cases related to appeals against decisions of higher education institutions on the application of disciplinary penalties against students. As a source of factual data, scientific publications related to the research topic are also used, in particular, on the concept of court, justice and fairness, on the legal status of students in the early XX century, on the status of higher education institutions in the period before the revolution of 1917, on the theory of judicial power and justice, biographies of members of professorial disciplinary courts of Imperial universities in both capitals, as well as modern research in the field of educational law.

The scientific novelty of the presented work is as follows:

- This dissertation is the first comprehensive historical and legal research in Russian science, which reveals the features of the legal nature of the professorial disciplinary court, including the features of its formation, the status of arbitrators, competence, role and place in the judicial system of the Russian Empire at the beginning of the XX century.
- The author based on a wide range of sources comprehensively investigated the activities of the disciplinary courts of two metropolitan universities, that currently have a special status in accordance with the Federal law "On Moscow State University named after M.V. Lomonosov and St. Petersburg State University"

dated November 10, 2009, № 259-FZ.

- The process of forming the concept of a professorial disciplinary court as one of the elements of University autonomy is considered in detail.
- A comparison between the professorial disciplinary court and the current institutions for resolving cases related to disciplinary offenses of students in higher education institutions, including an analysis of law enforcement practice in the field of educational law, was made for the first time.
- 56 previously unquoted documents directly related to the subject of this research have been put into scientific circulation in archives of Saint Petersburg and Moscow.

Theoretical and practical significance of the research. The materials and conclusions of the research can be used in the preparation of scientific papers, textbooks and lectures on the history of law and the state, judicial law, university autonomy and educational law of Russia. As a result of the research, the following **conclusions** are made, which are submitted for thesis defense:

1. The function of resolving legal conflicts in society is performed by both courts and quasi-judicial bodies. With an expanded interpretation of justice as an activity for the fair resolution of legal conflicts in order to restore violated rights it is possible to extend it to the activities of quasi-judicial bodies. Fairness, however, is specific, applicable to individuals, and not to the rule of law as a whole. In this case, the activities of quasi-judicial bodies represent not the authority of the state as a system of public administration – the state apparatus, but the state-organized society as a whole.

2. The professorial disciplinary court had a mixed legal status. It was not part of the system of state courts, but it administered justice in its broadest sense. Members of the professorial disciplinary court were not given a set of judicial guarantees and privileges, but only received additional functions along with the status of a university professor. It was created in the higher educational institution of the Ministry of public education as a closed corporation, the participants of which

were the academic community. The only task of such a court was to try students' disciplinary offenses, and the penalties applied to them were solely related to the status of the student.

3. During the developing the Temporary rules on professorial disciplinary courts of August 24, 1902, the initiators of the reform pursued the following goals of regulating legal relations in the field of higher education:

3.1. *Organizational-legal*: remove the burden from the university administration, which could not properly deal with cases of student misconduct due to the presence of many other functions;

3.2. *Judicial-legitimation*: the creation of a specialized body, whose sole task was to try students for misconduct, gave students a certain set of procedural guarantees and confidence that the court's decision would be fair against them; judges were elected by professors who had considerable authority in the academic environment, which increased the students' confidence in the Court's decisions;

3.3. *Political-propaedeutic*: the establishment of professorial disciplinary courts was a concession to the students and the liberal-minded part of the faculty by the Ministry of public education and became an important element in the transition to methods of indirect influence on the situation in the student environment. At the same time, the Imperial bureaucracy actually assigned the university the functions of controlling students, using their status as teachers who had a significant influence on the minds of young people.

4. The professorial disciplinary court is not a punitive institution created to suppress political activity of students. On the contrary, its establishment was a step towards restoring certain elements of university autonomy lost after the adoption of the University Charter of 1884.

5. At the present time Russian legal system does not provide the institutions (bodies), similar to the professorial disciplinary court. At the same time, there are other institutions that have the authority to resolve the issue of bringing students to disciplinary responsibility. Together they provide a sufficient set of guarantees in relation to students being disciplined.

Approbation of the findings obtained. The results of the research were published in the following issues of journals included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of dissertations for the degree of candidate of legal sciences should be published:

1. Suyazov V.V. The emergence and activity of the disciplinary court of the Imperial Saint Petersburg University (1902-1917) / V.V. Suyazov // History of state and law. 2017. № 12. P. 25–30.

2. Suyazov V.V. Guarantees of the rights of students when applying disciplinary measures to them: history and modernity / V.V. Suyazov, A.A. Trofimov // Education and law. 2018. № 7. P. 203–216.

3. Suyazov V.V. Justice, fairness and professorial disciplinary court in the Russian Empire / V.V. Suyazov // Education and law. 2019. № 6. P. 224–234.

The results of the research formed the basis for the following reports and presentations at scientific forums:

- Report on "Professorial disciplinary courts in the Imperial universities of Russia" at the interuniversity scientific conference "Evolution of the state: problems of theory and practice" at Russian presidential academy of national economy and public administration (April 12, 2018);
- Participation as a speaker in the round table "Relation between ethical norms and legal norms in the activities of an educational organization", speaker at the International youth legal forum (May 16, 2018).

The research of the concept of fairness in relation to the activities of professorial disciplinary courts is conducted by a dissertation within the project "The concept of fairness in the modern Russian legal system" (19-011-00528 A, 2019-2021, head of the team – D.I. Lukovskaya).

The dissertation was recommended for defense for the degree of candidate of legal sciences following a discussion during a meeting of the Department of theory and history of state and law of Saint Petersburg State University on November 5, 2019.

CHAPTER 1. LEGAL NATURE OF THE PROFESSORIAL DISCIPLINARY COURT

The professorial disciplinary court in higher educational institutions of the Ministry of public education (hereinafter — the Court, Professorial court, PDC) was established on August 24, 1902. Until now, legal science has not considered the question of the legal status of the professorial court, its place not only in the structure of pre-revolutionary universities, but also in the judicial system of the Russian Empire. If we take as a basis the fact that in all official documents it was called nothing but "court", and its members — "judges", then did the professorial court carry out justice? Was it part of the system of judicial authorities? Were the members of the professorial court "judges"? The answers to these questions are far from clear, but without their consideration it is impossible to determine the legal nature of the Professorial court.

§ 1.1. General theoretical and legal provisions on the court, fairness and justice

A. Court. Any community assumes the possibility of conflicts between its members. The ways to resolve them can be violent (for example, duels, armed clashes, wars) and non-violent, including negotiations and various forms of mediation, which have historically developed into arbitration and court³⁶³.

Along with the evolution of society, ideas about how and by whom conflicts between its participants should be resolved have also changed. If we look at the history of Russian law, then in the ancient period conflicts were resolved within individual communities by elders using customs based on their ideas of justice and life experience, the purpose of the process was to restore justice for the parties to

³⁶³ Even T. Hobbes noted that "in cases of dispute, the parties must subordinate their right to the decision of the arbitrator. If a man is authorized to be a judge, then natural law dictates that he should judge them impartially. For otherwise disputes between men can only be resolved by war" (Hobbes T. *Leviathan, or the Matter, form, and power of the Church and civil state*. Moscow, 2001. P. 108).

the conflict³⁶⁴. Initially, the idea of justice was expressed in the imposition of punishment on the principle of talion³⁶⁵. Gradually, with the strengthening of the princely power and its spread to new territories it became necessary to unify the rules of conflict resolution³⁶⁶. Decisions on disputes about law were made by the Prince as a bearer of public power, as well as by individual vigilantes who acted on his behalf. If earlier justice was casually limited to the relationship of the victim and his abuser, now it has become more abstract, expressed in the need to restore law and order³⁶⁷. The role of elders fell into the background, and they continued to deal with minor conflicts at the level of individual communities, but only in the part that was not affected by the state³⁶⁸.

The state was represented by specially authorized bodies, acquires a monopoly on resolving conflicts within society, but not all of them, but only those that affect the established legal order. For these purposes a judicial system is created and includes courts as the bodies through which the sovereign exercises its power to resolve legal conflicts (judicial power), as well as judges — officials with a special public status.

Unfortunately, the concepts of "court", "judicial power", "judge" and "justice" are interpreted differently in the doctrine and are often defined one through the other³⁶⁹. A similar situation is observed in legal definitions in normative legal acts. This makes it difficult to distinguish between courts and other

³⁶⁴ Maltsev G.V. Cultural traditions of law. Moscow, 2013. P. 243.

³⁶⁵ Smorgunova V.Yu., Kalinina E.Yu. Evolution of the idea of justice in Russia: from the search for justice to the penalty and back // Legal science: history and modernity. 2019. № 1. P. 186.

³⁶⁶ Duvernois N. L. Sources of law and the court in Ancient Russia. Experiments on the history of Russian civil law. Moscow, 1869. P. 415.

³⁶⁷ We can cite the opinion of I.Ya. Foinitsky: "The court does not serve the private interests of individuals, individual public circles or individual departments, but the general public interests of justice, ... all judicial decisions are decided in the name of the state" (Foinitsky I. Ya. Course of criminal proceedings. SPb., 1996. Vol. 1. P. 8).

³⁶⁸ I.A. Ilyin wrote that "the ancestor or elder, when resolving a dispute, gave everyone a certain imperative that prescribed his further behavior in the disputed issue. The judge's decision received a certain weight and had an impact on the disputants; this was explained, on the one hand, by their trust in his authority, on the other hand, by the fairness of what he ruled" (Ilyin I.A. Theory of law and state. Moscow, 2003. P. 78-79).

³⁶⁹ For example, a well-known expert on criminal procedure and judicial power I.L. Petrukhin interpreted the court as a state body that protects the interests of society and citizens from any encroachments by implementing justice, applying state enforcement measures to persons who violate the established law and order (Legal encyclopedia / ed. by B.N. Topornin. Moscow, 2001. P. 1056 (author of the section - I.L. Petrukhin)).

institutions that resolve legal disputes³⁷⁰.

Of course, state structures dominate the resolution of legal disputes, leaving only certain types of disputes in the jurisdiction of other institutions. Nevertheless, such institutions have existed throughout Russian history, however, with varying degrees of participation in public life. If from the very beginning the state sought to displace them and secure a monopoly on the resolution of all legal disputes, the current trend is the opposite. This is due to many factors, in particular, the excessive workload of courts at all levels, as well as the increasingly clear understanding that in some categories of disputes, other institutions can deal much more effectively than courts that know the art of law, but are far from understanding the actual circumstances of the case³⁷¹. In this research such public institutions will be referred to as *quasi-judicial bodies*.

As a rule, the scientific literature considers individual quasi-judicial bodies in their relation to the national judicial system. At the same time, the emphasis is placed on their "inferiority" in comparison with the courts³⁷². There is no single concept of a quasi-judicial body as a theoretical structure that has a set of features – the emphasis is always on the lack of certain qualities that do not allow them to be attributed to the courts.

What features distinguish a court from a quasi-judicial body? For comparison, we will highlight the following criteria³⁷³:

1. Judicial authority. The relationship between the court and the judicial authority can be approached from different sides: the court as a body included in the judicial system (the institutional aspect), or the court as a body exercising

³⁷⁰ In Russian history, these include, in particular, the court of bratchina, the peasant court, the comrade court, the court of officers' honor, arbitration, and the Institute of Zemstvo district chiefs, introduced in Russia by the law of July 12, 1889 and combining administrative and judicial powers.

³⁷¹ Some researchers note that overloaded judges are more likely to be bureaucrats-employees, rather than professional arbitrators, Autonomous and independent. The judges themselves confirm the idea that workload is one of the most important obstacles to the formation of professional judicial power in the Russian Federation (see, for example: Volkov V.V., Dmitrieva A.V., Pozdnyakov M.L., Titaev K.D. Russian judges as a professional group: a sociological study / ed. by V. Volkov. Moscow, 2015. P. 52).

³⁷² According to N.A. Kolokolov, quasi-judicial bodies dealing with the resolution of social conflicts, unlike courts, do not possess the essential qualities of the latter in sufficient aggregate (Kolokolov N.A. History of Russian justice. Moscow, 2009. P. 88).

³⁷³ Suyazov V.V. Justice, fairness and professorial disciplinary court in the Russian Empire // Education and law. 2019. №. 6. P. 224.

judicial power (the functional aspect). If you define the judicial power through the judicial system as a set of courts and judges, then in this case, the distinction between courts and quasi-judicial bodies is quite simple: the bodies officially included in the judicial system that resolve legal disputes on behalf of the government (ruler) or the state as a whole are judicial authority, and other bodies are quasi-judicial, since they are not included in the state judicial system and resolve legal disputes on their own behalf. It is possible to use a functional approach, according to which the court is a special activity on the part of the state, the purpose of which is to resolve legal disputes. In this case, the focus is not on the bodies that are engaged in restoring law and order, but on a special public function that is implemented by the state.

I.Ya. Foynitsky also followed an institutional approach. In his opinion, the judicial power forms a system of bodies subordinate to the law that are called to apply the law in judicial proceedings³⁷⁴.

Contemporary of I.Ya. Foynitsky, S.V. Poznyshev³⁷⁵, took the opposite approach, according to which the judicial power is a branch of state power that should be exercised by separate bodies that do not have the functions of legislative or administrative authorities, and that is designed to implement the law, assert its dominance in life and combat violence³⁷⁶.

In the Soviet period, M.A. Cheltsov-Bebutov wrote that although the court at that time was not separated from the princely power, but still there was either a princely court, or a court of judges specially appointed by the Prince — his tiuns³⁷⁷. This understanding is based on a functional concept that clearly wins over the "nominative" approach to defining judicial bodies.

The authors and compilers released in 2003, the six-volume "Judicial power in Russia: history, documents" dated the emergence of the court in the Russian

³⁷⁴ Foynitsky I.Ya. Course of criminal proceedings. SPb., 1996. Vol. 1. P. 158.

³⁷⁵ It should be noted that I.Ya. Foynitsky headed the Court of Saint Petersburg University from its creation until 1905, and S. V. Poznyshev was the Chairman of the professorial disciplinary court of Moscow University also for three years. See: Appendices № 12 and № 15.

³⁷⁶ Poznyshev S. V. Elementary textbook of Russian criminal procedure. Moscow, 1913. P. 87.

³⁷⁷ Cheltsov-Bebutov M. A. Course of criminal procedure law: essays on the history of the court and criminal process in slave-owning, feudal and bourgeois States. SPb., 1995. P. 627.

state in the first decade of the XI century and associate it with the release of the Charter of Vladimir Svyatoslavovich "On tithes, and the courts and people of the Church", where for the first time in the extant monuments of Russian law the word "court" appeared; it allowed the authors to dedicate their work to the 1000th anniversary of the judicial authority in Russia³⁷⁸. However, this conclusion is based on the understanding of the court as a public authority whose name contains the word "court", which is incorrect. Otherwise, we will have to recognize that the state can exist for a long period of time without justice, and in general, a body that is not officially called a court cannot exercise judicial functions.

The most reasonable approach is to use both approaches together. In this case, the judicial power is considered as a function of state power, which is implemented by special state institutions created to resolve legal disputes in society.

Quasi-judicial bodies, as well as courts³⁷⁹, perform the function of resolving legal disputes, but they do not exercise state (judicial) power and are not part of the system of state courts. They operate in parallel, in contact with state justice in cases where the parties to the dispute themselves wish to do so.

2. The status of a judge or arbitrator. The state implements its function of resolving legal disputes through persons who are granted special status. Already in Ancient Rome, two manifestations of power were distinguished: *potestas*, i.e. legal power that occurs by virtue of a person's occupation of a position, and *auctoritas* — a special power that comes from the person himself, from personal authority, i.e. legitimate³⁸⁰. If the pre-state society resorted to *auctoritas* of elders to resolve disputes, then with the advent of the state and the further complication of the social structure, it was additionally necessary to give persons performing public functions "formal authority", which would include not only the power to resolve legal

³⁷⁸ Judicial power in Russia: history, documents / O. E. Kutafin, V. M. Lebedev, G. Yu. Semigin. Moscow, 2003. Vol. 1. P. 5.

³⁷⁹ As noted by I. Ya. Foynitsky, "the functions of the court include not only the resolution of criminal and civil cases on behalf of the state, but also the need to protect the rights and freedoms of citizens" (Foynitsky I. Ya. Course of criminal proceedings. SPb., 1996. Vol. 1. P. 7).

³⁸⁰ Court and state / ed. by L.V. Golovko, B.Mathieu. Moscow, 2018. P. 33.

disputes, but also privileges designed to guarantee non-interference of third parties in the decision-making process. Such people are called judges.

Judges are called upon to resolve legal disputes in society on behalf of the sovereign, for which they are granted special powers, guarantees, and special requirements for candidates — all of which together form the status of a judge. As a rule, candidates for the position of judge on the part of the sovereign are required by age, qualifications and moral character. The latter feature indicates the dual nature of the status of judges and their activities, where law and ethics are combined. In our time, special codes of ethics for judges are common, in particular, it operates in modern Russia.

Arbitrators in the specified sense of the term are not, unlike judges, public servants, although they are also subject to certain requirements, which are usually related to the availability of knowledge in the categories of cases under consideration. They do not have any privileges that constitute judicial status.

Thus, judges and arbitrators exercise a single function for resolving legal disputes, but the latter do not have a special judicial status that forms a link between the state and the judge.

It is possible to identify differences between a court and a quasi-judicial body (Table 1):

Table 1. Differences between a court and a quasi-judicial body

Criteria	Court	Quasi-judicial body
Judicial power	Exercises judicial power as one of the types of state power, on behalf of the state, is included in the system of judicial power	Does not exercise judicial power, acts on its own behalf in the person of intermediaries elected by the parties to the legal dispute
Status of a judge or arbitrator	Persons who have a special status reflecting their direct connection with the state machine	Persons who do not have a special status beyond the scope of their powers

B. Justice. When discussing the differences between a quasi-judicial body and a court, it is impossible to avoid the topic of justice. In the doctrine, as a rule,

justice is understood as the activity of courts to resolve legal disputes. Accordingly, similar activities of quasi-judicial bodies are not considered justice. This provides another criterion for distinguishing between courts and quasi-judicial bodies.

There are many approaches to defining justice.

According to the explanatory dictionary of V.I. Dal, justice means to judge by the truth, by the law, by conscience³⁸¹.

In the "Legal encyclopedia", edited by M.Yu. Tikhomirov, justice is considered as the law-enforcement activity of the court for consideration and resolution of civil and criminal cases, as well as economic disputes in order to protect the rights and interests of citizens, organizations, society and the state³⁸².

In another fundamental scientific reference publication, I.L. Petrukhin wrote that under justice (from lat. *justicia*) is a special type of state (public) activity, consisting in the fact that an independent, impartial and fair court (courts) on the basis of the law considers and resolves legal disputes between citizens, legal entities, complaints against the actions of public authorities. At the same time, it is separately noted that the functions of justice cannot be assigned to other state or public bodies. Justice is the most important form of judicial power³⁸³.

In general, the lack of a formalized approach to the definition of justice is typical for the present time – the desire to consolidate its individual parameters prevails³⁸⁴.

As noted by V.M. Lebedev, the legislation of almost all States indicates that justice can only be carried out by a court in accordance with the established jurisdiction in time and in compliance with legally established rules; that court cases should be considered by independent and impartial judges; that the court should strive to establish the truth and observe the General principles of justice, protection of individual rights and freedoms, equality of all before the law,

³⁸¹ Dal V.I. Explanatory dictionary of the living great Russian language. Moscow, 1994. Vol. 3. P. 355.

³⁸² Legal encyclopedia / ed. by M.Yu. Tikhomirov. Moscow, 2001. P. 680.

³⁸³ Legal encyclopedia / ed. by B.N. Topornin, 2001. P. 821 (the author of the article – I.L. Petrukhin).

³⁸⁴ M.I. Kleandrov identifies three components of justice: the judicial system, judicial proceedings and the status of judges (M.I. Kleandrov. Economic justice in Russia: past, present and future. Moscow, 2006. P. 16).

transparency and adversarial proceedings; that judicial decisions should be based on the norms of the Constitution, laws and judicial precedents³⁸⁵.

It should be noted that, as can be seen from the examples given, modern research often focuses on such features of justice that do not reflect the entire history of law. They are characteristic of modern times, mainly for the Romano-German legal system, where the law has become the leading source of formal law, there are constitutions, the task of protecting the rights and freedoms of the individual is put forward, and so on. This gives, if not the positions of scientists, then the wording allowed by them is specifically historical, and not universal legal.

In any case, if we say that justice is understood as the activity of the courts, then it is confused with judicial proceedings. Of course, this approach is very convenient, but it is obvious that the activity of the courts is not always justice.

Sh. Montesquieu in his treatise "On the spirit of laws" made a comparison between legal proceedings in the Ancient world, in the medieval and modern states. He pointed out, in particular, the lack of justice in sentencing, the need to reduce the severity of the courts and, at the same time, the inevitability of punishment³⁸⁶.

J.-J. Rousseau in his research came to the factors of political, social and legal reality that undermine the authority of the judiciary. In their list, he named: the absence of elected justice bodies in France, the arbitrariness of judicial officials, the exit from the control of the central government. "No one will count how many unjust and cruel judicial reprisals there have been in the history of individual countries"³⁸⁷.

English philosopher and politician E. Burke was a sharp critic of the justice system in England of the XVIII century. He wrote that "lawyers, as well as theologians, have built another reason besides Natural Reason, and as a result there is a special fairness in addition to Natural Fairness. They have so confused the world with their meaningless formalities and ceremonies that it is extremely dangerous for

³⁸⁵ Justice in the modern world: a monograph / ed. by V.M. Lebedev, T.Y. Khabrieva. Moscow, 2017. P. 11.

³⁸⁶ Montesquieu, Charles. On the spirit of laws. Moscow, 1999. P. 80-81.

³⁸⁷ Rousseau J.-J. Treatises. Moscow, 1969. P. 388.

people who are not initiated into the mysteries of the profession to take even the smallest steps without their advice and assistance»³⁸⁸. E. Burke especially criticized the rulers of revolutionary France, who, in his opinion, trampled on all the principles of justice³⁸⁹.

The head of the historical school of law, F. Savigny, wrote that "the accumulated knowledge of science will allow judges to no longer serve as a simple tool...this will become a matter of liberal and honorable vocation...justice itself will be complete and scientifically based"³⁹⁰.

As for the Russian approach to fair trial, according to the well-known civilist E.V. Vaskovsky, the Russian court before the judicial reform of the last third of the XIX century was characterized by class, numerous judicial institutions, confusion, corruption, unprofessionalism of officials of judicial institutions, non-public, written process, i.e. all that does not fit into the idea of fair justice either in that era or now³⁹¹.

Many modern constitutions do not mention or regulate the issues of justice, while the rules on the rights and duties of judges are set out separately (article 87 of the Greek Constitution³⁹²), on the organization of the judicial system (article 17 of the Constitution of Mexico). This model of constitutional regulation is in effect in Austria, Brazil, China, Norway, Turkey, France, the Czech Republic and a number of other countries³⁹³.

At the same time, many basic laws allow for the administration of justice outside the existing judicial systems. In particular, the Dutch Constitution allows the transfer of certain legal disputes to bodies outside the country's judicial system (part 2 of article 112). The Portuguese Constitution (part 4 of article 202) authorizes the formation of non-judicial forms and mechanisms for conflict

³⁸⁸ Burke E. Board, politics, society. Moscow, 2001. P. 120-121.

³⁸⁹ "Their tyranny finds its end in their justice, and their gallows-lantern is not half so appalling as their trial. Without justice society cannot exist" (Ibid. P. 363).

³⁹⁰ Savigny F.C. The vocation of our age for legislation and jurisprudence. Birmingham, 1986. P. 186.

³⁹¹ Vaskovsky E.V. Textbook of Russian civil procedure (by ed. 1917). Moscow, 2003. P. 45.

³⁹² Here and further the texts of constitutions of foreign countries are given according to the website <https://worldconstitutions.ru> (date of application — 31.03.2020).

³⁹³ Justice in the modern world: a monograph / under the editorship of V.M. Lebedev, T.Y. Khabrieva. Moscow, 2013. P. 33.

resolution. The Constitution of Ecuador States that indigenous authorities administer justice by applying their own rules and procedures to resolve conflicts in the community according to their customs or customary law (article 191). From this we can conclude that justice is not always defined as the activity of state bodies nominated as judicial.

It can also be argued that, according to the formal criterion, justice is not any activity of the courts, but only that which occurs without violating the established procedure. This conclusion is particularly obvious in cases where the law explicitly States that the courts act in accordance with the principles of justice, legality, equality of the parties to the dispute, with full respect for the rights of citizens. Why, then, the concept of "legal proceedings" is not enough?

It seems that the answer to this question lies in the dual nature of justice. The activity of the courts, of course, should take place without procedural violations, but even in this case there is a field that is not directly regulated by the legal norm, namely, the discretion of the judge or the panel of judges. From time immemorial, judges and arbitrators in resolving disputes were guided by both the rules of law in the form of legal customs (and later more strictly formalized sources of law), and their ideas about due, about justice.

C. Fairness in the context of justice. How can we determine that a court decision is fair? On the one hand, the judge himself or a panel of judges gives an assessment when making a decision, and in case of appeal – a higher-level judge, which may lead to the cancellation of the decision. On the other hand, the parties to the case can recognize the decision as unfair by appealing it, as well as the public.

If we refer to the famous "Radbruch formula"³⁹⁴, is it possible to say that legal proceedings can be related to justice when the decision of a court or quasi-judicial body is unfair? Of course, the German scientist believed that there is a certain limit to injustice, "extreme injustice", when the existing laws are not just unfair, but cannot be called law. A.V. Polyakov interprets this term as an injustice

³⁹⁴ Radbruch G. Legal wrong and illegal right // Philosophy of law. M., 2004. P. 233-234.

that threatens the existence of both the entire society and individual citizens³⁹⁵.

Nevertheless, according to G. Radbruch, unfair norms are a right, since if any unfair right that does not cross the "far border" is not applied, the principle of legal certainty will not be observed³⁹⁶.

R. Alexi considered as an example of the application of the Radbruch formula two decisions of the Federal constitutional court of Germany, where the court expressed the position that the provisions of the law, which are extremely unfair, cannot be applied³⁹⁷. As for individual decisions based on the outcome of a legal dispute, it seems that the Radbruch formula cannot be applied to them. Otherwise, a decision of a court or quasi-judicial body that is unfair but "not grossly unfair" could be attributed to justice.

If we consider the position of R. Alexi, we can give an answer to this question. The scientist interprets the Radbruch formula and uses the argument of injustice in relation to non-claiming correctness of legal norms and legal systems in General. As for individual court decisions, the Radbruch formula can be applied to the legal rules and legal system under which such decisions are made, but not to the decisions themselves. Thus, justice cannot be considered as the imposition of an unfair judgment, or "grossly unfair".

Throughout the course of history, people and society evaluate the judicial system of the state and justice according to the criterion of justice. The concept of justice, including in the context of justice, can be found exclusively in the doctrine. This phenomenon has been the focus of attention not only of practicing lawyers, but also of philosophers for several thousand years. Subconsciously, everyone can give an assessment of a particular action, recognize it as fair or not, but for judges, this assessment takes on professional significance.

³⁹⁵ Legitimacy of law: a collective monograph / ed. by E.N. Tonkov, I.L. Chestnov. SPb., 2019. P. 74 (author of the chapter – A.V. Polyakov).

³⁹⁶ Alexi R. Concept and reality of law (response to legal positivism) / Moscow, 2001. P. 34; Arkhipov S.I. Legal theories of Robert Alexi and Lon Fuller // Electronic appendix to the "Russian legal journal". No. 6, 2015. P. 5; with regard to the possibility of the existence of an unfair right, Alexis de Tocqueville, in particular, wrote that "in a democratic society, laws are almost always imperfect, since they come from the majority of citizens who can make mistakes" (Tocqueville A. de. Democracy in America / Moscow, 1992. P. 185).

³⁹⁷ Alexi R. Concept and reality of law (response to legal positivism). Moscow, 2001. P. 33.

The idea of fairness began to form since ancient times.

In Homer's "Iliad" the symbol of fairness (lat. *dike*) appears in the form of golden scales, with which Zeus decides the fate of the Danaeans and Trojans³⁹⁸. Already in this image we can see the connection between fairness and justice.

Among the pre-Socratics fairness was seen as a link between the universal natural law and the volitional Polis laws, which were supposed to correspond to fairness, and thus to the natural order of things. If initially justice acted as a mythologized image of the goddess Dike, the daughter of Zeus, who watched over the natural and social order and punished people for their crimes, then in pre-Socratics it becomes a universal measure inherent in the natural law of the universe³⁹⁹. Parmenides noted that the rules of behavior in the Polis are not just one of the hypostases of universal natural laws, but also have a volitional character, which means that they need some kind of evaluation criteria, which is fairness⁴⁰⁰.

Aristotle wrote that true justice is impossible without consistent, unswerving observance of fairness, and a court that makes unfair decisions destroys people's faith in the ability to protect their rights. The philosopher pointed out that human laws are common (norms of morality) and private (norms of law), and both of them must be based on fairness, which of all human virtues is the highest⁴⁰¹. Stagira argued that there is no abstract fairness: "... all rely on some kind of fairness, but at the same time they only reach a certain point, and what they call fairness is not actually fairness in its entirety"⁴⁰². He emphasized that the concept of fairness is relative and changes depending on the time, place and subjects of its application.

Let's turn to the opinion of well-known Russian researchers, who are no less contradictory. It can be noted that in relation to law, justice is usually defined as follows:

³⁹⁸ Lukovskaya D.I. At the origins of legal thought in Ancient Greece // *Pravovedenie*. 1977. № 1. P. 75.

³⁹⁹ Lukovskaya D.I., Razuvaev N.V. The doctrine of pre-Socratics about justice and law // *Bulletin of the Saint Petersburg State University*. Ser. 14. 2015. Vol. 3. P. 37.

⁴⁰⁰ *Ibid.* P. 38.

⁴⁰¹ Aristotle. *Politics* // Aristotle. *Essays*. Vol. 4. Moscow, 1983. P. 482.

⁴⁰² Aristotle. *Nicomachean Ethics* // Aristotle. *Essays*. Vol. 4. Moscow, 1983. P. 147.

4. **Fairness belongs to the category of morality.** In particular, S.S. Alekseev defined fairness as follows: "...this is a special legal principle of law that expresses certain aspects, properties of the legal form itself. While remaining a category of morality, fairness in this case turns out to be an ethical and legal phenomenon, the statement of which is particularly important for understanding the social value of law. It is precisely the principle of the legal system, without which the law not only loses its moral Foundation, but also turns out to be disharmonious and unbalanced"⁴⁰³. He believed that fairness is the goal of justice, that it is "specially "adapted" to ensure that in all cases the right prevails, its value, so that fairness and truth are achieved..."⁴⁰⁴ He defined justice as the just triumph of law in practical cases and conflicts⁴⁰⁵.

5. **Fairness is an integral part of the law.** V.S. Nersesyants from the position of libertarian-legal type of legal understanding defined justice in its inseparable connection with equality and freedom as an abstract universal, equally equal for all measure and form of permits, prohibitions, etc., excluding anyone's privileges⁴⁰⁶. He argued that law is not only fair, but that it is fairness itself⁴⁰⁷. Thus, he understood justice as an inherent property and quality of law⁴⁰⁸. L.S. Mamut understood by justice the formal equality of free people, the correspondence (proportionality) of their rights and duties, the equivalence of what they give to society and what they receive from it⁴⁰⁹.

6. **Fairness belongs to the sphere of intuitive law.** L.I. Petrazhitsky attributed fairness to intuitive law, describing it as a phenomenon of spiritual life that causes imperative-attribute emotions in the subject, which belongs to the

⁴⁰³ Alekseev S.S. Problems of the theory of law. Vol. 1. Basic questions of the general theory of socialistic law. Sverdlovsk, 1972. P. 108–109.

⁴⁰⁴ Alekseev S.S. Law. Alphabet. Theory. Philosophy. Comprehensive research experience. Moscow, 1999. P. 50.

⁴⁰⁵ Alekseev S.S. Ascent to the law: search and solutions. Moscow, 2001. P. 208.

⁴⁰⁶ Nersesyants V.S. Philosophy of law: libertarian-legal concept // Questions of philosophy, 2002. № 3. P. 3–15.

⁴⁰⁷ "Fairness is included in the concept of law, law by definition is just, and fairness is an internal property and quality of law, a legal category and characteristic, and not a non-legal one (not moral, moral, religious, etc.). ... moreover, only law is fair" (Nersesyants V.S. Philosophy of law: Textbook for universities. Moscow, 2005. P. 28).

⁴⁰⁸ Legal encyclopedia / ed. by B.N. Topornin. Moscow, 2001. P. 1036 (author of the section - V.S. Nersesyants).

⁴⁰⁹ Mamut L.S. Social state from the point of view of law // State and law. 2001. № 7. P. 5–14.

category of law, not morality⁴¹⁰. From the point of view of fairness, the subject gives its ethical assessment of a particular phenomenon, correlating it with an ideal, a representation of fairness. According to the scientist, the correspondence of positive law to the collective intuitive legal psyche is a necessary basis for law and order. It is through this process that the existing legal order is legitimized⁴¹¹.

Taking as a basis the teaching of L.I. Petrazhitsky, we can conclude that the activity of resolving legal disputes must correspond to intuitive law. At the same time, fairness is an essential condition and criterion for evaluating the entire judicial process.

Are there conditions under which the activities of quasi-judicial bodies can relate to justice? They appear to exist.

First, you need to define the purpose of justice. A fair resolution of a legal dispute seems obvious, but the essence may be primarily the rule of law or human rights. The idea that justice is necessary to preserve and restore the rule of law is more typical of a "strong" state, while human rights, even if enshrined in the Constitution, take a back seat. The main value and purpose of justice is considered to be the protection of the existing social and political system based on laws. For example, in the Russian Empire and the USSR, this influenced the formation of the concept of justice by mixing it with legal proceedings. It is also important that the issues of justice were mainly handled by specialists in the field of criminal law and procedure, where the role of the state is greater than anywhere else⁴¹². In this context, justice can only be administered by bodies that constitute the judicial system of the state and exercise judicial power on its behalf. The court is perceived as "one of the repressive bodies that protects and actively pursues the policy of the state, its global and specific interests"⁴¹³.

⁴¹⁰ Petrazhitsky L.I. Theory of law and state in connection with the theory of morality. Moscow, 2018. P. 182; Timoshina E.V. Law as fairness: the concept of intuitive law in the school of L.I. Petrazhitsky // Proceedings of higher educational institutions. Pravovedenie, 2010. №. 6. P. 188.

⁴¹¹ Timoshina E.V. Law as fairness: the concept of intuitive law in the school of L.I. Petrazhitsky // Proceedings of higher educational institutions. Pravovedenie, 2010. №. 6. P. 189.

⁴¹² This is noted, in particular, by O.V. Pankova (Pankova O.V. The concept of justice in the legal science of pre-revolutionary Russia (part I) // Administrative law and process. 2019. P. 47).

⁴¹³ Abrosimova E.B. Judicial power in the Russian Federation: system and principles. Moscow, 2002. P. 12.

Let's turn to the research of soviet jurists.

M.A. Gurvich defined justice as the activity of only a court, a state authority, a state enforcement agency, which is one of the forms of state management of society⁴¹⁴.

P.V. Loginov pointed out that "the provision that justice in the USSR is carried out only by the court is based on tautology... the term justice in its content is equivalent to the entire phrase. So, justice is the activity of the court, of course, in accordance with the law"⁴¹⁵.

Other soviet researchers defined justice as a function of the state⁴¹⁶, but it was also associated exclusively with the activities of the courts as state authorities. In particular, A.F. Kleinman argued that justice is the resolution by specialized state authorities of questions about the application of law to specific cases of life, facts, actions, relationships, and is one of the most important state functions⁴¹⁷.

Even today, N.N. Kovtun notes that the signs of justice are scrupulously studied in our legal literature, so it seems unnecessary to repeat in this practically non-controversial issue⁴¹⁸. Referring to the scientific works of M.S. Strogovich he writes that the signs of justice include that:

- this type of state activity is carried out only by the court;
- the law provides for a special procedural procedure for its implementation;
- the method of administration of justice is defined by law;
- this type of state activity ends with the adoption of a special judicial decision – an act of justice⁴¹⁹.

When the protection of the rule of law as the goal of justice gives way to the protection of human rights, we can observe a phenomenon that is the reverse of the processes of development of the judicial system that took place at the early stages

⁴¹⁴ Gurvich M.A. Selected works. Krasnodar, 2009. Vol. 2. P. 376.

⁴¹⁵ Loginov P.V. The essence of the arbitration. Moscow, 1968. P. 37.

⁴¹⁶ Melnikov A.A. Justice in the USSR: essence, social functions, legislative regulation // Soviet state and law, 1981. № 11. P. 29.

⁴¹⁷ Kleinman A.F. Selected works. Krasnodar, 2009. Vol. 2. P. 425.

⁴¹⁸ Strogovich M.S. Course of the Soviet criminal process. Moscow, 1958. P. 3.

⁴¹⁹ Kovtun N.N. Judicial control in criminal proceedings in Russia: Concept, essence, forms: Dis. ... cand. of law sciences. N. Novgorod, 2002. P. 321.

of the formation of the ancient Russian state. The principle of fairness, which is usually contained in legislation, returns to the idea of fairness, which is an integral part of law⁴²⁰. At the same time, the state can afford to transfer some of its powers to resolve legal disputes outside the system of state courts.

When using this approach to justice, it is not limited exclusively to the activities of the judicial authorities. Legal disputes can be resolved not only by state courts, but also by quasi-judicial bodies, and such decisions are not always appealed. Thus, with an expanded interpretation of the concept of fairness as an activity for the fair resolution of legal disputes in order to restore violated rights, it is possible to extend it to quasi-judicial bodies. Justice is not abstract, but concrete, applicable to individuals, not to the rule of law as a whole. We can assume that the activities of quasi-judicial bodies, in any case, represent not only and not so much the authority of the state as a system of public administration - the state machine, but mainly civil society. Such bodies are formed in the process of forming a civil society with its demands for freedom, fairness, including fair justice.

§ 1.2. Professorial disciplinary court in comparison with the system of judicial bodies of pre-revolutionary Russia and modern bodies of disciplinary power in universities

At the time of the establishment of professorial disciplinary courts in the Russian Empire, there was legislation on the judicial system, the foundations of which were laid by the judicial reform of Alexander II in 1864. For the first time in the history of Russia, the judicial power was formed on the basis of independence from other branches of government. The fundamental documents of this reform

⁴²⁰ P.G. Vinogradov wrote: "there is a fourth source of law, in which the creative power of the courts is even more noticeable, because here it is used to a large extent contrary to recognized legal norms. This source is Fairness" (Vinogradov P.G. Essays on the theory of law. Roman law in medieval Europe. Moscow, 2010. P. 97).

were the Judicial statutes of 1864, which together contained more than 3,200 articles⁴²¹:

- The Establishment of the courts (hereinafter – ECJ);
- Statute of criminal proceedings;
- Charter of civil proceedings;
- Charter on punishments imposed by judges of the peace.

Initially, the State Council was in favor of introducing the provisions of the new judicial statutes for 4 years, but in the end, the entire process stretched for more than 25 years. The first courts of a new type were inaugurated in 1866 in the Saint Petersburg, Novgorod, Pskov, Moscow, Vladimir, Kaluga, Ryazan, Tver, Tula and Yaroslavl provinces, while in Central Asia and the North of the Vologda province, the effect of the judicial statutes of 1864 was extended only to 1899.⁴²² Thus, by the time of the creation of the professorial disciplinary courts in 1902, the judicial reform of 1864 was implemented with sufficient completeness, but mainly in the European part of Russia.

To answer the question about the legal status of the professorial court and its relationship with the judicial system of Russia at the beginning of the XX century, it is necessary to find out the following:

- Did the professorial court exercise the judicial power?
- Were the members of the professorial court judges?
- Did the activity of the professorial court fit the definition of justice?

A. Professorial court and judicial power. In accordance with article 1 of the ESJ the judicial power belonged to:

- Judges of the peace;
- Congresses of judges of the peace;
- District courts;

⁴²¹ Personal decree "On the Establishment of judicial institutions and judicial charters", Highly approved the Institution of judicial institutions, Highly approved the Charter of criminal proceedings, Highly approved the Charter of civil proceedings, Highly approved the Charter on punishments imposed by justices of the peace (Full collection of laws of the Russian Empire. Coll. 2. T. XXXIX. 1864. SPb., 1867. Articles 41473, 41475-41478; Ed. 3. Applications. 1864. SPb., 1867. P. 442-447).

⁴²² Ministry of justice for a hundred years. 1802-1902. Historical essay. SPb., 1902. P. 181.

- Judicial chambers;
- The governing Senate (as the Supreme court of cassation).

Until the fall of the monarchy, pre-reform courts, including military, naval, estate, and religious courts, were preserved and even incorporated into the reformed system. In particular, national courts continued to operate, including the judicial system of the Grand Duchy of Finland, which was created by the Swedish government⁴²³.

In a note to article 2 of the ESJ, it was stated that the judicial power of ecclesiastical, military, commercial, peasant and foreign courts is determined by special decisions. It can be concluded that these courts were, in the modern sense, specialized courts that resolved certain categories of disputes arising from the object of the dispute and/or its parties. At the same time, the state provided for the creation of such courts by issuing separate regulations, thereby transferring to them the functions of resolving legal disputes.

The only normative legal act that regulated issues related to the establishment of the professorial court was the Temporary rules on the professorial disciplinary court in higher educational institutions of the Ministry of public education of August 24, 1902⁴²⁴ (hereinafter – Temporary rules). The text of the Temporary rules did not contain provisions that professorial courts exercise judicial power or are part of the judicial system of the Russian Empire at that time.

B. Members of the professorial disciplinary court did not have the status of judges. The members of the Court were representatives of the academic community. State authorities did not participate directly in the election of PDC judges. In accordance with section 1 of the Provisional rules, the members of the Court were elected from among the professors who were full members of the Council of the higher education institution. It should be noted that during the Imperial period of Russian higher education, professors were civil servants. Thus, in accordance with

⁴²³ Legal encyclopedia / ed. by B.N. Topornin. Moscow, 2001. P. 1060 (author of the section - N.N. Efremova).

⁴²⁴ Temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education of August 24, 1902 // State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 14. Register 1. Document 9703. P. 2-3.

paragraph 503 of the University Charter of 1884 all professors were approved by the decision of the Minister of public education from among the candidates declared by the Council of higher education institutions. At the same time, ordinary and extraordinary professors, as well as private docents, were considered as officials of the Department of public education and received a rank of a certain class of the state civil service in accordance with the Table of ranks (p. 50 of the University Charter of 1884)⁴²⁵.

It is impossible to ignore the question of the ratio of the status of judges of the professorial disciplinary court and justices of the peace. They had a number of similarities:

- it has always been emphasized that they should be close to the same environment as the persons whose cases they are considering;

- judges who were finally elected were approved by the public authority – the Senate in the case of justices of the peace (article 10 of the ESJ) and the Trustee of the educational district (paragraph 18 of the Temporary rules of August 24, 1902);

- a short term of office was established – 3 years for judges of the peace and 1 year for judges of the professorial disciplinary court.

However, there were differences. Thus, the judges of the professorial disciplinary court were not subject to any qualifications other than professional ones (the position of a Professor in the corresponding higher educational institution), they did not receive monetary remuneration for their work in the PDC, and they had no restrictions on engaging in other types of activities. In addition, by rank and corresponding rights and advantages, justices of the peace were equated to members of district courts and judicial chambers (class V of the Table of ranks), while judges of the professorial disciplinary court were equated to class VIII, but only because of

⁴²⁵ The position of the rector belonged to class IV of ranks the Table of ranks, deans and tenured professors – to the V class, extraordinary professors, Advisor of the Board and librarian – to the VI, the astronomer-observer – VII, lab technicians, assistant librarian, assistant dissector, lecturers and residents of hospitals, the clerk of Council secretaries and the Board – VIII, guardians of the offices and assistants of laboratory technicians – to the IX, pharmacist and Secretary of the library – to X, the assistant Secretary of the Board and the clerk – to XII, mechanics and preparator – to the XIV class.

their academic status-the status of a PDC judge did not give additional privileges in itself.

However, they were only granted separate arbitration powers as members of the professorial disciplinary court, but did not have judicial status. Property, territorial and age restrictions were not applied to them, as, for example, to judges of the peace⁴²⁶. Their task was to resolve legal disputes within the University as a closed corporation.

Thus, the members of the professorial court did not have the formal status of a judge, although their connection with the state was undoubtedly significant, since they:

- approved in their position by the Trustee of the relevant educational district;
- they were state employees as professors.

C. Professorial disciplinary courts did not administer justice in a formal sense. The Temporary rules do not contain provisions relating to justice. If we proceed from the understanding of justice as the activity of exclusively judicial authorities, then, of course, professorial courts did not carry out justice. However, the Temporary rules were approved by Emperor Nicholas II specifically to resolve conflicts within universities at the local level, i.e. within the academic community. This suited both the students, who received as arbitrators professors who directly participated in academic life, and the public authorities, in relation to which in the student community since the 1860s were widespread fronderic sentiments.

According to section 4 of the Temporary rules the following categories of cases were subject to the jurisdiction of the Court:

- "about violation by students in buildings or institutions of higher education of the order established by internal rules of the corresponding higher education institution";
- "about collisions between students, on the one hand, and teachers or officials of higher educational institutions-on the other, even if the specified

⁴²⁶ Lonskaya, S.V. Institute of justice of the peace in Russia: historical and theoretical legal research: dissertation ... doctor of law: 12.00.01 / S.V. Lonskaya / - Saint Petersburg, 2016. P. 170.

collisions occurred outside buildings and institutions of higher educational institutions";

– "about such misdemeanors of students, which, although not provided for by the General laws, are reprehensible, contrary to the rules of honor and morality".

The list of disciplinary penalties that could be imposed by the Court was established by the Rules on penalties imposed on students of higher educational institutions of the Ministry of public education of August 24, 1902 (hereinafter – the Rules on penalties).

The jurisdiction of the PDC was quite narrow due to the fact that one of the parties to the conflict was necessarily students. At the same time, the Court heard cases not only about students' violation of national or local regulations, but also their violation of ethical norms, namely for committing misconduct that is not compatible with the student's status as a member of the academic community. Thus, the members of the Court acted not only as independent arbitrators in the presence of a legal dispute, but also as authoritative members of the University Corporation, who had the right to impose penalties on students for violating corporate ethical standards. A separate code of ethics for students was not adopted.

If we apply a broad approach to the interpretation of justice, we find a duality in the legal status of the Court. On the one hand, the professorial court resolved legal conflicts both between students and between students and the University in the person of its administrative and teaching staff. On the other hand, it was also in charge of proceedings involving students who violated moral and legal norms in accordance with § 524 of the General University Charter of 1884, according to which reprehensible behavior of students outside higher education institutions could also lead to disciplinary responsibility. Thus, it can be argued that the professorial court carried out justice in its broad sense.

Did the professorial court belong to courts or quasi-judicial bodies? Both categories are represented by model structures that contain certain characteristics. The professorial court cannot be assigned to any of them, since it had a mixed legal nature.

The following circumstances do not allow us to draw an unambiguous conclusion about the legal nature of the professorial court:

– members of the professorial court did not have a special judicial status, but they were civil servants and were confirmed in their position as a member of the PDC by an authorized official, which indicates their direct connection with the state public authority.

– the judicial system of Russia at the beginning of the XX century was characterized by heterogeneity and complexity, and since the beginning of the judicial reform in 1864, it was in a transitional state, which did not allow to list all the bodies related to the judicial power in one comprehensive normative legal act.

– there was no appeal procedure for decisions of the professorial court. Under section 18 of the Temporary rules, all decisions of the Court were subject to immediate enforcement, with the exception of those related to the student's expulsion. In these cases, The Court's decisions were approved by the Trustee of the relevant educational district.

– despite the absence of criminal cases in the jurisdiction of the Court, all its decisions were called sentences, and those who were subject to disciplinary proceedings were called accused.

– professorial courts resolved not only disputes about law, but also ethical disputes, which brings them closer to modern University councils and ethics commissions. From the inception of the concept of professorial disciplinary courts, the body was seen as part of a unified University Corporation, although at the drafting stage of the Temporary rules were suggested for inclusion in the judges of the General court of justice, the implementation of it is not reasonably received, as otherwise would be carried out by one of the main goals of the Courts – the establishment of a special body for dealing with student misconduct, consisting of professors who did not act as representatives of the state (such as University rectors before the introduction of Temporary rules, representatives of the University Inspectorate or judges of General judicial regulations), but as representatives of the academic community. The nature of such penalties, such as a remark or reprimand,

could not have an equal moral impact on students if they came from officials who were objectively alien to the university community.

As for the penalties imposed by the Rules on penalties, all of them – even the exception specified in § 8, which provides for the deprivation of the right to higher education - were relevant only in relation to a person who had the status of a student. In particular, the remark, reprimand and moral censure were only brought into the case of the student and had a moral impact; the prohibition to nominate one's candidate for the course head and participate in the course meetings imposed restrictions on participation in the activities of student institutions, and temporary transfer to free students, dismissal, removal and exclusion established prohibitions related to the process of obtaining education.

The Rules on penalties marked a significant progress in the evolution of students' disciplinary responsibility: the first draft of the document excluded such types of penalties as monetary fines and arrest, in fact, not directly related to the status of the student. This allowed the formation of the professorial disciplinary court as a body that imposes disciplinary responsibility within the university corporation.

Thus, the mixed legal nature of the professorial disciplinary court is due to the fact that it was created in a higher educational institution as a separate closed corporation, the participants of which were the academic community. The PDC had authority only over students as representatives of the academic community and only for violations of internal regulations. If the violation of such rules was accompanied by a violation of the law, then in accordance with section 17 of the Temporary rules, the cases were referred to the general court for further proceedings.

* **

At the present stage of development of the academic community, the issues of disciplinary responsibility of its participants are relevant and require close study. Traditionally, the university is a closed corporation with its own characteristics.

Federal law № 273-FZ of December 29, 2012 "On education in the Russian Federation" (hereinafter – the Law on education) serves as the legal basis for the

current system of education in Russia. Its' provisions also apply to higher professional education.

There is no legal institution similar to a Professor's disciplinary court in higher education institutions in the modern higher education system of the Russian Federation, but this does not mean that cases of disciplinary responsibility of students in modern legal realities are not considered directly in higher education institutions⁴²⁷. Moreover, the review of cases of student misconduct has taken on new forms and divided into several areas at once⁴²⁸:

- Resolution of cases by the University administration;
- Commissions for settlement of disputes between participants of educational relations;
- University ethics commissions;
- General jurisdiction courts.

Let's look at them in more detail:

1) Resolution of cases by the University administration

In accordance with part 4 of article 43 of the Law on education for non — compliance or violation of the Charter of an organization engaged in educational activities, internal regulations, rules of residence in dormitories and boarding schools, and other local regulations on the organization and implementation of educational activities, students may be subject to disciplinary measures — a remark, reprimand, or expulsion from an organization engaged in educational activities.

The list of disciplinary penalties against students is closed and includes only three measures, in contrast to the Rules on penalties of August 24, 1902, which provided for eight types of penalties.

In accordance with part 7 of article 43 of the Law on education, when choosing a disciplinary measure, an organization that carries out educational activities must take into account the severity of the disciplinary offense, the reasons

⁴²⁷ Suyazov, V.V., Trofimov, A.A. Guarantees of the rights of students when applying disciplinary measures to them: history and modernity // Education and law. 2018. № 7. P. 208.

⁴²⁸ The research considers only the most common forms of court, which does not exclude others (for example, the Constitutional Court of the Russian Federation, the European court of human rights, etc.).

and circumstances under which it was committed, the previous behavior of the student, his psychophysical and emotional state, as well as the opinion of the student councils. The procedure for applying disciplinary measures to students and removing them from them is established by order № 185 of the Ministry of education and science of the Russian Federation dated March 15, 2013.

In accordance with paragraph 8 of this procedure, before applying a disciplinary measure, the organization that carries out educational activities must request a written explanation from the student. If at the end of three school days the specified explanation is not provided to the students, then the corresponding act is drawn up. Refusal or evasion of the student from providing them with a written explanation is not an obstacle to the application of a disciplinary measure.

In clause 9 of the Procedure, the Statute of limitations for bringing students to disciplinary responsibility is established-no later than one month from the date of detection of misconduct and no later than six months from the date of its Commission. This does not take into account the time of absence of the student due to illness, vacation, academic leave, maternity leave or parental leave, as well as the time required to take into account the opinions of student councils, representative bodies of students. Application to student disciplinary measures issued by the head of the organization performing educational activities, which shall be sent to the student against signature within three school days from the date of its publication, not counting the time the lack of training in organizations engaged in educational activities. The refusal of the student to read the specified order (order) under the signature is made out by the corresponding act.

The student has the right to appeal to the Commission for the settlement of disputes between participants in educational relations disciplinary measures and their application to the student.

2) Commission for settlement of disputes between participants of educational relations

The decision of the Commission for the settlement of disputes between participants in educational relations (hereinafter – the Commission) is mandatory for

all participants in educational relations in an organization engaged in educational activities, and is subject to execution within the terms stipulated by this decision.

The decision of the Commission for the settlement of disputes between participants in educational relations may be appealed in accordance with the procedure established by the legislation of the Russian Federation.

The procedure for creating, organizing work, and making decisions by the Commission for the settlement of disputes between participants in educational relations and their implementation is established by a local normative act, which is adopted taking into account the opinions of student councils, parent councils, and representative bodies of employees of this organization and students.

At Saint Petersburg state university, the Commission was established on the basis of the Rector's Order № 1721/1 dated February 27, 2017 "On approval of the Regulations on the Commission for settlement of disputes between participants in educational relations of Saint Petersburg state university" (hereinafter - the Regulations)⁴²⁹.

In accordance with clause 1.2.3 of the Regulations, the Commission has the right to consider cases on appeal of decisions on applying disciplinary penalties to students. It should be noted that, unlike the Professor's disciplinary court, the Commission does not consider cases of students as the first instance, and the review of cases of student misconduct is not the sole purpose of its activities.

As for the procedure for forming the Commission, there are also significant differences. In accordance with clause 2.1 of the Regulation the Commission is formed of eight members:

- four SPbSU officials (Deputy Chairman of the academic Council of SPbSU as Chairman of the Commission, first Vice-rector for academic, extracurricular and methodological work, head of the Legal Department As

⁴²⁹URL:<https://spbu.ru/openuniversity/documents/polozhenie-o-komissii-po-uregulirovaniyu-sporov-mezhdu-uchastnikami> (date of application: 31.03.2020).

Secretary of the Commission⁴³⁰, head of the Main Department for personnel management);

- representatives of students of SPbSU (Chairman of the Student Council, Chairman of the trade Union organization of students and postgraduates of SPbSU, Chairman Of the sports club of SPbSU);
- Chairman of the Council of parents (legal representatives) of underage students of St. Petersburg state university.

On the basis of clause 4.1 of the Regulation, complaints are accepted by the Commission itself, in contrast to the professorial disciplinary court, where cases were sent from the rector. Meetings are held as necessary and are appointed By the Chairman of the Commission. In essence, the appeal is considered in the presence of the person who submitted it (the representative of the person), but its absence is not the basis for consideration of the appeal.

The decision of the Commission is made by secret ballot by a simple majority of votes. The decision is mandatory for all participants of educational relations of Saint Petersburg state University and is subject to execution within three days from the moment of its issuance.

It is important that the Commission's decision can be appealed to the courts of General jurisdiction. Decisions of the Professor's disciplinary court could not be appealed, the University Council could only suggest that the court review the case on newly discovered circumstances, but could not oblige.

Based on the above, you can compare the Commission and the Court according to the following criteria:

Table № 2: Comparison between the Commission and the Court

№	Criteria	The Commission	The Court
1	Authority	Analysis of cases between participants in educational relations. In particular, appeal against the application of disciplinary	Exclusively dealing with cases of student misconduct

⁴³⁰ A parallel can be drawn with the text of the Temporary rules, which also required the presence of at least one professor of law in the Court in order to comply with procedural guarantees.

		penalties to students	
2	Structure	8 people: 4 representatives of SPbSU employees, 3 representatives of students, 1 representative of parents (legal representatives) of students	5 professors as judges, 5 professors as candidates for judges elected by the University Council
3	Appeal	It is possible to appeal the Commission's decision in court	There was no appeal, and the case was reviewed in exceptional cases by the Court itself
4	The power of decision	The decision is mandatory for all participants of educational relations	The decision is mandatory for execution

The Commission can be called a variant of the implementation of the ideas of the Court in modern legal regulation, but there are significant differences between them. The most significant is that the Commission does not have the authority to deal with students' disciplinary misconduct in the first place.

These powers are currently, as before the adoption of the Temporary rules in 1902, implemented by the University administration in accordance with local regulations. For example, in the Charter of St. Petersburg state university, they are implemented by the Rector in accordance with clause 74⁴³¹. The procedure takes into account the views of the student Council and previous behavior of the student, its health, the status of minors and other moments that bring in elements of the activity of professorial disciplinary court, when the defendant was seen first and foremost as a student, and not the person who committed the offence.

Another important difference is the composition of the Commission and the Court. In the first case, you can see the moments related to the mediation procedure, when all interested parties participate in the decision-making, and not just the judges, as provided for in the Temporary rules.

⁴³¹ URL:https://spbu.ru/sites/default/files/ustav_s_s_poslednimi_izmeneniyami.pdf (date of application: 31.03.2020).

It is also worth comparing the goals of their creation – if the purpose of creating a Commission in the context of reviewing disciplinary offenses of students is to re-check the validity of the application of disciplinary penalties against students, the Professor's disciplinary court was established primarily to reduce the level of student unrest within higher education institutions by introducing elements of University autonomy.

3) University ethics commissions

Ethics commissions are another option for resolving conflicts in the internal life of universities. As a rule, modern universities have special codes of ethics, which are designed to emphasize the obligation of representatives of the academic community to follow high ethical standards of behavior. In particular, such codes have been adopted at SPbSU⁴³² and MSU⁴³³.

Following this direction, higher education institutions also create ethics Commissions consisting of representatives of the University's teaching staff who have high authority and achievements in the University environment. In Accordance with clause 71 of the Charter the ethics Commission is formed from among the honorary professors of St. Petersburg state University for consideration of compliance issues by employees and students under the Charter obligations to follow moral and cultural traditions of St. Petersburg University and generally accepted moral and ethical norms, and to respect spiritual values⁴³⁴. It consists of honorary professors of St. Petersburg state University, belonging to different faculties. Like the Commission for settlement of disputes between participants in educational relations, the ethics Commission can handle cases not only involving students, but also between any other participants in educational relations. In total, at the time of preparing this work, the SPbSU ethics Commission held 52 meetings⁴³⁵.

⁴³² URL:<https://spbu.ru/sites/default/files/kodeks-universanta.pdf> (date of application: 31.03.2020).

⁴³³ URL:http://www.journ.msu.ru/downloads/2015/eticheskiy_kodeks_mgu.pdf (date of application: 31.03.2020).

⁴³⁴ URL:https://spbu.ru/sites/default/files/ustav_s_s_poslednimi_izmeneniyami.pdf (date of application: 31.03.2020).

⁴³⁵ URL:<https://spbu.ru/topics/c63e1b85-cb9b-4a74-a71b-fff7cdd03816> (date of application: 31.03.2020).

It should be noted that the decisions of the ethics Commission are advisory in nature and are intended to draw the attention of the University community to the issues raised during the consideration of cases.

By decree of the Government of the Russian Federation № 1402 of November 22, 2017, the Charter of Saint Petersburg state university was amended, thanks to which the University received new opportunities. In particular, from this moment on, the SPbSU ethics Commission can assess typical situations and make general decisions on the compliance of certain facts and events with the moral and cultural traditions of Saint Petersburg state university and generally accepted moral and ethical standards⁴³⁶.

4) General jurisdiction courts

Judicial procedure for resolving conflicts between participants in educational relations is quite common in our time. In the research 30 court decisions from 2010 to 2019 on cases related to disciplinary liability of students of higher education institutions of the Russian Federation were analyzed⁴³⁷.

The reasons for the application of disciplinary sanctions by universities in the form of expulsion of a student in the cases considered were mainly: violations of the internal regulations of the educational institution or its dormitories, for example, vulgar behavior and violation of deontological moral and ethical standards, as well as the presence of illiquid academic debt and the absence of officially confirmed grounds justifying the validity of reasons for such debt. In addition, the reason for the expulsion was the following not so numerous cases – the provision of a fake document (medical certificate) to justify their right to eliminate academic debt on an individual basis, immoral behavior of the student, expressed in forging the teacher's signature in the examination sheet, as well as the use of plagiarism in the thesis.

The factors listed above, which became the reason for applying the highest disciplinary measure-deductions – are fully justifying such decisions of

⁴³⁶URL:<https://spbu.ru/openuniversity/documents/materialy-rektorskogo-soveshchaniya-325#p2> (date of application: 31.03.2020).

⁴³⁷ See: Appendix № 16.

universities, comply with the Federal Law "On education in the Russian Federation", therefore, disputes based on these facts were resolved in favor of higher education institutions. We can pay attention to the fact that neither the course of study, even in cases where the student was completing the 4th year of the bachelor's or master's degree program, nor the form of training, nor the basis (at the expense of the state budget or contractual) influenced the decisions of educational institutions to impose a penalty in the form of deductions and the final conclusion of the courts, which recognized such a penalty as lawful.

It should be noted that almost half of the analyzed court decisions were made in favor of the expelled students, and their requirements for reinstatement were satisfied. The common pattern in such cases was that the courts focused their attention on the presence of expelled persons informed of disciplinary misconduct, as well as their performance for the period of all university education, for example, in the absence of arguments to the discipline of the plaintiff and the successful training institution in the reasoning of the decision referred to the Leninsky district court of St. Petersburg in case № 2-790/2010 of June 22, 2010, recognizing the claim for illegal deduction from SPbSU as legitimate, ruling to restore it to the list of universants. Also common in court decisions on the cancellation of the decree on expulsion was that the court required universities to strictly comply with the procedure for bringing students to disciplinary responsibility, preventing the expulsion of a person without a preliminary opportunity to correct their situation. For example, in case № 33-3457/2015 of February 4, 2015 the Moscow city court found illegal the expulsion of a student with an obligation to restore the 1st year of an educational institution due to the fact that the University did not provide her with a schedule for working off debt, thereby depriving the student of the opportunity to hand over debts as such. That is, the judge concluded that the order to expel was made in violation of Federal law № 273-FZ and the local regulatory act on the organization of control of students' knowledge, therefore, the final decision was to refuse to satisfy the appeal of the representative of the state educational institution of higher education, and the student was restored.

Analyzing the passage of cases through the courts, we can conclude that despite the fairly well-defined and formalized procedure for applying disciplinary liability to students in the form of expulsion, there are disputes that were resolved only in the cassation instance, and both in favor of the plaintiff (expelled student) and the defendant (representative of the university), many applicants also reached the appellate instance. This trend in the consideration of complaints may indicate that judges are attentive to the radical decisions made by educational institutions on expulsion as a disciplinary measure.

The result of the analysis of judicial practice in challenging expulsion orders as a disciplinary measure in higher education institutions is the fact that the use of extreme sanctions by educational institutions against students is a justified decision that the court is forced to agree with. At the same time, it should be noted that each decision on a specific case is not a "stamped" conclusion of the judge, but an analyzed case with a reasoned result, which in cases of unlawful actions of the university, is made in favor of the expelled persons.

Thus, at the present stage of development of the Russian legal system, an extensive and fairly effective system of disciplinary justice in higher education institutions has been created. However, the study of the experience of professorial disciplinary courts can show the direction of its further development and optimization.

CHAPTER 2. CREATION OF A PROFESSORIAL DISCIPLINARY COURT AT HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF PUBLIC EDUCATION

§ 2.1. The preparation of the reform

The history of the creation and development of Russian universities is directly related to the emergence of the first universities in Europe in the early XII century. Their predecessors were monastic and cathedral schools that managed to save the ancient heritage⁴³⁸.

The first universities appeared in large cities, which attracted scientists and those who wanted to get knowledge. Often they were representatives of different feudal territories, estates, and peoples with their own rights and origins, which led to the initial desire to create universities as separate corporations with their own internal rules and jurisdiction. The usual rules of procedure in such cases stopped working due to the collision of multiple jurisdictions at once. This desire was met by the creation of its own corporation, *universitas magistrorum et scholarum* ("association of teachers and students"), from which the university got its name in Latin. Thus, this self-organization was quite similar to the nature of Guild associations that appeared almost at the same time as universities – in fact, the latter were "workshops of scientists" with all their characteristic elements of corporate structure⁴³⁹.

We can agree with A.Yu. Andreev, who outlined the necessary condition for the emergence of universities, namely the granting of privileges to them by the secular or ecclesiastical authorities. Privilege usually meant a certain degree of autonomy for the University, which guaranteed it freedom in academic and/or financial matters. It is worth noting that the first known privilege was approved by Frederick Barbarossa in 1155, it concerned giving each member of the corporation

⁴³⁸ Andreev A.Yu. Russian universities of the XVIII – first half of the XIX century in the context of the University history of Europe. Moscow, 2009. P. 32.

⁴³⁹ Ibid. P. 33.

of the University of Bologna the right to choose their own judge from among the masters of their own Corporation in case they received a summons to court. Also according to the order the local authorities were forbidden to make students into custody for the debts⁴⁴⁰.

In the German tradition academic freedom was originally understood as the right to exercise one's own judgment (*Selbstgerichtbarkeit*). This was a key element in limiting the jurisdiction of local authorities over "academic citizens" who were subject to their internal corporate rules. Thus, the right of the University of Paris to publish its own laws was officially approved by Pope Gregory IX in 1231. Later university charters dating back to the XIV – XV centuries detailed the procedure of the University court, which was even given the power to impose death sentences, and for the execution of the sentence at its disposal was the University police and its own dungeon, which retained (at least partially) its historical functions until the beginning of the XX century⁴⁴¹.

Gradually, the concept of academic freedom was transformed from judicial immunity to freedom of academic and teaching activities. This was one of the main stages of the transition from the "pre-classical" type of university to the "classical" type, when the influence of the public power represented by the state on the internal life of the University is quite large. Recent attempts to maintain its jurisdiction can be traced to the University of Göttingen, where these attempts failed during the Napoleonic occupation.

The idea of creating the professorial disciplinary courts did not come out of nowhere. The need for judicial autonomy of universities was stated by M.N. Lomonosov when preparing the text of the draft on the establishment of Moscow University in 1755, the final text of which contained provisions that the University is

⁴⁴⁰ Andreev A.Yu. Russian universities of the XVIII – first half of the XIX century in the context of the University history of Europe. Moscow, 2009. P. 34.

⁴⁴¹ Ibid. P. 32.

subordinate only to the Senate, and all members of the University Corporation are subject exclusively to the Court (p. 2, 3)⁴⁴².

The University Charter of 1804 contained chapter XIV "About the university court"⁴⁴³. In accordance with the provisions of this Chapter, the court was not understood as a separate body in the structure of the University, but as a function that was performed, depending on the circumstances, by the Rector, Board or Council of the university.

There is reason to believe that these provisions were taken from the experience of the University of Göttingen, where there were three courts at that time – the Rector, the Council of deans and the University Senate⁴⁴⁴. Cases were handled by them as first instance depending on the amount of the claim⁴⁴⁵.

Rector acted as the court of first instance in cases against students. Its decisions were not subject to review in the following cases⁴⁴⁶:

- 1) for complaints in a monetary amount not exceeding 15 rubles;
- 2) for offences for which local regulations of the University provide for liability in the form of a reprimand or detention for a period of no more than three days.

More serious cases could be reviewed by the University Board on appeal. Also in difficult situations, the Rector had to draw for the advice of a University Syndic⁴⁴⁷, who ensured that due process was observed during the proceedings.

In relation to the teaching staff and officials of the University, cases were considered by the University Board as a court of first instance. The Board's decisions were not subject to review in the following cases⁴⁴⁸:

⁴⁴² Complete collection of laws of the Russian Empire (hereinafter – Collection of laws). Book 14. Article. 10346.

⁴⁴³ General Charter of the Imperial Russian universities of November 5, 1804 // Collection of laws. B. XXVIII. Art. 21428.

⁴⁴⁴ University in the Russian Empire of the XVIII – first half of the XIX century / ed. by A.Yu. Andreev, S.I. Posokhov. Moscow, 2012. P. 199.

⁴⁴⁵ As A.Yu. Andreev notes, the connection with the University of Göttingen was especially traced in the preparation of the University Charter of 1804, from which many provisions were taken (See: Andreev A.Yu. Russian universities of the XVII – first half of the XIX century in the context of the University history of Europe. Moscow, 2009. P. 293).

⁴⁴⁶ Ibid. § 149.

⁴⁴⁷ An administrative position in Russian universities from 1804 to 1863, whose duties included conducting the court cases of the corresponding university, as well as participating in the activities of the University court. He was a member of the management Board with the right of advisory vote.

- 1) for complaints where the amount of claims does not exceed 50 rubles;
- 2) for offenses of students for which the local regulations of the University do not exceed the penalty of fourteen days of imprisonment;
- 3) in cases involving teachers or University officials for which responsibility was provided in the form of a reprimand or a fine not exceeding 24 rubles.

If necessary, the Board could involve one or two legal professors with voting rights in the case. In other cases, the case considered by the Board as a court of first instance could be appealed to the University Council, while the execution of the case was postponed until the decision of the Council⁴⁴⁹.

The last to contain provisions for a special University court was the University Charter of 1863⁴⁵⁰, where section 3 of Chapter 5 was dedicated to him⁴⁵¹. In contrast to the University Charter of 1804, this Charter provided for the establishment of the University court as a separate body. The University Council elected three judges and a similar number of judicial candidates each year, who were later confirmed by the educational district's Trustee. It should be noted that the Chairman of this court must have been a representative of the faculty of law⁴⁵². The University court considered cases of students who violated the internal rules established by the universities, as well as came into conflict with University officials. The activities of these institutions were regulated by instructions and rules on penalties, which were established by the educational institutions themselves. The University Charter of 1863, according to V.A. Tomsinov, did not allow to strengthen control over the anti-government activities of students, so by 1872 the development of a new Charter began⁴⁵³.

⁴⁴⁸ General Charter of the Imperial Russian universities of November 5, 1804 § 154.

⁴⁴⁹ Ibid. § 156.

⁴⁵⁰ The Charter of 1863 was liberal, but the Council, according to R.G. Eymontova, "not only did not take a leading role in the University management system, but did not receive independence even in solving issues related exclusively to science and teaching" (Eymontova R.G. University reform of 1863 // Historical notes, № 70. Moscow, 1961. P. 174).

⁴⁵¹ General Charter of the Imperial Russian universities of June 18, 1863 // Collection of laws. B. XXXIX, part 1. Art. 39752.

⁴⁵² Ibid. § 57.

⁴⁵³ Tomsinov V.A. Development of university education in Russia in the period from 1884 to 1917. Moscow, 2013. P. 3.

In the new University Charter of 1884, which applied to all universities except Warsaw and Yuriev universities, there were no provisions providing for the activities of University courts, which led to their actual abolition⁴⁵⁴. The handling of cases of student misconduct was transferred to the University Boards, which later became one of the reasons for the establishment of professorial disciplinary courts.

At the turn of the XIX – XX centuries, the issue of University autonomy and academic freedom in particular were particularly acute.

The Police department kept a file on each teacher, and the University administration was provided with information about them. In 1899 the newly appointed Minister of public education, N.P. Bogolepov, asked for data on teachers from the Minister of internal Affairs, I.L. Goremykin, who passed them along with a cover letter, in which he asked to use the data exclusively for personal purposes, since they included information not only official, but also "completely confidential"⁴⁵⁵. The same applied to students-applicants were required to provide a certificate of political trustworthiness from the local police station, its absence did not allow them to enter higher education⁴⁵⁶. Students were monitored both inside and outside the University buildings. The student dress made it easier to spy on students outside of universities. In one of the student leaflets, you can read that the administration was extremely suspicious of any "non-drunken student company"; only meetings "in lower-class establishments" (restaurants, pubs, etc.) did not arouse suspicion⁴⁵⁷.

The activity of educational district trustees caused particular dissatisfaction among professors and University leaders. The main purpose of the Ministry of public education was to ensure peace and order in the educational institutions under their control. As a rule, this position was held by civil servants whose political views did not cause concern. Former Minister of public education I.I. Tolstoy in his memoirs referred to them as people who were not capable of fruitful activity,

⁴⁵⁴ Rostovtsev E.A. Saint Petersburg University in the focus of government policy (1860 - early 1880s) // Scientific and technical bulletin. Humanities and social Sciences. 2014. № 4. P. 129.

⁴⁵⁵ Russian State Historical Archive (hereinafter – RSHA) Fund 733. Register 151. Document 117. P.1.

⁴⁵⁶ Ibid. P. 2.

⁴⁵⁷ Ibid. P. 3.

"because the Ministry chose this or that person not for practical reasons, i.e. not choosing good administrators, but only because this or that Professor had a reputation for conservative beliefs"⁴⁵⁸. The same logic applied to the teaching staff. In 1887, the Minister of public education I.D. Delyanov formulated the idea: "it is better to have a teacher with average abilities at the Department than a particularly gifted person who, however, despite his scholarship, acts on the minds of young people in a corrupting way"⁴⁵⁹. As a result, in the name of turning teachers into a "special police corps with yellow buttons"⁴⁶⁰, as V.O. Klyuchevsky put it, the government actually recognized them as a corporation intended not only for educational, but also for educational work.

The beginning of the reign of Nicholas II was a time of fierce discussions on the issue of University autonomy. Internal dissatisfaction with the provisions of the University Charter of 1884 began to gradually extend beyond higher education institutions and spread in society. Growing social tensions forced the Imperial bureaucracy to take the views of the academic community seriously and make certain concessions in order to reduce the overall level of tension. However, there is also a tendency to bureaucratize the educational process in order to put the internal life of universities under state control. A peculiar mix of both vectors was the decision to appoint representatives of the academic community to the post of Minister of public education – rectors of universities with significant experience in administrative work. The first of them in December 1898 was Nikolai Pavlovich Bogolepov, Professor of Roman law, former rector of Moscow University and Trustee of the Moscow educational district⁴⁶¹.

By the beginning of the XX century there were 1,130 University teachers in Russia. By 1914 there were 1,510 of them (13 students per teacher), meaning the

⁴⁵⁸ Cit. by A.E. Ivanov State library of M.E. Saltykov-Shchedrin. Department's manuscript. Fund 781. Register 586. Document 153. P. 41.

⁴⁵⁹ Shchetinina G.I. Universities in Russia and the Charter of 1884. Moscow, 1976. P. 177.

⁴⁶⁰ Klyuchevsky V.O. Letters, diaries, aphorisms and thoughts on history. Moscow, 1968. P. 306.

⁴⁶¹ Novikov M.V., Perfilova T.B. Universities of Russia at the turn of the XIX-XX centuries: an experiment with officials from the enlightenment (N.P. Bogolepov, G.E. Zenger) // Yaroslavl pedagogical bulletin. 2015. № 2. P. 151.

share of teachers decreased from 46 % to 33.7 % (27 students per teacher)⁴⁶². The trend continued to grow. The difficulty was that many of them taught in several places at once, so the data is overstated.

By the beginning of the XX century, Russian universities had 31,427 students, 123,552 students in 1914, and 135,000 in 1917. To compare with European countries, in 1895 Russia had 16 students per 100,000 population, in Germany and Italy – 50, in France – 46. In 1908 – 36 in Russia, 114 in Germany. In 1917 there were 88 students in Russia per 100,000 population⁴⁶³. Lawyers predominated – 34,529 specialists in the field of jurisprudence were trained in 1898 – 1916 . By 1917 in Russia there were 120 state higher educational institutions and about 59 public and private⁴⁶⁴.

The police-protective regime imposed on higher education institutions, restrictive measures of class, national, and gender-and-age regulation of the composition of students, and constant oppressions of University autonomy turned higher education into one of the hotbeds of public indignation at the prevailing political order in the country⁴⁶⁵. State universities trained certified officials for government services at all levels related to public administration, defense and ideological functions, and public education⁴⁶⁶. Students were subject to strict departmental regulations, were required to wear uniforms, could receive government scholarships and, most importantly, after completing their studies and passing the state exam, acquired the right to a rank (XII - IX) and a place in the civil service.

In accordance with the "Rules on professorial fellows" adopted on May 21, 1884 by the Ministry of public education, it was specified that persons who participated in the student years in riots, as well as otherwise declared their political unreliability, cannot be recommended for "professorial scholarships or foreign business trips"⁴⁶⁷.

⁴⁶² Ibid. P. 207.

⁴⁶³ Ibid. P. 257.

⁴⁶⁴ Ivanov A.E. Higher school of Russia in the late XIX - early XX century. Moscow, 1991. P. 3.

⁴⁶⁵ Ibid. P. 5.

⁴⁶⁶ Ibid. P. 20.

⁴⁶⁷ CSHA of SPb. F. 1129. R. 1. D. 28. P. 3.

In February – March 1899, Russia was shaken by the first all-Russian student strike, which covered 30 higher educational institutions. It was attended by more than 25,000 students⁴⁶⁸. The scale, good organization and support of students' demands by the public forced N.P. Bogolepov to convene a meeting with the participation of rectors of universities and Trustees of educational districts. The participants of the meeting were invited to discuss measures based on the current legislation that "contribute to the establishment of peace in higher schools, the establishment of the correct course of training and improving the life of students"⁴⁶⁹.

In 1899, on the personal instructions of Nicholas II, P.S. Vannovsky, the future Minister of public education after N.P. Bogolepov, led the investigation of student unrest at St. Petersburg University and other higher educational institutions⁴⁷⁰. Officially, it is believed that the reason for them was the appeal of the University's rector V.I. Sergeevich to students with harsh remarks. By that time, the General atmosphere among the students was tense, which led to their meeting in response to the actions of the rector. When the students went out on February 8, 1899, the mounted police began to beat them with whips without warning. S.Yu. Witte criticized the actions of the authorities in this situation, in particular, excessive brutality on the part of the police⁴⁷¹.

After the events were widely publicized, students of the Military medical academy, Technological, Mining, Forestry, and Electrical engineering institutes joined the students of Saint Petersburg University. There was also unrest in the universities of Kiev and Kharkiv. As for Moscow University, about 170 students were excluded by the decision of its management. P.S. Vannovsky rightly considered the actions of the police in this situation one of the reasons for the increase in the number of student unrest, as a result of which many police officials, mostly occupying secondary positions, were subjected to various penalties. Nicholas

⁴⁶⁸ Avrus. A.I. History of Russian universities: Essays. Moscow, 2001. P. 84.

⁴⁶⁹ A brief overview of the activities of the Ministry of public education during the administration of the Minister N.P. Bogolepov // Journal of the Ministry of public education. SPb., 1901. July. P. 53.

⁴⁷⁰ Gospodarik Yu. Ministers of the pre-revolutionary era. Pyotr Semyonovich Vannovsky // Higher education in Russia. № 4, 2002. P. 143.

⁴⁷¹ Witte, S.Yu. Memories. Vol. 2. M., 1960. P. 198.

It was presented with a report on the results of the investigation conducted by P. S. Vannovsky, which, among other things, contained proposals to allow students to elect from among their number of course leaders and hold course meetings. Unfortunately, the idea of granting more academic freedom to students at that time did not receive further development.

The Minister N.P. Bogolepov, being, according to the memoirs of contemporaries, a monarchist and conservative, advocated the gradual introduction of new provisions of legislation without radical changes to the University Charter of 1884. He managed to convince the participants of the meeting, who prepared three circulars as a result of their work⁴⁷².

The first circular entered into force on June 27, 1899 and concerned the activities of the University Inspectorate. N.P. Bogolepov in it pointed out the desirability of changing the order of the inspection from control over students to help them in their extracurricular activities, in particular, to help them find sources of external income, places to live and other related issues. Initially good for students, the idea eventually turned into a sharp decline in the authority of the Minister in the academic community – the new powers of the inspection led to an increase in the number of inspectors and their assistants⁴⁷³, this led to the reallocation of the Ministry's expenses from student scholarships and faculty salaries to the maintenance of new inspectors.

The second circular only worsened the overall situation. On the eve of the new academic year, on July 5, 1899, a circular appeared in which the Minister raised the issue of the uneven distribution of students among individual universities. In his opinion, there were few students in the provincial universities, while the capital's universities and Kiev University were overcrowded. This led to a de facto ban on entrants choosing a higher education institution outside of their school district from the new school year. The restrictions did not apply to the historical and philological faculties, which were traditionally not popular among students after the introduction

⁴⁷² RSHA. F. 733. R. 151. D. 298. P. 45, 48, 51.

⁴⁷³ Approximately 1 assistant inspector per 150 students.

of the Charter in 1884. These changes led to the fact that talented applicants from the periphery lost the opportunity to enter the largest universities, which were at that time the centers of science. It also affected the aggravation of the national issue⁴⁷⁴.

The third circular was issued on July 21, 1899 and included measures aimed at closer cooperation of the faculty with students, so teachers were assigned additional responsibilities – to lead scientific and literary circles, to create choirs and orchestras for students interested in music, thus "taking their time and directing the thoughts of young people in the right direction with their moral authority"⁴⁷⁵. The approach to teaching was also revised to increase the number of practical classes in the form of seminars at the expense of lecture hours, which led to a significant increase in the educational load and the need to attract new teachers. The problem was that N.P. Bogolepov was in conflict with the Finance Minister S.Yu. Witte, who did everything to discredit his opponent in the face of the public and the highest Imperial bureaucracy. Not enough money was allocated for the reform, as a result, teachers received additional classroom and extracurricular workload without additional payment⁴⁷⁶.

The main mistake of N.P. Bogolepov as Minister of public education is called by contemporaries the adoption of "Temporary rules on serving military service as a punishment for students of higher educational institutions who are excluded for collective disorders" from July 29, 1899 (hereinafter - the Temporary rules of July 29, 1899)⁴⁷⁷. Their use later became one of the reasons for the sharp increase in political activity of students.

In accordance with these rules, enlistment in the military became the highest measure against instigators and participants of student unrest, without taking into

⁴⁷⁴ A brief overview of the activities of the Ministry of public education during the administration of the late Minister N.P. Bogolepov // Journal of the Ministry of public education. SPb., 1901. July. P. 56.

⁴⁷⁵ Ibid. P. 57.

⁴⁷⁶ Novikov M.V., Perfilova T.B. Universities of Russia at the turn of the XIX-XX centuries: an experiment with officials from the enlightenment (N.P. Bogolepov, G.E. Zenger) // Yaroslavl pedagogical bulletin. 2015. № 2. P. 156.

⁴⁷⁷ RSHA. F.733. R. 151. D. 298. P. 45.

account either age or health status⁴⁷⁸, nor any other conditions that exempt the student from military service. A special meeting chaired by the educational district Trustee, which included delegates from the three ministries of the military, interior, and justice, and representatives of the University's faculty, was held to review cases in this category. After reviewing the evidence and determining the degree of guilt of the student, the Commission could send him for service for a period of one to three years. At the end of the designated period, the student could return to their higher education institution. N.P. Bogolepov justified the adoption of the Provisional rules of July 29, 1899 by pressure from government circles led by S.Yu. Witte, who considered his policy towards rebellious students was ineffective⁴⁷⁹.

The temporary rules of July 29, 1899 provoked a wave of student protests in 1900, which began at Kiev University and then spread to other universities. Students demanded the abolition of that rules, changes to The University Charter of 1884 in terms of easing state interference in the affairs of universities. On the personal order of N.P. Bogolepov, 183 students of Kiev University were sent to the army for obstructing one of the teachers they accused of dilentantism. This decision was fatal for the Minister — on February 14, 1901, he was fatally wounded by a former student of Moscow University, Pyotr Karpovich, who was a member of the Socialist – revolutionary party. As the investigation found, the cause of the murder was revenge for the expelled students of Kiev University. Bogolepov's tenure as Minister of public education was described as "one of the saddest epochs in the history of universities"⁴⁸⁰. His reactionary and conservative policy towards the academic community was considered ineffective at the highest level, which encouraged Nicholas II to think about applying a different approach, aimed at making concessions to students and liberal-minded teachers.

⁴⁷⁸ Those who were unable to serve on medical grounds were assigned to "non-combatant positions" in accordance with article 8 of the Provisional rules of July 29, 1899.

⁴⁷⁹ Novikov M.V., Perfilova T.B. Universities of Russia at the turn of the XIX-XX centuries: an experiment with officials from the enlightenment (N.P. Bogolepov, G.E. Zenger) // Yaroslavl pedagogical bulletin. 2015. № 2. P. 158.

⁴⁸⁰ RSHA. F.733. R. 151. D. 298. P. 48.

On March 24, 1901, P.S. Vannovsky was appointed the new Minister of public education. According to the estimates of contemporaries, this appointment should have had a most beneficial effect on the situation of students. S. Yu. Witte noted that, despite his reputation as a man of the most conservative views, Pyotr Semyonovich was firsthand familiar with the inner life of higher education institutions and sincerely believed that students can get along peacefully⁴⁸¹. In particular, one of his first decisions as Minister of public education was to repeal the Temporary rules of July 29, 1899.

The main content of the activity of P.S. Vannovsky was the development of a plan for the transformation of secondary educational institutions and universities. In April 1901, the University boards and corresponding boards of other higher education institutions were asked, through the educational district Trustees, to express their views on desirable changes to the Charter. The received reviews, with all their diversity, agreed on the need to legalize student organizations and introduce new elements of university autonomy⁴⁸².

In an article written in 1904, Professor V.I. Vernadsky noted the following: "for a year in the Vannovsky era, in the councils of all universities, professors of diametrically opposed political views criticized the university order. The overwhelming majority of them spoke out against the provisions of the current University Charter of 1884 that restrict university autonomy"⁴⁸³.

The proposals received were combined into a systematic set, and in August 1901 a meeting was called with the participation of the Synod's chief Prosecutor, the Ministers of Finance, Justice, Railways, Internal affairs and others. The meeting considered it necessary to establish the same rules in higher education institutions in the sense that permission in one would not be penalized in the other, and also discussed the organization of student institutions, as well as emergency joint

⁴⁸¹ Witte S. Yu. *Memories*. T. 2. Moscow, 1960. P. 200.

⁴⁸² RSHA. F.733. R. 151. D. 297. P. 24.

⁴⁸³ Vernadsky V.I. *Articles*. Moscow, 1995. P. 28.

measures of the university administration, police and army to curb student unrest⁴⁸⁴. After this meeting, several more meetings were held on various issues of regulating the internal life of the academic community.

The meeting of the Council of higher educational institutions of the Ministry of public education on November 6, 1901 was the first step towards the revival of a special judicial body at higher educational institutions, whose competence included the consideration of cases of disciplinary offenses by students⁴⁸⁵. The meeting was chaired by Vice-Minister of public education Grigory Eduardovich Zenger.

He graduated from the faculty of history and Philology of Saint Petersburg University in 1874, after which he devoted his life to teaching and research. In 1897, he became the rector of the University of Warsaw, and from 1900 was involved in the work of the Minister of public education N.V. Bogolepov in the Commission for the reform of secondary schools. Having proved himself in this activity, November 17, 1901 Grigory Eduardovich took the post of comrade Minister of public education and at the same time headed the Commission on the creation of professorial disciplinary courts. S.Yu. Witte assessed G.E. Zenger as a person of "crystal purity, but a worthless administrator"⁴⁸⁶. Other contemporaries shared a similar opinion⁴⁸⁷, noting his unwillingness to follow the reactionary policy of the state authorities, which eventually led to his resignation on January 23, 1904 and the appointment of General Glazov, head of the military Academy, as Minister of public education⁴⁸⁸.

In his new position Grigory Eduardovich started implementing projects aimed at liberalizing academic life. In particular, it was under his leadership that the post of curator of the course was created in higher education institutions, which was elected by the University Council, and whose duties included representing the interests of students of the corresponding course before the administration, and students were

⁴⁸⁴Rozhdestvenskiy S.V. Historical overview of the activities of the Ministry of public education. 1802-1902. Saint Petersburg., 1902. P. 701.

⁴⁸⁵ Minutes of the meeting of the Council of higher educational institutions of the Ministry of public education of November 6, 1901 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 2-4, 6-8, 10-13.

⁴⁸⁶ Witte S.Yu. Memories. T. 2. Moscow, 1960. P. 205.

⁴⁸⁷ Afanasiev N.I. Contemporaries. Album of biographies. Vol. 1. SPb., 1909. P. 77.

⁴⁸⁸ Grigory Eduardovich Zenger // Higher education in Russia, № 4. 2002. P. 149.

also able to elect course supervisors. He agreed on the possibility of being expelled with the participation of N.P. Bogolepov students of Kiev University to recover from the new, 1903/1904 academic year, partially canceled the set standards of the capital's universities, returning the opportunity for applicants from the periphery to enter universities in St. Petersburg and Moscow. A separate undertaking in late 1902 was the preparation of a new University Charter, but Emperor Nicholas II ignored the draft Charter; he was much more interested in student unrest and ways to resolve it, which resulted in the creation of the Professor's disciplinary court, where Grigory Eduardovich's liberal orientation was very useful⁴⁸⁹.

So, the question raised by G.E. Zenger at the Meeting of the Council of higher education institutions about whether it is desirable to restore the University court met with support: the restoration of this body was considered very desirable.

The rector of Kazan University D.I. Dubyago found it necessary to remove the trial of students from the jurisdiction of the University boards and their respective administrative bodies in other higher educational institutions and transfer it to a special disciplinary court elected by the Council of higher educational institutions from its members. This court, according to D.I. Dubyago, reviewing the cases of students and imposing appropriate penalties on them, in more important cases turns into an "investigative chamber", which examines the case and passes the collected materials to the discretion and permission of the Council⁴⁹⁰.

The rector of Kharkiv University N.O. Kuplevasky and the rector of Novorossiysk University F.N. Shvedov proposed to introduce a University court on the basis set out in the University Charter of 1863. In particular, the court should elect 3 members, one of whom should represent the faculty of law⁴⁹¹.

The rector of the University of St. Vladimir in Kiev, F.Ya. Fortinsky, pointed out that the competence of the newly formed body should be expanded in comparison with the University Charter of 1863, according to which the following

⁴⁸⁹ Ibid. P. 150.

⁴⁹⁰ Minutes of the meeting of the Council of higher educational institutions of the Ministry of public education of November 6, 1901 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 4.

⁴⁹¹ General Charter of the Imperial Russian universities of June 18, 1863. § 58.

cases were assigned to the court: (1) students violating the order in the buildings and institutions of the University, established by special rules of each of them; (2) clashes between students on the one hand and teachers and University officials on the other⁴⁹².

According to F.Ya. Fortinsky, it was necessary to include in the competence of the established court and proceedings on such student misconduct, which, although not causing prosecution by the state, but, nevertheless, the perpetrator of such misconduct is "an inconvenient and undesirable member of the student society"⁴⁹³.

During the meeting, other issues related to the activities and competence of the disciplinary court were also considered. In particular, it was proposed to provide for a procedure in which the right to submit cases to the disciplinary court has only the Board of universities and its corresponding bodies in other universities. In the future, this initiative was not implemented, and only the rector (Director) of the University had the right to submit cases to the disciplinary court.

As for penalties, the highest measure was proposed to be the removal of the guilty student from the University. For less important offenses, arrest would be provided, and if the perpetrator did not want to submit to such a sentence, it would be necessary to remove him. Sessions of the disciplinary court were proposed to be held with the doors closed to outsiders.

One of the most discussed issues was the composition of the body to be established. It was proposed to increase the number of members of the disciplinary court in comparison with section 58 of the University Charter of 1863 from three to five. In this case, four judges would represent different faculties, and the Chairman of the court as the fifth would be elected by the University Council without reference to a particular faculty. One of the members of the judges, on the proposal of the Chairman, would act as Secretary.

As for the term of election, it was decided to set it at one year with the possibility of re-election of the same person an unlimited number of times. An

⁴⁹² Minutes of the meeting of the Council of higher educational institutions of the Ministry of public education of November 6, 1901 P. 6.

⁴⁹³ Ibid. P. 8.

important condition was that judges and the Chairman of the court should be elected only from professors who did not hold administrative positions in the corresponding higher educational institution. As time has shown, this condition was violated, in connection with which the elected Chairman of the first composition of the disciplinary court of St. Petersburg University F.F. Martens wrote a petition to the rector to be dismissed from the position of Chairman of the disciplinary court because of his employment in administrative positions of the University and being on a foreign business trip during the voting⁴⁹⁴.

In addition to directly serving as judges of the disciplinary court, it was also intended to elect candidates for judges who could replace absent members of the court. If the Chairman of the court was absent from the session, his duties would be performed by a senior civil service member of the court, and the latter's place would be taken by a candidate for judge belonging to the corresponding faculty.

The rector of Moscow University, A.A. Tikhomirov, expressed the opinion that the disciplinary court should include representatives of local judicial boards (the judicial chamber, the District court or the Congress of magistrates) in addition to professors. In his opinion, the participation of representatives of the judicial community in the activities of the disciplinary court "would bring appropriate experience and greater knowledge of judicial procedures, which would give more guarantees of compliance with procedural forms"⁴⁹⁵.

The need to introduce members of judicial panels into the court was also explained by the nature of the cases under the jurisdiction of the disciplinary court. According to the members of the Council, the disciplinary court should have been responsible for serious misconduct, resulting in dismissal from the University and prolonged arrest. However, these misdemeanors are not always committed against the academic community. In particular, these offenses include participation in

⁴⁹⁴Petition of F.F. Martens addressed to the rector of the Saint Petersburg University A.H. Golmsten dated October 21, 1902 // CSHA SPb. F. 14. R. 1 D. 9703. P. 15.

⁴⁹⁵ Minutes of the meeting of the Council of higher educational institutions of the Ministry of public education of November 6, 1901. P. 10.

unauthorized communities in higher education institutions, prohibited gatherings, and so on, i.e., offenses based on a state-wide ban.

It should be noted that at the initiative of A.A. Tikhomirov, it was proposed to give the majority of seats in the disciplinary court (3 out of 5) to representatives of the judicial Board, who would choose the Chairman of the disciplinary court from among their number.

The decision to include members of judicial panels in the professorial disciplinary court was supported by all members of the Council.

As for instituting proceedings in the disciplinary court, it was suggested that this right should be granted to the Vice-rector, the University inspector, the rector and the management Board, on the condition that other persons could submit applications to the disciplinary court through these bodies.

The sentence of the disciplinary court was proposed to be considered final, but in case of violation of the legal forms of proceedings, the person who was awarded the highest penalty in the system of disciplinary penalties – dismissal from the University – would have the right to apply to the same court for clarification of the error with a request for review of the case. If the court refused, the person would have the right to apply to the Trustee of the educational district or the Minister of public education himself, who could order the same or a different composition of the disciplinary court to re-examine the case.

The last issue discussed was the creation of a special "disciplinary code", following the example of the Rules of the Moscow University in 1868, which would list student misdemeanors within the jurisdiction of the disciplinary court. At the same time, it was intended to establish that the disciplinary court can examine these offenses not only when they were committed within the walls of a higher educational institution and its institutions, but also outside them. Penalties for minor disciplinary offenses not provided for in the disciplinary code could be imposed by the rector (Director) or Vice-rector.

The next step in establishing a professorial disciplinary court was the creation of a special Commission of elected representatives of higher education institutions to prepare a document outlining the main principles of this body's activities.

In a letter dated December 19, 1901, the then Minister of public education P.S. Vannovsky asked G.E. Zenger "to entrust the investigation of student misconduct to a special court formed from elected teachers of the relevant higher educational institutions"⁴⁹⁶. This was intended as a temporary measure, since in the future it was planned to introduce provisions regarding the disciplinary court in the draft of the new University Charter⁴⁹⁷. G.E. Zenger was asked to form a Commission at his discretion to develop temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education. At the same time, it was proposed to use the Rules on the court of the University of Warsaw of 1869 as a model⁴⁹⁸.

In addition, the Minister indicated in his letter that when developing the document, it is necessary to clearly outline the power of the rector to impose disciplinary penalties on students, as well as to draw up a ladder of punishments⁴⁹⁹.

Already on December 21, 1901, G.E. Zenger sent a letter to the rector of the Imperial Saint Petersburg University, Adolf Hristianovich Golmsten, inviting him to become a member of the Commission for the development of Temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education. In the above-mentioned letter, a friend of the Minister informed that the first meeting of the Commission was scheduled for the next day, December 22, at 2 p.m. in the Ministry building. In addition, G.E. Zenger said that at the

⁴⁹⁶ Letter of the Minister of national education P.S. Vannovsky to the Minister of public education G.E. Zenger dated December 19, 1901, № 604 // CHSA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 8.

⁴⁹⁷ Olkhovsky E.R. Student movement at the turn of the XIX-XX century. the Birth of the Bolshevik organization at the St. Petersburg University // Essays on the history of Leningrad University, Vol. 6. Leningrad, 1989, P. 111.

⁴⁹⁸ Rule on the professorial disciplinary court of the University of Warsaw of 1869 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 10.

⁴⁹⁹ Letter of the Minister of national education P.S. Vannovsky to the Vice-Minister of public education G.E. Zenger dated December 19, 1901. № 604. P. 9.

request of Adolf Khristianovich, Alexander Ivanovich Vvedensky, an extraordinary Professor at Saint Petersburg University, was included in the Commission⁵⁰⁰.

It should be noted that only Saint Petersburg University had two representatives in the Commission. In addition, only A. I. Vvedensky was the only representative from universities who did not hold the position of rector (Director).

By that time, a special Commission created by the University Council on behalf of the Minister of public education, headed by the rector A.H. Golmsten, had prepared an opinion on the issue of penalties imposed on students by the disciplinary court. In addition to A.H. Golmsten, the Commission also included the Dean of the faculty of law, D.D. Grimm, and A.I. Vvedensky. The report itself was sent to the Trustee of the St. Petersburg educational district, V.K. von Anrep, along with a cover letter dated December 21, 1901, for further submission to the Minister⁵⁰¹.

The designated report contained the following list of disciplinary penalties: (1) a reprimand; (2) a reprimand brought to the attention of all students through a written explanation; (3) a monetary fine of 1 ruble to 10 rubles; (4) an arrest of 1 day to 14 days⁵⁰²; (5) dismissal from the University before the start of the nearest or next school year with the right of immediate admission to other institutions of higher education; (6) dismissal from the University on the same terms, but with the restriction of the right to enroll in other universities for the same or less time; (7) permanent dismissal from the University with the right to enroll in other universities at the beginning of the next academic year⁵⁰³.

The conclusion itself began with a criticism of the current system of disciplinary penalties. It was noted, in particular, that this system is designed for cases where individual students are subject to penalties, and is almost inapplicable to mass misconduct. At the same time, the disciplinary body of the higher educational

⁵⁰⁰ Letter of Vice-Minister of public education G.E. Zenger to the rector of the Imperial St. Petersburg University A.H. Golmsten dated December 21, 1901, №. 610 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 15.

⁵⁰¹ Report to the rector of the Saint Petersburg University, the Trustee of the Saint Petersburg educational district, V.K. von Anrep, dated December 21, 1901, №. 15966 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 23.

⁵⁰² The penalty money could be used for the maintenance of students who were arrested, and the remainder of them at the end of the school year was transferred to the society for mutual assistance to insufficient.

⁵⁰³ By imposing penalties starting from paragraph 2, the disciplinary court could deprive the offender of the right to be elected as a headman for a certain period or indefinitely.

institution had only a reprimand and arrest as penalties, since mass dismissal of students could cause serious consequences (for example, large student gatherings). In the opinion of the Commission, the reprimand has a significant corrective effect on individual students, but it does not have enough effect on groups of students. As for arrest, it also cannot be applied in cases of mass misconduct⁵⁰⁴. All of the above, according to the Commission members, led to such negative consequences as the development of a system of fictitious dismissals, when dismissed students return after a short period of time with the threat of final expulsion after repeated misconduct, and the banal ignoring of mass misconduct of students. It is for this reason that the Commission, which was guided by the experience of Western universities, proposed a monetary fine as one of the penalties.

In the accompanying letter, A.H. Golmsten noted that the maximum period of arrest should also be limited from 28 days to 14 days, since in practice, an arrest of more than 14 days has never been imposed because of its harm to the health and educational activities of students⁵⁰⁵.

The most important issue considered by the Commission members was the need to change such penalties as the dismissal of a student from a higher educational institution. It was noted, in particular, that according to the rules in force at that time, students can only be dismissed indefinitely, while adding a prohibition to enter other educational institutions for a certain period or indefinitely⁵⁰⁶.

Meanwhile, it is quite possible that a student can be removed from a higher education institution temporarily, without losing the right to enroll in another higher education institution. For example, if you have a personal conflict with a teacher who lectures only in a certain half-year, or if you get into bad company. At the same time, it was not denied that a student can be a dangerous element of any academic community, not only of their higher education institution, but the disciplinary court in any case does not have the right to deprive a convicted person of the right to

⁵⁰⁴ Report of the rector of Saint Petersburg University to the Trustee of the Saint Petersburg educational district V.K. von Anrep dated December 21, 1901, No. 15966. L. 24.

⁵⁰⁵ Zhukovskaya T.N., Kazakova K.S. Russian student of the pre-reform era: norms and everyday life of the Corporation / T.N. Zhukovskaya, K.S. Kazakova. // National history. 2007. № 6. P. 45.

⁵⁰⁶ Rules for students in universities from May 18, 1885, Art. 31. // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 24.

higher education. This penalty can only be imposed by a regular court. Therefore the most severe penalty was proposed to be indefinite dismissal from a higher educational institution with the right to enter other higher educational institutions at the beginning of the next academic year⁵⁰⁷.

As for the procedure for approving sentences of a disciplinary court, the Commission suggested that a rule should be established whereby all sentences of this court would be approved by the Council of a higher educational institution. As A.H. Golmsten wrote, this should be done for two reasons: (1) by approving the sentences of the disciplinary court, the Council of higher education institutions would give them greater authority; (2) only under this condition can the members of the disciplinary court pass sentences "with due rigor without any fear of causing any personal reproach"⁵⁰⁸.

It was proposed to review cases in the disciplinary court only if there was a reasonable doubt about a judicial error, otherwise "the disciplinary court would not have any respect among the students"⁵⁰⁹.

In the final part of the letter, A.H. Golmsten pointed out that, in the opinion of the Commission, the rules on the procedure for initiating, investigating a case and the procedure for filing a case in a disciplinary court should be drawn up by the Council of the higher educational institution, in order to take into account all local features.

As noted above, the Commission's opinion was initially sent to the Trustee of the Saint Petersburg educational district for further transmission to the Minister of public education. On December 22, 1901, V.K. von Anrep sent the text of the conclusion to the Ministry of public education with a cover letter, in which he criticized this conclusion.

He noted, in particular, that the procedure under which all disciplinary court sentences are approved by the Council of the higher educational institution has a

⁵⁰⁷ Report to the rector of the Saint Petersburg University to the Trustee of the Saint Petersburg educational district, V.K. von Anrep, dated December 21, 1901, №. 15966 // RSHA. Fund 733. Register 151. Document 297. P. 25.

⁵⁰⁸ Ibid. P. 27.

⁵⁰⁹ Ibid. P. 28.

number of disadvantages: (1) first, a reprimand of a student does not require a decision of a body that consists of an average of 70-100 members. In addition, in this case, it will not be possible to expect a prompt decision on the case, since an emergency meeting of the Council will have to be called for each case. The authority of the judges of the disciplinary court, according to V. K. von Anrep, in this case will be quite sufficient. Otherwise, the approval of the court's verdict by the Council will turn either into a simple formality, or lead to significant and unnecessary complications⁵¹⁰; (2) second, the proposal to include a monetary fine in the number of disciplinary penalties was criticized, since the possibility of paying off the punishment would diminish the authority of the disciplinary court. Their use was possible only for damage to the property of a higher educational institution⁵¹¹.

It is important to note that V.K. von Anrep participated in the work of the Commission on the development of temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education, and his proposals were eventually taken into account in the preparation of this document⁵¹².

The first meeting of the Commission for drafting the provisional rules of professorial disciplinary court of the higher educational institutions of the Ministry of public education on December 22, 1901. It began with the fact that G.E. Zenger, Chairman of the Commission, suggested that to see the material work of the University courts until their abolition under the provisions of the University Statute of 1884.

The members of the Commission concluded that after 1884, the only higher education institution in which the University court continued to operate was the University of Warsaw. The rules under which it operated were in accordance with the provisions of the University Charter of 1863.⁵¹³

⁵¹⁰ Report of the Trustee of the Saint Petersburg educational district V.K. von Anrep to the Minister of national education P.S. Vannovsky dated December 22, 1901, № 17270 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 21.

⁵¹¹ Ibid. P. 22.

⁵¹² The structure of the Commission is indicated in Appendix 1.

⁵¹³ Minutes of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education of December 22, 1901 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 27.

According to the Rules on the court of the University of Warsaw⁵¹⁴ The Council elected from among the professors three judges and three candidates for judges, who were involved in the proceedings in the case of illness or absence of one of the judges.

It should be noted that in accordance with the rules, the Chairman of the court was necessarily a Professor-lawyer, even if he did not receive the largest number of votes, and lawyers had to be at least one judge and one candidate for judge. In this way, the drafters sought to guarantee the correct legal procedure on the formal side by attracting the experience and knowledge of legal professors in the Court.

The University court of the University of Warsaw was responsible for the following categories of cases involving students:

1. About violation by them in buildings and institutions of the University of the order established by internal rules of the University.
2. About collisions between students on the one hand and teachers and University officials on the other, even if they occurred outside the buildings and institutions of the University.

The University court received cases from the University Board, and the court was informed of all information related to the relevant case. If the court considered the information insufficient, it could instruct the University inspector to fill in the missing information. After receiving the case from the Board, the Chairman of the court appointed the date and time of the court session, and the witnesses and parties to the case were called by sending them subpoenas through the University inspector. Sessions of the court were appointed by the Chairman as necessary. The issue of non-appearance of the accused was regulated separately. If the accused did not appear at the place of the meeting, he was called again. If the accused did not appear for a second time without a valid reason, the case was considered in his absence. In addition, in this case, he was liable for failure to appear without a valid reason, even if he was acquitted.

⁵¹⁴ Rules on the court of the University of Warsaw // RSHA. F. 733. R. 154. D. 543. P. 4-7.

As for the procedure of proceedings in cases, the trial itself was held in private, but with the participation of the accused and witnesses⁵¹⁵. The witnesses were questioned separately in the presence of the accused. The trial was oral with written verdicts, which were brought to the attention of the University Council, as well as entered in a special book of court decisions with the signatures of all judges and/or candidates for judges who took part in the trial. The fact that the accused, after receiving the summons, but before the start of the court session, filed a request for his expulsion from the University, did not exempt him from responsibility before the University court.

The Rules regulated the issue of dual jurisdiction. If the violation of internal University rules was accompanied by a violation of criminal law, the University court was obliged to exclude the student from the University and transfer the Protocol and all necessary information to the General judicial institutions.

As we will see later, these provisions have influenced the regulation of professorial disciplinary courts, even if not in full.

At the time of the meeting of the Commission various bodies were dealing with student disciplinary offenses in different higher educational institutions⁵¹⁶.

The Commission determined that at that time, all higher education institutions, except the Tomsk Institute of technology and St. Petersburg women's medical courses, had their own special rules on penalties imposed on students, while the University of Warsaw and the Demidovsky law lyceum had fairly detailed rules on the procedure of preliminary investigation and the procedure of record-keeping in the disciplinary court and the Board, respectively. These rules in the period from 1863 to 1884 were available at each University, where they were drawn up by the Board and approved by the Trustee of the educational district.

Based on these materials, the Commission concluded that it was necessary to create rules for the organization of a disciplinary court common to all higher

⁵¹⁵ The rules did not specify the need for the victim to be present during the hearing, but in practice, in most cases, the victim participated in court sessions.

⁵¹⁶ See: Appendix 2.

educational institutions, after which the Chairman raised the question of the composition of the court.

When discussing this issue, the Commission unanimously decided that the number of judges in the disciplinary court should be more than three, otherwise serious difficulties may arise. In particular, the rector of Moscow University A.A. Tikhomirov told about a case when during the student unrest of 1899 the Board of Moscow University consisting of 7 persons (4 deans, an inspector, the rector and his assistant) could not cope with 480 defendants, and some functions (in particular, preliminary investigation) were entrusted to the faculty secretaries⁵¹⁷.

A sharp discussion arose around the question of the principle by which members of the disciplinary court should be elected. A.H. Golmsten proposed to elect one judge from each faculty, while the Chairman of the court would be elected by the Council independently of the faculty. Also, according to the members of the Commission, it is necessary to have a professor-lawyer not only as a judge, but also as the Chairman of the court. This was explained by the lawyer's knowledge of the procedure of record keeping and "the impression that the presence of a lawyer makes on the defendants, especially during interrogation"⁵¹⁸.

The rector of Saint Petersburg University, A.H. Golmsten, pointed out the fact that the Chairman of the court, who is unfamiliar with legal techniques, "with all the desire to act correctly, can allow one or another undesirable awkwardness"⁵¹⁹. According to the personal experience of the rector of Saint Petersburg University, when in 1900 the University Board often encountered difficulties in procedural matters during proceedings on student riots, the presence of a lawyer helped the Board to resolve disputes.

Against the latter proposal was supported by the representatives of technical universities, vet institutions and higher female schools where there were no lawyers,

⁵¹⁷ Minutes of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the Professor's disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education dated December 22, 1901. L. 30.

⁵¹⁸ Ibid. P. 31.

⁵¹⁹ Ibid. P. 32.

but where, nevertheless, in adjudicating student misconduct have not met any difficulties, and hardly at tact of the Chairman, there may be difficulty.

For his part, the Chairman of the Commission, G.E. Zenger gave an example from practice the disciplinary court of University of Warsaw, when the Chairman of the said court, being professor of the law faculty, as a result of nervousness and excited state, with all the knowledge of the procedural side of the procedure, asked the defendant a number of unnecessary questions about their attitudes to and views on honoring the memory of one political figure, as well as their solidarity with participants of one rally, after that the defendants even filed a complaint against the actions of the Chairman of the disciplinary court to the rector of the University of Warsaw⁵²⁰.

While not denying the benefits of having a professor of law present in the disciplinary court, the Commission Chairman indicated that he saw no reason to require that a law Professor should necessarily be the Chairman of the disciplinary court. A similar opinion was expressed by them regarding the rule on the representation of judges from faculties, since the Council of a higher educational institution cannot be limited to the mandatory election of representatives of different faculties. The Council, according to G.E. Zenger, was not a mechanical combination of faculties, but something integral, and its members are considered not as representatives of the faculties, but as persons representing the General interests of the corresponding higher education institution⁵²¹. Also, if the principle of faculty representation in the disciplinary court is used, students may have ideas that in this case the number of judges from the faculties should be directly proportional to the number of its students and listeners.

During the discussion on the term for which members of the disciplinary court and candidates should be elected, N.I. Tavildarov suggested that the term of office of members of the Court should be longer than the provisions of the University Charter of 1863, in order to allow judges to acquire sufficient practical experience.

⁵²⁰ Ibid. P. 31.

⁵²¹ Ibid. P. 33.

For this purpose, according to N.I. Tavildarov, it would be desirable to update the composition of the disciplinary court not immediately, but gradually, replacing one or two judges after two or three years, so that the remaining three judges can be replaced a year later⁵²².

Most of the members of the Commission did not agree with this opinion because professors of higher educational institutions already have a large number of responsibilities as members of the Board, Council, faculty members, as well as heads and chairmen of a number of student organizations. Therefore, it would be necessary to limit the term of performance of the duties of a judge and a candidate for a judge to one year. In addition, mistakes may be made in the election of a judge. For example, a person may be elected as a member of a disciplinary court who, during the course of a year, does not fully meet the nature of the duties of a judge, so it is undesirable to leave him for a period exceeding one year. Most members of the Commission agreed with this.

After listening to these opinions, the Chairman of the Commission, G. E. Zenger, put to the vote the issues identified during the meeting⁵²³.

The second meeting of the Commission was held the next day, December 23, 1901 the Rector of Moscow University A.A. Tikhomirov and the Director of the St. Petersburg women's medical Institute D.O. Ott did not attend the meeting, which was noted in the protocol⁵²⁴.

To begin with, G. E. Zenger suggested discussing the issue of whether judges and candidates for judges elected by the University Council are approved, and if so, by whom?

Regarding this issue, the Director of the St. Petersburg Institute of technology, Kh.S. Golovin, said that in technological institutes, the examination of cases of student misconduct is entrusted to the Educational Committee, which consists of 15 persons. Thus, the composition of this Committee is very small, and cannot be

⁵²² Ibid. P. 34.

⁵²³ See: Appendix 3.

⁵²⁴ Protocol of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the Professor's disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education dated December 23, 1901 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 35.

compared with the councils of universities, where the number of their members reaches 100 or more people. While it is quite possible for University councils to select the required number of judges and candidates from among themselves, it is quite difficult for the training committees of technological institutes to do so, since all of them, due to their small number, are more or less engaged in administrative work⁵²⁵.

Kh.S. Golovin suggested to keep to its subordinate educational institutions and all other institutes of technology existing order in which proceedings in the student disciplinary offences, or create a Committee of two professors, or resolved over the composition of the education Committee for mass misconduct. Under this procedure, there is no need to approve judges.

Against the approval of the selected members of the disciplinary court by the Trustee of the educational district, the Director of the Kharkiv veterinary Institute, A.A. Raevsky, spoke out. In his opinion, students, seeing before them judges approved by the authority of the Trustee, will consider them elected under the pressure of the administrative authority, and such judges will not have any authority in the eyes of students⁵²⁶.

This statement was criticized by the Chairman of the Commission and Trustee of the St. Petersburg educational district, Vasily Konstantinovich von Anrep. According to their General opinion, the reforms should not be carried out with an eye on students. The Board, which elects members of the disciplinary court from its membership, does not know whether a person will be approved as a Trustee of the educational district. Otherwise, knowing that the Trustee wants certain individuals to be elected as judges, the Board will most likely not elect them.

G.E. Zenger separately noted that it may happen that a Trustee of an educational district or the Minister of public education, having full information about a particular elected judge or candidate for judge, will have such information

⁵²⁵ Ibid. P. 36.

⁵²⁶ Ibid. P. 36.

that this person cannot be admitted to a judge of a disciplinary court or to a candidate for judge. This is quite appropriate for the interests of the University⁵²⁷.

As for the students, according to V. K. von Anrep, "all their psychology in relation to this situation is that everything that makes up the administration should be eliminated, and the students themselves should elect members of the disciplinary court"⁵²⁸.

Turning to the question of the limits of the authority of the disciplinary court, the Commission found it necessary to find out whether a special code of penalties imposed on students for their disciplinary offenses is required.

During the discussion, the rector of Kharkiv University N. O. Kuplevasky noted that the court under the University Charter of 1863 was subject to: 1) misdemeanors for violating the rules established for students by a higher educational institution; 2) various actions of students committed by them both within the walls of the University and outside of them, disagreeing with the dignity of the student, if these actions were publicized.

As for the classification of disciplinary offences, it is not required, as is the list of all types of punishable acts. Within a higher education institution, a body such as the disciplinary court should have sufficient discretion in making its decisions.

All present agreed with this opinion, after which the Commission began to consider the following question: are decisions of the disciplinary court reported to the Council of higher education institutions for information or approval?

At the University of Warsaw in accordance with the Rules of 1869⁵²⁹ and the University Charter of 1863⁵³⁰ students were subject to removal by a disciplinary court for 1 or 2 years after approval by the University Council, as well as expulsion after a disciplinary court order approved by the University Council and the educational district Trustee.

⁵²⁷ Ibid. P. 37.

⁵²⁸ Ibid. P. 38.

⁵²⁹ Rules on the court of the University of Warsaw 1869 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 10.

⁵³⁰ General Charter of the Imperial Russian universities of June 18, 1863 // PSZRI. T. XXXIX, part 1. Article 3.

This procedure, according to the Chairman of the Commission, G. E. Zenger, can cause great difficulties, since before the approval of the sentence by the Council, the court's report has to be considered, which can cause a debate in which it is very difficult to outline the circle beyond which the review of the sentence by the Council of higher education begins⁵³¹.

When voting on the need to approve decisions of the disciplinary court, the Commission members were based on the following arguments⁵³²: 1) the court shall consist of persons elected by the Council of higher educational institutions, and enjoys their trust; 2) if the Council of a higher educational institution to provide the right to approve decisions of the disciplinary court, as would the representatives of St. Petersburg University, every case will be tried on a, consisting of 100 or more individuals, which objectively does not allow to resolve cases promptly and carefully examine the case materials; 3) Review decisions of the disciplinary court, the Council of higher educational institutions will be to diminish the authority of the newly formed body⁵³³.

The third meeting of the Commission was held on December 26, 1901. it began with the fact that the Chairman of the Commission, G. E. Zenger, proposed to start the issue of the ladder of punishments⁵³⁴.

In preparation for the discussion, the Commission studied the provisions of the University Charter of 1884, The rules on penalties that were applied at the University of Warsaw⁵³⁵, as well as the draft Rules on penalties imposed on students, prepared by representatives of the faculty of law of Saint Petersburg University⁵³⁶.

The draft rules on penalties provided by representatives of Saint Petersburg University caused a number of comments from other members of the Commission.

⁵³¹ Minutes of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the Professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education dated December 23, 1901. L. 38.

⁵³² Ibid. P. 40.

⁵³³ Ibid. Appendix № 4.

⁵³⁴ Protocol of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the Professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education of December 26, 1901 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 42.

⁵³⁵ Rules on the court of the University of Warsaw 1869 L. 10.

⁵³⁶ Report to the rector of the Saint Petersburg University, the Trustee of the Saint Petersburg educational district, V.K. von Anrep, dated December 21, 1901. № 15966 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. L. 23.

In particular, V. K. von Anrep pointed out that the monetary fine and arrest projected as disciplinary penalties, in his opinion, should not be included in the list of punishments. As for the dismissal of a student from a higher educational institution for a certain period, this penalty is possible only on the condition that at the end of the term, the dismissed person must be admitted to the same higher educational institution from which he was dismissed.

Regarding the monetary fine, the Commission members drew attention to the fact that the penalty in the list of punishments was set after a reprimand, so that a student who received a strict reprimand for a disciplinary offense, for a second offense will be subjected to a fine of one or two rubles. In this case, the reprimand will lose all its force. Regardless of this, at the time of the meeting of the Commission, monetary penalties were imposed on students only for spoiling their state things. To impose penalties for misconduct would be to instill in students the belief that their disciplinary misconduct can be paid off with a fine. In addition, the fine, according to the majority of members of the Commission, "appears to be an uneven punishment for wealthy and poor students"⁵³⁷.

It was also noted that in the case of establishing a monetary fine under the conditions assumed by Saint Petersburg University, i.e. with the conversion of part of the penalty amounts for the maintenance of students arrested by the disciplinary court, and part of the society for mutual assistance to insufficient students, such action is objectively impossible. Any newly established fee must go to the revenue of the Treasury, unless a special instruction of the Emperor has established that this fee can be used for other purposes. Therefore, the projected fine can be set only after approval by the Minister of Finance⁵³⁸.

With regard to arrest, almost all members of the Commission noted that this punishment cannot be applied in all higher educational institutions due to the lack of

⁵³⁷ Protocol of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the Professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education dated December 26, 1901, P. 43.

⁵³⁸ Ibid. P. 43.

premises in which the arrested can be held, as well as due to the composition of students (for example, Higher women's courses).

A.A. Tikhomirov pointed out that Moscow University has only 8 cells for holding 5,000 students under arrest. In addition, in his opinion, this punishment is not pedagogical, since during the arrest, the student is deprived of the right to attend lectures, if subjected to this punishment for a day period. If the student is subjected to punishment for the evening period, this punishment will turn into a very significant fine, since the student is deprived of evening earnings, which are sometimes the only means of livelihood. On the part of the educational institution, this measure of punishment causes excessive expenditure on the maintenance of the arrested. Based on the above arguments the majority of the Commission members rejected the possibility of including a monetary fine and disciplinary arrest in the list of disciplinary penalties⁵³⁹.

After that, the Commission began to consider whether the comment and reprimand that existed at that time in the list of penalties should be separated.

Regarding these two types of penalties, the opinion of the rector of Novorossiysk University, F.N. Shvedov, was expressed that there is no significant difference between them, and therefore only a reprimand should be left as a disciplinary penalty.

The majority of the members of the Commission were of the opinion that this distinction should be maintained, since a slight remark makes a very different impression on the offender than a formal reprimand, even if both punishments came from the same person. This ended the meeting of the Commission⁵⁴⁰.

The fourth meeting of the Commission was held on December 27, 1901. The Chairman of the Commission during this meeting was the Trustee of the St. Petersburg educational district V.K. von Anrep, since G. E. Zenger was absent⁵⁴¹.

⁵³⁹ Ibid. P. 45.

⁵⁴⁰ See: Appendix № 5.

⁵⁴¹ Minutes of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the Professor's disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education dated December 27, 1901 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 47.

The first issue discussed was whether to keep a reprimand in the penalty book as a disciplinary penalty. The majority of members of the Commission spoke against this order, since the very name "penalty book" gives the reprimand the nature of a penalty characteristic of a secondary educational institution. All members of the Commission agreed that two types of reprimands should be retained, but in a different form: 1) a reprimand imposed by the sole authority of the head of a higher educational institution; 2) a reprimand imposed by a disciplinary court. Thus, the Commission established a third disciplinary penalty – a reprimand on the verdict of the disciplinary court.

Professor of Saint Petersburg University A. I. Vvedensky and rector of Saint Petersburg University A. H. Golmsten again raised the question of the need to include a monetary fine and disciplinary arrest in the list of disciplinary penalties. The other members of the Commission denied the arguments of the representatives of Saint Petersburg University, so the Commission decided by a majority of 10 votes not to include a monetary fine and disciplinary arrest in the list of disciplinary penalties⁵⁴².

A long discussion was raised about the possibility of introducing such a measure as a temporary ban on attending a higher education institution into the list of disciplinary penalties. On the one hand, it could help with mass riots, when there are several agitators among the student Assembly, who are quite reasonable to exclude from attending higher education. Representatives of technological institutes and women's higher education institutions suggested that a temporary ban on attending an educational institution should be included in the list of disciplinary penalties imposed by the disciplinary court, for the reason that this measure is equivalent to house arrest or even temporary removal from higher education. Director of the St. Petersburg Institute of technology Kharlampy Sergeevich Golovin pointed to the fact that, in agreement with the educational institution, they

⁵⁴² Ibid. P. 49.

once successfully used this measure as a punishment for a student who "discovered a certain degree of evil will"⁵⁴³.

In response to this argument, the Trustee of the Saint Petersburg educational district, V. K. von Anrep, noted that only the head of the higher educational institution, on the basis of the inspection's testimony and other information available to him, is able to determine whether this student can be allowed to study without harm to the academic environment. On the basis of this by a majority of 8 votes to 3 the members of the Commission decided to leave this measure as a precautionary measure in the power of the head of the higher educational institution⁵⁴⁴.

The next issue discussed was such a disciplinary penalty as dismissal from a higher educational institution for a certain period of time. Kh.S. Golovin pointed out that there may be various situations on the basis of which it is reasonable to apply this measure. In particular, it is quite possible that a student may be in an interpersonal conflict with one of the teachers of the relevant higher educational institution, who conducts classes only for a certain period. In addition, a student may simply fall under the influence of their fellow students, being disciplined and obedient in their own right.

According to Kh. S. Golovin, both of these situations can be successfully resolved if a disciplinary court imposes a penalty that temporarily disables the student from the relevant academic environment. At the same time, there are no obstacles to the fact that a student dismissed on this basis can enroll in another higher educational institution for the duration of this disciplinary action⁵⁴⁵.

Therefore, the Commission established the following types of penalties imposed by the disciplinary court⁵⁴⁶: 1) dismissal from a higher educational institution before the beginning of the next or next academic year without prohibiting immediate admission to other higher educational institutions on a General basis or with restriction of such right. V.K. von Anrep, the Trustee of the

⁵⁴³ Ibid. P. 50.

⁵⁴⁴ Ibid. P. 51.

⁵⁴⁵ Ibid. P. 52.

⁵⁴⁶ See: Appendix № 6.

Saint Petersburg educational district, objected to the immediate admission of the student to another higher educational institution; 2) removal from the higher educational institution indefinitely with a ban on entering other higher educational institutions on a General basis until the beginning of the second academic year. The decision was made by the Commission unanimously; 3) dismissal from a higher educational institution indefinitely without the right to enter other higher educational institutions (exception). Professor of Saint Petersburg University A. I. Vvedensky and rector of Saint Petersburg University A. H. Golmsten spoke out against this measure as impossible in practice, but the other members of the Commission decided to keep it.

The fifth session of the Commission was held on December 29, 1901. The first question for discussion was put by the Chairman of the Commission, G.E. Zenger: should not the issue of excluding a student be referred to a special institution from the administrative authorities of a higher educational institution? The Commission decided by a majority vote to defer this issue for more thorough consideration⁵⁴⁷.

The Commission then discussed the procedure for submitting cases to the disciplinary court. The rector of Kharkiv University, N.O. Kuplevasky, noted that the following procedure is most acceptable to him: the disciplinary court, having received the case materials from the head of the higher educational institution, decides at the administrative session whether the case is subject to court review or not. The head of the higher educational institution only presents the case to the disciplinary court, but does not influence its further movement. All members of the Commission agreed with this, although Professor A.I. Vvedensky pointed out that the University Board or similar institution in other higher educational institutions should also have the right to submit cases to the disciplinary court⁵⁴⁸. Other members of the Commission found this statement unfounded, since the Board as a

⁵⁴⁷ Minutes of the meeting of the Commission on the development of Temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education of December 29, 1901 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 52.

⁵⁴⁸ Ibid. P. 53.

whole or in the person of individual members has the right to submit cases to the disciplinary court through the head of the higher educational institution⁵⁴⁹.

The sixth session of the Commission was held on December 30, 1901⁵⁵⁰. The discussion of the procedure of record keeping in the disciplinary court continued. After reviewing sections 35 and 36 of the Rules for students of higher education institutions of the Ministry of public education of May 15, 1885, the Commission found section 36 unnecessary. As for section 35, it was considered necessary to edit it as follows: "if the head of a higher educational institution receives information about students who have been subjected to a penalty by a General court, the rector (Director), at his discretion, submits to the disciplinary court the question whether the perpetrator should be subjected to a penalty and in a disciplinary manner"⁵⁵¹.

Further, the Commission considered the question of whether the disciplinary court cannot hold a meeting in full. It was unanimously agreed that this is unacceptable, i.e. in those higher educational institutions where 5 members of the court are provided, the case may be considered only if all five members appear, and, accordingly, only if 3 members appear where 3 members of the court are provided. After this, the Commission based its discussion on the Rules on the court of the University of Warsaw in 1869.

Based on the fact that the University Board and similar bodies in other higher educational institutions could not, in the opinion of the Commission members, have any judicial functions, as well as in order to create the most rapid procedure for legal proceedings, the Commission considered it necessary to adopt the following rule instead of § 4: "After receiving the judicial material from the head of the higher educational institution, the disciplinary court decides whether to bring the student to disciplinary responsibility. If there is a lack of material submitted to the court, the latter takes measures to replenish it. Immediately after the decision on bringing to

⁵⁴⁹ See: Appendix № 7.

⁵⁵⁰ Minutes of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education of December 30, 1901 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. L. 54.

⁵⁵¹ Ibid. P. 55.

disciplinary court the Chairman of the court informs the head of the higher educational institution of the list of those brought to court and released from it"⁵⁵².

Paragraphs 5-8, 10, 11-15 of the Rules on the court of the University of Warsaw of 1869 were adopted by the Commission without changes⁵⁵³.

The text of section 9 of these Rules was changed by the Commission in order to align it with the changes in section 4: "the Chairman of the court, after setting the date of the session for the trial, makes an order to summon both the accused and the witnesses by means of summonses"⁵⁵⁴.

The seventh meeting took place on December 31, 1901. It began with the fact that the professor of St. Petersburg University A. I. Vvedensky said that none of the previous meetings the Commission had not raised the issue of the position of court clerk. After a short discussion, it was decided that the Secretary of the court session is appointed by the Chairman of the court from the members of the disciplinary court participating in the session⁵⁵⁵.

The following question was raised about the need to take special measures in case of mass disciplinary violations committed by students. During the discussion, all sorts of mass disciplinary offenses were divided into three categories: 1) illegal gatherings and discussions in student meetings of illegal issues; 2) student strikes; 3) obstruction. According to the members of the Commission, all types of these offenses should be punished by a disciplinary court, and in relation to the first type of offenses, the head of the higher educational institution must immediately prohibit violators of the order from entering the higher educational institution and refer the case to the disciplinary court⁵⁵⁶.

As for the strike and obstruction, the strike occurs, on the one hand, due to obstruction, and on the other hand, because a significant part of students remain indifferent to such a gross violation of academic order as obstruction.

⁵⁵² Ibid. P. 56.

⁵⁵³ Ibid. P. 57.

⁵⁵⁴ See: Appendix № 8.

⁵⁵⁵ Minutes of the meeting of the Commission on the development of Temporary rules on the Professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education of December 31, 1901 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 58.

⁵⁵⁶ Ibid. P. 60.

According to the members of the Commission, it was necessary to inform the students that the lost academic time will be made up for by the holidays. However, the Commission recognized that this period should not exceed a month. A longer period should have the consequence of students failing to complete the school year and leaving them for the second year, and for students in the first year – dismissal, so as not to deprive them of the opportunity to immediately enroll in another University. Considering these last two measures (temporary prohibition of attendance at educational institutions and temporary suspension of classes in educational institutions) to be very important, the Commission decided to request the Minister of public education to announce these two measures to students before the beginning of the upcoming academic year⁵⁵⁷.

In concluding its work, the Commission could not fail to note that when applying the developed rules, it may be necessary to supplement or even change them, and therefore expressed the desire that the councils of universities or similar bodies in other higher education institutions should be given the right to apply for such additions and changes⁵⁵⁸.

After preparing a draft of Temporary rules on the Professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education at the end of 1901 this draft was sent by the Chairman of the Commission G.E. Zenger to the Minister of public education P.S. Vannovsky⁵⁵⁹.

In his report, G.E. Zenger criticized several paragraphs of the draft Temporary rules, adding his own comments to them. Separately, we note that all these comments were eventually taken into account when approving the Temporary rules themselves. Thus, G.E. Zenger can be considered the person who had the greatest influence on the establishment of a disciplinary court in higher educational institutions of the Ministry of public education.

⁵⁵⁷ Ibid. P. 61.

⁵⁵⁸ See: Appendix № 9.

⁵⁵⁹ Report from G.E. Zenger to the Minister of public education P.S. Vannovsky from January 7, 1902 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 63.

The first remark of G.E. Zenger concerned the procedure for approving elected judges of the disciplinary court and candidates for judges. In the session of December 23, 1901, the Commission with a small margin of votes (7 against 5⁵⁶⁰) decided that the elected members of the disciplinary court should be approved directly by the Minister of public education. G.E. Zenger proposed to change this provision and provide for the procedure in which the selected members of the disciplinary court would be approved by the Trustee of the relevant educational district, as stipulated in the Rules on the court of the University of Warsaw in 1869.

In addition, to the number of penalties imposed by the head of a higher educational institution, G.E. Zenger proposed adding a fifth point — the proposal to submit a request for dismissal from a higher educational institution. The report indicated that this measure is practiced in foreign universities and mentioned, for example, among the punishments applied at the Warsaw Polytechnic Institute of Emperor Nicholas II. According to G.E. Zenger, "if this penalty is not included in the upcoming rules, and the head of the educational institution will address a particular student with a corresponding proposal, threatening to transfer the case to a disciplinary court if the latter fails to comply, this will cause serious complaints from both students and professors"⁵⁶¹.

In conclusion, G.E. Zenger indicated that the measures taken by the Commission at its meeting on December 31, 1901 regarding measures to combat mass student misconduct should be changed. In particular, in his opinion, in the case of suspension of classes in higher education for more than one month it is impossible to punish innocent students for the fact that "the administration can't provide them with the enjoyment of the right to listen to lectures for which they paid the educational institution. On the other hand, it is impossible to demand heroic civic courage from young men who do not attend lectures because they will be forced out

⁵⁶⁰ Ibid. P. 63.

⁵⁶¹ Ibid. P. 64.

by suffocating gases or beatings by those whom the administration is obliged to tame"⁵⁶².

To submit the draft Temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education to the Emperor for signature, a brief explanatory note was drawn up, which reflected the goals of the adoption of these rules and a comment on the introduced changes⁵⁶³.

In particular, it was said that one of the goals of establishing disciplinary courts is to reduce the burden on the boards of universities and similar bodies in other higher educational institutions, since during the proceedings on judicial cases of students, the Board cannot fully and thoroughly familiarize itself with the materials on the case, interview witnesses, which becomes a serious problem in mass student disciplinary offenses. In addition, it was pointed out that the concentration of administrative, executive and judicial power within one body is associated with various inconveniences.

Problems were also found during the proceedings on disciplinary misconduct of students in the councils of veterinary institutes or in the training committees of technological institutes. These bodies, according to the authors of the explanatory note, consist of a small number of individuals, so they are objectively deprived of the opportunity to quickly and thoroughly review the case⁵⁶⁴. The participation of the head of a higher education institution as a member of the management Board or a similar administrative body in court proceedings was also criticized.

Separately it was noted that the only higher educational institution of the Ministry of public education, where a special professorial disciplinary court was preserved, was at that time the University of Warsaw, where the court had "strong authority in the eyes of students, although for 30 years of its activity, many shortcomings of the organization were revealed"⁵⁶⁵.

⁵⁶² Ibid. P. 65.

⁵⁶³ Brief explanatory note to the draft Temporary rules on the Professorial disciplinary court in higher educational institutions of the Ministry of public education and to the newly compiled rules on penalties of February 11, 1902 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 89-93, 95.

⁵⁶⁴ Ibid. P. 90.

⁵⁶⁵ Ibid. P. 91.

Based on the above arguments, it was proposed to introduce a special professorial disciplinary court, based on the Rules of the University of Warsaw court, as a temporary measure until the statutes of higher education institutions were revised by the Ministry of public education.

As for the differences, they were as follows: 1) the planned disciplinary court proposed to increase the number of members of the court and candidates for them in universities to 5 people, since experience has shown that in mass riots, three members of the court in these institutions are very difficult to cope with the case; 2) the requirement that the Chairman of the disciplinary court must be a law professor was excluded, since many higher educational institutions did not have a law faculty in their composition, and also because in those universities where there was a law faculty, the inclusion of a law Professor in the court was mandatory; 3) according to article 712, part 2, vol. 11 of the Collection of laws of the Russian Empire of 1893 all cases of student misconduct were referred to the disciplinary court from the Board, which acted in this case as an indictment chamber, putting certain students on trial. Instead, it was suggested that the court itself should be given the right to decide who will be brought to disciplinary responsibility. On this basis, it was suggested that the head of the higher educational institution, without considering the case on the merits, should transfer all the material on the case to the disciplinary court; 4) the decision of the disciplinary court is reported to the Council of the higher educational institution only for information, and not for approval or approval. The procedure for dealing with disciplinary offences that was in effect at the University of Warsaw at that time, in which the Council was a kind of second instance in cases, was considered undesirable, in view of the diminution of the authority of the disciplinary court, every sentence of which could be overturned.

It was further stated that the enumeration of what types of student misconduct correspond to these or other penalties was considered inadmissible because: (1) it is not possible to determine in advance all types of misconduct or acts that disagree with the dignity of the student; (2) with the establishment of a disciplinary court, the same offenses will be assessed by the court at its own discretion according to the

circumstances of the case, and therefore there can be no permanent classification of offenses by the degree of punishability.

At the end of the explanatory note, it was pointed out that the experience of the University of Warsaw showed the need for the head of the higher educational institution to have the authority to take measures to prevent student riots⁵⁶⁶. In this regard, it was proposed in the proposed rules to allow heads of educational institutions to impose certain disciplinary penalties on students without recourse to a disciplinary court, as was provided for at the University of Warsaw.

The Emperor approved the Temporary rules on the professorial disciplinary court at the higher educational institutions of the Ministry of public education on August 24, 1902, and the Trustees of the educational districts were notified of this in the Ministry's circular of August 27, 1902⁵⁶⁷.

§ 2.2. Normative regulation of the activity of the professorial disciplinary court in higher educational institutions of the Ministry of public education

Temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education of August 24, 1902. Temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education of August 24, 1902⁵⁶⁸ initially, they were the only document, with the exception of the Rules on penalties imposed on students of higher educational institutions of the Ministry of public education of August 24, 1902, which regulated the activities of professorial disciplinary courts in higher educational institutions of the Ministry of public education.

Initially, it was assumed that there would also be local regulation of the activities of disciplinary courts at the level of higher education institutions in the form of special instructions for the Court adopted by the councils of universities and

⁵⁶⁶ Ibid. P. 93.

⁵⁶⁷ Circular from the Ministry of public education to the Trustees of educational districts dated August 27, 1902 № 23119 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 95.

⁵⁶⁸ Temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education of August 24, 1902 // CSHA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 2-3.

similar institutions in other educational institutions. For example, at the University of Warsaw, where the court had been operating since 1863, there was a similar instruction, which served as a model for the creation of Temporary rules that were in effect at once in all universities of the Ministry of public education. Attempts were also made to create special disciplinary codes at the local level, which would contain a list of student misconduct and related disciplinary penalties, but the process did not go further than the intention because the discretion of the Courts in choosing a particular penalty was established in the Provisional rules to the maximum extent.

The provisional rules included 19 paragraphs and notes to some of them, without a formal division into rules establishing the procedure of legal proceedings and rules dealing directly with the judicial system. However, the first 4 paragraphs of the Temporary rules de facto concerned the judicial system and the powers of the disciplinary court.

For example, section 1 of the Temporary rules stated that members of the Court and candidates to the court are elected annually by the Council of the University or by a similar body in other institutions of higher education from among the professors who are members of the corresponding body. Separately, it was noted that at the Demidov law school, veterinary institutes, higher technical educational institutions, the Novoalexandria Institute of agriculture and forestry, Higher women's courses and the women's Medical Institute, based on the local conditions of these educational institutions, from 3 to 5 members of the Court and a similar number of candidates can be elected to the Court. For the remaining higher education institutions, 5 members of the disciplinary court and 5 candidates were elected.

From among the elected judges, the University Council or a similar body in other higher education institutions chose the Chairman of the disciplinary court, who in turn appointed a Secretary from among the elected ones.

A note to section 1 of the Temporary rules stated that in higher education institutions where there is a law faculty, at least one of the judges must belong to that faculty. Thus, the proposal of Professor A.I. Vvedensky of Saint Petersburg

University and the rector of Saint Petersburg University A.H. Golmsten that the Chairman of the disciplinary court should necessarily be a law professor was not reflected in the text of the Temporary rules.

It should be noted that in the disciplinary court of Saint Petersburg all the professors elected by the University Council to the position of Chairman of the Court belonged to the faculty of law.

In § 2 the Temporary rules, it was noted that the elected judges of the disciplinary court and the judicial nominees are approved by the Trustee of the appropriate educational district, and not the Minister of education, as decided by the Commission to develop Temporary rules in the meeting of December 23, 1901, should be mentioned Here that in his report to the Minister of national education dated January 7, 1902 G.E. Zenger proposed change order approved by the Commission and provide authority to approve elected members of the disciplinary court and candidate members of the Trustees of the respective educational districts. Apparently, the comments of G.E. Zenger were eventually heard when drafting the final version of the Temporary rules.

Paragraph 4 of the Temporary rules was devoted to issues of jurisdiction of the Court. It was determined that the following cases are subject to the jurisdiction of the disciplinary court: (1) violations by students in buildings or institutions of higher education institutions of the order established by the internal rules of the relevant higher education institution; (2) collisions between students on the one hand and teachers or officials of higher education institutions on the other, even if these collisions occurred outside the buildings and institutions of higher education institutions; (3) such misdemeanors of students that "although not provided for by the general laws, are reprehensible, contrary to the rules of honor and morality".

Separately, it was noted that in the event of receiving information that a student was subjected to a penalty under a sentence of General judicial regulations, the head of the higher educational institution, at his discretion, submits to the disciplinary court the question of whether the Court should subject the person responsible for the offense to moral censure or even dismissal from the higher educational institution.

With section 5 of the Temporary rules, the regulation of the activities of the disciplinary court related to the procedure of legal proceedings began. It was established that only the head of a higher educational institution could submit cases to the disciplinary court, and the management Board of universities and similar bodies in other higher educational institutions were deprived of this right. This was one of the main differences between the Temporary rules and the rules used by the court of the University of Warsaw.

It was further stated that the disciplinary court, after receiving the case materials from the head of the higher educational institution, decides whether the case is subject to Court review or not. If, in the opinion of the members of the Court, the case materials are insufficient, the Court takes measures to supplement the materials. Thus, the disciplinary court was not only a judicial body for student misconduct, but also embodied the prosecution side.

In section 6 of the Temporary rules, it was stated that sessions of the disciplinary court are appointed by the Chairman of the Court as necessary.

As for the sessions themselves, section 7 of the Temporary rules stipulated that the case could only be heard by a full disciplinary court (3 or 5 members of the Court, respectively).

The proceedings were oral, with all decisions of the disciplinary court, both justifying and imposing penalties, recorded in a special book signed by all members of the court who participated in the case. The trial itself was held in private.

In accordance with section 10 of the Temporary rules, witnesses were questioned one at a time and in the presence of the accused. In the future, this provision caused justified criticism from representatives of not only Saint Petersburg University, but also other higher educational institutions.

For giving false testimony, the responsibility was provided not only for the accused, who could be subjected to penalties in this case, even with an acquittal, but also for witnesses. If the accused failed to appear after being summoned by the higher education Inspectorate, the case could be decided in the absence of the accused.

One of the most contentious issues was the issue of 17 Temporary rules. It was observed that in case the violation in high school rules was accompanied by any offence, after exclusion of wine from the institution disciplinary court copy of the judgment was transmitted to the head of the institution in the General court for long-distance business. In fact, in such a case, the participant was subject to two types of liability for one violation – disciplinary (by the verdict of the disciplinary court) and ordinary (in the case of a verdict by the General court).

Section 18 of the Temporary rules stipulated that all decisions of the disciplinary court, together with detailed reasons, were transmitted to the head of the higher education institution, who in turn reported them to the Council or a similar body, depending on the institution. At the same time, for Court sentences that impose penalties lower than dismissal from a higher educational institution, the decisions are executed immediately, and the sentences that were imposed for dismissal, removal or exclusion are submitted to the Trustee of the educational district for approval.

With the introduction of Temporary rules, some articles of part 2 of volume 11 of the Collection of laws of the Russian Empire of 1893 were temporarily suspended. In the part that was put into effect by article 441 (sec. 1, item 7), 525, 594 (sec. 7), 710-713, 822 (item 5), 1155, 1335 (sec. 4, item "b"), 1362 (sec. 1, p. 8) and 1426 (sec. 1, item 8)⁵⁶⁹.

The Rules on penalties imposed on students of higher educational institutions of the Ministry of public education of August 24, 1902. The Commission for the development of Provisional rules also prepared a draft of the proposed ladder of punishments, which was the subject of the meetings of 26, 27 and 29 December 1901⁵⁷⁰. The result of the Commission's work was the Rules on penalties imposed on

⁵⁶⁹ Ibid. P. 3.

⁵⁷⁰ The minutes of the meeting of the Commission on the development of the provisional rules of professorial disciplinary court of the higher educational institutions of the Ministry of public education dated December 26, 1901, P. 52; The minutes of the meeting of the Commission on the development of the provisional rules of professorial disciplinary court of the higher educational institutions of the Ministry of public education of 27 December 1901 P. 55; The minutes of the meeting of the Commission on the development of the provisional rules of professorial disciplinary court of the higher educational institutions of the Ministry of public education of December 31, 1901, P. 57.

students of higher educational institutions of the Ministry of public education of August 24, 1902⁵⁷¹.

The provisions contained in it were generally consistent with the results of the Commission's work, but also contained some additional rules. In particular, the draft rules on penalties initially did not provide for such a penalty as a transfer from a student to a freelancer for a period of no more than one academic half-year, with the possibility to restore the lost status "for impeccable behavior". In total, the rules on penalties provided for 8 penalties imposed by the disciplinary court, and 4 types that could be imposed by the head of a higher educational institution. At the same time, one disciplinary penalty (moral censure) could only be imposed by the disciplinary court in addition to the penalties provided for in § 3 (deprivation of the right to participate in course meetings and be elected as the head of the course) and § 4 (transfer to free listeners) of the Rules on penalties.

All disciplinary penalties were listed from the most lenient (reprimand) to the most severe (expulsion from an educational institution without the right to enter other higher education institutions)⁵⁷². At the same time, the last 3 penalties (dismissal, removal, expulsion) were a group of "higher penalties", each of which had to be approved by the Trustee of the educational district, while the remaining penalties took effect immediately after the verdict of the disciplinary court.

The final "ladder of penalties" was as follows: (1) a reprimand; (2) a rebuke; (3) disqualification from participating in course meetings and being elected to the head of the course; (4) transfer to a free student for a period of no more than one academic half-year, with the possibility to restore the status in case of impeccable behavior; (5) moral censure, imposed only as a supplement to the penalties provided for in § 3 and 4 Of the rules on penalties; (6) dismissal from the University before the start of the nearest or next school year without the ban is immediate admission to other higher education institutions on a common basis or restriction of such right; (7)

⁵⁷¹ Rules on penalties imposed on students of higher educational institutions of the Ministry of public education of August 24, 1902 // CSHA of SPb. F. 14. R. 1 D. 9703. P. 4-5.

⁵⁷² This arrangement of penalties was called by the members of the Commission for the development of Rules on penalties "the ladder of punishments".

removal from the University in perpetuity with the prohibition to enroll in other higher education institutions on a common basis prior to the beginning of the second school year; (8) dismissal from the University indefinitely without the right to admission to other institutions of higher education (the expulsion).

Disciplinary penalties imposed by the head of a higher educational institution were highlighted in a separate Chapter. For their application did not require the proceedings in the disciplinary court, the rector (Director) was able to impose themselves. The list, which consists of four penalties, in addition to rebukes and reprimands, also includes a temporary ban on attending an educational institution and an offer to submit a request for dismissal from the institution.

Instruction to the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education dated January 24, 1908. After the adoption of the Provisional rules, the activities of the disciplinary courts were no longer regulated by any act. The rules on student meetings of June 11, 1907 did not contain new rules concerning the Court, and there was no local regulation at the level of educational institutions themselves. Even at the time of adoption of the Temporary rules, the drafters assumed that they would be amended as practical activities developed. In any case, in practice, the Courts were guided by the explanations of the Ministry of public education, while no changes were made to the Temporary rules, as well as no other similar act was adopted. This was the case until 1908, when A.N. Schwartz was appointed Minister of public education. In the first month of its operation, an instruction was issued to the professorial disciplinary court at the universities on January 24, 1908⁵⁷³ (hereinafter – the Instruction).

The creation of a special instruction to the disciplinary court was also provided by the rules on student meetings, but in relation to the procedure for proceedings for violations of these rules. Nevertheless, the disciplinary courts of educational institutions prepared draft instructions that related to the activities of the Courts in

⁵⁷³ Instruction to the professorial disciplinary court at universities from January 24, 1908 // The Collection of laws. T. XXVII. Department 1. SPb., 1908. № 29274.

General. On the basis of these projects, a draft of the Instruction itself was prepared, which eventually extended to all higher education institutions, while the Rules on student meetings were supposed to adopt instructions to the Court at the level of the educational institutions themselves.

The draft Instruction was reviewed in detail by the legal advisers of the Ministry of public education. They prepared a special conclusion⁵⁷⁴, which reflected the main provisions that made changes to the Temporary rules.

In particular, the positive changes noted the following: (1) in the case of accumulation affairs the Chairman of the Court has the right to call candidates and to divide the members of the court to the Commission who can resolve cases on behalf of the Court; (2) in the absence of the Chairman at the meeting of the Court, his duties shall be a member of the court, scored in the vote of the greatest number of votes; (3) the Chairman of the Court has the right to appoint a member of the Court, who is collecting materials on the case in case of their failure; (4) at the end of the year the Court submits a report on its activities to the Council.

These provisions were recommended for inclusion in the text of the Instruction. But in addition, some provisions were proposed to be deleted: (1) the Court considers only such offenses that it considers serious, cases of lesser significance are considered by the Court only if they have incurred penalties imposed by the rector; (2) the student against whom the case is being considered may not travel outside the University city without the special permission of the Chairman of the Court; (3) the protocol and sentence of the Court do not indicate how many votes the decision took place. Submission of a dissenting opinion of members who disagree with the majority decision was not allowed.

These provisions were not recommended for inclusion in the text of the Instruction. And these comments were taken into account: none of the provisions that were not recommended by the legal advisers were included in the text of the Instructions.

⁵⁷⁴ Conclusion of the legal advisory part of the Ministry of public education on the issue of issuing instructions for the disciplinary court // RSHA. F. 733 R. 154. D. 190. P. 23-30.

CHAPTER 3. ACTIVITY OF PROFESSORIAL DISCIPLINARY COURTS OF THE IMPERIAL SAINT PETERSBURG (PETROGRAD) AND MOSCOW UNIVERSITIES

§ 3.1. Professorial disciplinary court of the Imperial Saint Petersburg (Petrograd) University

The first meeting of the Council of Saint Petersburg University, which discussed the issue of the disciplinary court, was held on September 16, 1902⁵⁷⁵. It discussed the circular proposals of the Minister of public education dated August 27, 1902, № 23119 and № 23120, concerning the introduction of the Temporary rules and the Rules on penalties.

During the discussion ordinary professor Andrey Andreevich Markov pointed to articles 67 and 69 of the University Charter of 1884, which defined the duties of professors, and stated that he could not participate in the upcoming election of members of the disciplinary court, as he considered "it is undesirable to assign new classes to professors that may interfere with the performance of their direct duties". In response, professor Ivan Yakovlevich Foynitsky noted that it is hardly possible to understand these articles in the way that professor Markov understands them, since the University Charter of 1884 assigns to professors the duties of deans and secretaries of faculties.

In response to the above-mentioned circular proposals, the election of members of the disciplinary court was held. Unanimously (A.A. Markov did not participate in the voting), the judges were F.F. Martens, A.I. Vvedensky, A.A. Foreigners, Yu.V. Sokhotsky and N.I. Veselovsky. G.V. Forsten, F.F. Petrushevsky, A.N. Korokin, L.I. Petrazhitsky, V.D. Smirnov were elected as candidates. On September 18, 1902, all

⁵⁷⁵ Journals of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1902, Saint Petersburg., 1903. № 58. P. 78.

those elected to the disciplinary court were approved by the Trustee of the St. Petersburg educational district V.K. von Anrep⁵⁷⁶.

The first composition of the disciplinary court remained unchanged for a very short time. In the period from September 22, 1902 to October 21 of the same year, the rector of the University received 5 letters from persons elected to the disciplinary court, requesting that they be dismissed from the position of judge or candidate for judge, respectively. In particular, on October 21, 1902, A.H. Golmsten received a letter from the elected Chairman of the disciplinary court, F.F. Martens, in which he asked to be relieved of this position due to "employment in administrative positions of the University and being on a foreign business trip during the voting"⁵⁷⁷.

Professor A.N. Korokin asked to be dismissed from the post of candidate judge for health reasons⁵⁷⁸. Similar requests to A.H. Golmsten also asked the members of the disciplinary court A.I. Vvedensky⁵⁷⁹, F.F. Petrushevsky⁵⁸⁰ and G.V. Forsten⁵⁸¹.

At a meeting of the academic Council of Saint Petersburg University on October 28, 1902, a new procedure for electing members of the disciplinary court was carried out. The Chairman of the Court instead of F.F. Martens was elected honored professor I.Ya. Foynitsky, the place of A.I. Vvedensky was taken by the initially elected candidate for judge G.V. Forsten, instead of the candidates for judge A.N. Korokin and F.F. Petrushevsky were elected honored Professor D.K. Bobylev and ordinary Professor V.I. Palladin. The vacant place of G.V. Forsten was taken by extraordinary Professor I.A. Shlyapkin⁵⁸². The elected members of the disciplinary

⁵⁷⁶ Circular from the Trustee of the Saint Petersburg educational district V.K. von Anrep to the rector of the Saint Petersburg University A.H. Golmsten dated September 18, 1902, № 12887 // CSHA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 7.

⁵⁷⁷ Petition of F.F. Martens addressed to the rector of the Saint Petersburg University A.H. Golmsten dated October 21, 1902 // CSHA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 15.

⁵⁷⁸ Petition of A.N. Korokin addressed to the rector of the Saint Petersburg University A.H. Golmsten dated September 22, 1902 // Central state library of Saint Petersburg. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 14.

⁵⁷⁹ Petition of A.I. Vvedensky addressed to the rector of the Saint Petersburg University A.H. Golmsten dated September 26, 1902 // CSHA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 13.

⁵⁸⁰ Petition of F.F. Petrushevsky addressed to the rector of the Saint Petersburg University A.H. Golmsten dated September 28, 1902 // CSHA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 14.

⁵⁸¹ Petition of G.V. Forsten addressed to the rector of the Saint Petersburg University A.H. Golmsten dated October 18, 1902 // CSHA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 15.

⁵⁸² Journals of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1902, Saint Petersburg., 1903. № 58. P. 119.

court were approved by the Trustee of the Saint Petersburg educational district on October 31, 1902⁵⁸³.

At the same meeting, the academic Council of Saint Petersburg University considered the submission of the then acting Chairman of the disciplinary court, honored professor A.A. Inostrantsev, dated October 22, 1902⁵⁸⁴. It said that on October 21, the Commission consisting of members of the disciplinary court Yu.V. Sokhotsky, N.I. Veselovsky, L.I. Petrazhitsky and A.A. Inostrantsev held a meeting on general issues of the disciplinary court. As a result of the meeting, it was decided that the drawing up of instructions to the disciplinary court should be postponed until the time when practical activities begin. The issue of creating a disciplinary code was also considered. The members of the disciplinary court suggested that the University Council should select a Commission from among its members, in addition to the members of the court and candidates, to draw up this code.

At the session of October 28, 1902, the academic Council of Saint Petersburg University decided to give the Court itself the opportunity to compile a list of misdemeanors and corresponding penalties imposed by the Court (disciplinary code), inviting members of the Council to participate in this work, at the discretion of the Court, especially from the faculty of law⁵⁸⁵.

*Conclusion of the preliminary meeting of the Professorial disciplinary court of November 13, 1902.*⁵⁸⁶ The actual beginning of the activities of the disciplinary court of Saint Petersburg University can be considered the preparation of its preliminary meeting on November 13, 1902, the conclusion, which provided comments and suggestions on the provisions of the Temporary rules and rules on penalties for further support of the conclusion to the Ministry of public education.

⁵⁸³ Circular from the Trustee of the Saint Petersburg educational district V. K. von Anrep to the rector of the Saint Petersburg University A.H. Golmsten dated October 31, 1902, № 15652 // CSHA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 13.

⁵⁸⁴ Journals of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1902, Saint Petersburg, 1903. № 58. P. 120.

⁵⁸⁵ Ibid. P. 121.

⁵⁸⁶ Conclusion of the preliminary meeting of the Professorial disciplinary court of November 13, 1902 // CSHA of SPb. F. 14 R. 1. D. 9703. P. 31-50.

These comments mainly reflected the lack of detailed regulation of the judicial process, which could lead to serious consequences in practice.

The meeting, chaired by the Chairman of the disciplinary court, I.Ya. Foyntsky, opened at 8 p.m. with members of the court, A.A. Inostrantsev, Yu.V. Sokhotsky, candidates for judge, D.K. Bobylev and I.A. Shlyapnin. A member of the disciplinary court, N.I. Veselovsky, informed that he could not be present, G.K. Forsten and candidates for judge V.I. Palladin, L.I. Petrazhitsky and V.D. Smirnov, who were notified, did not appear at the meeting, according to the protocol, and did not inform them of their absence.

In view of clarifying the grounds and procedure of the Professorial disciplinary court, the meeting stopped, first of all, on a detailed acquaintance with the Temporary rules and the Rules on penalties of August 24, 1902. The participants of the preliminary meeting identified 4 issues to be discussed: (1) the organization of the court and the attitude of other University bodies to it; (2) the powers of the Court; (3) the procedure for judicial proceedings; and (4) the drafting of a disciplinary code.

Organization of the professorial disciplinary court and the attitude of other University bodies to it. The first criticism of the members of the Assembly was made of section 7 of the Provisional rules, specifically the provision that the Court should conduct cases in full. It was noted, in particular, that in addition to resolving the case, the Court should also resolve other issues: replenishment of the material sent by the rector, interaction with persons outside the University, from whom it is possible to obtain information on the case under consideration. It was pointed out that it would not be appropriate for the entire disciplinary court to perform these actions, and therefore the Court should recognize the right to entrust this to its individual members or their totality. In the latter case, a special division of the court is formed as a preparatory instance, but with the rights of the full composition.

It was further noted that the Provisional rules set out only two positions: the Chairman of the court and the Executive Secretary. All interaction with the University authorities must be carried out through the Chairman of the court, who

appoints sessions as necessary, makes orders to summon the accused and witnesses by subpoena through the University Inspectorate, and presides over the meetings of the professorial disciplinary court itself. He is responsible for managing the proceedings, ensuring that the court guarantees the correctness of the proceedings in accordance with the Temporary rules, and "overseeing the maintenance of peace and decency", but what is his authority in this regard?

I.Ya. Foynitsky noted that the Temporary rules do not regulate this moment, so in practice the following problem may arise: since the trial takes place in the presence of the accused (except in cases of non-appearance), witnesses are also questioned in the presence of the accused. But what to do if the accused puts pressure on witnesses? It was noted that in such cases, both the Chairman of the Court and any other member of the Court should be allowed to remove the accused from the courtroom during the interrogation of witnesses⁵⁸⁷.

It was noted that the Secretary "manages all written communications, preparation and distribution of subpoenas, and makes sure that the subpoenas are received in a timely manner by return copies". For this purpose, it was proposed that the University rector provide him with an assistant from among the employees of the University office⁵⁸⁸.

§ 5 of the Temporary rules was further criticized. In accordance with it, if the material on the case is insufficient, the Court takes measures to supplement it. It was suggested that this right should be given to individual members of the Court for one or more cases.

The question was raised: in accordance with the note to § 4 of the Temporary rules, if a student has been reprimanded in the General courts, the rector submits to the disciplinary court the question of moral censure of the student or dismissal from the University. What should the Court do if, in such cases, there is no place for proceedings in accordance with § 8-11 of the Temporary rules and, accordingly, it is not possible to obtain evidence, interrogate persons outside the University, or get

⁵⁸⁷ Conclusion of the preliminary meeting of the professorial disciplinary court of November 13, 1902, P. 35.

⁵⁸⁸ Ibid. P. 37.

acquainted with the case materials. For this purpose, it was suggested that a judge – rapporteur should be selected who could carry out this activity on behalf of the entire Court.

Powers of the disciplinary court. The powers of the Court were provided for in sections 4 and 5 of the Temporary rules.

One of the questions concerned cases of confrontations between students or students and University officials if the accused were students. Here, according to the participants of the preliminary session, it was necessary to make a clarification. Is it necessary for both students to be students of the same University? It followed from the Provisional rules that only the accused, the victim, could be from another higher educational institution. It was noted that "the internal solidarity between educational institutions is such that it is impossible to sharply contrast students from one of them with others"⁵⁸⁹.

Further, it was considered the provision according to which the disciplinary court was subject to cases "on such offenses, which, although not provided for by the General criminal laws, but have a reprehensible nature, contrary to the rules of honor and morality"⁵⁹⁰. It was pointed out that this category of misconduct is also not required to occur within the walls of the University or its institutions.

The members of the disciplinary court were asked the following question: can be transferred to the disciplinary court the case of such misdemeanors, except that violations of the rules of honor and morality embody signs of a common misdemeanor, to be administered by the General courts, or in such cases it is necessary to act in accordance with the note to § 4 of the Temporary rules guiding things about them in General court to establish, and only after the decision sentencing the latter to put the issue before the Court, if the rector deems it necessary? I.Ya. Foynitsky noted that the second option may seem right at first glance, but the creation of an independent University court, in addition to adding bodies that consider cases of student misconduct, has a deeper meaning. He

⁵⁸⁹ Ibid. P. 39.

⁵⁹⁰ Ibid. P. 41.

recognized that the significance of what was done depends to a large extent on the position of the University itself, on the environment and conditions that surround it. It is well known how much influence their underage age has on the fate of the accused, even in criminal cases. I.Ya. Foynitsky argued that by creating a special disciplinary court for young people in this category, the state is creating a body that should take over part of the work of the criminal court, mainly in all cases where the offense, without violating the General state order, is limited to the violation of the internal structure of this educational institution and is explained by its special conditions. Thus, the creation of a disciplinary court ensures not only the maintenance of order, but also the students are to a certain extent exempt from the jurisdiction of the common courts, because the measures of the latter are considered too severe for them⁵⁹¹.

From this point of view, article 524 of the Charter of educational institutions and educational institutions has a deep meaning: "any crime or misdemeanor committed by a student outside the University, the police immediately notify the University authorities". In cases of insignificance, this right gives the University authorities the power and duty to raise the question whether they should limit themselves to disciplinary measures and take care to withdraw the case from the General courts. The main thing here was, according to I.Ya. Foynitsky, to observe reasonable limits of acceptance of this provision. For example, why subject a student to a separate penalty of arrest, if he has already been punished in a disciplinary court for such a violation, which occurred even on the street, but on the basis of internal University strife and is not accompanied by a violation of someone's rights?⁵⁹²

It was also noted that bringing a student to justice before the General courts is anti-pedagogical and should be avoided if possible. In particular, the example of the Imperial Alexander Lyceum was cited, "carefully protecting their students from attracting them to the General courts not only as accused, but also as witnesses"⁵⁹³.

⁵⁹¹ Ibid. P. 44.

⁵⁹² Ibid. P. 45.

⁵⁹³ Ibid. P. 46

As for the penalties imposed by the rector, the students, as the participants of the meeting decided, should be divided into students and free listeners, since "only the former make up the normal contingent of the University community, which consists of an internal spiritual connection with the University"⁵⁹⁴. Therefore, it was suggested that the disciplinary court should only consider the cases of students, while the rector could deal with the cases of free students.

Proceedings in court cases. It was envisaged that the accused and witnesses would be called to Court through the University Inspectorate. The summons must be made in two copies, one of which would be returned to the University secretariat with the signature of the accused or his family. It was noted that such a challenge should only be provided for students and persons who are members of the University. Obtaining the testimony of persons who are not related to the University should only be carried out with the consent of this person. In this case, it was suggested to start interacting with the witness on behalf of the Chairman or authorized person by a private letter or even a personal visit.

Special attention was paid to section 18 of the Temporary rules, according to which the decision of the disciplinary court is subject to transfer to the head of the University, who in turn transmits it to the Council or similar body of the educational institution. It was noted that: (1) the Board is informed by the rector of the decisions of the disciplinary court, regardless of whether they are subject to transfer to the Trustee of the educational district or not; (2) the Temporary rules do not provide for the rector to give his assessment of the case, but this is not prohibited; (3) decisions are reported to the University Council for information.

The question was raised: does this mean that the Council only hears such a decision, and it gets further movement regardless of the Council's opinion? And why is the rector obliged to state the reasons for the decision before the Council? In the opinion of the authors of the opinion, informing the Council of information about the Court's decisions is not a simple formality. It was noted that under the University

⁵⁹⁴ Ibid. P. 48.

Charter of 1863, the University Council had the power to change the decisions of the University court. In addition, the Temporary rules do not specify whether a Court decision can be reviewed if it has made procedural errors. It was suggested that the accused should be allowed to make statements about violations of the judicial procedure addressed to the rector in writing or orally, so that the rector could report them to the Council. If the Council finds violations based on the protocol of the meeting, it should have the right to cancel the decision and send the case to the Court for a new hearing⁵⁹⁵.

Drafting a disciplinary code. The idea of creating a disciplinary code, where each student's misconduct would correspond to a disciplinary penalty, arose at the stage of developing Temporary rules, but in the end it was decided to give the Court wide discretion in choosing penalties for each specific student's misconduct.

Members of the disciplinary court suggested that the academic Council of Saint Petersburg University give them instructions on what offenses should be imposed "the highest penalties" — dismissal, removal and expulsion from the University. It was noted that without such instructions, it would be extremely difficult for the Court to determine the severity of a particular offense, which should be followed by the imposition of one of the "higher penalties"⁵⁹⁶. It was decided to leave the application of other penalties to the discretion of the disciplinary court itself.

At the meeting of the academic Council of the University on December 21, 1902, the rector proposed to create a special Commission of members of the academic Council to consider the Conclusion of the preliminary meeting of the disciplinary court on November 13 of the same year. The Commission consisted of ordinary professors P.I. Tsitovich, I.I. Borgman, I.A. Baudouin-de-Courtenay, extraordinary Professor A.A. Zhizhilenko and Baron V.R. Rosen as the Chairman of the Commission⁵⁹⁷. The Commission met on 22 and 25 January 1903⁵⁹⁸.

⁵⁹⁵ Ibid. P. 49.

⁵⁹⁶ Ibid. P. 50.

⁵⁹⁷ Journals of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1902, St. Petersburg, 1903, № 58, P. 123.

After reviewing the conclusion of the preliminary meeting of the disciplinary court of November 17, 1902, the Commission decided to develop the most General criteria for assessing misconduct for imposing higher penalties for their Commission, without specifying a specific list of offenses.

With regard to the exception provided for in section 8 of the Rules on penalties, the following was noted: in essence, this penalty involves the deprivation of the excluded right to higher education, which makes it possible to equate it with ordinary punishments. Meanwhile, the disciplinary court by its nature should not impose punishments that deprive students of their civil rights. It can only impose disciplinary penalties related to the student's involvement in the relevant University. Based on this, the Commission suggested that the exception should not be applied as a disciplinary measure.

The removal from the University provided for in section 7 of the rules on penalties was considered very close in severity to exclusion, since it disqualifies the removed student from receiving higher education for an indefinite period of time. In addition, it was noted that due to the inability to enter the same educational institution from which the student was removed, admission to another educational institution where no one knows the distance may be accompanied by certain difficulties. In view of the above, the Commission suggested that removal from the University should be used as an exceptional measure in cases where such use would be considered by the Court to be absolutely necessary to ensure calm at the University, and when the defendant is "a person who has repeatedly demonstrated persistent disobedience to the General University rules".

As for the dismissal from the University provided for in section 6 of the Rules on penalties, since it does not prevent the student from being accepted back to the same University from which he was dismissed, the application of this measure by the Commission was considered appropriate in many cases, for example, in the case of persistent refusal to comply with the University rules. At the meeting of the

⁵⁹⁸ Report of the Commission elected by the University Council on December 21, 1902 to develop firm guidelines for the disciplinary court regarding the application of at least the most important disciplinary penalties // CSHA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 19-30.

scientific Council on January 27, 1903, the Commission presented its report for discussion⁵⁹⁹. After an exchange of views, it was revealed that the members of the academic Council find it difficult to specify cases when it would be possible to apply as a disciplinary sanction the exclusion of a student from the University. In connection with the report, the academic Council also discussed certain points of The conclusion of the preliminary session of the disciplinary court of November 13, 1902, while it was decided that any control over the actions and sentences of the Court by the Council is hardly feasible in practice, and even the purely cassational activity of the Council in relation to the disciplinary court in full compliance with the Temporary rules is questionable⁶⁰⁰.

In a letter dated March 22, 1903, the Conclusion of the preliminary session of the Court dated November 13, 1902, together with the resolution of the scientist were sent by the rector of the University to the Trustee of the educational district⁶⁰¹. In a response from Minister of public education G.E. Zenger dated June 20 of the same year⁶⁰² this conclusion was generally approved, except for the provisions that would give the University's rector the right to address the academic Council with his opinion on the Court's decision.

As for the work of the Commission chaired by V.R. Rosen, G.E. Zenger considered it inappropriate to make such decisions at the University level, since in this case each University can develop its own approach to the application of higher penalties, which is different from others. In addition, it was noted that exclusion from higher education does not entail the deprivation of the student's right to higher education. This penalty, as indicated by the Minister, can be imposed only if the Court finds in the actions of the student of a crime provided for by law. In this case, after the transfer of the case excluded to the common court, the student can be

⁵⁹⁹ Journals of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1903, Saint Petersburg., 1903. № 59. P. 13.

⁶⁰⁰ Journals of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1902, Saint Petersburg., 1903. № 58. P. 125.

⁶⁰¹ Letter of the rector of the Saint Petersburg University A.H. Golmsten to the Trustee of the Saint Petersburg educational district V.K. von Anrep dated March 22, 1903 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 44-47.

⁶⁰² Circular to the Trustee of the Saint Petersburg educational district V.K. von Anrep from the Ministry of public education dated June 20, 1903, № 19187 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 48.

acquitted, then he has the right to apply to his higher education institution for restoration⁶⁰³.

The first case of the disciplinary court of Saint Petersburg University concerned participants in the student strike of March 18, 1903⁶⁰⁴.

At a preliminary meeting of 20 March was attended by all the members of the disciplinary court, except for J.V. Sokhotsky. I.A. Shlyapkin was chosen as the Secretary of the meeting.

To begin with, the Chairman of the Court I.Ya. Foynitsky presented materials on the case, which included: (1) the attitude of the rector A.H. Golmsten to the Chairman of the Court I.Ya. Foynitsky № 1 of March 19, 1903; (2) the attitude of the inspector of students M.P. Lyssov to the rector A.H. Golmsten No. 18 of March 18, 1903; (3) the list of 68 students noticed by the inspection and listeners at the student meeting of March 18, 1903; (4) documents found after the meeting, which included two invitations to the student meeting of March 18, 1903, and a lithographed proclamation signed "partisans of the struggle"⁶⁰⁵.

The disciplinary court first listened to the testimony of the student inspector M. P. Lissov and his assistants, after which their testimony was compared and checked. The court demanded photographic cards of the participants of the meeting, after which it was decided to invite students who participated in the meeting to the next sessions of the Court to give evidence. It is worth noting that of the 68 students who were sent subpoenas, 38 did not appear, while others testified "extremely reluctantly"⁶⁰⁶. In addition, the commandant of the student dormitory, students who watched the meeting, employees of the University office, and other witnesses were questioned.

The case was complicated by the fact that one of the paragraphs of the resolution of the meeting called on students "not to participate in the upcoming

⁶⁰³ Ibid. P. 49.

⁶⁰⁴ Minutes of the preliminary session of the disciplinary court of Saint Petersburg University on March 20, 1903 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 204.

⁶⁰⁵ Ibid. P. 207.

⁶⁰⁶ Ibid. P. 210.

comedy with the disciplinary court"⁶⁰⁷. Thus, even when the first case was reviewed, the Court faced disapproval of its activities from the student community.

In total, 6 sessions of the disciplinary court were held, dedicated to the student meeting of March 18, 1903⁶⁰⁸. Of the 68 students who were seen by the inspection at the meeting, 60 were subjected to various disciplinary measures, four were cleared of charges, and the remaining four were decided to consider the case later in connection with the presence of these students in treatment. On the basis of § 18 of the Provisional rules the decision of the disciplinary court was submitted to the academic Council by the rector at an emergency meeting of the academic Council on 31 March 1903⁶⁰⁹.

At the next session of the disciplinary court, which took place on April 21, 1903, the remaining four accused were subjected to penalties of varying severity, which was reported to the academic Council on April 28 of the same year⁶¹⁰.

In September 1903, the time came for the election of a new composition of the disciplinary court. At a meeting of the academic Council on September 29, 1903, it was decided to ask for the consent of I.Ya. Foynitsky to head the disciplinary court for the next academic year, without calling an election until then⁶¹¹.

I.Ya. Foynitsky gave his consent, and at the meeting of the academic Council of October 20, 1903, members of the disciplinary court for the 1903/1904 academic year were elected A.I. Sobolevsky, A.A. Inostrantsev, Yu.V. Sokhotsky, N.I. Veselovsky as judges and P.A. Lavrov, D.P. Konovalov, I.L. Ptashitsky, L.I. Petrazhitsky and V.R. Rosen as candidates for judges⁶¹². It should be noted that when choosing judges, each faculty submitted its own candidate. The principle of representation of faculties in Court was proposed by representatives of Saint

⁶⁰⁷ Minutes of the session of the disciplinary court of Saint Petersburg University dated March 24, 1903 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 220.

⁶⁰⁸ See: Appendix № 11.

⁶⁰⁹ Journals of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1903, Saint Petersburg., 1904. № 59. P. 76.

⁶¹⁰ Ibid. P. 82.

⁶¹¹ Ibid. P. 98.

⁶¹² Ibid. P. 101.

Petersburg University during the development of the Temporary rules⁶¹³, but then their opinion was not taken into account.

At the suggestion of I.Ya. Foyntsky, the academic Council decided to apply to the Trustee of the educational district with a request to request permission from the Chairman of the disciplinary court to appoint administrative sessions of the Court to discuss issues related to its activities. It is worth noting that the first administrative session of the court of Saint Petersburg University was held on March 20, 1903. Then, on October 6, 1903, an administrative session was held, where the petitions of persons who had been removed from the University in the case of the student meeting of March 18, 1903, for commutation of the sentence were considered, all petitions were eventually rejected⁶¹⁴.

As a result the ability of the Chairman of the Court to appoint administrative sessions was recognized by the Minister of public education G.E. Zenger as appropriate⁶¹⁵, since in the case of proceedings concerning mass student misconduct, it is very difficult to get acquainted with all the materials on the case in detail without administrative meetings.

In 1904, the disciplinary court did not consider a single case, which did not prevent the members of the academic Council at its meeting on October 11 to ask the current composition of the Court not to refuse to continue a zealous and highly useful service in the new academic year⁶¹⁶. At the meeting of the academic Council on November 1, 1904, the former composition of the disciplinary court for the 1904/1905 academic year was approved⁶¹⁷.

One of the reasons for the temporary suspension of the actual activities of the Court from 1904 to 1907 inclusive can be called the establishment at the level of the

⁶¹³ Minutes of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the Professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education of December 22, 1901. P.31.

⁶¹⁴ Protocol of the preliminary session of the disciplinary court of the Saint Petersburg University of March 20, 1903. P. 204.

⁶¹⁵ Journals of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1903, Saint Petersburg., 1904. № 59. P. 76.

⁶¹⁶ Journals of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1904., 1905. № 60. P. 134.

⁶¹⁷ Journals of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1905., 1906. № 61. P. 27.

Ministry of public education of a special procedure for considering gatherings of students of a political nature⁶¹⁸. In his report to the Emperor dated September 25, 1904, the Minister of public education V.G. Glazov justified that it was difficult for such an academic body as the disciplinary court to resolve cases of large student gatherings that had a political character. The Minister proposed to transfer the authority to conduct such cases to the heads of the educational institution, who could impose penalties on participants of student gatherings in Accordance with the rules on penalties. Members of the Court in this case could be attracted by the head of the educational institution to "advisory assistance"⁶¹⁹. It was also proposed to grant the head of the educational institution the right to fire any student who violated the ban to appear in the educational institution.

The above-mentioned powers of heads of educational institutions were approved by the Emperor, which was brought to the attention of the Trustees of educational districts by a letter dated October 3, 1904⁶²⁰.

The problem of growing student unrest was acutely faced by the management of educational institutions, as can be seen from the list of issues that were discussed at the meeting of the Minister of public education with the heads of higher educational institutions in August 1904.⁶²¹

On August 27, 1905 the Emperor signs a Decree on the introduction of Temporary rules on the management of higher education institutions of the Ministry of public education⁶²², on the basis of which the proceedings in student cases were assigned to the disciplinary court of the higher educational institution in strict accordance with the Temporary rules of August 24, 1902⁶²³. It was assumed that these rules will remain in force until the new University Charter is adopted, so the

⁶¹⁸ Leningrad University in the memoirs of contemporaries. Vol. 1 / ed. by V.A. Ezhov, Yu.D. Margolis, G.G. Proshin. Leningrad, 1963. P. 156.

⁶¹⁹ Report of the Minister of public education V.G. Glazov to the Emperor Nicholas II of September 25, 1904 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 177.

⁶²⁰ Circular from the Ministry of public education to the Trustees of educational districts dated October 3, 1904, № 38 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 187.

⁶²¹ See: Appendix № 10.

⁶²² Rostovtsev A.R., Andreeva V.V. Petersburg University 1905 in the mirror of the periodical press // Clio. Journal for scientists. SPb., 2014. № 10 (94). P. 34.

⁶²³ Temporary rules on the management of higher educational institutions of the Ministry of public education of 27 August 1905 // The Collection of laws. T. XXV. Ed. I. Article 26692.

mention of a disciplinary court in them may indicate the intention of the legislator to provide for this institution in the new Charter.

It is noteworthy that the attitude to such a body as the disciplinary court at Saint Petersburg University was negative. In particular, the prepared draft of the main provisions of the Charter of the Imperial Russian Universities explicitly stated the need to abolish the disciplinary court and transfer all cases of student misconduct to the Senate—a body consisting of the rector, Vice-rector, four deans and eight professors elected from among the members of the academic Council of the University⁶²⁴.

This may have been one of the reasons why the disciplinary court was not selected for the 1905/1906 academic year. The minutes of the academic Council of Saint Petersburg University for 1906 also do not mention the activities of the Court in its former composition⁶²⁵.

As a result of the events of 1905, the Government issued an Order dated June 5, 1907, according to which the councils of professors were to elect a new composition of the court⁶²⁶.

The publication of the Rules on student organizations and the organization of meetings within the walls of educational institutions dated June 11, 1907 (hereinafter – the Rules on student organizations) gave further development to the activities of disciplinary courts⁶²⁷. On the basis of § 12, the disciplinary court considers cases of misconduct by students who violate these rules. In addition, the same paragraph provided for the creation of special instructions by academic councils of educational institutions, on the basis of which the activities of the Court would be regulated. The rules on student organizations established the order in which all student meetings were subject to control by both the faculty administration and the police, whose representatives had the right to appear at all such events.

⁶²⁴ Journals of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1905., 1906. № 61. P. 265-270.

⁶²⁵ Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1906., 1907. № 62. P. 56.

⁶²⁶ RSHA. F. 733. R. 153. D. 533. P. 16.

⁶²⁷ Rules on student organizations and arrangement of meetings within the walls of educational institutions from June 11, 1907 // The Collection of laws. T. XXVII. Ed. I. № 29274.

In the Department of public education, all Trustees of educational districts were instructed to notify the heads of universities about the introduction of Rules on student organizations, and then check the work of disciplinary courts⁶²⁸.

On this basis, one of the topics of the meeting of the academic Council of St. Petersburg University on August 23, 1907 was the election of a Commission to develop a draft instruction to the disciplinary court, which was subject to transfer to the Minister of public education P.M. von Kaufman. The academic Council appealed to the faculty of law, among whose professors D.D. Grimm, M.M. Kovalevsky and V.F. Deryuzhinsky formed a corresponding Commission⁶²⁹.

It should be noted that the existence of a disciplinary court was opposed by professors V.A. Steklov, S.A. Zhebelev, D.K. Bobylev, I.L. Stashitsky, D.F. Selivanov and V.E. Tishchenko, arguing that it was impossible to conduct cases of students by teachers⁶³⁰.

The draft instruction was prepared for the meeting of the academic Council on December 17, 1907⁶³¹. The Commission initially intended to consider only those paragraphs of the Provisional rules that related to the procedure of legal proceedings (from 5 to 18 inclusive). By and large, the draft reflects almost all the ideas contained in the Conclusion of the preliminary meeting of the Court of 13 November 1902, taking into account the comments that followed. In particular, it was proposed to allow the Chairman of the disciplinary court to appoint from among the members of the Court responsible for collecting materials on the case, to appoint administrative sessions, to remove the accused from the courtroom if they violate the peace. In connection with the abolition of the inspection in 1905, instead of it, it was proposed to involve employees of the University Chancery to help in the delivery of court summonses. In addition, the accused was allowed to apply to the court for review within two weeks from the date of the verdict, if the trial was conducted in

⁶²⁸ Circular from the Ministry of public education to the Trustees of educational districts dated July 3, 1907, no. 13929 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 260.

⁶²⁹ Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1907., 1908. № 63. P. 245.

⁶³⁰ Ibid. P. 246.

⁶³¹ Ibid. P. 330.

absentia. In conclusion, the members of the Commission proposed to delete § 17 of the Provisional rules because of a conflict with § 11 of the rules on student organizations.

At the same meeting, professors M.M. Kovalevsky (Chairman), M.Ya. Pergament, P.A. Lavrov, I.A. Baudouin-de-Courtenay and N.I. Kareev were elected as judges of the disciplinary court. Professors V.V. Barthold, E. D. Grimm, M.I. Rostovtsev, I.A. Pokrovsky and A.E. Favorsky were elected as candidates for judges⁶³².

Professor A.A. Zhizhilenko made a statement that, from his point of view, before drawing up instructions to the disciplinary court, it seems highly desirable to initiate a radical change in the concept of the disciplinary court, "which in its current form is an institution completely unsatisfactory and unable to properly carry out those tasks that in normal conditions can be generally assigned to an institution of this kind"⁶³³.

The Council then asked the elected members of the court and candidates to form a Commission to review the issue of the disciplinary court on its merits, to which professor V.A. Steklov replied that, from his point of view, "the duties of a member are incompatible with the title of Professor, and that in his deep conviction, this institution can do nothing but harm, no matter how it is modified"⁶³⁴.

At the beginning of the following year, the instruction of January 24, 1908 was put into effect. Only in the meeting of the academic Council of May 5, 1908, the discussion of this act took place⁶³⁵. By a majority vote (19 against 17), it was decided to adopt the Instruction approved by the Minister of public education as the rules governing the activities of the disciplinary court. Professor V.A. Steklov noted that in accordance with § 12 of the Rules on student meetings, instructions to the disciplinary court should be developed and approved at the local level, and not by

⁶³² Ibid. P. 331.

⁶³³ Ibid. P. 333.

⁶³⁴ Ibid. P. 334.

⁶³⁵ Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1908., 1908. № 64. P. 81.

the Minister of public education. Based on this, the academic Council decided to apply to the Minister of public education for an explanation.

In 1908, there was only one case of student misconduct in a disciplinary court. It related to a clash between two students at a meeting on October 2, during which it was established that the student Dzhanaridze did not beat the student Bremer, which was confirmed by the testimony of witnesses. As a result, none of the students were brought to justice, as the rector reported to the academic Council at a meeting on January 26, 1909⁶³⁶.

At the meeting of the academic Council of April 13, 1909, the members of the disciplinary court were chosen professors M.Ya. Pergament, N.I. Kareev, M. M. Kovalevsky, P.A. Lavrov and V.V. Barthold. Professors I.A. Pokrovsky, A.E. Favorsky, N.Ya. Marr, I.D. Andreev and L.A. Chugaev were selected as candidates for judges⁶³⁷.

The activities of the disciplinary court were not supported by the students. This can be judged by the student meeting that took place on November 7 in the Assembly hall of St. Petersburg University, at which, according to private individuals, it was proposed to protest the actions of the Court, whose sessions were held on October 18 and 28, 1909⁶³⁸. During these sessions, the case of two students who were the organizers of an unresolved student meeting, which resolved "issues that are far from academic"⁶³⁹. During the meeting on November 7, during a lecture by L.I. Petrazhitsky, a group of students entered the hall, who disrupted classes and dispersed only after the arrival of a police detachment, the number of which was more than 100 people.

At the meeting of the academic Council on May 17, 1910, professors M. Ya. Pergament, N.I. Kareev, M.M. Kovalevsky, P.A. Lavrov and V.V. Barthold were selected as members of the disciplinary court. Professors S.K. Bulich, A.E.

⁶³⁶ Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1909., 1910. № 65. P. 22.

⁶³⁷ Ibid. P. 69.

⁶³⁸ Ibid. P. 136.

⁶³⁹ Ibid. P. 138.

Favorsky, N.Ya. Marr, E.D. Grimm and L.A. Chugaev were selected as candidates for judges⁶⁴⁰.

In total, the Court considered two cases in 1911. The first of them concerned a complaint by a private individual against one of the students, and the disciplinary court issued an acquittal. The second case concerned the forgery of a student of the faculty of law, Pavel Mosulishvili, of a report on the results of an exam in Roman law conducted by professor I.H. Ozerov. Based on the testimony of witnesses and the conclusion of a specialist calligrapher, Mosulishvili was removed from the University on the basis of § 7 of the Temporary rules⁶⁴¹.

For the academic year 1911/1912, professors A.E. Favorsky (Chairman of The court), V.V. Barthold, L.A. Chugaev, L.I. Petrazhitsky and V.N. Beneshevich were selected as judges of the disciplinary court. Candidates for judges were selected by P.A. Lavrov, I.I. Kaufman, S.K. Bulich, I.D. Andreev and I.L. Ptaszycki⁶⁴².

The next session of the disciplinary court was held on March 3, 1912. They reviewed the case against 25 students who participated in the meeting of February 20 of the same year, but all of them were acquitted by the Court⁶⁴³. In the same year, the Court considered two more cases. According to one of them, a student of the Physics and Mathematics faculty Varaksin was dismissed from the University for passing an exam for another person, according to the second, a student of the same faculty Silvestrovich was subjected to moral censure for "ugly behavior in a restaurant"⁶⁴⁴.

In 1913, the first proceedings of the disciplinary court were initiated after a student Sushkov complained about the actions of students Kalissky, Tikhvinsky and Shimanovsky, who systematically subjected him to bullying while living together in

⁶⁴⁰ Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1910 in Saint Petersburg., 1911. № 66. P. 130.

⁶⁴¹ Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1911 in Saint Petersburg., 1912. № 67. P. 139.

⁶⁴² Ibid. P. 219.

⁶⁴³ Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1912 in Saint Petersburg., 1913. № 68. P. 54.

⁶⁴⁴ Ibid. P. 57.

a hostel⁶⁴⁵. Interestingly, in the final report, the Court pointed to "abnormal living conditions" in the dormitory of the College of Emperor Alexander II, due to "the impossible atmosphere for conducting systematic scientific classes and the possibility of systematic harassment of individual students, as in the case of Sushkov"⁶⁴⁶. In the absence of evidence, the charges against the students of Tikhvinsky and Shimanovsky were dropped, and the student of Kalissky was subjected to temporary transfer to free listeners, together with moral censure.

The next case also concerned the abuse of a Stakhovsky student by students Nesterov and Ganelin. In accordance with the verdict of March 23, 1913, Ganelin was acquitted, and Tikhvinsky was temporarily dismissed from the University⁶⁴⁷.

The last disciplinary court hearing in 1913 was devoted to the actions of a student Tarasov, who, according to the testimony of witnesses, broke the silence on February 22 at 4 a.m. in the corridor of the dormitory by "slapping the whip". The student was eventually reprimanded⁶⁴⁸.

For the new 1913/1914 academic year, professors D.K. Petrov, I.I. Kaufman, I.I. Borgman, S.P. Kravkov and B.A. Turaev were selected as judges of the disciplinary court. A.A. Ivanov, M.M. Kovalevsky, F.I. Scherbatsky, V.A. Dogel and N.N. Rozin were selected as candidates⁶⁴⁹.

In 1914, the disciplinary court considered two cases. The subject of the proceedings the first of these was the application of a student Mistulov insults student Stefanovsky. Student Mistulov was reprimanded⁶⁵⁰. In the second case, a student was fired from the University for selling a book taken from the University library⁶⁵¹.

The activities of the disciplinary court subsequently effectively ceased, although elections of its members were held annually until the 1916/1917 academic

⁶⁴⁵ Minutes of meetings of the Council of Saint Petersburg University in 1913., 1914. № 69. P. 117.

⁶⁴⁶ Ibid. P. 118.

⁶⁴⁷ Ibid. P. 120.

⁶⁴⁸ Ibid. P. 123.

⁶⁴⁹ Ibid. P. 173.

⁶⁵⁰ Minutes of meetings of the Council of the Saint Petersburg University for 1914, Saint Petersburg, 1915, № 70, P. 45.

⁶⁵¹ Ibid. P. 47.

year. From May 1914 until the Court was abolished in June 1916, it did not consider a single case. This is evidenced by a letter from the Ministry of public education to the rector of St. Petersburg University, dated June 17, 1916⁶⁵².

§ 3.2. Professorial disciplinary court of the Imperial Moscow University

By the beginning of 1902, the teaching staff of Moscow University included 68 ordinary professors, 22 extraordinary professors, 1 professor of theology, 171 private associate professors and 4 doctoral students⁶⁵³.

As for the students, by the beginning of 1902 there were 4344, of which 1673 studied at the faculty of law, 1208 – physics and mathematics, 1100 – medical and 363 on history and philology. Also, 171 listeners attended the classes at that time⁶⁵⁴.

In the late XIX – early XX century in Moscow, as in many other regions, there was a significant increase in student unrest⁶⁵⁵. Students of Moscow University also actively expressed their political position, which in some cases led to tragic consequences⁶⁵⁶. As an example, the murder of the Minister of public education, former rector of Moscow University N.P. Bogolepov, who was fatally wounded by a former student of Moscow University P.V. Karpovich on February 14, 1901⁶⁵⁷. As it turned out during the investigation, the murder was committed by Karpovich out of revenge for the exclusion by order of the Minister from the University of St. Vladimir in Kiev of 183 students for their participation in the riots, after which they were sent in accordance with the then "Temporary rules on

⁶⁵² Letter from the Ministry of public education to the rector E.D. Grimm dated June 17, 1916, № 6089 // CSHA of SPb. F. 14. R. 1. D. 11163. P. 15.

⁶⁵³ Report on the state and actions of the Moscow Imperial University for 1901 // RSHA. F. 733. R. 204. D. 34. P. 2.

⁶⁵⁴ Ibid. P.4.

⁶⁵⁵ V.T. Sushko (Leningrad). Repression against students in 1901 // Moscow: the Russian Libmonster URL: <http://libmonster.ru/m/articles/view/РЕПРЕССИИ-ПРОТИВ-СТУДЕНТОВ-В-1901-ГОДУ> (date of application: 26.03.2019).

⁶⁵⁶ Imperial Moscow University: 1755-1917: encyclopedic dictionary / ed. by A.Yu. Andreev, D.A. Tsygankov. Moscow: Russian political encyclopedia (Ross), 2010. P. 10.

⁶⁵⁷ Tomsinov V.A. Nikolay Pavlovich Bogolepov (1846-1901): Professor, rector, minister. Article one // Legislation. 2004. № 9. P. 81-82.

serving military service by students of higher educational institutions, removed from these institutions for causing a mass of riots on July 29, 1901" to serve in the active army⁶⁵⁸.

In order to understand the reasons for the growth of student unrest, the Council of the Imperial Moscow University elected a Commission on student institutions on February 28, 1901. In the course of its work, this Commission prepared a report to the University Council dated May 16, 1901, which named a list of causes of student unrest, including the "national psychological" properties of youth, dissatisfaction with the Charter of 1884, the results of which were the destruction of corporatism and excessive bureaucratization, the need to reform University life.

It was noted that frequent cases of dismissal and expulsion from the University with all the painful consequences of these cases (expulsion from the University's city, loss of a semester or year, loss of a scholarship and, finally, deprivation of the right to continue education) raise the question of the correct organization of the University court. And, first of all, there was a need to protect this court from the possibility of accidental errors and baseless decisions. To do this, it seemed necessary for the report's authors that the University court should learn the basic guarantees of each correct court, since they are applicable within the framework of disciplinary proceedings⁶⁵⁹. The Chairman of this Commission was Dmitry Nikolaevich Zernov, who was later elected Chairman of the first composition of the Court.

After the introduction of the Provisional rules of August 24, 1902, the Council of Moscow University enthusiastically started creating a professorial disciplinary court.

The first composition of the professorial disciplinary court of Moscow University was approved by the Trustee of the Moscow educational district on

⁶⁵⁸ The Complete collection of laws of the Russian Empire. 17484. Third meeting. Vol. 19, Part 1. P. 935 - 936.

⁶⁵⁹ Central Historical Archive of Moscow. F. 418. R. 500. D. 36. P. 391.

October 10, 1902⁶⁶⁰. Dmitry Nikolaevich Zernov, an honored ordinary Professor of the Imperial Moscow University and a Full state Councilor, was elected the first Chairman of the Court. In addition to him, the first composition of the Court included honored ordinary Professor N.A. Umov, honored ordinary Professor L. A. Komarovsky, ordinary professor D.P. Anuchin, extraordinary Professor P.I. Novgorodtsev. Candidates for judges were elected ordinary Professor A.P. Pavlov, M.M. Pokrovsky, I.T. Tarasov, I.K. Mlodzeevskii, I.K. Spizarny. From the first composition of judges lawyers were L.A. Komarovsky and P.I. Novgorodtsev, among the candidates for judge – I.T. Tarasov. The composition of the professorial court for the entire period of its activity can be seen in Appendix 15⁶⁶¹.

It is necessary to pay attention to the correlation between the powers of the professorial disciplinary court and General judicial regulations. In the General Charter of the Imperial Russian universities of 1863, paragraph 103 contained the rule that "outside the buildings and institutions of the University, students are subject to police regulations on a General basis". In cases where a student's violation of internal University rules was accompanied by a criminal offense, the perpetrator, after being expelled by the professorial disciplinary court from among the students, had to be sent with a copy of the sentence to the ordinary criminal court. In cases where a student was detained by the police outside the University for crimes and misdemeanors subject to criminal trial, the police were obligated to notify the administration of the relevant higher education institution. The University court acted in such cases not in place of the General court rulings, but together with them. Thus, a student could be held liable for one misdemeanor to two types of liability – criminal by the state and disciplinary by the higher educational institution. A similar practice existed during the existence of the professorial disciplinary courts.

In the Court of Moscow University the practice in such cases was extremely diverse. In some cases, judges recognized the existence of a sentence in

⁶⁶⁰ Ibid. P. 4.

⁶⁶¹ Central Historical Archive of Moscow. F. 418. R. 87. D. 457. P. 2, 10, 24.

the case of a justice of the peace as sufficient punishment, as it was, for example, during the trial of a first-year student of the faculty of law, Nikolai Shelkhovsky, on November 25, 1904⁶⁶².

In other cases, the Court applied a disciplinary penalty to the student in addition to the sentence of the justice of the peace, but the latter in all cases was taken into account as a circumstance for mitigating responsibility. As an example, we can cite the case of a law student Vladimir Vasiliev, where, following the results of the session of October 2, 1908, the Court decided to make a comment against the student Vasiliev⁶⁶³.

The trial could also end with a reconciliation of the parties, as it was in the case of a 3rd-year student of the medical faculty Ivan Kastratovich about insulting professor S.I. Stopnitsky. After reviewing the materials presented in the case, the Court suggested that Kastratovich apologize to the professor, which he did in the presence of the Court and S.I. Stopnitsky himself. After that the case was dismissed due to reconciliation of the parties⁶⁶⁴.

The professorial disciplinary court of Moscow University also had the opportunity to address the rector with proposals for improving the order of activities at the University. For example, in December 1907, the Court sent a proposal to the rector that when a student moves from one faculty to another, his place should be replaced not by agreement between the students, but by order of the Dean of the corresponding faculty⁶⁶⁵.

As a follow-up to the proposals of the drafters of the Provisional rules on the need to further regulate the activities of Courts at the local level, on November 10, 1903, the Council of Moscow University adopted the "Instruction of the Council to the disciplinary court at Moscow University"⁶⁶⁶. In the future, this document became

⁶⁶²Central Historical Archive of Moscow. F. 418. R. 500. D. 36. P. 107.

⁶⁶³Ibid. P. 225.

⁶⁶⁴Ibid. P. 195.

⁶⁶⁵Central Historical Archive of Moscow. F. 418. R. 500. D. 46. P. 6-7.

⁶⁶⁶Ibid. P. 9.

one of the main ones in the development of the Instruction to the professorial disciplinary courts of January 24, 1908, most of their provisions coincided⁶⁶⁷.

From the provisions of this instruction, the following should be highlighted:

- If there was a significant accumulation of cases, the Chairman of the Court could create separate commissions consisting of judges and candidates for judges, who could deal with separate questioning of witnesses and preparing the case for the main trial, which was held in full (paragraph 1 of the Instructions);

- If one of the judges is unable to take part in the session, the candidate with the highest number of votes is appointed to take his place and remains in the Court for the entire duration of the proceedings (paragraph 3 of the Instructions);

- A clerk from among the University employees could be appointed to assist the court Clerk (clause 5 of the Instruction);

- The Moscow University court has jurisdiction only over students of Moscow University (clause 6 of the Instruction);

- In more detail marked with the competence of the Court: he explained that a minor case, he only allows that if a student is repeatedly subject to disciplinary action by the rector pursuant to paragraph "B" of the Rules on penalties from August 24, 1902, and also was allocated a new ground for disciplinary action, such misconduct students, which has already held the convictions or determine General court of justice. In these cases, the Court did not review the case on its merits, but only decided whether the guilty student should be morally reprimanded or dismissed from the University (paragraph 7 of the Instruction);

- preliminary consideration of the material provided by the rector on the case to individual members of the Court for mutual distribution (paragraph 11 of the Instruction);

- disputes between the rector and the Court on the jurisdiction of specific cases are resolved by the University Council (clause 14 of the Instruction);

⁶⁶⁷ Ibid. P. 10.

- a student involved as an accused could not leave Moscow without special permission from the Chairman of the Court (clause 15 of the Instruction);
- for questioning students of other higher educational institutions, the Chairman of the Court makes appropriate requests to the Courts of other universities (paragraph 16 of the Instruction);
- the decision of the Court is made by a simple majority of votes, while the Protocol and sentence do not indicate how many votes the decision took place. Dissenting opinions of judges are not allowed (clause 20 of the Instructions);
- if by the time the University Council receives the report of the rector on the court's decision in the case, new circumstances that have significant significance arise, the Council has the right to ask the Court to review its decision in this case (paragraph 24 of the Instructions).

In total for the 1902/1903 academic year the Moscow University Court considered 15 cases with the following statistics:

Academic year	Number of cases	Number of accused	Penalties
1902/1903	15	27	Released – 6, Transferred to the rector – 2, Moral censure – 1, Reprimand – 9, Rebuke – 5, Transfer to free listeners – 1

It should be noted that most of the cases concerned the application of disciplinary penalties to students after they were tried by a justice of the peace. As a rule, the cases concerned inappropriate behavior of students outside the University, provided for in article 38 of the Statute on penalties imposed by judges of the peace of November 20, 1864. This article provided for responsibility for "quarrels, fights, fisticuffs or other kind of violence in public places, and generally for violation of public silence".

After, in 1903, by the decision of the Ministry of public education, political cases concerning, in particular, student gatherings were removed from the

jurisdiction of professorial disciplinary courts and transferred to the administration of higher educational institutions, the Moscow University Court opposed this decision. The judges met for an administrative session on December 28, 1903, during which they prepared a report to the University Council.

On December 28, 1903, the administrative session of the professorial disciplinary court of Moscow University was held, on the basis of which the report was prepared⁶⁶⁸, submitted for consideration to the rector and the University Council.

At the beginning of this report, the members of the Court referred to the report of the Commission elected by the University Council on February 28, 1902 to find out the causes of student unrest, which was characterized by the need to organize a Professor's disciplinary court. In particular, it was noted that the nature of professorial disciplinary court and its limited competence usually allow a simplification in the usual forms of the judicial system, but this simplification the less possible than most decisions of this court reflect radically on fate subject to its jurisdiction entities. Minor violations of University discipline do not require special care about the correct judicial system. It was pointed out that the frequent cases of dismissal and expulsion from the University, with all the painful consequences of these cases (expulsion from the University city, loss of a semester or year, loss of a scholarship, and, finally, deprivation of the right to continue education), should have raised the question of the correct organization of the Professor's court. Accordingly, there should have been a need to protect this court in cases of such importance from the possibility of accidental errors and baseless decisions, for which it seems necessary that "the court has learned the basic guarantees of each correct court, since they are applicable within the framework of disciplinary proceedings"⁶⁶⁹.

Further, the authors of the report note that the Ministry of public education organized a Professor's disciplinary court in 1902, which provided guarantees of correct legal proceedings. The Council of the Moscow University accepted this

⁶⁶⁸Central Historical Archive of Moscow. F. 418. R. 500. D. 36. P. 123.

⁶⁶⁹Ibid. P. 124.

decision positively and approved a detailed instruction for the Court's action, drawn up in the development of the Temporary rules of August 24, 1902.

The main purpose of this instruction was to put the administration of judicial functions by professors "at the proper height", which could only be achieved if all the most important cases are concentrated in the hands of the Court, and resolved by the correct judicial procedure that ensures their careful consideration. From this point of view, the members of the Court of the Moscow University have found particularly undesirable duality of the University jurisdiction, in which some cases are sent to Court, while others settled in addition to his other bodies are prevented as thorough investigation as it was before the introduction of the Temporary rules.

In clause 9 of the Instruction⁶⁷⁰ it was emphasized that all cases of violation of University discipline are referred by the rector to the Court. With this clause, the Council of Moscow University approved the principle of unity of University jurisdiction, which is concentrated in the Court.

The judges pointed out that this provision of the Court may change significantly if the new order of the Minister of public education is strictly implemented, which in practice will return the University to a certain extent to the old order of things.

The main idea of this order is to remove political demonstrations in the University from the jurisdiction of the Court and subject participants in such demonstrations to penalties based on the decisions of the educational administration. All this caused the report's authors a number of serious doubts:

- First of all, there was a question of how to draw the line between more serious violations of academic rules and political demonstrations. At that time, it was not uncommon for University demonstrations to be accompanied by a discussion of political issues and acquire a political connotation. All such cases may be considered in one way or another and accordingly either referred to the Court or resolved in addition to it. In the very essence of the case, there is absolutely unavoidable

⁶⁷⁰ Ibid. P .126.

randomness of decisions and uncertainty of jurisdiction, and this could give rise to the idea among students that they depend on arbitrariness. According to the members of the Court, all this could adversely affect not only the position of the Court, but also the entire course of University life.

- If political demonstrations are really outside the University's jurisdiction, this could only mean that they are subject to the exclusive competence of the Ministry of justice and the Ministry of internal affairs. Meanwhile, regardless of the possible punishment from these bodies, it is assumed that participants in such demonstrations may be subject to expulsion from the University by the verdict of the higher educational authorities, which is nothing more than a disciplinary penalty. The imposition of such a penalty on University students would indicate that the higher educational authorities themselves consider political demonstrations, in addition to the element that is subject to the jurisdiction of other institutions, also a disciplinary offense, which entails a disciplinary penalty.

- If we take the view that political demonstration includes a disciplinary offense, then we should recognize that in such cases the disciplinary jurisdiction of the Court should take place. These cases are among the most serious violations of University discipline, as described in the Commission's report of February 28, 1901, which, under the previous procedure, often led to mass expulsions of students. The painful consequences of such a penalty required special care in its application and especially careful consideration of the cases related to it. However, if these cases are removed from the jurisdiction of the Court, according to the Judges, it would inevitably be necessary to restore the court of administrative bodies of the University, which are unable to devote sufficient time and attention to the examination of court cases. But the transfer of judicial functions from the University Board to the Court, which followed on the basis of the Provisional rules of August 24, 1902, was caused by a perceived need to organize a special judicial body that could perform judicial functions with proper correctness and care. The authors of the report considered that for any administrative body burdened with a number of other cases, this is impossible for lack of time alone, not to mention other reasons, which

the Council of Moscow University pointed out in detail in its previous reports and resolutions.

- The members of the Moscow University Court considered it even more undesirable to return to the previous order of things if the former system of mass exceptions was also supposed to be restored. Repeated experiences of previous practice have clearly shown that such measures have a highly adverse effect on the entire course of University life. In particular, almost every case of such measures raised new ranks of young people who want to express sympathy for the injured comrades, which creates a prolonged crisis in the life of the University. It is wrong to say that it is enough to remove the main leaders of meetings from the University to restore order, that it is all a matter of a small group of more energetic organizers, from whom all sorts of unrest occurs. According to the authors of the report, this view has never been justified by the results of such measures that were taken on its basis. In fact, the causes of University riots lie in deeper conditions of life, and it is impossible to eradicate these riots by mass expulsions of students from the University. Regardless of this consideration, the attitude of the University to its Pets essentially precludes the possibility of sweeping condemnations and any such measures of severe repression. Called to judge students, University teachers "cannot fail to take into account the moods and the entire spiritual world of their students, with whom they are bound, first of all, by the high duty of teaching"⁶⁷¹.

All the considerations outlined in the report indicated how serious difficulties could arise if the Court were to exclude cases of student gatherings from its jurisdiction. The judges recognized that in all transferred cases of professorial disciplinary court may only be judged from the point of view of violation of University discipline, but in the interest of justice and to maintain the credibility of the Court requires that all cases that may result in action by the school authorities, subject to review of the Court and to his position at the University didn't hesitate to establish the jurisdiction of any other bodies belonging to the training management

⁶⁷¹ Ibid. P .127.

and operative your own decisions regardless of the Court or in the abolition of its sentences.

Already on January 17, 1904, the rector of Moscow University, A.A. Tikhomirov, at a meeting of the University Council, invited those present to comment on the provisions of the Court's report⁶⁷².

The Chairman Of the Commission on student institutions, honored ordinary professor A.B. Fokht explained that the Commission fully agrees with the provisions of the report, since a properly organized and independent professorial court is extremely important for the successful development of student institutions, and is preparing a report with its vision of the problem for transmission to the Trustee of the educational district⁶⁷³.

Ordinary Professor A.A. Manuylov considered it necessary to make a presentation to the Ministry of public education on the issue of guarantees for students to freely Express their opinions at course meetings and not to be afraid of persecution by the University administration⁶⁷⁴. Honored ordinary Professor O. I. Sinitsyn expressed the opinion that students should not be given freedom of speech at course meetings, on the contrary, these meetings should teach young people to discipline⁶⁷⁵. Following the discussion, the participants decided to accept the Commission's report, making editorial amendments in accordance with the comments made, and submit it to the Ministry of public education in a corrected form⁶⁷⁶.

In the report of the Commission on student institutions prepared after the meeting of the University Council on January 17, A.B. Fokht supported the autonomy of the Courts and also pointed out that one of the main reasons for their creation, reflected in the Commission's report of February 28, 1901, was to get rid of the previous practice of mass expulsions of students without due process and only

⁶⁷² Extract from the journal of the meeting of the Council of the Imperial Moscow University on January 17, 1904. P. 24.

⁶⁷³ Ibid. P. 25.

⁶⁷⁴ Ibid. P. 26.

⁶⁷⁵ Ibid. P. 27.

⁶⁷⁶ Ibid. P. 28.

on the basis of the testimony of the University inspection. If the most important category of cases was removed from the jurisdiction of the Courts, students could perceive this as a return to the old order, when they were deprived of procedural judicial guarantees. As for the responsibility of students for what they said at course meetings and scientific circles, A.B. Fokht argued that none of this should become the basis for penalties, since otherwise the meaning of such meetings will be emasculated, and the students themselves will completely lose confidence in the course curators, who were appointed from among the teachers. Thus, student unrest will only increase, and teachers will lose all respect for them⁶⁷⁷.

A.A. Tikhomirov on January 22, 1904 sent a letter to the Trustee of the Moscow educational district, in which he reported on the January 17 meeting of the University Council and outlined his thoughts on the report of the Court and the Commission on student institutions⁶⁷⁸.

It should be noted that the rector took a less harsh position on the provisions of the report prepared by the members of the Moscow University Court. He believed that in the case of student strikes, the administration of the University should not apply stricter penalties than a temporary ban on entering the educational institution with a notification to the Trustee of the educational district. The competence of the professorial disciplinary court in this case would be to review cases against those persons who have not been banned by the administration in the person of the rector from entering the educational institution. According to Alexander Tikhomirov, this way the work of the Court will be preserved, and the judges themselves will be freed from the humiliating duty to judge their students for political actions within the walls of the University. He generally supported the position of the Commission on student affairs.

⁶⁷⁷Central Historical Archive of Moscow. F. 418. R. 500. D. 21. P. 15.

⁶⁷⁸Letter to the Trustee of the Moscow educational district from the rector of Moscow University dated January 22, 1904 // Central Historical Archive of Moscow. F. 418. R. 500. D. 22. P. 149.

A.A. Tikhomirov especially noted that the professors took on "the burden of appeasing student ferment"⁶⁷⁹, and asked that both reports, along with the rector's own comments, be sent to the Ministry of public education.

In the 1903/1904 academic year, the Moscow University Court for the first time faced the resolution of cases related to mass student riots. For example, on February 28, 1904, took place the trial of students who participated in the meeting on February 11, 1904, by the example of the case you can see the position of judges in relation to students of only 33 accused student, Kherkheulidze was temporarily transferred to an auditor and only for the public expression of its unwillingness to recognize the powers of the Court against him, against the other 32 students, the case was dismissed⁶⁸⁰.

In total for the 1903/1904 school year the Court had the following statistics:

Academic year	Number of cases	Number of accused	Penalties
1903/1904	16	62	Case dismissed – 36, Acquitted – 6, Moral censure – 1, Reprimand – 11, Rebuke – 3, Transfer to free listeners – 5

Subsequently, the Moscow University Court dealt, for the most part, with minor disciplinary offenses of students, which is noted in the General list of all cases for the entire period of existence (see Appendix 14).

In 1916, the activities of the Moscow University Court actually ceased, although it formally operated in the beginning of 1917. Just as in the case of St. Petersburg University, the Ministry of public education sent a letter to the rector of Moscow University on June 17, 1916, asking him to report on all previous activities of the Court⁶⁸¹.

⁶⁷⁹Central Historical Archive of Moscow. F. 418. R. 500. D. 44. P. 54.

⁶⁸⁰Central Historical Archive of Moscow. F. 418. R. 500. D. 45. P. 76.

⁶⁸¹Ibid. P. 289.

CONCLUSION

The professorial disciplinary court as a body of higher education held a special place in the system of institutions of the capital's Imperial universities in Russia. By awarding judicial functions to the professorial Board, the government expanded the corporate rights of universities, since the disciplinary court has always been an indispensable element of University autonomy.

On the one hand, when preparing the Provisional rules as a normative act establishing the Court, the drafters saw the task of removing unnecessary burden from the boards of universities and similar administrative⁶⁸² bodies in other universities⁶⁸³. Previously, University boards had both administrative and judicial powers, which did not allow them to devote enough time to a thorough analysis of student misconduct, especially mass misconduct⁶⁸⁴; in particular, this was directly pointed out by the rector of Moscow University, A.A. Tikhomirov⁶⁸⁵. Therefore, the first reason for creating a disciplinary court was organizational and legal.

At the same time, the end of the XIX century was marked by student unrest, especially mass in February 1899⁶⁸⁶. The bureaucracy increasingly perceived the student environment as a cauldron in which revolutionary ideas were simmering. The creation of disciplinary courts allowed us to solve several problems in this direction at once.

Firstly, universities received a special body that can focus all its attention on resolving cases of student misconduct, in particular, mass ones. This favourably distinguished the disciplinary court from the Board, where the sentences of students

⁶⁸² See: Appendix № 2.

⁶⁸³ Minutes of the meeting of the Council of higher educational institutions of the Ministry of national education of November 6, 1901. P. 10.

⁶⁸⁴ Brief explanatory note to the draft Provisional rules on the professorial disciplinary court in higher educational institutions of the Ministry of public education and to the newly drawn up rules on penalties of February 11, 1902. P. 90.

⁶⁸⁵ Minutes of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education dated December 22, 1901 L. 28.

⁶⁸⁶ Vannovsky P.S. Report of Vannovsky P.S. on the student riots of 1899 St. Petersburg, 1907. P. 3.

who participated in meetings were pronounced, by and large, only on the basis of the inspection's testimony.

Secondly, the resolution of cases was handled by representatives of the teaching staff, which also brought an educational function to the work of the disciplinary court. The composition of the Court was formed from professors who had a significant authority among students (for example, the Court of St. Petersburg University at various times included L.I. Petrazhitsky⁶⁸⁷, M.M. Kovalevsky⁶⁸⁸, I.Ya. Foinitsky⁶⁸⁹ and others, the Court of Moscow University included P.I. Novgorodtsev, A.N. Filippov, S.V. Poznyshev⁶⁹⁰). This factor was intended to increase the students' confidence in the Court's decisions. This fact is indirectly confirmed by the fact that many members of the disciplinary court belong to Constitutional-democratic political party, which supported students in their movement to academic freedom (S.K. Bulich, E.D. Grimm, L.I. Petrazhitsky, and others)⁶⁹¹.

This makes it possible to identify such a reason for creating a disciplinary court as general prevention.

However, the activities of the disciplinary court have repeatedly faced opposition from the radical part of students. Suffice it to mention that the first case considered by the court of St. Petersburg University, headed by I.Ya. Foinitsky, concerned a meeting of students on March 18, 1903, in which the resolution called on students not to participate in "the upcoming Comedy with the disciplinary court"⁶⁹². Some professors also considered it unacceptable to combine the duties of a teacher and a judge⁶⁹³.

⁶⁸⁷ Gurevich P.V. Leon Iosifovich Petrazhitsky // *Pravovedenie*. 1971. № 5. P. 130.

⁶⁸⁸ Gurevich P.V. Maxim Maksimovich Kovalevsky // *Pravovedenie*. 1971. № 5. P. 127.

⁶⁸⁹ Smirnov A.V. Foinitsky Ivan Yakovlevich // *Pravovedenie*. 2007. № 4. P. 23.

⁶⁹⁰ See: Appendix № 15.

⁶⁹¹ Rostovtsev E.A., Krivonozhenko A.F., Sosnitsky D.A. Opposition of the Ministry of national education and liberal professorship of Saint Petersburg University in 1911-1914 // *Scientific and technical Bulletin of SPbSU. Humanities and social sciences*. 2011. № 3. P. 170.

⁶⁹² Minutes of the meeting of the disciplinary court of the Saint Petersburg University of March 24, 1903 // *RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 220*.

⁶⁹³ Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1907, St. Petersburg, 1908. № 63. P. 331.

As for the powers of the disciplinary court, they were expanded in comparison with the University courts in the edition of the University Charter of 1863⁶⁹⁴, which indicates that the elements of university autonomy were strengthened in this regard⁶⁹⁵. In particular, the Board of the universities could not reverse the decision of the Court or to submit for its consideration any matter that was possible with the university courts.

On the other hand, it is impossible to speak about the full independence of the Court⁶⁹⁶:

1) all elected by the University Council members of the Court were approved by the Trustee of the educational district⁶⁹⁷;

2) Courts' verdicts that subject guilty students to dismissal, removal, or expulsion from the University took effect only after they were approved by the Trustee of the educational district.

3) the professors who made up the Court were employees of the state civil service in accordance with the Table of ranks.

The activity of the Court was regulated by three all-Russian normative legal acts:

- Temporary rules of August 24, 1902;
 - Rules on penalties of August 24, 1902;
 - Instructions to the disciplinary court of January 24, 1908,
- as well as local regulations in the form of special instructions.

The significance of the activity of the professorial disciplinary court in the most concentrated form is expressed in the following: for the period from 1902 to 1917. The court of Saint Petersburg (Petrograd) University reviewed cases against 208 students, 157 of whom were subjected to various penalties, and 57 were

⁶⁹⁴ General Charter of the Imperial Russian universities of June 18, 1863 // The Full Collection of laws of the Russian Empire. Coll. 2. Vol. XXXIX, part 1. Article 39752.

⁶⁹⁵ Suyazov V.V. Emergence and activity of the disciplinary court of the Imperial Saint Petersburg University (1902-1917) // History of state and law. 2017. № 12. P. 30.

⁶⁹⁶ Temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education of August 24, 1902. P. 2-3.

⁶⁹⁷ It is worth noting that the Trustees of the St. Petersburg and Moscow educational districts approved all the proposed candidates for members of the professorial disciplinary court.

acquitted .the court of Moscow University reviewed cases against 158 students, 70 of whom were not subject to penalties⁶⁹⁸ .

In modern universities, there is no institution similar to the professorial disciplinary court. Meanwhile, the current system of bringing students to disciplinary responsibility, which includes the administration of universities, commissions for the settlement of disputes between participants in educational relations, ethics commissions and courts of general jurisdiction, can be considered as the result of the evolution of the concept of a professorial disciplinary court. The research of its activities allows us to take into account the experience of the past for further improvement of the higher education system as one of the forms of organizing scientific work and the main way of its penetration into the universal culture⁶⁹⁹ .

⁶⁹⁸ See: Appendix № 13.

⁶⁹⁹ Vernadsky V.I. Letters about higher education. Moscow, 1913. P. 7.

BIBLIOGRAPHY

Legal acts and other official documents of the Russian Empire

1. "Temporary rules on serving military service by students of higher educational institutions, removed from these institutions for causing mass unrest" dated July 29, 1901 // The Collection of laws. Coll. III. Vol. XIX. Ed. 1. Art. 925.
2. "Temporary rules on the management of higher educational institutions of the Ministry of public education" dated August 27, 1905 // The Collection of laws. Coll. III. T. XXV. Ed. I. Art. 26692.
3. Personal decree "On the establishment of judicial institutions and judicial charters, Highly approved Institution of judicial institutions, Highly approved Charter of criminal proceedings, Highly approved Charter of civil proceedings, Highly approved Charter on punishments imposed by magistrates" // The Collection of laws. Coll. II. T. XXXIX. Ed. II. 1864. St. Petersburg, 1867. Art. 41 473, 41 475 – 41 478.
4. Instruction to the professorial disciplinary court at universities from January 24, 1908 // Collection of laws. Coll. III. T. XXVII. Department I. St. Petersburg, 1908. № 29274.
5. General Charter of the Imperial Russian universities of November 5, 1804 // Collection of laws. Vol. XXVIII. Coll. I. St. 21428.
6. General Charter of the Imperial Russian universities of June 18, 1863 // Collection of laws. Coll. II. T. XXXIX, part 1. Article 39752.
7. Rules on student organizations and arrangement of meetings within the walls of educational institutions from June 11, 1907 // Collection of laws. T. XXVII. Ed. I. № 29274.

Russian State Historical Archive (RSHA)

Fund of the Ministry of public education

1. Report of the Minister of public education V.G. Glazov to the Emperor Nicholas II dated September 25, 1904 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 177.

2. Report of the rector of Saint Petersburg University to the Trustee of the Saint Petersburg educational district V.K. von Anrep dated December 21, 1901, № 15966 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 23.
3. Conclusion of the legal Advisory part of the Ministry of public education on the issue of issuing instructions for the disciplinary court // RSHA. F. 733. R. 154 D. 190. P. 23–30.
4. Report on the state and actions of the Moscow Imperial University for 1901 // RSHA. F. 733. R. 204. D. 34. P. 2.
5. Letter of Vice–Minister of national education G.E. Zenger to the rector of the Imperial Saint Petersburg University A.H. Golmsten dated December 21, 1901. № 610 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 15.
6. Rules on the court of the University of Warsaw dated 1869 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 10.
7. Rules for students in universities from May 18, 1885. Par. 31 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 24.
8. Protocol of the meeting of the Council of higher educational institutions of the Ministry of public education of November 6, 1901 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 2–4, 6–8, 10–13.
9. Protocol of the preliminary session of the disciplinary court of Saint Petersburg University on March 20, 1903 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 204.
10. Protocol of the session of the disciplinary court of Saint Petersburg University dated March 24, 1903 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 220.
11. Protocol of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education dated December 29, 1901 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 52.
12. Protocol of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education dated December 27, 1901 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 47.

13. Protocol of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education of December 31, 1901 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 58.

14. Protocol of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education of December 30, 1901 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 54.

15. Report of G.E. Zenger to the Minister of public education P.S. Vannovsky from January 7, 1902 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 63.

16. Letter of the rector of the Saint Petersburg University A.H. Golmsten to the Trustee of the Saint Petersburg educational district V.K. von Anrep dated March 22, 1903 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 44-47.

17. Circular to the Trustee of the Saint Petersburg educational district V. K. von Anrep from the Ministry of public education dated June 20, 1903, № 19187 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 48.

18. Circular from the Ministry of public education to the Trustees of educational districts dated October 3, 1904, № 38 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 187.

19. Circular from the Ministry of public education to the Trustees of educational districts dated July 3, 1907, № 13929 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 260.

Central State Historical Archive of Saint Petersburg (CSHA of SPb)

Fund 14 - Saint Petersburg University

1. Temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education of August 24, 1902 // CHSA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 2-3.

2. Report of the Commission elected by the University Council on December 21, 1902 to develop strict guidelines for the disciplinary court on extreme measures

set out by disciplinary penalties // CHSA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 19-30.

3. Conclusion of the preliminary meeting of the Professorial disciplinary court of November 13, 1902 // CHSA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 31-50.

4. Letter of the Minister of national education P.S. Vannovsky to the comrade of the Minister of national education G.E. Zenger dated December 19, 1901 №. 604 // CHSA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 8.

5. Letter from the Ministry of public education to the rector E.D. Grimm dated June 17, 1916, № 6089 // CHSA of SPb. F. 14. R. 1. D. 11163. P. 15.

6. Rules on penalties imposed on students of higher educational institutions of the Ministry of public education dated August 24, 1902 // CHSA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 4-5.

7. Petition of F.F. Martens addressed to the rector of St. Petersburg University A.H. Golmsten dated October 21, 1902 // CHSA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. L. 15.

8. Petition of A.N. Korkin addressed to the rector of St. Petersburg University A.H. Golmsten dated September 22, 1902 // CHSA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 14.

9. Petition of A.I. Vvedensky addressed to the rector of the Saint Petersburg University A.H. Golmsten dated September 26, 1902 // CHSA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 13.

10. Petition of F.F. Petrushevsky addressed to the rector of St. Petersburg University A.H. Golmsten dated September 28, 1902 // CHSA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 14.

11. Petition of G.V. Forsten addressed to the rector of the Saint Petersburg University A.H. Golmsten dated October 18, 1902 // CHSA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 15.

12. Circular from the Trustee of the Saint Petersburg educational district V.K. von Anrep to the rector of the Saint Petersburg University A.H. Golmsten dated September 18, 1902, № 12887 // CHSA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 7.

13. Circular from the Trustee of the Saint Petersburg educational district V.K. von Anrep to the rector of the Saint Petersburg University A.H. Golmsten dated

October 31, 1902, № 15652 // CHSA of SPb. F. 14. R. 1. D. 9703. P. 13.

Central Historical Archive of Moscow (CHA of Moscow)

Fund 418 – Moscow University

1. Extract from the journal of the session of the Council of the Imperial Moscow University dated January 17, 1904 // CHA of Moscow. F. 418. R. 500. D. 46. P. 24.

2. Report of the Commission on student institutions of the Imperial Moscow University to the University Council of May 16, 1901 // CHA of Moscow. F. 418. R. 500. D. 36. L. 391.

3. Report of the Commission on student institutions of the Imperial Moscow University to the University Council of January 18, 1904 // CHA of Moscow. F. 418. R. 500. D. 46. P. 25.

4. Report of the Disciplinary court of the Imperial Moscow University to the Council of the University of December 28, 1903 // CHA of Moscow. F. 418. R. 500. D. 36. P. 123.

5. Journals of meetings of the Council of the Moscow University // CHA of Moscow. F. 418. R. 249. D. 1. P. 1-177.

6. Instructions to the Disciplinary court of the Imperial Moscow University of November 10, 1903 // CHA of Moscow. F. 418. R. 500. D. 46. P. 9.

7. Book of decisions of the Disciplinary court of the Imperial Moscow University // CHA of Moscow. F. 418. R. 500. D. 116. P. 1-95.

8. Letter to the Trustee of the Moscow educational district from the rector of the Moscow University dated January 22, 1904 // CHA of Moscow. F. 418. R. 500. D. 22. P. 149.

9. Letter of the members of the Disciplinary court of the Imperial Moscow University addressed to the Rector dated December 17, 1907 // CHA of Moscow. F. 418. R. 500. D. 46. P. 6-7.

10. Protocol of the session of the Disciplinary court of the Imperial Moscow University of February 28, 1904 // CHA of Moscow. F. 418. R. 500. D. 45. P. 76.

11. Protocol of the session of the Disciplinary court of the Imperial Moscow University in the case of a law student Vladimir Vasiliev from October 2, 1908 // CHA of Moscow. F. 418. R. 500. D. 36. P. 225.

12. Protocol of the session of the Disciplinary court of the Imperial Moscow University in the case of a 3rd year student of the medical faculty Ivan Kastratovich // CHA of Moscow. F. 418. R. 500. D. 36. P. 195.

13. Protocol of the session of the Disciplinary court of the Imperial Moscow University in the case of the 1st year student of the faculty of law Nikolai Shelkhovsky from November 25, 1904 // CHA of Moscow. F. 418. R. 500. D. 36. P. 107.

The archive of Scientific library named after M. Gorky of St. Petersburg State University

1. Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1902, Saint Petersburg., 1903. № 58. – 120 p.

2. Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1903, Saint Petersburg., 1903. № 59. – 137 p.

3. Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1904., 1905. № 60. – 140 p.

4. Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1905., 1906. № 61. – 371 p.

5. Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1906., 1907. № 62. – 234 p.

6. Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1907., 1908. № 63. – 354 p.

7. Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1908., 1908. № 64. – 319 p.

8. Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1909., 1910. № 65. – 180 p.

9. Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg

University for 1910 in Saint Petersburg., 1911. № 66. – 181 p.

10. Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1911 in Saint Petersburg., 1912. № 67. – 233 p.

11. Minutes of meetings of the Council of the Imperial Saint Petersburg University for 1912 in Saint Petersburg., 1913. № 68. – 183 p.

12. Minutes of meetings of the Council of Saint Petersburg University in 1913., 1914. № 69. – 241 p.

13. Minutes of meetings of the Council of Petrograd University in 1914., 1915. № 70. – 145 p.

Monographs

1. Abrosimova, E.B. Judicial power in the Russian Federation: system and principles / E.B. Abrosimova. – Moscow: Institute of law and public policy, 2002. – 160 p.

2. Avrus, A.I. History of Russian universities: Essays / A.I. Avrus. – Moscow: Moscow public scientific Foundation, 2001. – 85 p.

3. Alekseev, S.S. Ascent to the law: searches and solutions / S.S. Alekseev. Moscow: Norma Publishing House, 2001. – 752 p.

4. Alekseev, S.S. Problems of the theory of law. Vol. 1. Basic questions of the General theory of socialist law / S.S. Alekseev. – Sverdlovsk: Publication of the Sverdlovsk law Institute, 1972. – 396 p.

5. Alekseev, S.S. Law. Alphabet. Theory. Philosophy. Experience of complex research / S.S. Alekseev. – Moscow: Statute, 1999. – 712 p.

6. Alexi, R. Concept and reality of law (response to legal positivism) / R. Alexi. – Moscow: Infotropic Media, 2001. – 192 p.

7. Amirova, M.A. International judicial institutions and internal law of the Russian Federation / M.A. Amirova. – Moscow: Unity, 2012. – 212 p.

8. Andreev, A.Yu. University in the Russian Empire of the XVIII – first half of the XIX century / ed. by A.Yu. Andreev, S.I. Posokhov. – Moscow: Russian political encyclopedia, 2012. – 671 p.

9. Andreev, A.Yu. Russian universities of the XVII – first half of the XIX century in the context of the University history of Europe / A.Yu. Andreev. – Moscow: Znak, 2009. – 640 p.
10. Aristotle. Politics // Aristotle. Essays. Vol. 4. – Moscow: Thought, 1983. – 830 p.
11. Aristotle. Nicomachean ethics // Aristotle. Essays. Vol. 4. – Moscow: Thought, 1983. – 830 p.
12. Burke, E. Board, politics, society / E. Burke. – Moscow: Kanon–press, 2001. – 480 p.
13. Bibilo, V.N. Judicial power in criminal proceedings / V.N. Bibilo. – Minsk: Law and Economics, 2001. – 210 p.
14. Vaskovsky, E.V. Textbook of Russian civil procedure (by ed. 1917) / E.V. Vaskovsky. – Moscow: Statute, 2003. – 624 p.
15. Vernadsky, V.I. Letters about higher education / V.I. Vernadsky. – Moscow: I.N. Kushnerev and Co., 1913. – 13 p.
16. Vinogradov, P.G. Essays on the theory of law. Roman law in medieval Europe / P.G. Vinogradov. – Moscow: Zertsalo, 2010. – 279 p.
17. Volkov, V.V., Dmitrieva, A.V., Pozdnyakov, M.A., Titaev K.D. Russian judges as a professional group: sociological research / under the editorship of V. Volkov. – Moscow: Norma, 2015. – 272 p.
18. Hobbes, T. Leviathan, or matter, form and power of the Church and civil state / T. Hobbes. – M.: Thought, 2001. – 480 p.
19. Gurvich, M.A. Selected works. Vol. 2 / M.A. Gurvich. – Krasnodar: Council. Kuban, 2009. – 544 p.
20. Dal, V.I. Explanatory dictionary of the living great Russian language. Vol. 3 / V.I. Dal. – Moscow: Russian language, 1994. – 556 p.
21. Duvernois, N. L. Sources of law and court in Ancient Russia. Experiments on the history of Russian civil law / N.L. Duvernois. – Moscow: University printing house, 1869. – 413 p.
22. Efremova, N.N. Judicial reform of 1864 /Legal encyclopedia ed. by B.N.

Topornin. Moscow: Yurist, 2001. – 1267 p.

23. Ivanov, A.E. Higher school of Russia in the late XIX – early XX century / A.E. Ivanov. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of history of the USSR, 1991. – 392 c.

24. Ilyin, I.A. Theory of law and state / I.A. Ilyin. – Moscow: Zertsalo, 2003. – 400 p.

25. Imperial Moscow University: 1755 – 1917: encyclopedic dictionary / comp. by A.Yu. Andreev, D.A. Tsygankov. – Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2010. – 894 p.

26. Kleandrov, M.I. Economic justice in Russia: past, present and future / M. I. Kleandrov. – Moscow: Wolters Kluwer, 2006. – 600 p.

27. Kleinman, A.F. Selected works. Vol. 2 / A.F. Kleinman. – Krasnodar: Council. Kuban, 2009. – 816 p.

28. Kolokolov, N.A. History of Russian justice / N.A. Kolokolov. – Moscow: Unity, 2009. – 447 p.

29. Legitimacy of law: a collective monograph / under the general editorship of E.N. Tonkov, I.L. Chestnov. – Saint Petersburg.: Aletheia, 2019. – 496 p.

30. Loginov, P.V. Essence of state arbitration / P.V. Loginov. – Moscow: Moscow University Press, 1968. – 144 p.

31. Maltsev, G.V. The cultural tradition of law / G.V. Maltsev. – Moscow: Norma, 2013. – 608 p.

32. Mikhailov, A.M. the Judiciary in the legal system of England / A.M. Mikhailov. Moscow: Yurlitinform, 2009. – 342 p.

33. Montesquieu, Charles On the spirit of laws / Montesquieu. - M.: Thought, 1999. – 644 p.

34. Nersesyants, V.S. Philosophy of law: Textbook for universities / V.S. Nersesyants. – Moscow: Norma, 2005. – 656 p.

35. The organization of the judicial activities / under the editorship of G.P. Baturova. – Moscow: Yurid. lit., 1977. – 176 p.

36. Petrazhitsky, L.I. Theory of law and state in connection with the theory of

morality / L.I. Petrazhitsky. – Moscow: Yurayt, 2018. – 237 p.

37. Poznyshev, S.V. Elementary textbook of Russian criminal procedure / S.V. Poznyshev. – Moscow: G.A. Lehman, 1913. – 337 p.

38. Justice in the modern world: a monograph / under the editorship of V.M. Lebedev, T.Y. Khabrieva. – Moscow: Norma, 2017. – 720 p.

39. Radbruch, G. Legal wrong and illegal right / G. Radbruch. – Moscow: International relations, 2004. – 240 p.

40. Rozhdestvenskiy, S.V. Historical overview of the activities of the Ministry of public education. 1802–1902 / S.V. Rozhdestvensky. – SPb.: State printing house, 1902. – 840 p.

41. Rousseau J.-J. Treatises / J.-J. Rousseau. – Moscow: Science, 1969. – 704 p.

42. The status of the judge: the textbook / ed. by M.I. Kleandrov. – Novosibirsk: Science, 2000. – 444 p.

43. Strogovich, M.S. Course of the Soviet criminal process / M.S. Strogovich. – Moscow: Science, 1958. – 470 p.

44. Court and state / ed. by L.V. Golovko, B.Mathieu. – Moscow: Statute, 2018. – 272 p.

45. The judiciary / ed. by I.L. Petrukhin. – M.: LLC "TK Velby", 2003. – 720 p.

46. Judicial power in Russia: history, documents / ed. by O.E. Kutafin, V.M. Lebedev, G.Yu. Semigin. Vol. 1. – M.: Thought, 2003. – 562 p.

47. Judicial legal policy in Russia and foreign countries: Collective monograph / ed. by A.A. Dorskaya. – Saint Petersburg: Asterion, 2019. – 608 p.

48. Theoretical foundations for the efficiency of justice / ed. by I.L. Petrukhin. – Moscow: Science, 1979. – 392 p.

49. Tocqueville, A. de. Democracy in America / A. de Tocqueville. – Moscow: Progress, 1992. – 554 p.

50. University question in Russia / Comp. and auth. introduction to the article by E.A. Sukhanov. – Moscow: Statute, 2017. – 704 p.

51. University reform of 1863 in Russia / Compiler and author of introductory articles V.A. Tomsinov. – Moscow: Zertsalo, 2012. – 51 p.
52. Foinitsky, I.Ya. Course of criminal proceedings. Vol. 1 / I.Ya. Foinitsky. – SPb.: Alpha, 1996. – 552 p.
53. Fuller, L. The Morality of law / L. Fuller. – Moscow: Irisen, 2007. – 308 p.
54. Cheltsov-Bebutov, M.A. Course of criminal procedure law: essays on the history of the court and criminal process in slave-owning, feudal and bourgeois States / M.A. Cheltsov-Bebutov. – SPb.: Alpha, 1995. – 846 p.
55. Shchetinina, G.I. Universities in Russia and the Charter of 1884 / G.I. Shchetinina. Moscow: Science, 1976. – 232 p.
56. Legal encyclopedia / ed. by M.Yu. Tikhomirov. – Moscow: Yurinformcentr, 2001. – 525 p.

Scientific articles

1. Arkhipov, S.I. Legal theories of Robert Alexi and Lon Fuller / S.I. Arkhipov // Electronic appendix to "The Russian legal journal". – 2015. – № 6. – P. 5–15.
2. Golovko, L.V., Ilutchenko, N.V. The professorial disciplinary court at the Moscow Imperial University / L.V. Golovko, N.V. Ilutchenko // Bulletin of Moscow University. Series "Law". – 2004. – № 2. – P. 94–110.
3. Gospodarik, Yu. Ministers of the pre-revolutionary era. Peter Semyonovich Vannovsky / Yu. Gospodarik // Higher education in Russia. – № 4. – 2002. – P. 142–155.
4. Gribovsky, M.V. Material prosperity of professors and teachers of Russian universities in the late XIX – early XX century / M.V. Gribovsky // Bulletin of the Tomsk state University. – № 423. – 2017. – P. 76–80.
5. Gribovsky, M.V. It is not the business of students to appoint their own teachers: conflicts between professors and students of Russian universities at the turn of the XIX-XX centuries / M.V. Gribovsky // Bulletin of the Tomsk state

University. – 2017. – №. 424. – P. 67–73.

6. Gurevich, P.V. Leon Iosifovich Petrazhitsky / P.V. Gurevich // *Pravovedenie*. – 1971. – № 5. – P. 130–132.

7. Gurevich, P.V. Maxim Maksimovich Kovalevsky / P.V. Gurevich // *Pravovedenie*. – 1971. – № 5. – P. 133–135.

8. Eremina, T. I. From the history of independent jurisdiction of the Russian University Corporation in the XIX century // *Traditions and innovations in law: materials of international scientific-practical conf., dedicated to the 20th anniversary of the legal faculty and to the 50th anniversary of Polotsk state university*. – Novopolotsk: Novopolotsk state University. – 2017. – Vol. 2. – P. 40–43.

9. Zhukovskaya, T.N., Kazakova, K.S. Russian student of the pre-reform era: norms and everyday life of the Corporation / T.N. Zhukovskaya, K.S. Kazakova // *Russian history*. – 2007. – № 6. – P. 63–76.

10. Zakharov, V.V. Main stages of evolution of the legal status of the University in Russia (historical and legal essay) / V.V. Zakharov // *Scientific notes: electronic scientific journal of the Kursk state University*. – 2013. – № 1 (25). – P. 122–130.

11. Klyuchnikov, A.Yu. Quasi-judicial bodies of EU-member states as subjects of a preliminary request to the EU Court: concept, qualification criteria / A. Yu. Klyuchnikov // *Legal paradigm*. – 2017. – № 1. – P. 165–170.

12. Kochetov, A. V. About the concept of judicial power / A. V. Kozlov // *Bulletin of SUSU. Series "Law"*. – 2015. – № 4. – P. 27–32.

13. Lukovskaya, D. I. At the origins of legal thought in Ancient Greece / D.I. Lukovskaya // *Pravovedenie*. – 1977. – № 1. – P. 75–84.

14. Lukovskaya, D.I., Razuvaev, N.V. The doctrine of pre-socratics and justice and law / D.I. Lukovskaya, N.V. Razuvaev // *Bulletin of the Saint Petersburg state University*. – 2015. – № 3. – P. 35–43.

15. Mamut, L.S. Social state from the point of view of law / L.S. Mamut // *State and law*. – 2001. – № 7. – P. 5–14.

16. Melnikov, A.A. Justice in the USSR: essence, social functions, legislative

regulation / A.A. Melnikov // Soviet state and law. – 1981. – № 11. – P. 29–36.

17. Nersesyants, V.S. Philosophy of law: libertarian-legal concept / V.S. Nersesyants // Questions of philosophy. – 2002. – № 3. – P. 3–15.

18. Novikov, M.V., Perfilova, T.B. Universities of Russia at the turn of the XIX-XX centuries: an experiment with officials from the enlightenment (N.P. Bogolepov, G.E. Zenger) / M.V. Novikov, T.B. Perfilova // Yaroslavl pedagogical Bulletin. – 2015. – № 2. – P. 151–165.

19. Pankova, O.V. The concept of justice in the legal science of pre-revolutionary Russia (part I) / O.V. Pankova // Administrative law and process. – 2019. – № 5. – P. 44–49.

20. Romanovsky, G. B., Shishkin, A.D. Concept, meaning, features of judicial power in the Russian Federation / G.B. Romanovsky, A.D. Shishkin // Electronic scientific journal "Science, society, state". – 2014. – № 4 (8). – P. 38–51.

21. Rostovtsev, A.R., Andreeva, V.V. Petersburg University 1905 in the mirror of the periodical press / A.R. Rostovtsev, V.V. Andreeva // The magazine "Clio". – 2014. – № 10 (94). – P. 3–14.

22. Rostovtsev, E. A. Petersburg University in the focus of government policy (1860 – early 1880s) / E.A. Rostovtsev // Scientific and technical papers. Humanities and social sciences. – 2014. – № 4. – P. 81–88.

23. Rostovtsev, E.A., Krivonozhenko, A.F., Sosnitsky, D.A. Opposition of the Ministry of public education and liberal professorship of Saint Petersburg University in 1911–1914 / E.A. Rostovtsev, A.F. Krivonozhenko, D.A. Sosnitsky // Scientific and technical papers. Humanities and social Sciences. – 2011. – № 3. P. 170–175.

24. Smorgunova, V.Yu., Kalinina, E.Yu. Evolution of the idea of justice in Russia: from the search for justice to the penalty and back / V.Yu. Smorgunova, E.Yu. Kalinina // Legal science: history and modernity. – 2019. – № 1. – P. 186–192.

25. Smirnov, A.V. Foynitsky Ivan Yakovlevich / A.V. Smirnov // Russian legal journal. – 2007. – № 4. – P. 179–182.

26. Suyazov, V.V. The emergence and activity of the disciplinary court of the

Imperial Saint Petersburg University (1902–1917) / V.V. Suyazov // History of state and law. – 2017. – № 12. – P. 25–30.

27. Suyazov, V.V. Justice, fairness and professorial disciplinary court in the Russian Empire / Suyazov V.V. // Education and law. – 2019. – № 6. – P. 222–234.

28. Suyazov, V.V., Trofimov, A.A. Guarantees of the rights of students when applying disciplinary measures to them: history and modernity / Suyazov V.V., Trofimov A.A. // Education and law. – 2018. – № 7. – P. 203–216.

29. Timoshina, E.V. Law as fairness: the concept of intuitive law in the school of L.I. Petrazhitzky / E.V. Timoshina // Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence. – 2010. – № 6. – P. 179–185.

30. Tomsinov, V.A. Nikolay Pavlovich Bogolepov (1846-1901): professor, rector, minister. Article one / V.A. Tomsinov // Legislation. – 2004. – № 9. – P. 76–82.

31. Tomsinov, V.A. Development of university education in Russia in the period from 1884 to 1917 / V.A. Tomsinov // Legislation. – 2013. – № 3. – P. 88–94.

32. Fadeeva, M.V. Students of the Moscow Imperial University in the legal field of the Russian Empire: under the supervision of three instances / M.V. Fadeeva // Questions of education. – 2016. – № 4. – P. 251–274.

33. Chetverikov, A.O. Guarantees of independence of justice bodies of integration associations of modern states: comparative legal aspect / A.O. Chetverikov // Actual problems of Russian law. – 2015. – № 5. – P. 161–165.

Memoirs and diaries

1. Afanasiev, N.I. Contemporaries. Album of biographies. Vol. 1 / N.I. Suvorin. – SPb.: A.S. Suvorin's printing house, 1909. – 352 p.

2. Vernadsky, V.I. Journalistic articles / compiler and responsible editor V.P. Volkov. – Moscow: Science, 1995. – 320 p.

3. Witte, S.Yu. Memories. Vol. 2. / S.Yu. Witte. – Moscow: SKIF, 1960. – 750 p.

4. Klyuchevsky, V.O. Letters, diaries, aphorisms and thoughts on history / responsible editor N.V. Nechkina. – Moscow: Science, 1968. – 524 p.
5. A brief overview of the activities of the Ministry of public education during the administration of minister N.P. Bogolepov // Journal of the Ministry of public education // – SPb.: Printing house of V.S. Balashev, 1901. – 82 p.
6. Leningrad University in the memoirs of contemporaries. Vol. 1. / under the general editorship of A.V. Yezhov, J.D. Margolis, G.G. Proshin. – Leningrad: Publishing house of Leningrad University, 1963. – 319 p.
7. Department of justice for a hundred years. 1802–1902. Historical essay. SPb.: Senates' printing house, 1902. – 400 p.
8. Olkhovsky, E.R. Student movement at the turn of the XIX–XX century. The birth of the Bolshevik organization at the St. Petersburg University / E.R. Olkhovsky // Essays on the history of the Leningrad University. – 1989. – P. 75–111.

Dissertations and abstracts

1. Kovtun, N.N. Judicial control in criminal proceedings in Russia (concept, essence, forms). Dis. ... candidate of legal Sciences: 12.00.09 / Kovtun N.N. – Nizhny Novgorod, 2002. – 520 p.
2. Lonskaya, S.V. Institute of justice of the peace in Russia: historical and theoretical legal research: dissertation ... doctor of law: 12.00.01 / S.V. Lonskaya / – Saint Petersburg, 2016. – 366 p.

APPENDICES

Appendix № 1. Composition of the Commission for the development of temporary rules about the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education ⁷⁰⁰

№	Full name	Civil rank	Status
1	Grigoriy Eduardovich Zenger	Full councillor	Comrade of the Minister of public education, Chairman of the Commission
2	Nikolai Ivanovich Tavildarov	Full councillor	Member of the Council of the Minister of public education
3	Vasily Konstantinovich von Anrep	Privy councillor	Trustee of the Saint Petersburg educational district
4	Adolf Hristianovich Golmsten	Full councillor	Saint-Petersburg University, rector
5	Alexander Ivanovich Vvedensky	State councilor	Saint Petersburg University, Professor
6	Kharlampy Sergeevich Golovin	Full councillor	Saint Petersburg Institute of technology, Director
7	Nikolai Pavlovich Raev	Full councillor	Saint Petersburg Higher women's courses, Director
8	Alexander Andreevich Tikhomirov	Full councillor	Moscow University, rector
9	Nikolay Osipovich Suplevski	Full councillor	Kharkiv national University, rector
10	Dmitry Stepanovich Zernov	State councilor	Kharkiv Institute of technology, Director
11	Arkadiy Raevskiy	Full councillor	Kharkiv veterinary Institute, Director
12	Fedor Nikiforovich Shvedov	Privy councillor	Novorossiysk University, rector
13	Vladimir Ivanovich Belyaev	Full councillor	Novoaleksandrovskiy Institute of agriculture, Director
14	Dmitry Oskarovich Ott	Full councillor	Saint Petersburg women's medical Institute, Director

Appendix № 2. Bodies of higher educational institutions in charge of student misconduct proceedings until August 24, 1902 ⁷⁰¹

№	Higher educational institution	Body
1	All the universities, the St. Petersburg women's medical courses, the Demidov juridical Lyceum, Novoaleksandrovskiy Institute of agriculture	Board
2	All veterinary institutes	The Council
3	Saint Petersburg Institute of technology, Kharkiv Institute of technology	Education Committee

⁷⁰⁰ Minutes of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education dated December 22, 1901 // RSHA. F. 733. R. 151. D. 297. P. 27.

⁷⁰¹ Ibid. P. 29.

4	Riga Polytechnic Institute, Higher women's courses	Special disciplinary Commission
5	Tomsk technological Institute	Special Committee on student Affairs

**Appendix № 3. Issues resolved by the development Commission
Temporary rules on the disciplinary court in session of December 22, 1902⁷⁰²**

№	The question	Decision
1	Whom shall be elected by the members of the disciplinary court and the candidates?	The University Council or its corresponding body in other higher education institutions
2	How many members of the disciplinary court and candidates should be identified?	For universities-5 judges and 5 candidates for judges, for other higher educational institutions - from 3 to 5 judges (depending on local conditions) and a similar number of candidates for judges
3	How long are members of the disciplinary court and candidates elected for?	For one academic year. Rector of Kharkiv University, N.I. Kuplevasky, remained with his special opinion
4	Should there be at least one professor of law in the disciplinary court?	Yes, if there is a law faculty at a higher educational institution

**Appendix № 4. Issues resolved by the Commission for development
the Temporary rules on the disciplinary court in session of December 23, 1902⁷⁰³**

№	The question	Decision
1	Are decisions of the disciplinary court subject to approval by other bodies?	All decisions of the disciplinary court with detailed reasons are submitted to the rector (Director) of the higher educational institution, who brings them to the attention of the Council or its corresponding institution, and the head of the educational institution immediately executes the court's sentences imposing penalties below the dismissal of those responsible from the educational institution. Court decisions related to the dismissal or exclusion of offenders are submitted with their opinion to the Trustee of the educational district, who, in turn, approves the court's verdicts by his own authority, and the court's verdict on the

⁷⁰² Minutes of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education dated December 22, 1901. P. 31.

⁷⁰³ Minutes of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education dated December 23, 1901 // RSHA. F. 733. P. 151. D. 297. P. 40.

		exclusion of offenders is submitted with his opinion for approval by the Minister of public education. A.I. Vvedensky and A.H. Golmsten remained in their opinion .
2	Is it necessary to draw up a special disciplinary code, which will specify all disciplinary offenses of students and their corresponding penalties?	No, within a higher education institution, a body such as the disciplinary court should have sufficient discretion in making its decisions.
3	Who should approve judges and judicial candidates selected by the Council of higher education institutions?	7 members of the Commission voted for the approval of judges and judicial candidates directly by the Minister of public education, 5 members of the Commission-for the approval of judges and judicial candidates by the Trustee of the educational district.

Appendix № 5. Issues resolved by the Commission for development of the Temporary rules on the disciplinary court in session of December 23, 1902⁷⁰⁴

№	The question	Decision
1	Should a monetary fine and arrest be included in the list of penalties imposed by the disciplinary court?	No, these types of punishments are not subject to inclusion in the list of penalties.
2	Should a remark and a reprimand be separated in the list of penalties?	Yes, it is warranted.

Appendix № 6. Issues resolved by the development Commission Temporary rules on the disciplinary court in session of December 27, 1902.⁷⁰⁵

№	The question	Decision
1	Is it necessary to include in the list of penalties imposed by the disciplinary court, a reprimand with entry in the penalty book?	No, this penalty is not subject to inclusion in the list of penalties imposed by the disciplinary court.
2	Is it necessary to include a monetary fine and disciplinary arrest in the list of penalties imposed by the disciplinary court?	This is not necessary. Instead, it was decided to establish two types of reprimand: one imposed by a disciplinary court and one imposed by the head of a higher educational institution.
3	Is it necessary to include in the list of penalties imposed by the disciplinary court a temporary ban on a student attending a higher education institution?	No, it was decided to leave this penalty in the power of the head of the higher educational institution as a precautionary measure.
4	Is it necessary to include in the list of penalties imposed by the disciplinary court, the dismissal of	Yes, according to the Commission's decision, this penalty was included in several variations in the draft rules on disciplinary court in higher educational

⁷⁰⁴ Minutes of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education dated December 26, 1901. P.42.

⁷⁰⁵ Ibid. P. 47.

a student from a higher educational institution for a certain period of time?	institutions of the Ministry of public education.
---	---

Appendix № 7. Issues resolved by the Commission for development of the Temporary rules on the disciplinary court in session of December 28, 1902⁷⁰⁶

№	Question	Decision
1	Should the question of excluding a student be referred to a special institution from the administrative authority of a higher education institution?	It was decided to postpone this issue for more thorough consideration.
2	What procedure for submitting cases to the disciplinary court should be provided for?	The disciplinary court, having received the case materials from the head of the higher educational institution, decides at the administrative session whether the case is subject to consideration by the court or not.

Appendix № 8. Issues resolved by the Commission for development of the Temporary rules on the disciplinary court in session of December 29, 1902⁷⁰⁷

№	Question	Decision
1	In what composition can the disciplinary court hold sessions?	Only in full (three or five judges, respectively).
2	Should the content of paragraphs 35 and 36 Of the rules for students of higher educational institutions of the Ministry of public education of May 15, 1885 be taken into account when preparing the Provisional rules on the disciplinary court?	Paragraph 35 should not be included, paragraph 36 should be adopted in a new version.
3	Should the content of the rules on the professorial disciplinary court of the University of Warsaw of 1869 be taken into account when preparing the Provisional rules on the disciplinary court?	Paragraphs 5-8, 10, 11 to 15 were adopted without changes. Paragraphs 4 and 9 were adopted with changes. The Commission has already considered the provisions of the first three paragraphs during its previous meetings

Appendix № 9. Issues resolved by the Commission for development of the Temporary rules on the disciplinary court in session of December 30, 1902⁷⁰⁸

№	Question	Decision
1	What should be the procedure for	The Secretary of the court session is appointed

⁷⁰⁶ Minutes of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education dated December 27, 1901. P. 50.

⁷⁰⁷ Minutes of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education of December 29, 1901. P. 53.

⁷⁰⁸ Minutes of the meeting of the Commission on the development of temporary rules on the professorial disciplinary court at higher educational institutions of the Ministry of public education of December 30, 1901. P.59.

	appointing the clerk of the court session?	by the Chairman of the disciplinary court from the members of the court present at the session.
2	What measures should be taken in case of mass disciplinary violations?	Temporary prohibition of attending higher education institutions and temporary suspension of classes in educational institutions.
3	Is it necessary to allow the management of higher education institutions to apply for changes to the rules of the disciplinary court?	This opportunity should be provided to the management of higher education institutions.

Appendix № 10. Questions proposed for discussion at the meeting of the Minister of public education with the heads of higher educational institutions established in August 1904⁷⁰⁹

№	Question	Applicant
1	Removal from the disciplinary court of certain categories of cases and transfer them to the administration of the educational institution	Trustee of the Moscow educational district
2	Transfer of the functions of the disciplinary court to the University Board	The rector of the University of Novorossiysk
3	Consideration of cases with political overtones by the University Board or a special court with the participation of the rector	Trustee of the Kiev educational district
4	Limitation of the competence of the disciplinary court	Trustee of the Warsaw educational district
5	Unsuitability of a disciplinary court in cases of mass riots	Trustee of the Riga educational district
6	Strengthening the power of the rector in the event of mass riots	Trustee of the Moscow educational district
7	Granting the right to a educational district Trustee to increase the penalty imposed by a disciplinary court	Trustee of the West Siberian educational district

Appendix № 11. Decision of the disciplinary court in respect of participants of the student meeting of March 18, 1903⁷¹⁰

№	Nature of the offense	Number of punished	Penalty
1	Students not only participated in the meeting and stayed at it from beginning to end, but also took an active role in it physically or intellectually, taking up positions on the top stairs of the leadership platform, crowding out the inspection, shouting "out" and so on. Their guilt is partially confirmed, partially compounded by their failure to appear in	15	Removal from the University

⁷⁰⁹ Circular № 38 from the Ministry of public education to the Trustees of educational districts dated October 3, 1904. P. 187.

⁷¹⁰ Minutes of the session of the disciplinary court of Saint Petersburg University dated March 24, 1903. P. 220.

	court.		
2	Students who did not appear in Court, for whom a long stay at the meeting was established, but did not perform an active role, as well as students who appeared in Court, who consciously participated in the meeting and did not clear themselves of suspicion of active activity.	22	Dismissal from the University
3	Students who took part in the meeting appeared in Court, but directly refused to give evidence and showed persistent sympathy for the meeting.	4	Moral censure and transfer to free listeners
4	Students who attended the meeting refused to give evidence in Court, but were truthful about their refusal to participate in the meetings in the future.	4	Translation of the free-listeners
5	Students who attended the meeting, but did not Express sympathy for the harsh nature of the resolution adopted and made a direct promise not to participate in further riots.	14	Reprimand
6	Students who were not seen in the riots earlier, came to the meeting by chance, and stayed out of curiosity.	6	Comment

Appendix № 12. Members of the disciplinary court of Saint Petersburg University

№	Full name	Faculty	Status	Term of powers (years)
1	Andreev, Ivan Dmitrievich	Historical and philological	Candidate for judge	1909-1910
2	Barthold, Vasily Vladimirovich	Eastern	Candidate for judge, since 1909 — judge	1907-1912
3	Bobylev, Dmitry Konstantinovich	Physical and mathematical	Candidate for judge	1902-1903
4	Baudouin-de-Courtenay, Ivan Alexandrovich	Historical and philological	Judge	1907-1909
5	Borgman, Ivan Ivanovich	Physical and mathematical	Judge	1913-1916
6	Bulich, Sergei Konstantinovich	Historical and philological	Candidate for judge	1910-1913
7	Vvedensky, Alexander Ivanovich	Historical and philological	Judge	1902
8	Veselovskii, Nikolai Ivanovich	Eastern	Judge	1902-1905
9	Grimm, Erwin Davidovich	Historical and philological	Candidate for judge	1907-1909, 1910-
10	Dogel, Valentin Alexandrovich	Physical and mathematical	Candidate for judge	1913-1916
11	Ivanov, Alexander Alexandrovich	Physical and mathematical	Candidate for judge	1913-1916
12	Inostrantsev, Alexander Alexandrovich	Physical and mathematical	Judge	1902-1905

13	Kareev, Nikolai Ivanovich	Historical and philological	Judge	1907-1909
14	Kaufman, Illarion Ignatyevich	Law	Chairman	1914-1916
15	Konovalov, Dmitry Petrovich	Physical and mathematical	Candidate for judge	1903-1905
16	Kovalevsky, Maxim Maximovich	Law	Chairman, since 1913 – candidate for judge	1907-1910, 1913-1914
17	Kravkov, Sergey Pavlovich	Physical and mathematical	Judge	1913-1916
18	Korkin, Alexander Nikolaevich	Physical and mathematical	Candidate for judge	1902
19	Lavrov, Peter Alexeevich	Historical and philological	Candidate for judge, since 1907 — judge	1903-1905, 1907-1912
20	Marr, Nikolai Yakovlevich	Eastern	Candidate for judge	1909-1910
21	Martens, Fedor Fedorovich	Law	Chairman	1902
22	Palladin, Vladimir Ivanovich	Physical and mathematical	Candidate for judge	1902-1903
23	Pergament, Mikhail Yakovlevich	Law	Judge	1907-1911
24	Petrazhitsky, Leon Iosifovich	Law	Candidate for judge	1902-1905
25	Petrov, Dmitry Konstantinovich	Historical and philological	Judge	1913-1916
26	Petrushevsky, Fedor Fomich	Physical and mathematical	Candidate for judge	1902
27	Pokrovsky, Iosif Alexeevich	Law	Candidate for judge	1907-1910
28	Ptashizky, Ivan Lvovich	Physical and mathematical	Candidate for judge	1903-1905, 1911-1912
29	Rosen, Victor Romanovich	Eastern	Candidate for judge	1903-1905
30	Rosin, Nikolai Nikolaevich	Law	Candidate for judge	1913-1916
31	Rostovtsev, Mikhail Ivanovich	Historical and philological	Candidate for judge	1907-1909
32	Smirnov, Vasily Dmitrievich	Eastern	Candidate for judge	1902-1903
33	Sobolevskii, Alexei Ivanovich	Historical and philological	Judge	1903-1905
34	Sokhotsky, Julian Vasilyevich	Physical and mathematical	Judge	1902-1905
35	Turaev, Boris Aleksandrovich	Historical and philological	Judge	1913-1916
36	Favorsky, Alexander Evgrafovich	Physical and mathematical	Candidate for judge, since 1913 — Chairman	1907-1914
37	Foynitsky, Ivan Yakovlevich	Law	Chairman	1902-1905
38	Forsten, Georgiy Vasilievich	Historical and philological	Candidate for judge, since 1903 — judge	1902-1904
39	Chugaev, Lev Aleksandrovich	Physical and mathematical	Candidate for judge	1909-1910

40	Shlyapkin, Ilya Alexandrovich	Historical and philological	Candidate for judge	1902-1903
41	Sherbatovsky, Fedor Ippolitovich	Eastern	Candidate for judge	1913-1916

Appendix №13. Cases of the Disciplinary court of the Imperial Moscow University⁷¹¹

№	Date of case review / Full names of students	Arraignment / Decision
1	18.02.1903 Vladimir Nikolaevich Popov, 5 th year student of the faculty of medicine	He was accused by a justice of the Peace under articles 38 and 42 of the Statute on punishments imposed by justices of the peace, but found guilty under article 42. In view of active remorse, the accused was released from responsibility.
2	18.02.1903 Nikolay Kostomarov, 1 st year student of the faculty of law, Alexander Ivanovich Vinnik, Grigory Konstantinovich Skuratov, 1 st year students of the faculty of History and Philology	They were accused by a judge of the peace under article 38 of the Charter on punishments and found guilty. In view of the fact that the students Vinnik and Skuratov were brought by the justice of the Peace to punishment for violating public silence and order, and it was recognized that the Commission of this offense is completely unacceptable, the Court decided to make comments to them. Kostomarov did not appear in court, and his sentence was deferred until his appearance.
3	04.03.1903 1 st year students of medical faculty Aleksandr Mikhailovich of Sundukyants and Levon Ogenesovich of Capitans	They were accused by a Magistrate under article 39 of the Charter on punishments and found guilty. Comments were made.
4	04.03.1903 1 st year students of medical faculty Leonid Skalozubov and Eduard Brucker	They were accused by a judge of the peace under articles 31 and 38 of the Charter on punishments and found guilty. Student Skalozubov pleaded guilty to that was in a state of intoxication in a public house and entered there into a fight. The court found such an act incompatible with the status of a student. In view of the remorse of the accused, make him a moral suggestion. Student Brucker was released from responsibility.
5	04.03.1903, 18.03.1903 3 rd year student of the faculty of medicine Nikolay Pavlovich	They were accused by a judge of the peace under articles 31 and 38 of the Charter on punishments and found guilty.

⁷¹¹ Book of decisions of the Disciplinary court of the Imperial Moscow University // CHA of Moscow. F. 418. R. 500. D. 116. P. 1-95.

№	Date of case review / Full names of students	Arraignment / Decision
	Blagoveshchenskiy and 2 nd year student of the faculty of law Nikolay Fedorovich Bakanin	Bakanin was reprimanded, and the case of Blagoveshchenskiy was transferred to the rector in accordance with paragraph 19 of the Temporary rules, since this case is not subject to review in Court.
6	04.03.1903 3 rd year student of the faculty of law Nikolay Fedorovich Favorov	He was accused by a judge of the peace under articles 38 and 42 of the penal code and was found guilty. He was transferred to the free listeners for one semester.
7	18.03.1903 3 rd year student of the law faculty Julian Ivanovich and student of the 5 th course of medical faculty Vasily Rapotiginicz	They were accused by a judge of the peace under article 38 of the Charter on punishments and found guilty. A reprimand was issued.
8	18.03.1903 3 rd year student of the faculty of physics and mathematics Leonid Vasilievich Gryzlov	He was accused by a judge of the peace under article 38 of the Charter on punishments, found guilty. A comment was made.
9	18.03.1903 2 nd year student of the faculty of medicine Pyotr Ivanovich Khlopov	He was accused by a judge of the peace under articles 38 and 42 of the penal code, but found guilty only under article 42. A reprimand was issued.
10	18.03.1903 4 th year student of the faculty of history and philology Mikhail Berdonosov	Complaint of the merchant's widow Alexandra Feodorovna Berdonosova, on the actions of Berdonosova, consisting in blackmail and spreading false rumors, discrediting the merchant's wife in order to take advantage of the latter's material values. The case was referred to the rector.
11	01.05.1903 2 nd year student of the faculty of law Andrey Smoldavsky and 2 nd year student of the faculty of medicine Alexander Hubert	He was accused by a justice of the Peace under articles 31 and 38 of the Charter on punishments, and was found guilty. A comment was made.
12	01.05.1903 5 th year students of the medical faculty Ivan Romanin, Nikolai Glinin, Nikolai Veshnyakov, Eugene Kurgansky	They were accused by a justice of the Peace under article 38 of the Charter on punishments and found guilty. Released from responsibility before the Court.
13	01.05.1903 5 th year student of the faculty of medicine Mikhail Livansky	In view of the Frank confession, a remark was made.
14	01.05.1903	He was accused by a justice of the Peace under articles

№	Date of case review / Full names of students	Arraignment / Decision
	1 st year student of the faculty of law Ivan Dambekalov	31 and 38 of the Charter on punishments, and was found guilty. In view of his sincere remorse, he was found not guilty.
15	01.05.1903 2 nd year student of the faculty of law Daniil Petrov	He was accused by a justice of the Peace under article 38 of the Charter on punishments, found guilty. In view of sincere remorse, a reprimand was made.
16	22.11.1903 1 st year student of the faculty of law Vasily Pastylov	He was accused of embezzling 210 rubles intended for making a general payment. The case was dismissed due to exception Pastylov from the University.
17	27.11.1903 1 st year student of the faculty of medicine Panev Valdemar and 5 th year student Nikolay Gradinarov	They were accused by a judge of the peace under article 38 of the Charter on punishments and found guilty. The case was dismissed due to the exclusion of the accused from the University.
18	27.11.1903 The 1 st student of 1 course of physics and mathematics faculty Alexander Pavlov and 2 nd year student Graziano Jacob	Accused by a judge of the peace under article 38 of the Charter on punishments and found guilty. Reprimands were made.
19	27.11.1903 5 th year student of the faculty of medicine Levansky Mikhail	He was accused by a judge of the peace under article 38 of the Charter on punishments, found guilty. The case was dismissed due to the exclusion of Lebanese from the University.
20	27.11.1903 1 st year student of the faculty of law Arkady Kostin	He was accused by a judge of the peace under articles 31 and 38 of the Charter on punishments, and was found guilty. In view of the sufficiency of the sentence of the justice of the Peace, the case was dismissed.
21	15.12.1903 5 th year student of the faculty of medicine Romuald Monchin	He was found guilty by a Magistrate of causing violence at the Pyatigorsk station to doctor Kraevsky. It turned out that the student at that time was being treated in a psychiatric clinic and was in a state of insanity. The case was dismissed.
22	12.02.1904 Student Ginsburg	He was accused of spreading disgraceful rumors about the student Abramovich. The court ordered a reprimand.
23	12.02.1904	Accused of indirect complicity in the violation of order at the lecture of Professor Ozerov 15.11.1903.

№	Date of case review / Full names of students	Arraignment / Decision
	Vasily Belavin – the student of 1 st course of physics and mathematics Department, Joseph Blumenfeld, Ivan Kulakov, Nikolay Samoylov, Ivan Morozov – students of 1 st course of law faculty, Andrew Krasnov – the student of 1 st course at the medical faculty, Nikolai Bogoyavlensky, Nicholas Lazarevich – 2 nd year students of the medical faculty, David Melikhov, Michael Shkurin – 2 nd year students of the historical-philological faculty, Dmitry Kropotov – 3rd year student of the historical-philological faculty	In view of the fact that the said students, according to their testimony, were only present in the audience, not belonging to the usual composition of the Professor's audience, and remained in it during the riot, but did not take part in the riots, all of them were made remarks.
24	17.02.1904 Viktor Gromov – 1 st year student of the physics and mathematics faculty	He was accused of insulting Baron Engelhardt while being drunk. On the basis of the Protocol signed by five elders of the Tver noble Assembly and the student Gromov's own testimony, the Court found that he really appeared in the Assembly drunk and committed the said offense. Finding that such an act does not correspond to the dignity of an educated person and committed by a student casts a shadow on the entire University youth, the Court decided: to Express a moral censure to Gromov with a transfer to the category of free listeners for one half-year.
25	17.02.1904 Valerian Pelko – 1 st year student of the Department of history and Philology, Ivan Sokolov – 1 st year student of the faculty of history and philology	Accused of indirect complicity in the violation of order at the lecture of professor Ozerov 15.11.1903. Failed to attend the meeting on 12.02.1904. Taking into account the two-time failure to appear at the trial without explanation, the Court decided to transfer both to the transfer to free listeners for one half-year.
26	28.02.1904 Vladimir Vishnevsky, Mikhail Ivanov, Sergei Nekrasov, Nikolay Lukin – 1st year students of the faculty of history and philology, Moses Raskin, Gleb Burenin, Nikolai Sevostyanov, Michael Orlovsky – 1 st year students of physics and mathematics faculty, Herman Suslin, Aaron Ostrovsky,	Accused of being present at a meeting in the Anatomical theater 11.02.1904. After reviewing the case, the Court concluded that the subject of the charge, the said students as having already been punished on the basis of the rector's decision, are not subject to secondary liability within the meaning of the provisional rules. It turned out that the students Guryanov, Ananyin, Ratov, Yermolov, according to their testimony, did not participate in the meeting and came to the Anatomical theater for classes

№	Date of case review / Full names of students	Arraignment / Decision
	Eugene Sedlak – 2 nd year students of physics and mathematics faculty, Aaron Traynin, Sergei Beloborodov, Joseph Blumenfeld, Ivan Morozov, Nikolai Chelovesky, Pyotr Tchaikovsky – 1st year students of the faculty of law, Nikolay Karasev, Viktor Lyubimov, Prince Leonid Kherkheulidze – 2nd year students of the faculty of law, Ivan Ananyin, Boris Yermolov, Nikolai Lukashin, Isaac Narkiryert, Nikolai Ratov, Pavel Rozov, Nikolai Sakovich, Dmitry Uspensky, Vladimir Fridberg – 1 st year students of the medical Department, Nikolai Lazarevich, Nikolai Bogoyavlensky, Vladimir Guryanov, Alexander Rozov – 2 nd year students of the medical faculty	in anatomy. Student Lukin was not at the meeting. Regarding the student Prince, the Kherkheulidze, who said in court that he denies the right of a Court to review his case, the Court, seeing in it an unwillingness to obey the obligations of each of the students to the rules of the University, decided to translate it into the category of auditors.
27	13.03.1904 Alexander Rozov – 2 nd year student of the medical faculty	He was accused of unwillingness to obey the order of the University authorities on temporary non-attendance of the University. Transferred to the category of free listeners.
28	13.03.1904 Mikhail Shkurin – 1 st year student of the historical and philological faculty	Accused of being present at a meeting in the Anatomical theater 11.02.1904. Due to the fact that Shkurin has already been punished on the basis of the rector's decision, release from responsibility before the Court.
29	08.04.1904 Ivan Pelyushenko – 4 th year student of the medical faculty	He was accused of molesting an officer Kupriyanov with threats while drunk. Moral censure.
30	12.04.1904 Students Vysotsky, Kruglikov, Styrikovich	Accused of being present at a meeting in the Anatomical theater 11.02.1904. The court found the following: 1) students Vysotsky and Kruglikov came to the audience for a lecture and did not participate in the riots. 2) student Styrikovich - came to the meeting purposefully, but did not take part in the riots. The court ruled that Vygotsky and Kruglikov should be released from responsibility, and that Styrikovich should be reprimanded.
31	28.10.1904	He was accused of violating public silence and insulting a policeman with words and actions.

№	Date of case review / Full names of students	Arraignment / Decision
	Nikolay Chelchowski – 1 st year student of law faculty	In view of the fact that the student Chelchowski had already suffered punishment by sentence of the magistrate, he was released from liability.
32	28.10.1904 Nikolay Chigogidze – 3 rd year student of the physics and mathematics faculty	Was accused of forgery of the note, signed by professor Karuzin. In view of the fact that Chigogidze's misdemeanor was proved, and there were no grounds for mitigation of guilt, the Court decided to subject him to removal from the University with the prohibition of admission to another higher educational institution until the beginning of the next academic year.
33	18.11.1904 Richard Fronstein – 5 th year student of the faculty of medicine	Accused of extortion. In view of the petition of the victim Smirnova for the application of a more lenient punishment, the Court decided to dismiss him from the University before the beginning of the next academic year with the prohibition of admission to other educational institutions before the expiration of the specified period. 09.12.1904 the Court heard the proposal of the Trustee of the Moscow educational district to commute the sentence, but did not find any new data that would justify commuting the sentence.
34	25.11.1904 Ivan Gachechiladze – 2 nd year student of physics and mathematics faculty	He was accused of failing to take measures to keep public funds. The court, after hearing the explanations of the head of the hostel, private assistant professor Chislov, came to the conclusion that Gachechiladze is not subject to disciplinary responsibility.
35	25.11.1904 Ivan Deev – 3 rd year student of the medical faculty	Accused of violating public peace and quiet. As a result of his punishment under the sentence of a judge of the peace the Court decided not to bring him to justice.
36	25.11.1904 Vasily, Vladimir and Alexander Kalashnikov, Ivan Nechaev	Accused of violating public peace and quiet. As a result of their punishment under the sentence of a judge of the peace the Court decided not to bring them to justice.
37	16.12.1904 Nikolay Sinyagin – 3 rd year student of the law faculty	Accused of violating clause 8 of the rules for students. The Court made a comment.
38	16.12.1904 Georgy Lazarev, Sergey	They were accused of not fulfilling their promise Taking into account that students Lazarev and

№	Date of case review / Full names of students	Arraignment / Decision
	Shcherbakov – 3 rd year students of the historical and philological faculty, Sergey Karpachev, Ivan Fadeev – 3 rd year students of the medical faculty, Mikhail Vetrov, Lev Subbotin – 3 rd year students of the law faculty	Subbotin left the backside of the court session without permission, thereby showing disrespect to the Court and depriving it of the opportunity to find out the circumstances of the case by a personal question, the Court decided to dismiss them from the University until the end of the academic year without prohibiting them from entering other higher educational institutions during this period. The Court ordered Shcherbakov to be reprimanded. The rest of the comments.
39	31.10.1907 Khachatur Hrchyan – 2 nd year student of the medical faculty	Accused of disturbing the order in the Anatomical theater 09.10.1907. Given the sincere repentance of the student the Court decided to transfer him to an auditor prior to the next semester with the condition that at the perfect behavior, he may be enrolled by the rector to the students in the current semester. Moreover, the court decided to express a moral censure against him.
40	17.12.1907 Nathan Glezerov – 2 nd year student of the faculty of medicine	He was accused of falsifying the name on the application for payment of fees for attending lectures. Accepting the accused's sincere remorse, the Court decided to reprimand him.
41	17.12.1907 Vladimir Seppi – 1 st year student of the physics and mathematics faculty, Vasily Hidirbegov – 1 st year student of the medical faculty	The student Seppi was accused of selling them a place in the medical faculty, the student Hidirbegov – of deceiving the student Seppi when buying this place. The Court decided: to reprimand Seppi and apply to the rector for admission back to the medical faculty, to dismiss Hidirbegov from the University before the beginning of the next academic year without forbidding him to enter another higher educational institution.
42	29.01.1908 Ivan Kastratovich – 3 rd year student of the medical faculty	Accused of insulting Vice-rector Stopnitsky During the case, the Court asked Kastratovich to apologize to the Vice-rector, which he did in the presence of the Court with the words: "I did not intend to offend You, and if You consider yourself offended, I apologize". In view of reconciliation the case was dismissed.
43	31.01.1908 Nikolay Hrisanov and Iosif Temuryants – 4 th year students of the medical faculty	Brought to court for fighting on University grounds. Taking into account the testimony of witnesses, as well as the reconciliation of the parties, the Court decided to reprimand them for reprehensible behavior in The University.
44	01.03.1908	They were accused of passing their entrance tickets to

№	Date of case review / Full names of students	Arraignment / Decision
	Alexander Usagin – 3 rd year student of the physics and mathematics faculty, Nikolay Popov – 2 nd year student of the medical faculty	strangers. Student Popov was ordered to make comments, and student Usagin was transferred to the free school until the next semester because he did not recognize his act as reprehensible, and also to declare him a moral censure.
45	15.03.1908 Eugene Mikhailovsky, Mikhail Brynsky – 1 st year students of the historical and philological faculty	Brought to justice for their reprehensible behavior in the tavern of the village Vysokiy, Tarusa district, Kaluga province. The court made comments to them.
46	15.03.1908 Veniamin Kayalov – 1 st year student of law faculty	Accused of passing the entrance ticket to an outsider. During the trial, the student stated that the ticket was lost on March 4 or 5, and on the 6th he found it missing. In this regard, the Court found him not guilty.
47	24.03.1908 Julian Barats – 1 st year student of the law faculty	Accused of giving them an entrance ticket to an outsider. The court ordered a reprimand.
48	24.03.1908 Vladimir Lavrinovich – 1 st year student of the law faculty, Nikolay Bobrov – 1 st year student of the medical faculty	They were accused of passing their entrance tickets to outsiders. The court decided to transfer lavrynovich to free listeners before the end of the semester, Bobrov to make a remark.
49	20.05.1908 Boris Avdikovich – 1 st student of the law faculty	Accused of giving them an entrance ticket to an outsider. The court acquitted in a communication from the Provost about the issue of a duplicate admission ticket.
50	20.05.1908 Sergey Kuzmin – 1 st student of the physics and mathematics faculty	Accused of giving them an entrance ticket to an outsider. The court acquitted because the ticket was taken by a stranger without asking.
51	13.08.1908 Haim Strongin – 5th year student of the faculty of medicine	He was accused of erasing the mark on Physiological chemistry from 3 to 5 in the certificate of passing the half-course test, issued by the Dean of the medical faculty of Kharkiv University. The court decided to dismiss the accused before the beginning of the next school year without prohibiting him from immediately enrolling in another higher educational institution on a general basis.
52	02.10.1908 Vladimir Vasiliev – 1 st year of the	He was accused of insulting policemen in the street with swear words.

№	Date of case review / Full names of students	Arraignment / Decision
	law faculty	The court decided to comment on the sufficiency of the judge of the peace's sentence.
53	22.11.1908 Michael Heintzelman – 1 st year student of the law faculty	He was accused of rioting in the street and insulting police officers with words. The court, by three votes to two, decided to transmit to the rector a copy of the student's testimony in order that, if the rector finds it possible, this information may be forwarded to the mayor.
54	30.05.1909 Anatoly Kulikov – 1 st student of the physics and mathematics faculty	For lack of evidence, the Court dismissed the case.
55	30.05.1909 Students are not named	Student Silovan Gabule complained about his fellow countrymen – the Georgians. The court declared the case inadmissible.
56	14.07.1909 Ivan Moll – 2 nd year student of physics and mathematics faculty	He was accused of seducing and raping the daughter of a doctor T.N. Nazarova. The court decided to postpone consideration of the case until the verdict of the General court rulings. Having received a message from the rector that the investigation in the case is over and forwarded to the Prosecutor's friend for termination due to insufficient evidence. The court, in view of the above communication and taking into account that it does not review the case on the merits, decided to terminate the proceedings.
57	24.10.1909 Ivan Sirandino – 1 st year student of the medical faculty	Accused of violating public silence. The Court decided to dismiss the case due to the sufficiency of the sentence of the judge of the peace.
58	07.11.1909 Vasily Kutyrin – 2 nd year student of the law faculty	He was accused of insulting the words of an employee in the office of the Vice-rector O.O. Malinina. The court decided to make a comment.
59	07.11.1909 Vsevolod Semyonovich – 5 th year student of the medical faculty	Accused of insulting Vice-rector Vasily Ivanovich Kedrovsky In view of the fact that the student Semyonovich was awarded a graduation certificate in the spring of 1909, the Court decided to dismiss the case, expressing regret on behalf of the Court through the Chairman V.I. Kedrovsky that the Court, due to circumstances beyond its control, could not timely consider the case.
60	06.02.1910	Was accused of insulting letter student Oleg Spikiter.

№	Date of case review / Full names of students	Arraignment / Decision
	Student Ivan Ovsyannikov – 1 st year student of the physics and mathematics faculty	The Court decided to make a comment.
61	18.03.1910 Mikhail Kuzovlev – student of the medical faculty	Accused of an unseemly act. The court found that the fact of urination on the stairs of the Zoological Museum took place, but in connection with the testimony of witnesses, there are no sufficient grounds for the prosecution. However, given the fact that the appearance of Kuzovlev and the witness Ozerov in a drunken state on the territory of the University was proved, to reprimand them.
62	18.03.1910 Ivan Kalliotov – student of the medical faculty	Accused of violating the rules on student meetings. The court decided to make a comment and bring to the attention of the need to comply with these rules in the future.
63	18.03.1910 Nikolay Minsky – student of the law faculty	Was accused of violating the rules of registration of students. The Court ordered a reprimand.
64	14.05.1910 Alexander Alibarzumyans, Vladimir Gzovsky, Vladimir Urasovsky, Victor Pogossky – students of the law faculty	Accused of not following the rules on student meetings The court decided to reprimand them.
65	14.05.1910 Alexander Vasilevich – student of the medical faculty	Accused of public shamelessness. The Court decided to Express moral censure to the student.
66	27.11.1910 Alexander Kvitashvili – student of the historical and philological faculty	He was accused of violent actions against a student Nikolay Cheyshvili. The Court ordered a reprimand.
67	16.12.1910 Vyacheslav Guchkov, Raphail Metallov – students of the law faculty	They were accused of violating public peace and quiet. The court decided to acquit Metallov and Guchkov make a comment.
68	16.12.1910 Khristophor Amilakhvari – student of physics and mathematics faculty	Accused of violent acts. The Court decided to transfer the accused to a free school until the next semester.
69	16.12.1910 Albert Bergman – student of the	Accused of disturbing the order in the University building.

№	Date of case review / Full names of students	Arraignment / Decision
	law faculty	The Court decided to make a comment.
70	10.02.1912 Mikhail Sizov – student of the medical Department	Accused of disturbing the order in the University building. Due to sincere remorse, the Court decided to make a remark to the student.
71	10.02.1912 Vasily Nalimov – student of the physics and mathematics faculty	He was accused of a collision with professor P.I. Karuzin during an exam. In connection with the student's failure to recognize the illegality of their actions, the Court decided to reprimand him.
72	20.02.1912 Pyotr Kulabukhov – student of the physics and mathematics faculty.	He was accused of violating the established rules for obtaining a certificate for a preferential pass. Transfer to free-listeners until the next semester and pass a moral censure.
73	10.03.1912 Sigismund Bugaysky – student of the law faculty	Accused of violating the queue order at the entrance to the office. Taking into account the extreme agitation of the student and his sincere remorse, the Court found it possible to reprimand him and point out to him the need to be more restrained in the future.
74	10.03.1912 Mikhail Tukhareli – student of the physics and mathematics faculty	He was accused of violating the rules for the use of University property. The Court ordered a reprimand.
75	08.11.1912 Fayvel Meerovich, Vyacheslav Solovyov – students of the medical faculty	They were accused of fighting with each other on the University grounds The court expressed regret that the students had developed such a hostile relationship, which led to a collision. In view of the greater culpability of Solovyov, manifested in an insult by action, the Court decided to reprimand. Meerovich – remark.
76	02.04.1913 Peter Yurkevich – student of the medical faculty	Accused of violating the University's internal rules. The court ordered a reprimand.
77	02.04.1913 Nikolay Preobrazhensky – student of the historical and philological faculty	He was accused on the complaint of a student Vitaly Vasiliev of writing a defamatory letter to the editor of the journal "Student Affairs". After examining the evidence presented, the Court found no grounds for finding Vasiliev guilty.
78	22.11.1913 Armenak Dovlatov – student of	He was accused of reprehensible behavior lifestyle and inappropriate actions in relation to two ladies-Maria Olshanskaya and Lydia Doodler.

№	Date of case review / Full names of students	Arraignment / Decision
	the law faculty	Having considered the circumstances of this case and recognizing that Dovlatov led a lifestyle contrary to the rules of honor, constantly carousing in restaurants with women, and for this purpose many times borrowed money from various persons, including two obviously poor girls, whose fiance he was considered and whom these loans put in a deliberately difficult financial situation, the Court decided to apply to him removal from the University indefinitely with the prohibition of admission to another higher educational institution before the beginning of the next academic year.
79	22.11.1913 Leonid Ostrovsky – student of the medical Department	He was accused of incorrect attitude to the patient. The court issued a reprimand, taking into account the financial situation and remorse of the accused.
80	13.09.1914 Georgiy Gomelauri – student of the medical Department	He was accused on the complaint of a student Grigor Kristosturyants of insulting him by acting outside the University premises. The court decided to reprimand Gomelauri, even though it found the case unsubstantiated.

Appendix № 14. Statistics of the Court decisions of the Moscow University⁷¹²

№	Academic year	Number of cases	Number of accused	Penalties
1	1902/1903	15	27	Released – 6, Transferred to the rector – 2, Moral censure – 1, Remark – 9, Reprimand – 5, Transfer to free listeners – 1
2	1903/1904	16	62	Case dismissed – 36, Acquitted – 6, Moral censure – 1, Remark – 11, Reprimand – 3, Transfer to free listeners – 5
3	1904/1905	8	16	The case was dismissed – 5, note a – 4, a Reprimand – 1, Dismissal – 3, the Deletion – 1
4	1905/1906	0	0	–
5	1906/1907	0	0	–
6	1907/1908	13	18	Acquitted – 3, Case dismissed – 1, Remark – 4, Reprimand – 5, Transfer to free listeners – 3, Dismissal – 2

⁷¹² Book of decisions of the Disciplinary court of the Imperial Moscow University // CHA of Moscow. F. 418. R. 500. D. 116. P. 1-95.

7	1908/1909	5	5	Case dismissed – 3, Passed to the rector – 1, Remark – 1
8	1909/1910	9	13	Case dismissed – 2, Moral censure – 1, Remark – 3, Reprimand – 7
9	1910/1911	4	5	The case was dismissed – 1, Observation – 2, Reprimand – 1, Transfer to an auditor – 1
10	1911/1912	5	5	Remark – 2, Reprimand – 2, Transfer to free listeners – 1
11	1912/1913	3	4	Justified – 1, Remark – 1, Reprimand – 2
12	1913/1914	2	2	Reprimand – 1, Deletion – 1
13	1914/1915	1	1	Reprimand – 1
	Total	81	158	The case was dismissed – 54, Acquitted – 16, Transferred to the rector – 4, Moral censure – 3, Remark – 37, Reprimand – 26, Transfer to free listeners – 11, Dismissal – 5, Removal – 2

Appendix № 15. Members of the professorial disciplinary court of Moscow University⁷¹³

№	Academic year	The judges	The candidates for judges
1	1903/1904	D.N. Zernov ⁷¹⁴ N.A. Umov L.A. Komarovskiy D.N. Anuchin P.I. Novgorodtsev	A.P. Pavlov M.M. Pokrovskiy I.T. Tarasov B.K. Mlodzeevskii I.K. Spizharny
2	1904/1905	D.N. Zernov N.A. Umov I.T. Tarasov N.S. Suvorov B.K. Mlodzeevskii	L.A. Komarovskiy L.M. Lopatin A.P. Pavlov N.D. Zelinskii P.I. Novgorodtsev
3	1907/1908	L.A. Komarovskiy V.K. Tseraskiy V.K. Roth P.A. Minakov D.F. Egorov	A.N. Filippov V.D. Shervinskii M.M. Pokrovskiy V.K. Porzhezinskii N.S. Suvorov
4	1908/1909	L.A. Komarovskiy M.M. Pokrovskiy V.K. Tseraskiy A.N. Filippov P.A. Minakov	D.F. Egorov V.K. Porzhezinskii V.D. Shervinskii N.S. Suvorov I.A. Kablukov
5	1909/1910	A.N. Filippov M.M. Pokrovskiy V.K. Tseraskiy D.F. Egorov I.A. Kablukov	V.S. Gulevich V.D. Shervinskii V.K. Porzhezinskii S.V. Poznyshchikov V.K. Malmberg

⁷¹³ Journals of meetings of the Council of the Moscow University // CHA of Moscow. F. 418. R. 249. D. 1. P. 1-177.

⁷¹⁴ The Chairmen of each group are shown in bold.

6	1910/1911	M.M. Pokrovsky I.A. Kablukov A.I. Elistratov S.V. Poznyshev V.D. Shervinsky	V.K. Porzhezinsky V.K. Malmberg A.A. Eichenwald S.I. Chirvinsky M.I. Golenkin
7	1912/1913	S.V. Poznyshev S.I. Chirvinsky V.K. Malmberg M.I. Golenkin A.N. Filippov	A.N. Filippov G.A. Kozhevnikov V.K. Porzhezinsky A.P. Gubarev P.P. Genzel
8	1913/1914	S.V. Poznyshev S.I. Chirvinsky V.K. Malmberg M.I. Golenkin A.N. Filippov	S.I. Sobolevsky P.P. Genzel G.A. Kozhevnikov A.P. Gubarev V.K. Porzhezinsky
9	1914/1915	S.V. Poznyshev A.N. Filippov S.I. Chirvinsky M.I. Golenkin V.K. Malmberg	S.I. Sobolevsky V.K. Porzhezinsky A.I. Elistratov G.A. Kozhevnikov A.P. Gubarev
10	1915/1916	A.N. Filippov S.I. Chirvinsky M.I. Golenkin A.I. Elistratov S.I. Sobolevsky	V.K. Malmberg G.A. Kozhevnikov A.L. Boikov V.K. Porzhezinsky G.S. Feldstein
11	1916/1917	A.N. Filippov M.I. Golenkin A.I. Elistratov S.I. Chirvinsky S.I. Sobolevsky	A.L. Baykov G.A. Kozhevnikov V.K. Porzhezinsky G.S. Feldstein S.A. Kotlyarovsky

Appendix № 16. Court decisions on the application of disciplinary penalties to students of higher education institutions of the Russian Federation

№	The court	Claims of the person who applied to the court	Position of the court on the stated claims
1.	Altai regional court (Altai territory) Appeal ruling of the Altai regional court of June 2, 2015 in case No. 33-5044/2015	The Prosecutor appealed to the court in the interests of S.N.V. with a claim to declare illegal the order of the Federal state budget educational institution of higher professional education "Altai state pedagogical University" in terms of the expulsion of S.N.V. from the educational	The plaintiff was expelled from the number of students illegally. The defendant violated the order of delivery of her academic difference and academic debt, the educational institution is obligated to provide S.N.V. with the opportunity to eliminate academic debt by determining the order of delivery of academic debt. The arguments of the complaint about disagreement with the court's findings, the trial

№	The court	Claims of the person who applied to the court	Position of the court on the stated claims
		institution; about the restoration of S.N.V. among the students.	chamber not accept, because they are based on a mistaken interpretation of substantive law, aimed at re-evaluation right set of circumstances in the case. The complaint does not contain any arguments leading to the cancellation of the court decision, and therefore there are no grounds for its satisfaction.
2.	Altai regional court (Altai territory) Appeal ruling of the Altai regional court from July 1, 2015 № 33-5923-2015	P. appealed to the court with a claim to the Federal state state educational institution of higher professional education "Barnaul law Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation" for recognition of the order illegal, restoration in the number of listeners.	The appeal of the Respondent to leave without satisfaction in justification that as a result of the analysis of the contents of the order from DD. MM.YY *** the court reasonably concluded that the expulsion of the claimant was applied as an independent basis for early termination of educational relations, and not as a measure of disciplinary punishment.
3.	Decision of the Leninsky district court of Saint Petersburg no. 2-790 / 2010 of 22.06.2010	The student is expelled for violation of fire safety rules, as well as for violating the rules of living in a hostel.	The requirement is satisfied, because there is no part of the offense.
4.	Supreme court of the Republic of Tatarstan (Republic of Tatarstan) Appeal ruling of the Supreme court of the Republic of Tatarstan dated June 25, 2015 No. 33-9331/2015	M.Yu. appealed to the court with a claim to the Naberezhnye Chelny Institute (branch) Kazan (Volga region) Federal University on the cancellation of the order of the Director of the Institute No. 10/642 of December 12, 2014 on her expulsion from the Institute and reinstatement in the educational institution.	The decision of the Naberezhnye Chelny city court of the Republic of Tatarstan of March 17, 2015 in this case to leave unchanged, the appeal of the Director of the Naberezhnye Chelny Institute (branch) "Kazan (Volga region) Federal University" - dismissed on the basis that under paragraph 8.17 of the Rules and regulations of the disciplinary penalty of expulsion from the University (it is a separate academic departments) shall be imposed exclusively by the rector of the University on presentation of the Deputy heads of relevant departments, but in relation to M. Yu., in violation of the above demands, there has been expulsion from the University not as a result of the order of the rector on

№	The court	Claims of the person who applied to the court	Position of the court on the stated claims
			representation of the head of the branch, a based on the order of the Director of the Naberezhnye Chelny Institute (branch) Kazan (Volga region) Federal University.
5.	Volgograd regional court (Volgograd region) Appeal ruling of the Volgograd regional court of February 26, 2014 No. 33-2213 / 14	Citizen M.A G appealed to the court against the decision of the Central district court of Volgograd on December 5, 2013, which refused to satisfy the claims of M.A.G to the Federal state budgetary educational institution of higher professional education "RANEPА" on the recognition of the order of expulsion illegal, restoration in an educational institution.	The decision of the Central district court of Volgograd from December 5, 2013 to leave unchanged, the appeal of M.A.G. - without satisfaction, justifying it by the fact that the reference of M.A.G to the violation of the requirements of the current legislation and its rights is not justified, and the arguments that against M.A.G. the management of the educational institution allowed discriminatory actions are unsubstantiated
6.	Voronezh regional court (Voronezh region) Appeal ruling of the Voronezh regional court of October 9, 2014 No. 33-5431	Citizen R.E.A. appealed to the court with a claim to the state budget educational institution of higher professional education "Voronezh state medical Academy named after N. N. Burdenko" of the Ministry of health of the Russian Federation to recognize illegal and cancel the order of the rector No. 244-C of March 19, 2014, assigning the duty to restore the contingent of students.	The court decided that the defendant's arguments did not contain sufficient indisputable evidence to support the above circumstances, so his actions could not be recognized as lawful. The court granted the claim of P.E.A. Recognized the order of the rector 244-C illegal. The court ordered the state budgetary educational institution of higher professional education "Voronezh state medical Academy named after N.N. Burdenko" to restore R.E.A. to the contingent of students of the Academy.
7.	Irkutsk regional court (Irkutsk region) Appeal ruling of the Irkutsk regional court of February 11, 2016 in case No. 33-1502 / 2016	The citizen S.G.V. appealed to the court with a claim to the Federal state budgetary educational institution of higher professional education "Moscow state linguistic University" for recognition of the order	The court of first instance rightly pointed out, subject to the provisions of section 27 of part 1 of article 34 of the Federal law "On education in Russian Federation" providing for the further training, the recovery of funds, compensation of moral harm, to students the right to combine education with work

№	The court	Claims of the person who applied to the court	Position of the court on the stated claims
		<p>on deduction invalid, suspension of actions of the appealed orders and orders, restoration for further training, recovery of money, compensation for moral harm.</p>	<p>without compromising the development of educational programs, implementation of individual educational plan, a legislated priority of the educational process before work. In this regard, the plaintiff's employment at work cannot be recognized as a valid reason for the presence of academic debt. The plaintiff's arguments that the branch Director does not have the right to terminate contracts on behalf of the organization cannot serve as a basis for canceling the court decision. The Respondent submits a copy of the power of attorney confirming the existence of the relevant authorities during the disputed period to the objections to the complaint. The court determined: the decision of the Kirovsky district court of Irkutsk from October 8, 2015 on the present case to leave unchanged, the appeal of S. G. V. - without satisfaction.</p>
8.	<p>Kostroma regional court (Kostroma region)</p> <p>Appeal ruling of the Kostroma regional court of July 9, 2014 No. 33-1078</p>	<p>The order of the Kostroma state technological University was appealed against in the part of A.E. expulsion. He was restored among the 4th year students of the law Institute of the Kostroma state technological University.</p>	<p>The court came to a legitimate and reasonable conclusion that A. E. is subject to restoration among the students of the 4th year of the law Institute of the Kostroma state technological University. The argument of the appeal that the court made procedural violations during the consideration of the case. A state fee in the amount of <data withdrawn>was collected from the Kostroma state technological University in the budget of the city district of Kostroma. violations may not result in the cancellation of a lawful and reasonable decision on the following grounds. Based on the above, the court's decision is lawful and justified and is not subject to cancellation based on the arguments of the appeal.</p>
9.	<p>The Moscow city court (city of Federal</p>	<p>The plaintiff K. filed a lawsuit against the</p>	<p>The judicial Board determined that the decision of the Gagarinskiy</p>

№	The court	Claims of the person who applied to the court	Position of the court on the stated claims
	<p>significance Moscow)</p> <p>Moscow city court of appeal ruling No. 33-4539/2015 of February 12, 2015</p>	<p>defendant State budgetary educational institution of higher professional education "Russian national research medical University named after N.I. Pirogov" of the Ministry of health of the Russian Federation and asks the court to cancel order No. 743-ST of 30.06.2014 on the expulsion from the third year of full-time medical faculty, restore it to the number of third-year students of the medical faculty.</p>	<p>district court of Moscow from 13 Nov. 2014 to leave without change, the appeal complaint of the plaintiff K. - dismissed the justification that conducted the trial chamber to verify the legality of the decision of the court arguments of the complaint shows that the court in the proceedings is properly installed legally significant circumstances, the evidence given a proper assessment, the law is applied correctly and that all the evidence in the case assessed by the court in accordance with the rules of articles 55, 67 CPC of the Russian Federation. The judicial board does not see any reason for their different assessment. The author of the complaint to the court of appeal has not provided evidence refuting the court's conclusions.</p>
10.	<p>The Moscow city court (city of Federal significance Moscow)</p> <p>Appeal ruling of the Moscow city court of July 24, 2015 No. 33-22693/2015</p>	<p>The order of September 29, 2014 no. * * * * * of the Vice-rector for academic and methodological work OF the Moscow Institute of physics and technology (state University) on the expulsion of a 2nd-year undergraduate student of the 342 group of full-time studies of the faculty of molecular and chemical physics V. N. was appealed.</p>	<p>Guided by article. 328, 330 of the Civil code of the Russian Federation, the judicial Board determined: the Decision of the Zyuzinsky district court of Moscow from April 07, 2015-to cancel. To make a new decision in the case: to satisfy the claims of * * * * * V. N. to the Moscow Institute of physics and technology (state University) on the cancellation of the order " * * * * * of September 29, 2014 on the expulsion and restoration to the number of students-to refuse.</p>
11.	<p>The Moscow city court (city of Federal significance Moscow)</p> <p>Moscow city court of appeal ruling No. 33-3458/2015 of February 4, 2015</p>	<p>The representative of the Respondent- "Russian national research medical University named after N. I. Pirogov" E.D. Volkova filed an appeal against the decision of the Gagarinsky district court of Moscow on October 20, 2014, which ruled that the expulsion</p>	<p>The judicial panel determined: the decision of the Gagarinsky district court of Moscow from October 20, 2014 to leave unchanged , and the appeal of the representative of the defendant Volkova E. D - without satisfaction, expressing its consent to the decision of the court of first instance, according to which the order to expel V.A. Trusov was issued in violation of the provisions</p>

№	The court	Claims of the person who applied to the court	Position of the court on the stated claims
		of a 1st-year medical student is illegal and the Educational institution is obliged to restore the student and eliminate academic debt. In addition, the court ordered the Educational institution to pay compensation for non-pecuniary damage to the infringed student.	of current legislation and paragraph 2.17 of the Regulations on the organization of knowledge control of University students, since at the beginning of the interim session Trusov had only one "failure", the opportunity to eliminate academic debt for the discipline "anatomy" Trusov was not provided , in connection with which the court granted the plaintiff's claims.
12.	The Moscow city court (city of Federal significance Moscow) Moscow city court of appeal ruling No. 33-3457/2015 of February 4, 2015	A representative of the defendant Pirogov was lodged appeals against the decision of the Gagarinskiy district court of Moscow from October 20, 2014, which established that the dismissal of the first-year student of the medical faculty is illegal	The decision of the Gagarinsky district court of Moscow of October 20, 2014-to leave unchanged, the appeal - without satisfaction. The court of first instance, having considered the actual component of the case, concluded that the student was expelled illegally, guided by part 1-6 of article 58 of Federal law No. 273-FZ of 29.12.2012 "On education in the Russian Federation", since at the time of the beginning of the interim certification, the student had two failures, and opportunities for debt liquidation were not provided.
13.	The Moscow city court (city of Federal significance Moscow) Moscow city court of appeal ruling No. 33-37960 of December 22, 2014	About the appeal of the order of 07.11.2013 No. 1146st about the expulsion of P. G. as a student of the state educational institution of higher education "Russian national research medical University named after N.I. Pirogov".	The judicial panel determined that the decision of the Gagarinsky district court of Moscow dated June 18, 2014 should be canceled. Make a new decision on the case. To oblige Russian national scientific medical University n. a. N. And. Pirogov" within two days after entry of the decision into force to repeal the order .
14.	The Moscow city court (city of Federal significance Moscow) Appeal ruling of the Moscow city court of November 20, 2014 No. 33-43376	Plekhanov Russian University of Economics filed an appeal against the decision of the Zamoskvoretsky district court of Moscow on June 10, 2014 in which The court ordered the school to reinstate the	The judicial Board of the Moscow city court for civil cases determined: The decision of the Zamoskvoretsky district court of Moscow from June 10, 2014, to cancel. Make a new decision in the case, which in satisfaction of the claim Zharkov Vitaly Igorevich to the "Plekhanov Russian University of

№	The court	Claims of the person who applied to the court	Position of the court on the stated claims
		student and declared the expulsion order illegal.	Economics" on the recognition of orders for expulsion illegal, restoration as a student, compensation for moral harm, refuse. The grounds for the new decision are: 43 Federal law on education in the Russian Federation, which States that a student must study the curriculum in good faith; also, the educational organization has the right to issue its own local regulations. Analyzing the fact that Zharkov was mistakenly granted a sabbatical, and he did not study the educational program without good reasons, we can conclude that the order of expulsion fully complies with the law.
15.	Decision of the Pskov city court of the Pskov region No. 2-2591/2019 of 9.07.2019	The student is expelled for the presence of academic debt.	The request was denied.
16.	Omsk regional court (Omsk region) Appeal ruling of the Omsk regional court of December 17, 2014 No. 33-8206 / 2014	Sh. L. sued the Omsk state medical Academy of the Ministry of health of the Russian Federation for reinstatement in an educational institution.	The court determined: the decision of the Central district court of the city of Omsk from October 14, 2014 to leave unchanged, the appeal of the plaintiff sh. L. and his representative sh. a. - without satisfaction, due to the facts that the plaintiff was expelled from the educational institution three times, because he was systematically absent from classes, did not show interest in training, violated the schedule of interim certification. Based on the local regulations of the medical Academy, three times expelled cannot be restored under the educational program.
17.	Rostov regional court (Rostov region) Appeal ruling of the Rostov regional court of December 2, 2014 in case no. 33-16089 / 2014	K. M. appealed to the court against the "Rostov state medical University" about recognition illegal and cancellation of the order for expulsion from the University, the obligation to restore the	The court determined that the decision of the Kirov district court of Rostov-on-don on August 28, 2014 - to leave without change, and appeal K. M. - dismissed as in accordance with article 30 of Federal law No. 273-FZ "On education in the Russian

№	The court	Claims of the person who applied to the court	Position of the court on the stated claims
		number of students.	Federation" educational organization adopts local normative acts containing norms, regulating educational relations within its competence, in accordance with the legislation of the Russian Federation in the procedure established by its Charter. Just the same, the medical University in its local regulatory act established the following: clause 3.1. of the Regulations, the student must conscientiously master the educational program. These duties must be performed by all students studying at the University, regardless of whether they have a disability. However, K. M. had academic debts, which is unacceptable in this educational institution and contradicts the local regulatory act.
18.	<p>Saint Petersburg city court (Federal city of Saint Petersburg)</p> <p>Appeal ruling of the Saint Petersburg city court of February 2, 2015 No. 33-382/2015</p>	<p>K. appealed to the court to declare illegal the rector's inaction, which was expressed in the failure to provide the applicant with an order for expulsion and in the failure to recognize and provide copies of documents that served as the basis for the expulsion from the University, in addition, K. wanted to oblige the rector of the University to post an official apology in the media.</p>	<p>The judicial Board for administrative cases of the Saint Petersburg city court determined the decision of the Petrogradsky district court of Saint Petersburg of October 28, 2014 on the present case to leave unchanged, the appeal - without satisfaction. contrary to the applicant's arguments, the rector <...> B. responded to his request on 13.03.2014 on 01.04.2014, containing the full information requested by K.</p> <p>The applicant's argument that the response to his appeal was unreasonably sent to the address of the hostel where he, as a expelled student, did not have the right to live, is not taken into account by the judicial Board, since this address was specified by the applicant in his appeal.</p> <p>The judicial Board, agreeing with the court of first instance, does not see legal grounds for satisfying the requirements of K., to recognize illegal inaction of the University</p>

№	The court	Claims of the person who applied to the court	Position of the court on the stated claims
			rector, expressed in the failure to recognize and provide copies of documents that served as the basis for the expulsion of the applicant.
19.	Appeal ruling of the Kaliningrad regional court no. 33-663/2018 dated 25.01.2018	The student was expelled for violating the rules of internal labor and educational regulations, expressed in disrespect for the law and the court in public space.	The request was denied.
20.	Khabarovsk regional court (Khabarovsk territory) Appeal ruling of the Khabarovsk regional court of September 4, 2015 No. 33-5718/2015	F. appealed to the court for the cancellation of order no. from 23.10.2014 on expulsion from the educational institution for academic failure and reinstatement as a student of the educational institution.	The judicial Board for civil cases of the Khabarovsk regional court determined the decision of the Railway district court of Khabarovsk from 08.06.2015 in the case of the claim of F. About expulsion from an educational institution for academic failure and restoration as a student of an educational institution, leave without change, the appeal of the representative of the plaintiff, without satisfaction. Contributions recognized as lawful, since plaintiff has not presented evidence of a good reason, objectively prevented performance of the statutory agencies and statutory duties in good faith to develop an educational programme to implement a training plan to prepare for classes, complete assignments.
21.	Decision of the Kirovsky district court of Saint Petersburg no. 2-3676/2018 of 17.10.2018	The student was expelled for violating the internal regulations (including for beating).	The request was denied.
22.	Appeal ruling of the Saint Petersburg city court no. 33-23512 / 2016 dated 08.11.2016 in case no. 2-2694 / 2016.	A student who was expelled from the University for academic failure claims that the educational institution was wrongfully not given the opportunity to pass a second intermediate certification in order to	The request was denied.

№	The court	Claims of the person who applied to the court	Position of the court on the stated claims
		eliminate academic debt. Requirement: About recognition as illegal of the order on deduction, recovery of losses, compensation for moral harm.	
23.	Appeal ruling of the Saint Petersburg city court no. 33-3639/2016 of 03.03.2016 in case no. 2-6540 / 2015	Circumstances: the student was expelled for academic failure. Requirement: About recognition as illegal of the order on expulsion, restoration in number of students, the obligation to allow to educational process, the obligation to issue the order on expulsion in connection with transfer to other higher educational institution, collecting compensation for moral damage.	The request was denied because the student's certificate of transfer to another educational institution did not meet the established requirements, and the student was expelled for academic failure.
24.	Appeal ruling of the Saint Petersburg city court no. 33-17105/2016 of 29.08.2016 in case no. 2-92 / 2016	Circumstances: The parties concluded a student contract for retraining for a new type of aircraft. The plaintiff indicates that he fulfilled all the requirements, and had no disciplinary penalties. Requirement: About recognition of the order on expulsion illegal and restoration in educational institution.	The request was denied.
25.	Appeal ruling of the Saint Petersburg city court no. 33-26360/2016 dated 20.12.2016	Circumstances: The plaintiff considers it unlawful to be expelled from an educational institution of higher professional education for academic failure, since during the school year he was not given the opportunity to pass a	The request was denied.

№	The court	Claims of the person who applied to the court	Position of the court on the stated claims
		second intermediate certification in order to eliminate academic debt. Requirement: On the recognition of illegal expulsion orders, the obligation to restore the list of students.	
26.	Appeal ruling of the Vologda regional court No. 33-1081/2014 from 05.03.2014	The student was expelled from the University for receiving an unsatisfactory grade at the state final certification, which is confirmed by the order of the rector Requirement: to extend the contract for training, cancel the order of expulsion.	The claim for the extension of the contract for training, the cancellation of the order for expulsion was denied lawfully, since the plaintiff's disagreement with the review of the final qualifying work is not the basis for satisfying the stated requirements.
27.	Appeal ruling of the Vologda regional court No. 33-6371/2016 from 18.11.2016	Circumstances: by the Disputed order, the plaintiff was expelled from the number of students for violating the rules of behavior and residence of students in the dormitory and using obscenities in the presence of employees of the defendant. Requirement: About recognition illegal and cancellation of the order on deduction, restoration on training.	The request was denied.
28.	Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Komi No. 33-6919/2018 dated 06.12.2018	The student is subject to a disciplinary penalty in the form of deductions for late payment of the cost of educational services.	The request was denied.
29.	Ruling of the Saint Petersburg city court no. 33-12421 / 2014 dated 21.08.2014	The student was expelled for violating the internal regulations.	The request was denied.
30.	Decision of the Kirishsky city court	The student is subject to a disciplinary penalty in	The request was denied.

№	The court	Claims of the person who applied to the court	Position of the court on the stated claims
	of the Leningrad region No. 2-1109/2016 of 27.12.2016	the form of deductions for late payment of the cost of educational services.	